

Книгоиздательство „ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ“
ОТДѢЛЪ ЮРИДИЧЕСКІЙ

Е. Дюрингъ

СОЦІАЛЬНОЕ СПАСЕНІЕ —
въ дѣйствительномъ правѣ

Переводъ съ нѣмецкаго Дм. Ройтмана

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

Оглавление

Отъ издательства „Цѣнность жизни“	Стр. IX
Предисловіе автора	XXII

I.

Классовое убійство.

1. Классовая борьба, какъ ходячее выраженіе, и классовое убійство, какъ получающійся изъ нея смыслъ. 2. Классовая борьба—разновидность борьбы за существованіе или, лучше сказать, убійства за существованіе. 3. Бессиліе и лицемѣріе стремленія стереть общія классовыя различія. 4. Невинный характеръ естественнаго отношенія вещей въ сравненіи съ намѣренно подсунутой на мѣсто него борьбой за существованіе. 5. Естественныя и справедливыя классовыя противоположности, отравленныя искусственной классовой борьбой и натравливаніемъ классовъ другъ на друга 1

II.

Гнилость массы.

1. Масса въ тѣсномъ смыслѣ слова и масса въ смыслѣ смѣшенія классовъ. 2. Средніе слои населенія въ отличіе отъ т. наз. среднихъ сословій. Напоминаніе о распролетаризации общества и освобожденіи его отъ раздувагося класса богачей. 3. Роль массы въ исторіи. 4. Разложеніе религіи и его гниlostное вліяніе на массу. 5. Культивированіе политическаго суевѣрія, какъ панданъ къ разложенію религіи. Политическое гненіе въ самыхъ широкихъ слояхъ. 6. Обслуживаніе массы развращающей социальной и беллетристической литературой. Дурное состояніе самой массы благоприятствуетъ вліянію этой литературы. Роль юнкера и еврея, попа и жреца науки. 7. Вредъ, наносимый массой собственному здоровью, и политическая сторона трактирной жизни. 12

III.

Господство канальи.

1. Состоянія, окрашенныя господствомъ канальи, — ни рѣдкія исключенія, ни правило. 2. Смыслъ „кратія“. 3. Исторія и традиція. Греки—первыя поддѣльватели политики и литературы. 4. Катилинова эпоха и соотвѣтственный ей цезаризмъ. 5. На порогѣ новѣйшихъ состояній. Холопская испорченность. 6. Современный французскій образецъ полнаго господства канальи. 7. Возрастаніе политической испорчен-

ности вслѣдствіе привнесенія частнаго дѣловаго мошенничества. *Socialle* и *radicaille*.
 8. Напоминаніе объ англійскомъ парламентаризмѣ лицемѣрія, хищничества и мошенничества. 9. Бисмарковщина и *canaille* 25

IV.

Режимъ преступниковъ.

1. Смыслъ и широта всеобщаго культа преступленія. 2. Политическія и соціальныя условія, благопріятствующія обыденному преступленію частныхъ лицъ. 3. Отличная отъ частнаго преступленія, но не въ главномъ, форма болѣе широкихъ общественныхъ преступленій. 4. Соціально-теоретическая ложь взваливанія на общество преступленій отдѣльныхъ лицъ. 5. Отсутствие равновѣсія во взаимоотношеніяхъ общества и личности. 6. Развращающія теоріи уголовного права. Безсмыслица и позорная практика закона Беранже. 7. Типичныя черты въ жизни Франціи. Преступникъ—министръ юстиціи! 38

V.

Еврейскій режимъ.

1. Итоги. Усиленіе евреями всякаго зла. 2. До сихъ поръ имѣвшая мѣсто альтернатива между успѣхами евреевъ и юнкерской реакціей должна быть устранена чѣмъ то третьимъ. 3. Два помогающіе другъ другу обмана. 4. Кажущаяся на первый взглядъ безвыходность. Утѣшеніе въ логикѣ вещей. 5. Перспективы. Уничтоженіе еврейской узурпаціи. Русское начинаніе. 6. Распространеніе оевреенія, начиная съ государства, вплоть до національной литературы. 7. Пустая игра въ свободомысліе въ интересахъ евреевъ. Догмамъ слѣдуетъ противопоставить не пустыя общія мѣста, но аксіомы. 8. Еврейское кропаніе и шарлатанство въ социализмѣ. Отсутствие всякихъ правовыхъ идей 52

VI.

Хищничество и политика.

1. Грубость—недостаточное объясненіе дурныхъ формъ политики. 2. Искорененіе хищничества—вовсе не утопія въ некритическомъ смыслѣ этого слова. 3. Политика, въ сущности, есть нѣчто, противное доброму настроенію. 4. Дурныя черты даже у лучшихъ теоретиковъ политики и въ наиболѣе прямодушныхъ, но благопріятныхъ политикѣ ученіяхъ. 5. Соучастіе въ дурномъ наиболѣе выдающихся историковъ вслѣдствіе ихъ равнодушія къ злу. Политика, какъ литературный ядъ. 6. Строеніе политическаго чудовища. 7. Хозяйственная политика, поддѣлывающая ученіе о народномъ хозяйствѣ. 8. Дурная финансовая политика и ея слѣдствія. Хищничество и податная инквизиція. 9. Выборы и политика партій. Дикость въ революціонныхъ выступленіяхъ, подобная дикости *ancien régime'a*. Та и другая должны быть устранены. 71

VII.

Холопство и юстиція.

1. Юрисдикція издавна является политическимъ установленіемъ. 2. Половинчатость или незначительность мѣръ противъ зависимости суда. Вредъ спеціализаціи функцій.

3. Новѣйшія попытки контроля отчасти недостаточны, отчасти противорѣчивы.
 4. Принудительное и исключительное право адвокатуры. Холопскія роли по отношенію къ юстици и въ ней самой. 5. Византійская библія фрагментовъ права и ея позднѣйшее исгользование. 6. Романистскій пуризмъ и соотвѣтственная формальная юриспруденція. 7. Заслуги и въ то же время неосновательность недостаточно оцѣненного основателя исторической школы права. 8. Историческое формальное полуправо, какъ внѣшняя норма для историческаго анализа права. 9. Философстрія, какъ противоположность исторической школѣ. 10. Вліянія религии. 11. Заблужденіе въ литературѣ о такъ наз. пріобрѣтенныхъ правахъ. Соприкосновеніе юридической области съ социальной. 12. Незначительные плоды семивѣкового изученія римскаго права со времени начала его въ Болоньѣ. Перспектива болѣе глубокаго метода и социальнаго полезнаго приложенія

VIII.

Лицемѣріе и международное право.

1. Грубая дѣйствительность и лицемѣрная гуманность. 2. Границы странъ и разбоекъ пріобрѣтенная частная собственность. 3. Прогрессъ большею частью—уточненность. 4. Разъясненіе того обстоятельства, почему военноплѣнные уже не продаются въ рабство. Новое отношеніе къ рабству также произошло не отъ гуманности или отъ правового сознанія. 5. Битва при Сольферино, какъ поводъ къ сантиментальному описанію страданій оставленныхъ безъ помощи раненыхъ. 6. *Soi-disant* филантропическій исходный пунктъ женеvской конвенціи. Двусмысленность и лживость филантропии вообще и въ частности у женеvцевъ. 7. Война и дуэль. Добровольная, ремесленная и иная филантропія. 8. Внутренняя несомвѣстимость войны съ дѣйствительною гуманностью. Жалкая амальгама войны съ двусмысленною кажущейся филантропіей.

IX.

Дѣйствительное право.

1. Противоположность дѣйствительнаго права не только традиціонному полуправу, но и т. наз. естественному праву. 2. Многочисленность принциповъ. Методическая вспомогательная схема. 3. Истинная собственность, логически выводимая изъ права. Тѣсно связанный съ нею вопросъ о мѣрѣ владѣнія. 4. Ложная собственность въ ея историческомъ накопленіи. Косвенно-хозяйственное рѣшеніе задачи нужно предпочесть насильственному законодательному ея рѣшенію. 5. Преимущественно пролетарское состояніе общества не даетъ здѣсь выхода. Напоминаніе о нашемъ принципѣ распролетаризаціи. 6. Уничтоженіе ненормальнаго накопленія богатствъ, какъ необходимый панданъ. Общество на основѣ всеобщей правомѣрности. 7. Область совѣсти въ отличіе отъ области воздѣйствія исполнительной принудительной власти. Воздержаніе отъ несправедливости, какъ нѣчто отрицательное, но имѣющее позитивно-соціальное значеніе. 8. Существенно отрицательный смыслъ общихъ человѣческихъ правъ. Точка зрѣнія расоваго права. 9. Преступные расовые задатки. Единственное средство. Неправильное расширеніе смысла выраженія „человѣчскія права“. 10. Критическое разъясненіе моей криминалистической теории реагированія и мести . . .

X.

Закономѣрная социальность.

1. Противоположность другимъ эпитетамъ. 2. Смыслъ подлинной общественности. Задача вооруженнаго общества. 3. Рѣшеніе—лишь послѣ другихъ социальныхъ реформъ. 4. Два лица и добровольность въ ихъ положительныхъ правовыхъ взаимоотношенияхъ. 5. Не произвольный конвенционализмъ, но опредѣленіе дѣятельности свободной воли природными и иными факторами. Двойное неравенство, справедливое и несправедливое, особенно въ области раздѣленія труда. 6. Исправленная постановка вопроса относительно системы наемнаго труда. 7. Личныя, въ частности домашнія услуги. Промежуточныя формы съ менѣ чувствительнымъ подчиненіемъ. 8. Договоры вообще. Государственно-финансовый примѣръ неравенства условій даже въ формѣ ихъ. Общій вопросъ о вознагражденіи по принципамъ справедливости.

153

XI.

Справедливая цѣнность.

1. Непривычная въ учении о народномъ хозяйствѣ связь двухъ понятій. 2. Историческое развитіе чисто хозяйственнаго понятія о цѣнности. Такъ называемая потребительная цѣнность. 3. Рѣшающая постановка вопроса у Кэри. Обратное отношеніе собственно цѣнности къ шачсамъ ея получения. 4. Социальныя препятствія, какъ особый, нами введенный въ теорію, факторъ цѣнности. Дальнѣйшій переходъ къ социальнымъ помѣхамъ справедливости. 5. Препятствія индивидуальной, равной и свободной конкуренціи, какъ факторы несправедливости. 6. Личная власть надъ вещами и естественныя причины цѣнности. 7. Квалифицированная работа и соотвѣтствующія ей потребности работающихъ. 8. Критическое въ правовомъ смыслѣ обоснованіе практическаго опредѣленія цѣнностей на обще-исторической почвѣ. 9. Мнимое рѣшеніе проблемы въ работѣ или даже въ обыкновенной работѣ. 10. Причины ненормальной высоты земельной ренты. Концентрація населенія. Менѣ значительное нарушение конкуренціи въ собственно процентѣ съ капитала. 11. Прибыль съ капитала, какъ таковая, еще отнюдь не является непременно барышническимъ родомъ дохода. Трудъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, также можетъ стать барышническимъ. 12. Понятіе о вознагражденіи за трудъ шире понятія о заработной платѣ. Цѣнности, не зависящія отъ труда. Экономическая справедливость и цѣлесообразность, какъ послѣднія средства

167

XII.

Право половъ.

1. Двойственная задача. 2. Женщины массъ и демагогическій кабакъ для массъ. 3. Моногамія и ея противоположность. 4. Педерастическій развратъ. 5. Проституція. 6. Уменьшеніе числа, запозданіе и извращеніе браковъ. 7. Женскія профессіи. 8. Образование цѣнностей. 9. Абсурды избирательнаго права. 10. Ложная оцѣнка всеобщаго избирательнаго права

187

XIII.

Антиколлективизмъ.

1. Характеристика всякаго коллективнаго режима. 2. Два индивидуума. 3. Государственныя притязанія и принудительная школа. 4. Образование бандъ. Старые и новые цехи. 5. Отрицательная роль государства. Оборона противъ коллективныхъ деспотій. 6 Произволъ стачечной и локаутной борьбы 7. Современный коллективизмъ преступень 207

XIV.

Правовой протекторатъ и правомѣрная воля.

1. Перспектива демагогическаго парламента. 2. Необходимость въ переходѣ черезъ правовой протекторатъ 3. Идеаль и практика. 4. Вещи, подлежащія уничтоженію. Евреи. 5. Расширенный принципъ конкуренціи. 6. Союзничество съ барышническими цѣлями. 7. Значеніе социальной проблемы. Зараженіе и вивисекція челоуѣчества. 8 Политическія что и какъ. 9. Избранные представители права, все прочее—варварство. 223

Приложеніе.

I. Сочиненія того же автора. 238
II. Замѣчаніе о плагиатахъ „Новыхъ основныхъ законовъ рациональной физики и химии“ 243

Отъ издательства.

Евгенію Дюрингу исполнилось 75 лѣтъ. Наше издательство, являющееся какъ бы юбилейнымъ, открываетъ изданіе полнаго собранія его сочиненій его послѣднею книгой. Пишущій эти строки хотѣлъ бы передать русской интеллигенціи все свое глубокое уваженіе и любовь къ этому могучему мыслителю, но, къ сожалѣнію, онъ не авторитетъ. Рано или поздно Дюрингъ получитъ, конечно, всеобщее признаніе, какого вполне заслуживаетъ, но прежде ему надлежитъ еще вынести не мало клеветъ à la Энгельсъ. Въ этомъ предисловіи мы коснемся лишь нѣкоторыхъ нападокъ на дюринговъ антигебраизмъ.

Дюрингъ — жестокій антигебраистъ (слово „антисемитъ“ онъ считаетъ неточнымъ). Онъ совершенно не вѣритъ въ возможность всему еврейскому народу исправиться и считаетъ необходимымъ какъ нибудь заставить этотъ народъ прекратить свое вредное существованіе. До такого безотраднaго взгляда на еврейскій вопросъ мы еще не дошли, но мы считаемъ безусловно необходимымъ ознакомиться съ дюринговой характеристикой еврейскаго народа всѣмъ тѣмъ, кто стремится разрѣшить еврейскій вопросъ, анализируя вполне искренне свои чувства. Наше издательство не сочло себя въ правѣ издавать Дюринга съ пропусками всѣхъ мѣстъ, касающихся евреевъ. Вѣроятно такая операція обезпечила бы намъ большій успѣхъ среди русскаго свободомыслящаго общества. Но мы не гонимся за краткимъ успѣхомъ. Михайловскій въ 70-хъ годахъ горячо пропагандировалъ Дюринга, но обошелъ его антигебраизмъ. Это была роковая ошибка. Мы постараемся поставить Дюринга передъ русской публикой со всѣми его взглядами, какъ бы нѣкоторые изъ нихъ ни возмущали либерализма нашей интеллигенціи. Дюрингъ такой умъ и такой характеръ, что въ конечномъ счетѣ намъ бояться нечего, какъ бы ни были трудны первые шаги нашей пропаганды. Преодолевъ такіа затрудненія въ дѣлѣ изученія Дюринга, какія представляетъ, напри- мѣръ, его антигебраизмъ, русская интеллигенція свободно и охотно отдастся изученію тѣхъ сторонъ дюрингова міропониманія, которыя уже и теперь должны ее захватывать своею широтою и гордымъ настроеніемъ.

Итакъ Дюрингъ жестокой антигебраистъ. Онъ убѣжденъ, что евреевъ никто не любитъ. Вѣроятно въ этомъ убѣждены, вообще, всѣ. Просматривая литературу о Дюрингѣ въ журналахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, мы случайно натолкнулись на рецензію „Отечественныхъ Записокъ“ (1880, VI) на книгу Д. А. Хвольсона, „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ“. Въ этой рецензіи фактъ общей нелюбви народовъ къ евреямъ констатированъ безъ всякихъ обиняковъ. „О. З.“ были радикальнѣйшимъ органомъ и стояли, конечно, за равноправіе евреевъ, но они не побоялись признать то, что есть сама дѣйствительность. И къ чему, въ самомъ дѣлѣ, быть неискреннимъ? Равноправіе равноправіемъ, а нелюбовь нелюбовью. Позволимъ себѣ сдѣлать изъ упомянутой рецензіи довольно большое извлеченіе.

Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, утверждаютъ „О. З.“, когда Д. А. Хвольсонъ обращается къ разъясненію причинъ обвиненій противъ евреевъ, „его разсужденія принимаютъ такой характеръ, что теряютъ въ глазахъ русскаго читателя всякое значеніе. Вотъ, на примѣръ, какъ объясняетъ онъ общую нелюбовь народовъ къ евреямъ—нелюбовь, фактъ существованія которой и онъ долженъ, разумѣется, признать. „Евреи,—говоритъ г. Хвольсонъ,—издавна были болѣе или менѣе нелюбимы народами, съ которыми приходили въ соприкосновеніе. Быть нелюбимымъ—неудобно, часто крайне непріятно, но отнюдь не стыдно. Иногда общая нелюбовь доставляетъ даже почетъ. Бисмаркъ, на примѣръ, съ гордостью говорилъ, что онъ наиболѣе нелюбимый человѣкъ во всей Европѣ. Только крайнее лицемѣріе или личное ничтожество охраняетъ человѣка отъ ненависти. Каждому же умному человѣку съ самостоятельнымъ характеромъ приходится болѣе или менѣе терпѣть отъ ненавистниковъ и бороться противъ недоброжелательства. Иначе и быть не можетъ. Только утописты и мечтатели толкуютъ объ общемъ братствѣ“ (109)... Продолжая свои разъясненія причинъ нелюбви къ евреямъ, онъ, далѣе, впадаетъ уже въ чисто фактическую ошибку, благодаря все тѣмъ же „патріотическимъ очкамъ“. Именно, онъ говоритъ, что недоброжелательство къ евреямъ поддерживалось еще однимъ „особымъ обстоятельствомъ“, слѣдующимъ: „человѣка не любятъ не тогда только когда онъ хуже другихъ, но весьма часто за то, что онъ лучше другихъ. Послѣднее происходитъ не отъ зависти, такъ какъ люди рѣдко признаютъ преимущество за другими. Но его не любятъ за то, что онъ не таковъ, какъ другіе“ (109). Далѣе объясняется, что и евреевъ не любятъ только за то, что они „не таковы, какъ другіе“. Г. Хвольсонъ, правда, имѣлъ настолько такта, что не рѣшился поставить евреевъ превыше всѣхъ народовъ и объяснить нелюбовь послѣднихъ *завистью* къ ихъ высокимъ достоинствамъ, но, какъ сейчасъ увидимъ, за него этотъ шагъ сдѣлали менѣе осторожные его единоплеменники. Признаемся, мы впервые узнаемъ отъ г. Хвольсона, что рѣзко выраженная индивидуальность—личная или національная—заключаетъ

въ самой себѣ причины враждебнаго къ себѣ отношенія. Смѣемъ думать, дѣло заключается не въ индивидуальности, какъ таковой, а въ ея внутреннемъ содержаніи. Не въ томъ дѣло, что евреи „не таковы“, а въ томъ, *каковы* они. Но разъ вопросъ дошелъ до этой точки, съ еврейскими публицистами теряется всякая возможность серьезнаго разговора. Примѣръ у насъ передъ глазами. Въ только что вышедшемъ 22 номерѣ еврейской газеты „Разсвѣтъ“ помѣщена рецензія на разбираемую нами книгу г. Хвольсона. Разсматривая причины нелюбви къ евреямъ, рецензентъ категорически заявляетъ, что одна изъ причинъ заключается „отчасти въ зависти“ народовъ къ евреямъ. Въ числѣ другихъ причинъ рецензентъ указываетъ на какой-то „общій историческій законъ“, затѣмъ на „особенную роль“ евреевъ и, наконецъ, на „корыстолюбіе, желающее грабить, въ соединеніи съ лицемѣріемъ“. Разсуждать тутъ, очевидно, нельзя. Разсудокъ безсиленъ передъ страстью, доводы бесполезны тамъ, гдѣ ихъ, такъ сказать, *органически* не могутъ воспринять. Всѣ черны, одни евреи бѣлы; всѣ неправы, одни евреи правы; ихъ „грабятъ“, передъ ними „лицемѣрятъ“, ихъ ненавидятъ, потому что имъ завидуютъ, а завидуютъ имъ потому, что они лучше, сильнѣе другихъ, они между народами то же, что Бисмаркъ между обыкновенными людьми. Передъ этою неспособностью къ самокритикѣ стоитъ, конечно, остановиться, какъ передъ любопытнымъ фактомъ національной патологии, но бороться съ нею мы не видимъ средствъ“.

Такъ писали „черные“ „О. З.“ по адресу „бѣлыхъ“ евреевъ. Неспособность къ самокритикѣ, какъ фактъ національной патологии, Дюрингъ распространилъ на всю еврейскую націю, и точно также не нашелъ средствъ бороться съ этою неспособностью. Правъ ли онъ? Допустимъ, что не правъ. Но тогда, чтобы поспособствовать еврейской самокритикѣ, не лишне будетъ русской интеллигенціи поближе познакомиться съ критикой еврейскаго характера въ сочиненіяхъ Дюринга. Дюрингъ—громадный умъ, благородный и серьезный характеръ, свободный мыслитель и безусловно искреннѣйшій человѣкъ. Съ чьей же критикой, какъ не такого человѣка, слѣдуетъ считаться?

Давнымъ давно, въ 1881 году, г. Русановъ писалъ въ мартовской книжкѣ „Дѣла“, въ статьѣ „Экономика и политика“: „Въ своей новой брошюрѣ о „Еврейскомъ вопросѣ“, наполненной не доказательствами, а бранью противъ „жидовъ“ Берне и Гейне, Спинозы и Лессинга, Маркса и Лассалья, Рикардо и Д'Израэли, содержателей ссудныхъ кассъ и профессоровъ и т. д., Дюрингъ снова высоко возноситъ индивидуальность и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ въ руки читателю нить къ рѣшенію, какимъ образомъ талантливый писатель становится на точку зрѣнія заклятыхъ юдофобовъ“. Нить, которую г. Русановъ держалъ въ рукахъ въ 1881 г., заключалась въ томъ, что Дюрингъ, по его мнѣнію, въ „индивидуальности“ видитъ все. Ну, а „гдѣ

царить буржуазный принцип признанія за индивидуумомъ независимости отъ общества, гдѣ единственнымъ виновникомъ является „злая воля“ индивидуальности, тамъ, конечно, будутъ считаться лекарствомъ противъ всяческихъ бѣдъ „мѣры“, направленные противъ людей, а не противъ условій“. Мы не станемъ подчеркивать того обстоятельства, что на самомъ дѣлѣ Дюрингъ въ „индивидуальности“ видитъ далеко не все, что „злая воля“ для него далеко не единственный виновникъ. Приписывать противнику взгляды, прямо противоположные своимъ,—плохой критическій пріемъ, хотя и очень соблазнительный для молодыхъ критиковъ. Но съ 1881 г. много воды утекло. Взгляды г. Русанова съ тѣхъ поръ претерпѣли значительную метаморфозу, и одно время онъ даже былъ, по его собственнымъ словамъ, отчаяннымъ „политикомъ“ въ духѣ Дюринга. Хотя въ теперешнемъ міросозерцаніи г. Русанова заключается добрая порція марксизма, но все же онъ не отрицаетъ теперь „политики“ Дюринга, не нападаетъ на „индивидуальность“ и даже признаетъ существованіе національныхъ характеровъ. Было бы, поэтому, крайне интересно именно теперь послушать отъ него, какимъ образомъ талантливый писатель Дюрингъ, котораго Михайловскій въ 70-хъ годахъ считалъ однимъ изъ ближе всѣхъ стоящихъ въ Европѣ къ Правдѣ, сталъ „на точку зрѣнія заклятыхъ юдофобовъ“.

Г. Русановъ утверждалъ, что „Еврейскій вопросъ“ Дюринга наполненъ не доказательствами, а бранью. Многие и многие критики, мы увѣрены, будутъ повторять то же самое. Дѣло въ томъ, что Дюрингъ, подобно Вольтеру, не нашелъ нужнымъ скрывать свое отвращеніе къ евреямъ и написалъ брошюру о нихъ съ беспощадной язвительностью, которая у либерально настроенныхъ людей обыкновенно поднимаетъ такія недобрыя по адресу Дюринга чувства, что никакихъ его доказательствъ они уже не видятъ. (Объ юдофобствѣ же Вольтера публика обыкновенно ничего не знаетъ). Мы находимъ нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ обстоятельстве, что такого крупнаго писателя, какъ Н. К. Михайловскаго, антигебраизмъ Дюринга не удержалъ отъ пропаганды его философскихъ и политическихъ идей. Правда, въ 70-хъ годахъ, когда появились статьи Михайловскаго о Дюрингѣ, послѣдній еще не сконцентрировалъ своихъ взглядовъ на евреевъ въ отдѣльной брошюрѣ, тѣмъ не менѣе его антигебраизмъ былъ уже достаточно ярко выраженъ, на примѣръ, въ „Курсѣ философіи“. Какого мнѣнія былъ Михайловскій о „Еврейскомъ вопросѣ“ Дюринга, намъ неизвѣстно. Но и послѣ выхода въ свѣтъ этой брошюры и послѣ приведеннаго уже нами отзыва о ней г. Русанова Михайловскій совѣтовалъ именно этому самому г. Русанову налечь на философію и въ частности изучить Ланге и Дюринга. („Былое“, 1907, VII. „Политика“ Н. К. Михайловскаго). Въ концѣ 1883 г., значить, два слишкомъ года спустя, Михайловскій помѣстилъ въ „О. З.“ статью г. Красносельскаго „Голосъ жизни въ области мысли“, которую г. Красно-

сельскій написалъ, кажется, по предложенію Михайловскаго и которую въ настоящее время онъ считаетъ юношескимъ панегирикомъ Дюрингу. Въ этой статьѣ, занимающей 64 страницы, относительно юдофобства брошено только одно замѣчаніе и то въ скобкахъ, что „Дюрингъ заклятый врагъ еврейства и всюду подозрѣваетъ преслѣдованія съ ихъ стороны“. Почему же Михайловскаго не оттолкнуло въ то время отъ Дюринга юдофобство послѣдняго? Потому, вѣроятно, что на юдофобствѣ, по его мнѣнію, философія Дюринга не клиномъ сошлась. Михайловскій писалъ въ статьѣ „Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга“: „Можетъ быть, вся громада природы, природа въ цѣломъ, рисуется Дюрингу въ слишкомъ благодѣтельномъ для человѣка освѣщеніи, но относительно добродѣтелей отдѣльнаго человѣка онъ чуждъ всякихъ иллюзій. Исходнымъ пунктомъ своихъ разсужденій онъ беретъ человѣка какъ онъ есть, съ его низкими и высокими, грубыми и мягкими побужденіями. Онъ стремится построить идеально прекрасное зданіе прямо изъ этихъ грубыхъ кирпичей; будучи увѣренъ, что игра страстей, заложенныхъ въ человѣка природой, должна привести къ благополучному концу и что жизнь сама по себѣ имѣетъ громадную цѣну, онъ естественно ничего не прячетъ ни отъ другихъ, ни отъ себя“. Эта позиція Дюринга Михайловскому страшно нравилась. Но Дюрингъ отъ критики характера отдѣльной личности послѣдовательно перешелъ къ критикѣ національныхъ характеровъ. И здѣсь онъ также ничего не прячетъ ни отъ другихъ, ни отъ себя; онъ беретъ націи, какъ онѣ есть, съ ихъ низкими и высокими, грубыми и мягкими побужденіями; онъ стремится построить идеальное прекрасное зданіе человечества прямо изъ этихъ грубыхъ кирпичей, онъ увѣренъ, что игра страстей и здѣсь должна привести къ благополучному концу. Было бы крайне интересно послушать критику Михайловскаго относительно этой части воззрѣній Дюринга, но онъ, наоборотъ, вскорѣ совсѣмъ пересталъ писать о немъ, и только помѣщеніе статьи „Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга“ въ полномъ собраніи сочиненій свидѣтельствовало о его сохранившейся симпатіи къ Дюрингу.

Статью „Экономика и политика“ г. Русановъ посвятилъ „междоусобной“ борьбѣ двухъ фракцій. „Въ послѣднее время, писалъ онъ, эта борьба обострилась во всей Западной Европѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ ей удалось и въ теоріи выразиться въ наиболѣе ясной формѣ. Минуя рядъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ участниковъ борьбы съ той и другой стороны, мы можемъ остановиться на двухъ главныхъ представителяхъ теоретической розни между упомянутыми фракціями. На одной сторонѣ мы видимъ уже извѣстнаго намъ талантливаго энциклопедиста Евгенія Дюринга, на другой—безспорно превосходящаго его по уму и эрудици экономиста Карла Маркса съ его неизмѣннымъ alter ego, Фридрихомъ Энгельсомъ“. Г. Русановъ въ

то время стоялъ всецѣло на сторонѣ послѣднихъ. Противъ „немножко маньяка“ Маркса за Дюринга выступилъ въ майской книжкѣ „Дѣла“ за тотъ же 1881 годъ г. И. Кольцовъ (Л. Тихомировъ), котораго въ этой полемикѣ, по словамъ г. Русанова, снабжалъ и мыслями, и документами по нѣкоторымъ вопросамъ социологии самъ Михайловскій. Для насъ этотъ фактъ очень интересенъ. Если г. Тихомировъ и Михайловскій приняли противопоставление Дюринга и Маркса и стали на сторону перваго, несмотря на его зачатое юдофобство, то тѣмъ болѣе это должны сдѣлать мы, которые значительно болѣе раздѣляемъ философскіе и политико-экономическіе взгляды Дюринга и несравненно болѣе не одобряемъ мировоззрѣніе Маркса. Намъ прямо смѣшно утверждение, будто Марксъ—безспорно превосходящій Дюринга умъ. Но объ этомъ распространяться мы здѣсь не будемъ. Мы указываемъ только, что и не раздѣляя антиеврейской позиціи Дюринга, мы должны были бы воспользоваться сочиненіями Дюринга въ нашей собственной борьбѣ. Между тѣмъ и антигебраизмъ Дюринга, какъ мы уже говорили, заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія.

„Дюрингъ извѣстенъ своимъ антисемитизмомъ и въ настоящее время является единственною крупною литературною величиною въ этомъ лагерѣ“ „Тѣмъ интереснѣе послушать его бесѣду“. Такъ думаетъ г. хроникеръ внутренней жизни „Русскаго Богатства“ (1894, IV). Михайловскій какъ-то писалъ, кажется, по поводу помѣщенія въ „О. З.“ одной статьи Л. Н. Толстого, что редакция не можетъ отвѣчать за всѣ мнѣнія, конечно, побочныя, высказываемыя въ помѣщаемыхъ въ журналѣ статьяхъ. Мы лично думаемъ, что самъ онъ не подписался бы подъ тѣми двумя страницами, которыя упомянутый г. хроникеръ посвятилъ мимоходомъ Дюрингу. Приводимъ полностью эти двѣ страницы.

„... Есть одна сторона нѣмецкаго антисемитизма, на которую мы должны обратить вниманіе, именно, что въ Германіи антисемитизмъ всегда сопровождается славянофобіемъ. Антисемитъ есть всегда славянофобъ вообще, руссофобъ въ частности. Совершенно тѣ же призраки, которыми стараются испугать нѣмцевъ, одинаково одними и тѣми же проповѣдниками приписываются и евреямъ, и славянамъ. Нашимъ антисемитамъ, взявшимъ свое ученіе изъ Германіи, не мѣшало бы это помнить“.

„Чтобы не быть голословнымъ, мы остановимся немного на только что вышедшемъ сочиненіи извѣстнаго нѣмецкаго писателя Дюринга „Die Grössen der modernen Literatur, populär und kritisch nach neuen Gesichtspunkten dargestellt von Dr. E. Dühring. Leipzig 1893“. Дюрингъ извѣстенъ своимъ антисемитизмомъ и въ настоящее время является единственною крупною литературною величиною въ этомъ лагерѣ. Конечно, отъ него нельзя ждать ни явной недобросовѣстности, ни явной глупости, ни непристойнаго тона. Тѣмъ интереснѣе послушать его бесѣду. О евреяхъ и славянахъ у него идетъ рѣчь въ пят-

надцатой главъ второго тома, озаглавленной „Nichtgrößen und blosse Auszeichnungen im Schlechten und Guten.“ Первые параграфы главы посвящены Людвигу Берне и Генриху Гейне. Какъ и слѣдовало ожидать, эти нѣмецкіе писатели еврейскаго происхожденія отдѣляются Дюрингомъ подъ орѣхъ. Берне чуть не бездарность; Гейне съ небольшимъ талантомъ, но съ дурною нравственностью; Лессингъ по пути обзывается „еврейско-славянскимъ ублюдкомъ“. Конечно, и евреи, и славяне могутъ только гордиться, что подарили міру Лессинга, но нетерпимость слѣпа и не останавливается даже передъ явнымъ парадоксомъ. Спѣшимъ, однако, къ отдѣлу о славянахъ. Прежде надо однако оговориться, что хотя Дюрингъ и говоритъ вообще о славянахъ, но занимается исключительно русскою литературою, не цитируя ни одного польскаго или чешскаго писателя. Русскихъ писателей онъ знаетъ довольно много для иностранца, незнающаго русскаго языка. Онъ знаетъ, частью даетъ характеристики слѣдующихъ русскихъ писателей: Пушкина, Гоголя, Герцена, Тургенева, Толстого, Чернышевскаго, причемъ особое вниманіе оказываетъ Гоголю и Чернышевскому. Пушкина Дюрингъ считаетъ подражателемъ Байрона, поверхностнымъ, хотя и не безъ таланта. Въ Герценѣ признаетъ нѣкоторую художественность, но упоминаетъ о немъ мимоходомъ для сравненія его романа „Кто виноватъ“ съ романомъ Чернышевскаго „Что дѣлать?..“ Чернышевскому достается уже очень сильно и какъ экономисту, и какъ романисту, и какъ мыслителю, причемъ, къ удивленію, оказывается, что извѣстность и популярность Чернышевскому создали евреи за его дружбу къ нимъ (II, 311). Быть можетъ, читатели не менѣе удивятся, узнавши, что слава Тургенева и Толстого тоже раздута евреями, потому что эти писатели тоже благосклонны къ евреямъ. Между тѣмъ, въ сущности и Тургеневъ и Толстой совсѣмъ не такіе значительные писатели (II, 306). Больше другихъ заслужилъ у Дюринга Гоголь. Оригинальность творчества и гениальная сила изображенія покорили даже славянофобію Дюринга. Онъ признаетъ его величайшимъ прозаикомъ XIX вѣка и самымъ выдающимся писателемъ послѣ смерти Гете, Байрона и Шелли. Это, конечно, очень много и всякій безпристрастный человекъ согласится, что это недалеко отъ истины. Дюрингъ входитъ даже въ разборъ отдѣльныхъ произведеній Гоголя: „Ревизора“, „Тараса Бульбы“ и „Мертвыхъ душъ“. Но какъ онъ воспользовался Гоголемъ въ видахъ его спеціальной славяно-юдофобіи? Пріемъ, употребленный при этомъ Дюрингомъ, чрезвычайно интересенъ. Въ „Тарасѣ Бульбѣ“ его особенно прельщаетъ нѣсколько юмористическихъ сценокъ, въ которыхъ выведены польскіе евреи того времени. Въ „Ревизорѣ“ онъ отмѣчаетъ испорченность русской администраціи и замѣчаетъ, что нельзя не признать знаменательнымъ самое построеніе лучшей русской комедіи на этомъ мотивѣ русской испорченности. Въ „Мертвыхъ душахъ“ Дюринга особенно прельщаетъ Кашкаровъ и въ этой главѣ онъ видитъ мастерское изображеніе самой сущности русскаго государства, но са-

мого себя превосходить Дюрингъ, когда пытается объяснить фигуру Чичикова (II, 307). Чичиковъ оказывается, въ сущности, „wirklich ein Repräsentant des Rosenthums namentlich mit dessen sozusagen naiver Leichtfertigkeit, ein gewisses Maass von Corruption“. Нѣсколько далѣе Дюрингъ говоритъ, что герой романа представляетъ всю націю, вѣрнѣе, даже всю расу (славянскую). „Не можетъ быть случайностью, что величайшій беллетристъ Россіи и всего славянства выбралъ такого героя для главнаго своего произведенія.“ Въ заключеніе спектакля оказывается, что славяне и евреи являются представителями одной и той же притязательной идеи покорить себѣ вселенную и поработить другіе народы. Тотъ же Гоголь даетъ Дюрингу нѣкоторый матеріаль для обоснованія этого обвиненія“.

„Не мѣшало бы нашимъ антисемитамъ немного поразмыслить надъ этими параллелями. Не мѣшало бы немного болѣе критически относиться къ нападкамъ антисемитовъ на евреевъ, памятуя, что тѣ же люди, тѣми же словами нападаютъ на славянъ и что крестовый походъ, проповѣдуемый противъ евреевъ, проповѣдуется вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ славянъ, въ особенности противъ русскихъ. Дюрингъ—очень крупная величина и по таланту, и по уму, его книга—выдающееся явленіе современной германской литературы, но и Дюрингъ не избѣгнулъ этого обобщенія въ одной ненависти евреевъ и славянъ. Другіе это дѣлаютъ грубѣе и нелѣпѣе, но дѣлаютъ то же самое“.

Такъ отдѣляется Дюрингъ. Сначала сдѣлаемъ нѣсколько мелкихъ замѣчаній. Мы слышали, что въ случаѣ съ Лессингомъ нетерпимость Дюринга такъ слѣпа, что не останавливается даже передъ явнымъ парадоксомъ, ибо де славяне и евреи могутъ только гордиться такимъ „еврейско-славянскимъ ублюдкомъ.“ Пусть гордятся, но Дюрингъ-то самъ вѣдь не признаетъ Лессинга величиной. Въ чемъ же тутъ явный парадоксъ? Мимоходомъ замѣтимъ, что Дюрингъ посвятилъ вопросу о преувеличенной оцѣнкѣ Лессинга цѣлую книжку. Берне и Гейне, какъ ожидалъ г. хроникеръ, отдѣланы подъ орѣхъ. Ну, что же, если подъ орѣхъ, такъ подъ орѣхъ. Скажемъ только, что почтенный рецензентъ „Міра Божія“ былъ любезнѣе и призналъ, что даже въ дюринговой критикѣ Берне и Гейне заключается зерно истины. Съ своей стороны мы будемъ надѣяться, что со временемъ здѣсь признаютъ не только зерно, но цѣлую житницу истины. Относительно Чернышевскаго, Тургенева и Толстого русскіе читатели, конечно, не согласятся что эти писатели своей славой обязаны евреямъ. И безъ еврейской пропаганды они пользовались бы у насъ на Руси громадной извѣстностью. Но, вообще говоря, что для дюрингова міровоззрѣнія можетъ значить, напр., Л. Толстой! Онъ крупный художникъ. Но художественный талантъ, вѣдь, только орудіе. Взгляды же, проводимые Л. Толстымъ въ его сочиненіяхъ, носятъ характеръ того традиціоннаго міровоззрѣнія, которое Дюрингъ, да и одинъ

ли только Дюрингъ, считаетъ еврейскимъ твореніемъ. Наше издательство имѣетъ въ виду издать статьи Дюринга о Л. Толстомъ, помѣщенныя въ его журналъ „Personalist und Emancipator“. Было бы интересно сопоставить ихъ со статьями о Л. Толстомъ Михайловскаго. Близость обоихъ критиковъ внѣ сомнѣнія.

Но обратимся къ главной мысли хроникерской замѣтки, къ сопоставленію дюринговой юдофобіи со славянофобіей. — „Въ заключеніе спектакля оказывается, что славяне и евреи являются представителями одной и той же притязательной идеи покорить себѣ вселенную и поработить другіе народы“. Такъ ли? Въ русскомъ переводѣ „Еврейскаго вопроса“ Дюринга, на 5-ой и 6-ой страницѣ, можно прочесть слѣдующее: „Сплошь и рядомъ расы и национальности, какъ напр., германцы и славяне, вступаютъ въ соперничество другъ съ другомъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы можно было утверждать, что они вредны другъ для друга. Для германцевъ славяне отнюдь не являются вредною разновидностью человѣческаго рода, и когда при смѣшеніяхъ народностей и при соприкосновеніи народовъ возникаютъ вопросы о расѣ и о национальности, о внутреннихъ и внѣшнихъ границахъ сферы ихъ дѣйствія, то при этомъ нельзя дѣлать такого же различія, какое мы дѣлаемъ въ животномъ царствѣ между вредными и безвредными животными. Но еврейское племя образуетъ при этомъ очевидное исключеніе; оно оказалось, и матеріально и духовно, разновидностью вредною для всего человѣческаго рода, поэтому, по отношенію къ этому племени, вопросъ не въ томъ, что это—раса чуждая, а въ томъ, что это—раса враждебно и безповоротно испорченная“. Такова юдофобія Дюринга и такова его славянофобія. Какъ будто евреи и славяне, по Дюрингу, являются представителями не совсѣмъ-то одной и той же притязательной идеи. Но это въ „Еврейскомъ вопросѣ“; обратимся къ „Die Grössen“. „Въ „Мертвыхъ душахъ“ Дюринга особенно прельщаетъ Кашкаровъ и въ этой главѣ онъ видитъ мастерское изображеніе самой сущности русскаго государства“. Къ сожалѣнію г хроникеръ не сообщилъ о высказанномъ тутъ же убѣжденіи Дюринга, что политика русскаго государства въ концѣ концовъ должна будетъ принять инныя формы. Между тѣмъ при этомъ сообщеніи славянофобіи получилось бы меньше. Еще меньше славянофобіи получилось бы, если бы г хроникеръ сообщилъ о другомъ убѣжденіи Дюринга, именно, что национальный фанатизмъ русскихъ не всегда будетъ вводимъ въ заблужденіе и что если онъ приметъ, какъ въ 70-ые годы, sogenannte nihilistische Formen и направится противъ eine ganze alte Welt von Übeln, то докажетъ свою способность къ человѣческой культурѣ.

Религиозно-национальный пафосъ Гоголя Дюрингъ находитъ дѣйствительно въ духѣ древнихъ книгъ евреевъ, съ тѣмъ только различіемъ, конечно, что теперь избраннымъ народомъ должны быть русскіе и сла-

вяне. И не одинъ Гоголь грѣшитъ такимъ паѳосомъ, но и русскія массы, и будутъ грѣшитъ до тѣхъ поръ, пока das gewohnheitsmässig Anreligionisirte mit der Wurzel herausgezogen sein wird. Это послѣднее замѣчаніе очень характерно. Въ немъ Дюрингъ дѣлаетъ удареніе на такомъ элементѣ, на какой г. хроникеръ совершенно не обратилъ вниманія. Между тѣмъ только на этой почвѣ Дюрингъ и сближаетъ славянъ и евреевъ. Вотъ, буквально что онъ говоритъ о стремленіи Гоголя покорить всѣ народы: „Kommt Gogol auf diesen angeblichen Beruf, so fasst ihn sichtlich ein Stück Begeisterung oder vielmehr Fanatismus, und er stellt sich hiebei Alles in Zusammenhang mit der Religion vor. Ja man merkt deutlich, wie er eines Pathos dieses Schlages nur fähig ist vermöge der Modelung des Nationalegoismus nach dem Muster der hebräischen sogenannten heiligen Schriften“. Но этотъ Muster можетъ, какъ мы уже слышали, быть съ корнемъ отброшенъ, а Modelung можетъ принять nihilistische Formen, и вообще „для германцевъ славяне отнюдь не являются вредною разновидностью человѣческаго рода“. Такова славянофобія Дюринга. Что же касается спеціально славянской испорченности, то въ „Соціальному спасенію“ будетъ вообще достаточно говорить о испорченномъ состояніи всего нынѣшняго человѣчества.

Существуютъ квасные патріоты; они не любятъ чужого, потому что оно именно чужое. Въ Германіи они будутъ, конечно, одновременно и антисемитами, и руссофобами. Одними и тѣми же призраками они могутъ, конечно, пугать нѣмцевъ и со стороны евреевъ, и со стороны русскихъ. Но приводить въ примѣръ Дюринга, „чтобы не быть голословнымъ“ въ такомъ сближеніи антисемитизма и руссофобства, значить, по меньшей мѣрѣ, странно понимать его. Дюрингъ, какъ извѣстно, считаетъ врагами своего дѣла профессоровъ, евреевъ и соціалдемократовъ. Къ этимъ тремъ категоріямъ онъ нашель себя вынужденнымъ прибавить въ послѣднее время еще и антисемитовъ, ибо антисемитизмъ, за немногими исключеніями, служитъ только предлогомъ, чтобы прикрыть чистую реакцію, какъ религіонистическую, такъ и политическую. Дюрингъ націоналистъ, но такого рода, что заканчиваетъ свою книгу о „Соціальному спасенію“ словами: „Въ античныя времена варварскимъ называлось все то, что не принадлежало къ двумъ лучше одареннымъ націямъ. Теперь уже нѣтъ такой противоположности, и нельзя вновь создать никакого подобнаго націонализма, даже только чего либо аналогичнаго ему. Но зато существуетъ варварство въ другомъ смыслѣ, а именно, въ смыслѣ отсутствія тѣхъ качествъ, которыя способны вступить за подлинное, всюду достаточное право“. И такого варварства Дюрингъ находитъ у своихъ нѣмцевъ слишкомъ много. Пусть только прочитаютъ, какъ онъ относится къ колониальному разбою нѣмцевъ въ Китаѣ и къ притѣсненію поляковъ въ прусской Польшѣ. Злободневную австрійскую аннексію Босніи и Герцеговины онъ назвалъ голымъ насиліемъ. „Національнаго героя“ нѣм-

цевъ, Бисмарка, гордости котораго, что онъ наиболѣе нелюбимый человѣкъ во всей Европѣ, такъ сочувствуетъ Д. А. Хвольсонъ, Дюрингъ характеризуетъ арифметически: „тридцать процентовъ глупца и семьдесятъ процентовъ негодя“. (Въ скобкахъ замѣтимъ, что и Н. К. Михайловскій приблизительно такъ же характеризуетъ Бисмарка). Шовинизмъ—скверная вещь. Но какъ глупое самомнѣніе иныхъ лицъ не исключаетъ, чтобы отдѣльные люди были лучше другихъ, такъ и глупости шовинизма не исключаютъ, чтобы какая нибудь національность была дѣйствительно выше остальныхъ. Дюрингъ, по нашему мнѣнію, — гордость современнаго человѣчества и принадлежитъ, по его мнѣнію, къ лучшей національности. Пишущему эти строки хотѣлось бы, чтобъ лучшей національностью въ мірѣ были русскіе. Но, къ сожалѣнію, російская безалаберность и беспечность есть наше проклятіе. Флегматичность и педантичность нѣмцевъ не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ этою російскою *gewissem Maass von Corruption*. Пріятно мечтать съ Герценомъ, что „можетъ, мы, маложившіе въ быломъ, явима представителями дѣйствительнаго единства науки и жизни, слова и дѣла. Въ исторіи поздно приходящимъ—не кости, а сочные плоды. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ характерѣ есть нѣчто, соединяющее лучшую сторону французовъ съ лучшей стороной германцевъ. Мы несравненно способнѣе къ наукообразному мышленію, нежели французы, и намъ рѣшительно невозможна мѣщански-филистерская жизнь нѣмцевъ; въ насъ есть что-то *gentlemanlike*, чего именно нѣтъ у нѣмцевъ, и на челѣ нашемъ проступаетъ слѣдъ величавой мысли, какъ-то не сосредоточивающейся на челѣ француза“. (Соч. IV т. 122—3). Пріятно такъ мечтать, однако кто же изъ русскихъ можетъ явиться болѣе могучимъ и глубокимъ представителемъ дѣйствительнаго единства науки и жизни, слова и дѣла, чѣмъ нѣмецъ Дюрингъ? Михайловскому судьба дала возможность развернуть свои дарованія; онъ гордость и украшеніе критически мыслящей Россіи, объединяющей науку и жизнь. Но страшная безтолковость русской жизни сдѣлала сочиненія нашего критика трудно изучаемыми безъ предметнаго указателя, котораго къ сожалѣнію еще до сихъ поръ нѣтъ. Какой контрастъ Михайловскому представляетъ въ этомъ отношеніи Дюрингъ съ его стройными критическими трудами! Вообще духовные ученики Михайловскаго, мы не можемъ все же не отдать преимущества по могучести борьбы за единство науки и жизни германскому мыслителю.

„Съ націонализмомъ иначе, какъ назадъ, намъ двинуться некуда. И это, я думаю, вполне понятно. Национализмъ могъ быть прогрессивной силой въ органическую эпоху, когда національное государство еще складывалось; национализмъ можетъ быть даже революціонной силой, какъ, напр., у національностей угнетенныхъ; но национализмъ неизбѣжно является реакціонной силой, когда государство другія національности угнетаетъ. А такова именно, къ нашему стыду и къ нашему несчастью, въ настоящее время русская

государственность“. Такъ полагаетъ г. Пѣшехоновъ („Р. Б.“ 1908, XI). Упомянутаго несчастія нашего мы отрицать, конечно, не станемъ. Но не будетъ ли все же странностью изъ-за этого пренебрежительно относиться намъ къ націонализму? Какимъ образомъ то, къ чему стремится организующееся государство, что всѣми силами отстаиваетъ угнетаемая національность, можетъ вдругъ становиться *quantité négligeable*? Обыкновенный фактъ, что здоровый человѣкъ не беспокоится о своемъ здоровьѣ. Но на самомъ дѣлѣ съ гигиеной обязательно должны считаться не только больные, но и здоровые. Каждый принадлежитъ къ какой нибудь націи, и его чувство собственного достоинства должно бы дополняться чувствомъ національнаго достоинства. Вообще изъ того, что интересы могутъ быть эгоистичными, не слѣдуетъ никакъ, что нужно вооружаться противъ самого принципа интереса. Частная собственность сплошь и рядомъ ведетъ къ эксплуатаціи, но отсюда еще не слѣдуетъ, что нужно совершенно уничтожить самый институтъ частной собственности. Национализмъ часто является угнетающимъ, но онъ не обязательно долженъ быть таковъ. Чтобы признавать эти простыя положенія надо вѣрить въ человѣчество. Могучая философія Дюринга блестяще обосновала эти положенія, такъ противорѣчащія ходячему социализму, и мы горячо рекомендуемъ читателямъ познакомиться съ ней. Какой-то вѣрующій говорилъ, что онъ охотнѣе всего читаетъ книги атеистовъ, ибо такое чтеніе его еще болѣе укрѣпляетъ въ собственныхъ убѣжденіяхъ. Будемъ надѣяться, что и противники Дюринга послѣдуютъ примѣру этого остроумнаго богослова. Лишь бы только читали они внимательно! Но вернемся къ націонализму. „На своемъ конечно не слѣдуетъ ставить ударенія и прославлять его только потому, что оно свое, а чужое отодвигать въ сторону или даже преслѣдовать только потому, что оно—чужое. Проявленіе различныхъ національныхъ характеровъ должно быть такъ организовано, чтобы отъ каждой націи исходило именно ея лучшее. Это лучшее будетъ тогда связующимъ звеномъ, если и не образцомъ, для человѣческаго рода. Въ различныхъ національныхъ типахъ такимъ путемъ дѣйствительность выразитъ разнообразныя комбинаціи хорошихъ чертъ. Только дурныя національныя черты должны быть уничтожены“.

Изъ всѣхъ національностей какая нибудь да должна имѣть несчастіе быть по нравственнымъ качествамъ хуже другихъ. По общему убѣжденію, хотя и скрываемому слишкомъ часто, такую національностью являются евреи. Въ проспектъ-программѣ нашего книгоиздательства мы не высказались ни за какія мѣры по еврейскому вопросу. Дюрингъ же ставитъ, правда, *условно* страшную альтернативу: „Еврейское варварство есть наихудшее изъ всѣхъ варварствъ. И потому, если бы не оставалось иного выхода, кромѣ анти-варварскаго, то пришлось бы, по необходимости, прибѣгнуть къ отрицательному анти-варварству, чтобы избавиться отъ положительнаго варварства. Русская почва была бы для такой цѣли наилучшей и наиболѣе приспособ-

ленной для перваго эксперимента. Разъ тамъ съ культурой, какъ съ культурой евреевъ, дѣло на лады не идетъ, то рѣшающей можетъ стать дикость, и притомъ дикость анти-еврейская; по крайней мѣрѣ, она можетъ испробовать свою силу противъ этого зла. Ужъ лучше справедливая свирѣпость, чѣмъ несправедливая по отношенію къ евреямъ смиренность, всегда полная вреда! Русскимъ, поэтому, рекомендуется, въ случаѣ нужды, когда иного выхода не останется, безъ стѣсненій дѣйствовать по своей манерѣ“. Мы согласны съ Дюрингомъ, что лучше справедливая свирѣпость, чѣмъ несправедливая смиренность. Но въ общемъ мы еще надѣемся найти иной выходъ, кромѣ анти-варварскаго. Какъ ни печалитъ насъ російская безалаберность и беспечность, мы все же не отчаялись еще въ русской культурѣ. Будемъ надѣяться, что трезвая національная самокритика, къ которой, какъ будто, способенъ русскій народъ, поможетъ намъ познать самихъ себя и отдѣлаться отъ всего привитого еврейскаго. Въ этомъ отношеніи руководящія ученія Дюринга явятся для насъ могучимъ пособіемъ. Онъ нѣмецъ; но его широкой духъ и незнающая никакихъ компромиссовъ нравственная серьезность близки намъ. Онъ горячій рыцарь справедливости и страшный ненавистникъ зла. Культивировать ненависть къ злу—его принципъ. И потому, найдутъ ли въ концѣ концовъ его „Еврейскій вопросъ“ правымъ или нѣтъ, мы, зная безпощадную правдивость Дюринга, не можемъ не видѣть и въ этомъ сочиненіи и въ главѣ объ еврейскомъ режимѣ въ предлагаемой книгѣ проявленія его исключительно высокой личности, полной презрѣнія и ненависти ко всему низкому.

Въ общемъ еврейскій вопросъ для насъ пока еще открытый вопросъ. Мы просто желали бѣ поставить на обсужденіе мнѣнія Дюринга по этому вопросу и со вниманіемъ прислушаться къ искренней и серьезной критикѣ.

К. И. Петровъ.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка	Н а п е ч а т а н о.	Н а д о.
18	5 сн.	осуществляютъ	осуществляетъ
28	2 сн.	устраниться	устрѣиться
31	15 сн.	принесли	привнесли
35	14 св.	посредственнымъ	посредствующимъ
35	7 сн.	хранятъ	хранигъ
36	12 св.	пользованіе	голосованіе
36	5 сн.	должно исключительно при- нять въ расчетъ почти	должно почти исключитель- но и т. д.
38	7 сн.	V.	IV.
39	17 сн.	глупцами сумасшедшими	глупцами и сумасшедшими
45	13 св.	какъ цѣлому	какъ цѣлаго
56	13, 14 св.	имъ.... нихъ	е.у.... него
59	20 св.	если даже въ исключитель- ныхъ случаяхъ, и ничто не поможетъ	и ничему не поможетъ, если даже...
99	4 св.	редакціей	редакціей
105	9 сн.	рим	римской
110	2 сн.	Lassale	Lassalle
117	2 сн.	и неоднократно	неоднократно и
124	6 св.	solférino	Solférino
136	2 сн.	такой	никакой
141	9 св.	порція	позиція
141	17 св.	измѣнить	измѣрить
164	17 сн.	или повидимому,	или повидимому
178	11 св.	основанными	обоснованными
198	11 сн.	par farce	par force
226	21 св.	вспядь	вспять
240	5 св.	geschichte	Geschichte
240	9 сн.	Zugehörigen	zugehörigen
240	5 сн.	algemeinen	allgemeinen
242	19 св.	Preussische	preussische
249	14 св.	но имѣетъ	оно имѣетъ
250	12 св.	§ 366	S. 366
250	23 св.	Неристъ	Нернстъ
251	10 сн.	Semblent	semblent
252	2 сн.	grundgesetze	Grundgesetze

Предисловіе автора.

Слово „спасеніе“, поставленное на заголовкѣ этого сочиненія, навѣрное не покажется слишкомъ сильнымъ, если изъ содержанія книги убѣдятся, какое варварство во всѣхъ публичныхъ и частныхъ отношеніяхъ мы имѣемъ здѣсь въ виду. Угрожаетъ нѣчто, гораздо болѣе опасное, чѣмъ средневѣковье, а именно, — дикая игра хаотическихъ революціонныхъ выступленій и еще болѣе отвратительныхъ и развращенныхъ оргій реакціи. Дальше простой противоположности шаблонной революціи и еще болѣе шаблонной реакціи можетъ вести единственно только углубленіе въ сущность первично-раціональныхъ идей права, которыхъ нужно искать далеко выше сферы доннынѣ имѣвшей мѣсто исторіи.

Въ книгѣ „Вооруженіе, капиталъ, трудъ“ главной практической точкой зрѣнія является распролетаризація, разумѣется, вмѣстѣ съ неотдѣлимымъ отъ нея освобожденіемъ общества отъ раздувшагося класса богачей. Въ предлагаемой читателю книгѣ, трактующей о предметѣ, гораздо болѣе обширномъ и обще-политическомъ, хозяйственныя точки зрѣнія вполне подчинены точкамъ зрѣнія правовымъ. Оба сочиненія могутъ быть разсматриваемы вмѣстѣ, какъ единое, двѣ стороны одного и того же предмета охватывающее произведеніе, которое имѣетъ цѣлью пробудить дѣйствительно правомѣрную волю и создать достойное ея состояніе народной жизни.

Кстати замѣтимъ, что въ семидесятипятилѣтнемъ возрастѣ и послѣ слишкомъ сорока лѣтъ добросовѣстной публицистической дѣятельности не подводятъ легкомысленно окончательнаго общаго итога въ своихъ сужденіяхъ, вродѣ предлагаемаго читателю.

Что касается внѣшней стороны въ расположеніи матерьяла книги, то прибавленіе къ ней, содержащее списокъ сочиненій автора и нѣсколько связанныхъ съ ними критическихъ замѣчаній, составляетъ необходимую составную часть общаго текста.—Согласно съ прежнимъ моимъ обыкновеніемъ и здѣсь каждый экземпляръ предисловія снабженъ собственноручною моею подписью.

(подпись) Е. Дюрингъ.

I.

КЛАССОВОЕ УБИЙСТВО.

1. Широко распространенное выражение — классовая борьба, звучит, повидимому, менѣе рѣшительно, чѣмъ выражение, употребленное въ заглавіи; для многихъ же, привычныхъ къ нему, оно кажется прямо невиннымъ. Это, какъ извѣстно,—соціалистическій терминъ, съ которымъ принципиально не хотятъ разставаться люди, выдающіе себя за подлинныхъ соціалистовъ. Конечно, тамъ и сямъ въ ихъ собственныхъ кругахъ мнимый принципъ классовой борьбы уже съ достаточной очевидностью отказывается служить; но съ каждымъ новымъ *soi-disant* соціаль-революціоннымъ возбужденіемъ принципъ этотъ вновь и вновь находитъ для себя почву. Кромѣ того, безъ него соціальная травля, особенно у евреевъ, не пошла бы на ладъ. Гешефтъ съ натравливаніемъ одного класса на другой надѣется процвѣтать и дальше. Отсюда легко объяснить постоянное возвращеніе къ столь затасканной, такъ называемой, классовой борьбѣ, т. е. къ тому кличу, которымъ рабочихъ ведутъ въ бой съ предпринимателями, въ скрытой же формѣ—также противъ и всего остального общества:

На самомъ дѣлѣ такъ называемая классовая борьба всегда имѣетъ склонность, сверхъ обычной своей непристойности, вырождаться въ крайность, а именно, во взаимное классовое убійство. Когда рабочіе прибѣгаютъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ,—частью противъ фабрикъ и предпринимателей, частью противъ своихъ же товарищей, чтобы принудить къ участію въ забастовкахъ желающихъ работать,—тогда неудивительно, если сюда вмѣшиваются правительства, пуская въ дѣло военную силу, и если затѣмъ въ результатъ такой классовой борьбы появляются убитые и раненые. Какъ-разъ именно республиканская Франція за послѣднее время дала много примѣровъ такихъ кровавыхъ дѣлъ. И рабочіе различныхъ партій также довольно часто пускали въ ходъ насильственныя дѣйствія другъ противъ друга; они тоже достаточно показали, что классовая борьба проявляется не только въ регулярныхъ и закономѣрныхъ стачкахъ: борьба эта ведетъ также и къ разъединенію массъ на враждебные лагеря, что вноситъ порчу непосредственно внутрь самыхъ массъ.

Я не считаю нужнымъ долго говорить здѣсь о русской, такъ называемой, революціи, которая съ самаго начала уже прикидывалась соціальной, на самомъ дѣлѣ будучи только еврейско-соціальной. Тамъ натравливаніе на классовое убійство совершенно ясно видно и выполняется въ самыхъ разнообразныхъ, прямыхъ и косвенныхъ, формахъ, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. При этомъ не только прямо пускаются въ ходъ бомбы и пули; нужно причислить сюда еще и косвенныя убійства или, по крайней мѣрѣ, смертельныя поврежденія, которыя причиняются искусственнымъ прекращеніемъ подвоза средствъ для удовлетворенія жизненныхъ потребностей. Экономическія, такъ сказать, пораненія и убійства имѣютъ мѣсто не только между предпринимателями и рабочими; и третій элементъ—публика—даже въ минимальной степени не принимается въ расчетъ и не щадится при такомъ безпутномъ расширеніи района забастовокъ.

Вообще, то, что можно назвать штрейкизмомъ, получило прямо безумное распространеніе въ ширь. Забастовка перенесена на чиновничество и вообще въ область отношеній, гдѣ пріостанавливается выполненіе фундаментальныхъ функцій. Раздѣленіе труда, поскольку оно возникало на естественной почвѣ и руководило людьми въ общеніи другъ съ другомъ, является источникомъ неизбѣжныхъ соціальныхъ обязанностей. Когда эти обязанности нарушаются черезъ посредство массовыхъ сообществъ, когда прекращается подвозъ жизненныхъ припасовъ или пріостанавливаются необходимыя производства, — тогда, несомнѣнно, подобная форма классовой борьбы становится достаточно дикой и нездоровой, чтобы заслужить названіе классоваго убійства.

Безнравственныя теоріи, въ особенности же еврейскія теоріи, не однѣ являются причинами того, что возбуждается классовая борьба, а вмѣстѣ съ нею и классовое убійство. На этотъ пагубный путь влекутъ и самые факты, разумѣется, вмѣстѣ съ зародившимися на ихъ почвѣ дурными идеями. Штрейкизмъ, который казался вначалѣ справедливымъ коррективомъ, своей дикой разнузданностью обусловилъ локауты со стороны предпринимателей и такимъ образомъ превратилъ все дѣло въ войну, гдѣ не только нѣтъ и помину объ идеѣ права, но не найдешь даже ни малѣйшаго слѣда такой идеи. Стачечничество приняло характеръ соціально-революціонной похотливости, и такъ называемыя всеобщія стачки поставили себѣ бессмысленную цѣль—разложить существующее общество на отдѣльные атомы и такимъ образомъ разрушить его. Это уже болѣе, нежели классовое убійство; это—что-то вродѣ самоубійства, притомъ такого, въ которое, — смѣшно сказать, — массы вовлекаютъ, въ концѣ концовъ, своихъ собственныхъ членовъ!

2. Если расширить горизонтъ изслѣдованія, то классовая борьба окажется лишь спеціальнымъ случаёмъ такъ называемой борьбы за существованіе. Это послѣднее ученіе и моральное отравленіе имъ міра въ ходу съ

1860 года въ качествѣ безнравственной quasi-естественно-научной теоріи. Полу-столѣтіе и два поколѣнія, зараженные этимъ ученіемъ, являются наиболѣе извращенными, въ нравственномъ и правовомъ отношеніи, изъ тѣхъ, какія можетъ указать исторія. Мы, съ нашей стороны, уже съ самаго начала, т. е. со времени выступленія на сцену этой язвы, борьбы за существованіе, протестовали какъ противъ измышленія quasi-естественно-научной безсмыслицы, трактующей о происхожденіи и совершенствованіи видовъ, такъ и противъ деморализаціи и всеобщаго разрушенія права, которое должно было получиться при распространеніи столь фантастически-фривольныхъ и, въ то же время, грубо-эгоистическихъ ученій. Выступая противъ идейнаго яда, мы не упускали случая всесторонне освѣтить указанную мерзость столѣтія; мы дѣлали это въ самыхъ разнообразныхъ сочиненіяхъ и затѣмъ въ „Персоналистѣ“, при всякихъ, нерѣдко представлявшихся, удобныхъ случаяхъ. Мы почти утомились, возвращаясь, по необходимости, снова и снова къ той же самой темѣ. Но насъ опять принуждаетъ къ тому же самому новая наша задача, именно, связь борьбы за существованіе съ такъ называемой классовой борьбой,—заставляя насъ затронуть новую сторону предмета.

Переносить на человѣчество, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ, какъ нѣчто самопонятное, то, что даже въ области животныхъ понято либо совершенно ложно, либо только, мѣстами, на-половину вѣрно и, во всякомъ случаѣ, вкривъ и вкось,—значить удостоить человѣка такой квалификаціи, которая для лучшаго пониманія звучитъ какъ крайняя степень униженія. Чтобы восполнить мѣру моральнаго яда, это униженіе достоинства человѣка и развращеніе его выдается за премируемый путь къ совершенствованію и къ окончательному совершенству. Въ безнравственной борьбѣ человѣка всѣми средствами противъ себѣ подобныхъ побѣда должна обезпечить размноженіе наилучшихъ по качествамъ индивидуумовъ! Между качествами лучшими считаются такія, которыя имѣютъ слѣдствіемъ переживаніе. Пережившій имѣетъ право—вотъ этотъ дьявольскій девизъ, которымъ освящается всякая несправедливость.

Эту гнусную мысль приложили къ частной жизни и къ политикѣ, къ отношеніямъ личностей и народовъ,—и достигли, поистинѣ, назидательныхъ результатовъ! Измышленіе это нужно было бы назвать съ самаго начала общимъ грабежомъ существованія, если его хотѣли бы понимать прямо и называть правильно. Мы давно уже предложили взамѣнъ выраженіе: убійство за существованіе, а для соотвѣтствующихъ слоевъ, кромѣ того, еще и убійство за богатое существованіе; и уже одно такое много говорящее названіе указываетъ, въ какой степени здѣсь имѣется связь съ классовымъ убійствомъ.

Дарвинизмъ, пущенный въ ходъ тотчасъ же со времени своего появленія въ 1859 г., въ особенности стараніями евреевъ, былъ случайнымъ обстоя-

тельствомъ. за него ухватились скрытыя до той поры дурныя вождельнія и такимъ путемъ создали для себя искусственно нѣчто вродѣ оправдывающей ихъ quasi-науки. Если бы даже и не было англійскаго естество-познавателя à la Дарвинъ, то все равно въ Англии скопившееся огромное бремя дурныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ столь же дурными идеями, скоро привело бы къ отчетливому формулированію дурныхъ принциповъ. Склонность къ этому была у англичанъ налицо уже давно: прославленіе деспотіи гоббизмомъ, а позже мальтузіанство, оправдывавшіе уничтоженіе народовъ, уже подготовили почву.

Но не слѣдуетъ дѣлать отвѣтственными лишь однихъ теоретиковъ или, хотя бы, предпочтительно ихъ: ихъ испорченность коренится въ испорченности, глубже заложенной,—въ испорченности народа и государства.

Большое англійское Я (J) въ смыслѣ эгоизма можетъ претендовать на первое мѣсто сейчасъ же послѣ эгоизма еврейской расы, а это, вѣдь, что-нибудь значить! Англія жила избіеніемъ народовъ и живетъ имъ до сихъ поръ. Проглоченные буры и отношеніе къ темно-цвѣтнымъ африканскимъ расамъ—только новѣйшіе примѣры, между тѣмъ какъ Индія остается болѣе старымъ и наиболѣе крупнымъ позорнымъ пятномъ и постояннымъ напоминаніемъ. Вѣдь собственный ея поэтъ Байронъ долженъ былъ бросить въ лицо достойной Англии обвиненіе, что она на-половину избиваетъ міръ, а на-половину его надуваетъ!

При подобныхъ прекрасныхъ качествахъ нечего удивляться тому, что надъ англійской почвой поднимаются туманы теорій, оправдывающихъ эти качества. Дурная жизнь должна порождать и соотвѣтственно дурныя идеи, а потому, во всякомъ случаѣ, даже безъ появленія той личности, съ которой связанъ дарвинизмъ, прославленіе борьбы за существованіе все равно явилось бы на сцену подъ какой-либо формой.

Сама Англія давно уже борется не только за существованіе, но и за богатое существованіе, за матерьяльное господство надъ міромъ. Въ этой борьбѣ Англія имѣетъ лишь единственнаго конкуррента,—правда, иного сорта, но въ главномъ подобнаго себѣ,—современное еврейство, съ которымъ она нашла полезнымъ, за послѣднее время, открыто дѣлать общее дѣло. Такимъ образомъ выясняется, что не только дурныя дѣла, но и дурныя идеи съ обѣихъ сторонъ наперерывъ поощряются и разносятся повсюду, какъ что-то, достойное прославленія.

3. Какъ ни превратно понималась такъ называемая борьба за существованіе, однако, въ области естествознанія, она не дошла до такихъ извращеній, до которыхъ договорились теоретики—проповѣдники классовой борьбы; да и не могла дойти. Еврейскіе главные представители ограниченнѣйшаго и безсмысленнѣйшаго, каррикатурнаго социализма декретировали,—именно по своей тупости,—что классовое государство должно исчезнуть. Эта,

преимущественно марксовская, ложь должна означать, что нужно стереть всѣ классовыя различія, какія нашли для себя въ государствѣ и въ обществѣ отчетливую форму выраженія и признаніе. Должна остаться одна безформенная, однородная масса. Однако, эта сѣрая всепролетарская масса—только лицемѣрный предлогъ. Имъ прикрывается еврейство, которое желаетъ вѣчно заниматься нивеллирующей стрижкой и паразитировать, т. е. господствовать надъ массой въ неклассовомъ, такъ называемомъ, государствѣ будущаго, овладѣвая всѣми руководящими и вліятельными мѣстами и функціями.

Но если даже отвернуться отъ этой еврейской перспективы и на минуту принять въ серьезъ уничтоженіе классовъ, то и тогда, во всякомъ случаѣ, неклассифицированное общество останется бессмысленнымъ порожденіемъ самой тупой теоріи. Оно было бы чудовищностью, даже прямо карикатурой на всякое общество; ибо всѣ общественныя формы,—хороши онѣ, или худы,—основываются на разграниченіи функцій и на раздѣленіи труда. Если даже просѣять критически всѣ несправедливыя, или вообще неприемлемыя, ложныя формы исторически сложившейся общественности, то, все-таки, останется довольно много неизбѣжныхъ различій, которыми нельзя пренебречь и которыя нельзя и не должно уничтожать. Въ царствѣ животныхъ, вѣдь, нельзя было бы изобрѣсти подобной безсмыслицы: тамъ то именно образованіе уклоненій и видовъ и было тѣмъ, что должно было возникнуть путемъ борьбы за существованіе и принимать все болѣе и болѣе опредѣленныя формы. Если бы тамъ кто-либо вздумалъ утверждать, что виды, принимающіе все болѣе и болѣе рѣзко-выраженныя, иногда даже неподвижныя формы, должны исчезнуть и уступить мѣсто первобытному однообразному киселю жизни,—то вся теорія, и безъ того небезошибочная, нанесла бы сама себѣ ударъ, такъ сказать, въ лицо: къ первоначальной безсмыслицѣ она прибавила бы еще худшую окончательную безсмыслицу. Слѣдовательно, по-еврейски тупой социализмъ можетъ въ этомъ отношеніи похвастаться, что онъ далъ созрѣть наиболѣе нелѣпому плоду теоріи.

Общество безъ классификаціи!—взвѣсьте только, что это должно значить съ точки зрѣнія строгаго мышленія. О совершенно неизбѣжномъ раздѣленіи труда я говорить не буду; понятно само собою, что, если всякій не будетъ во всѣ времена дѣлать всякое дѣло, т. е. не будетъ дѣлать все для самого себя самъ, безъ посторонней помощи, то уже по этому одному должны возникнуть различія. Но если бы даже, до нѣкоторой степени, и осуществилось такое самоизолированіе и самоудовлетвореніе, какъ у дико-живущихъ животныхъ, то, все-таки, обстоятельства и особенности индивидуума, точно такъ же, какъ и въ животномъ мірѣ, повлекли бы за собой дифференцировку жизни, способностей и потребностей. Въ какой же мѣрѣ больше должно это проявляться, если мы оставимъ точку зрѣнія животнаго и взвѣсимъ, какія

различія должны быть послѣдствіемъ развитія у сверхъ-животнаго! Грубое и тонкое нельзя отождествить и соединить въ однихъ и тѣхъ же функціяхъ. Привычка создаетъ особенные типы и характеры и позволяетъ имъ даже такъ вкорениться, что о переходѣ къ другимъ формамъ жизни едва-ли можетъ быть иногда и рѣчь.

Возлѣ или, лучше сказать, выше хозяйственнаго раздѣленія труда лежитъ еще другое, гораздо болѣе важное, чисто личное разграниченіе; оно основывается на свойствахъ пола и расы, вообще на такихъ качествахъ, которыя появляются при дифференцировкѣ особенныхъ жизненныхъ условій. Если даже мы отбросимъ всѣ несправедливыя формы, вродѣ всѣхъ первоначальныхъ формъ господства и рабства,—чѣмъ совсѣмъ не занимается тупой по отношенію ко всякимъ идеямъ права социализмъ,—то, все-таки, останется достаточно традиціонныхъ отношеній, которыхъ нельзя и не должно устранять. Различіе половъ и примыкающее къ нему образованіе брака и семьи,—какъ ни великъ ихъ вѣсъ,—на самомъ дѣлѣ не единственная важная форма различія. Уже одни нравственныя качества и ихъ вліяніе на образъ жизни индивидуумовъ и группъ опредѣляютъ собою цѣлый строй различныхъ общественныхъ отношеній. Не безразлично, вѣдь, чѣмъ опредѣляется благосостояніе личностей или группъ и судьба потомства даннаго поколѣнія: прилежаніемъ или лѣнностью, предусмотрительностью или легкомысліемъ.

Итакъ, если даже мы вообразимъ, что изгнана всякая преступность, созданная ненормальными неравенствами, то, все-таки, именно въ области добра останется въ силѣ благотворная дифференціація; и ополчатся на нее было бы высшей степенью предательства по отношенію ко всему болѣе благородному. Къ такому высшему предательству и клонится приманка, сулящая въ будущемъ уничтоженіе классовъ; она бросается наиболѣе дурнымъ элементамъ массъ, чтобы сформировать изъ нихъ партію преступниковъ и уловить ихъ для службы партіямъ, находящимся въ рукахъ евреевъ.

4. Чтобы еще болѣе глубоко разъяснить главный пунктъ, вернемся отъ каррикатурной классовой борьбы снова къ общей теоріи вымышленной борьбы за существованіе. Какіе естественные факты лежатъ въ основѣ связанныхъ съ этой теоріей фантазій и фривольныхъ гипотезъ? Конечно, не такіе, которые давали бы право на извѣстныя намъ подтасовки! Несмотря на примѣсы всякихъ раздоровъ и преступленій, дѣйствительное, естественное отношеніе вещей, если смотрѣть на него не предвзято, неизмѣримо болѣе невинно. Разумѣется, мы не будемъ обращаться къ абсолютно-нулевому, начальному пункту всякаго бытія, или даже къ началу ощущенія, вмѣстѣ съ которымъ приобрѣли свой смыслъ счастье и несчастье, добро и зло. Нѣтъ необходимости въ такихъ крайнихъ экскурсіяхъ въ область мышленія и знанія, чтобы достаточно твердо установить характеръ природы, который для сознательнаго человѣка понятенъ самъ собою.

Природа не есть совокупность пауковъ, побивающихъ и пожирающихъ другъ друга. За исключеніемъ хищныхъ животныхъ и, несомнѣнно, аналогичнымъ образомъ возникшихъ хищниковъ-людей, природа является совокупностью существъ, которыя стремятся бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ обезпечить себѣ существованіе и продолженіе рода, которыхъ жизнь ведетъ, отчасти, къ взаимнымъ соприкосновеніямъ, къ взаимному общенію. Въ послѣднемъ отношеніи сверхъ-животное, называющее себя человѣкомъ, играетъ выдающуюся роль. Какъ бы кто ни думалъ о добрѣ и злѣ, во всякомъ случаѣ, не имѣется налицо никакого общаго, сознательнаго стремленія людей драться и вредить другъ другу. Если гдѣ либо и получается, при столкновеніяхъ, вредъ и обида, то мы имѣемъ тамъ предъ собою вліяніе слѣпыхъ побужденій, еще не привыкшихъ, подъ руководствомъ разума и справедливости, взаимно ограничивать свои дѣйствія.

Въ конечномъ счетѣ важнѣйшей основной формой столкновеній самыхъ разнообразныхъ существъ является ихъ общая конкуренція на почвѣ естественныхъ средствъ къ жизни и вообще на почвѣ природы, поскольку она служитъ имъ для существованія и пропитанія. Здѣсь области, которыми распоряжается особь, болѣе или менѣе разграничены. Въ человѣческомъ мірѣ результатомъ такой конкуренціи является частная собственность и, что особенно важно, собственность на землю; разъ эти сферы дѣятельности фиксированы, — хорошо или дурно, справедливо или несправедливо, все равно, — получаютъ послѣдствія большого значенія. До тѣхъ поръ еще не имѣвшая точки опоры конкуренція получаетъ твердую опору, и извѣстное неравенство въ просторѣ для дѣятельности есть естественнѣйшее изъ всѣхъ ея послѣдствій. Здѣсь можетъ возникать только вопросъ о томъ, не примѣшалась ли несправедливость къ такимъ формамъ общенія. Не всегда можно вполне кассировать такую несправедливость. Однако, всегда остается возможность исключить ее или что-либо ей подобное на будущее время и такимъ образомъ предупредить дальнѣйшее накопленіе вреда. Такъ какъ случившіеся факты не остаются на всѣ времена, то уже это одно открываетъ нѣкоторый выходъ и возможность прямого и естественнаго хозяйственнаго исправленія прежнихъ промаховъ. Исторію нельзя начинать сначала; но несомнѣнно, что ее можно продолжать такъ, что она, до нѣкоторой степени, будетъ сама себя исправлять и возмѣщать вредъ, причиненный ею же самою.

Итакъ, если обозрѣть весь рядъ собственно-животныхъ, низшихъ ступеней, то такъ называемая борьба за существованіе, подобно войнѣ, окажется, на самомъ дѣлѣ, не правиломъ, — хотя бы даже въ отдаленномъ смыслѣ слова, — но только исключеніемъ. Среди дико, т. е. свободно живущихъ животныхъ хищники представляютъ собою просто лишь преступное отродье. Наконецъ, и уничтоженіе невинныхъ существъ человѣкомъ только

тамъ не является несправедливостью, гдѣ эти существа не могутъ ограничить своей тенденци къ размноженію и вредятъ, конкурируя на почвѣ средствъ пропитанія. Такой случай, являющійся въ животномъ царствѣ правиломъ, въ сферѣ всеобщей конкуренціи, конечно, оправдываетъ уничтоженіе, но еще не даетъ права человѣку взять на себя функцію хищнаго животного, не даетъ права на режимъ избіенія. Такой режимъ характеризуетъ лишь дѣятельность хищнаго звѣря, который въ человѣческомъ сверхъ-животномъ принялъ только еще болѣе безчеловѣчный видъ, чѣмъ у подлиннаго звѣря.

Поэтому, если собрать вмѣстѣ всѣ заблужденія, всѣ преступленія природы и исторіи, то все-таки, какъ правило, возобладаетъ такое отношеніе, котораго нельзя будетъ охарактеризовать, какъ принципиальную борьбу за существованіе. Всеобщая конкуренція въ области дѣятельности существъ, сама по себѣ, не является еще преступнымъ фактомъ; подлинная негодность имѣетъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ средства конкуренціи оказываются дурными и преступными. Даже гдѣ только уважаютъ другъ друга за одну лишь взаимную силу, даже тамъ еще не получается разбойничьей формы отношеній. Наоборотъ, когда кто-нибудь просто преслѣдуетъ свои интересы, но притомъ не эгоистично, т. е. безъ вреда для другого, то уже одно это обстоятельство ведетъ къ побужденіямъ добровольной справедливости. Кто стремится къ ограниченію сферъ конкуренціи справедливымъ путемъ, тотъ находится на вѣрной дорогѣ. Такое стремленіе, если предположить природную неиспорченность въ остальномъ, для лучшаго пониманія оказывается необходимою. Поэтому въ сверхъ-животномъ добро возможно въ совершеннѣйшей формѣ, если оно можетъ явиться хотя бы даже позднимъ плодомъ созрѣвшаго, въ смыслѣ опыта и мысли, пониманія всего рода. На первое же время довольно знать, по крайней мѣрѣ, что общая борьба за существованіе есть лживая подтасовка, которая, къ тому же, исходитъ отъ людей, навязывающихъ вещамъ свою собственную гнилую сущность и желающихъ оправдать и даже прославить свою собственную испорченность, неспособную къ лучшимъ концепціямъ.

5. Въ спеціальной формѣ борьбы классовъ мы имѣемъ аналогію общей борьбѣ за существованіе постольку, поскольку и здѣсь лежатъ въ основѣ естественные факты, которые, однако, ни въ коемъ случаѣ не заходятъ дальше, по большей части, невинныхъ классовыхъ противоположностей. Но простая противоположность не есть еще борьба въ отвратительномъ смыслѣ этого слова. Противоположность интересовъ ведетъ къ такой борьбѣ только тамъ, гдѣ напередъ уже примѣшивается несправедливость внутри самыхъ отношеній, или гдѣ къ тому же присоединяется натравливаніе извнѣ. Вообще, поскольку право получало нѣкоторое признаніе и поскольку хозяйственныя взаимоотношенія опредѣляли собою общественныя расчлененія,

общество имѣло склонность къ мирной взаимопомощи и дѣйствительно устраивалось по этому масштабу, несмотря на нѣкоторые исключенія.

Эти исключительные факты состоятъ въ первобытныхъ традицияхъ господства и рабства. Традиции эти—наиболѣе дурное наслѣдие истории, но онѣ отнюдь не то, чѣмъ орудуютъ люди, разжигающе классовую борьбу. Нынѣшніе социалдемагоги, вмѣстѣ съ евреями или ихъ друзьями, скорѣе избѣгаютъ указывать, какъ на рѣшительное основаніе всякихъ раздоровъ, на главную причину разлада между сословіями, именно, они не протестуютъ противъ искусственно созданнаго военнаго класса. Свобода для нихъ и для ихъ цѣлей — слишкомъ высокое понятіе. Они оперируютъ съ интересами пропитанія и съ резонами желудка. Такъ какъ они сами не знаютъ ничего, кромѣ матерьяльныхъ вожделеній, то и въ обществѣ видятъ они только грабителей - предпринимателей и всегда и всюду обдѣляемыхъ рабочихъ, или желаютъ, по крайней мѣрѣ, чтобы такая точка зрѣнія, хотя они сами уже не вѣрятъ въ нее, все-таки, оставалась въ силѣ на всѣ времена. Такимъ образомъ такъ называемый капиталъ выдается за *bête noire*, и такъ называемая классовая борьба принимаетъ характеръ дѣла, которое называетъ себя или прикидывается антикапиталистическимъ.

Но дѣло на этомъ не останавливается. Антикапитализмъ произвольно превращается въ нѣчто, направленное противъ всякой собственности, въ нѣчто, игнорирующее естественнѣйшія первоначальныя понятія всякаго права, — однако, не отрицая ихъ и не оспаривая прямо и открыто; выходитъ такъ, какъ будто бы абсолютное безправіе въ области владѣнія есть вещь, которая разумѣется сама собою. Исходя отсюда, покровительствуются грабительскія склонности, и если уже не теперь, то, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ наступитъ полная необезпеченность владѣнія. А дальше—лишь одинъ шагъ къ необезпеченности и самой жизни, какъ это,—преимущественно, но не исключительно,—показали событія въ Россіи. Значитъ и въ этомъ направленіи матеріальная классовая борьба въ формѣ травли легко и быстро превращается въ классовое убійство.

Тамъ, гдѣ имѣли мѣсто простыя противоположности и были возможны примиряющія взаимныя объясненія, отравленная каррикатурная теорія и всюду зараженная еврейскимъ духомъ практика довели социальное положеніе вещей до крайностей и искусственно создали напряженную атмосферу, которую можно объяснить только травлей. По отношенію къ такому сбившемуся съ пути и разлагающемуся состоянію должно, конечно, громко заявлять о необходимости социальнаго спасенія. Но посмотримъ сначала, отъ чего прежде всего нужно охранять и спасать.

Если бы все происходило само собою, безъ примѣси яда травли, то мы имѣли бы, безъ сомнѣнія, социальныя распри и соперничества классовъ, но только подъ верховенствомъ идей права. Въ дѣйствительности же полу-

чился принципиальный, и притомъ преимущественно отъ евреевъ исходящій, посѣвъ классовой ненависти, въ особенности, въ видѣ капиталдемагогии. Этотъ посѣвъ классовой ненависти привелъ къ двойной жатвѣ: во-первыхъ, онъ привелъ къ триумфу натравливанія, а затѣмъ и къ расовой ненависти, которая, разъ вредъ сознанъ, проявляется естественно и справедливо. Это возмездіе за возбужденіе классовой ненависти возобновленіемъ и возрастаніемъ всемірно-исторической ненависти къ еврейской расѣ — совершенно въ порядкѣ вещей. Но расовая борьба, разъ она пущена въ ходъ надлежащимъ образомъ, можетъ только тогда привести къ социальному миру, когда она одолѣетъ главнаго виновника классовой борьбы.

Въ противномъ случаѣ явилось бы ужасающей неизбежностью классовое убійство, и притомъ въ смыслѣ, благоприятномъ еврейскому господству, которое могло бы хорошо устроиться на социальныхъ развалинахъ. Въ Россіи, на примѣръ, теперь приходится выбирать уже только между двумя формами варварства: между еврейскимъ режимомъ обирания и парламентскихъ гримасъ, — режимомъ, который, въ сущности, есть хаосъ, — и между тѣмъ антиварварствомъ, которое было бы только-только достаточно для того, чтобы очистить русскій народъ отъ вселившейся въ него еврейской инфекции, а русскую почву — отъ загрязненія ея евреями.

Но я откладываю до другого мѣста книги всякое ближайшее изслѣдованіе подобныхъ неизбежностей, которыя, смотря по различію народныхъ характеровъ, могутъ принимать различныя формы. Варварство еврейскаго натравливанія на классовую борьбу, однако, — столь очевидный фактъ, что нечего удивляться, если даже въ Сѣверной Америкѣ, — этомъ Эльдорадо евреевъ, — дѣло дойдетъ, въ концѣ концовъ, еще разъ до того, что придется прибѣгнуть къ помощи противуварварскихъ мѣръ. Но оставимъ американскую сторону нашей планеты и обратимся прямо къ все болѣе созрѣвающему еврейскому плоду, а именно, къ умноженію и возрастанію всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя заражаютъ гангреной народныя массы и располагаютъ ихъ къ гнилости.

II.

ГНИЛОСТЬ МАССЫ.

1. Когда говорятъ о массѣ или о массахъ, то обыкновенно разумѣютъ преимущественно низшіе, наиболѣе широкіе слои. Въ настоящее же время при словѣ масса возникнетъ, конечно, мысль только о пролетаряхъ, т. е. главнымъ образомъ о наемныхъ рабочихъ, будетъ ли это городское, фабричное, или сельское, земледѣльческое населеніе. Но мы должны напередъ уже указать здѣсь, что попытки смѣшенія классовъ, о которыхъ мы напомнили

въ предыдущемъ отдѣлѣ, ясно рисуютъ иную картину массы, болѣе широкую, даже всеобъемлющую. Все, что могли заполучить гдѣ нибудь демагоги, объединено въ одинъ массовый типъ съ цѣлью образованія партіи. Таковы мѣщане и низшіе служащіе и даже такіе официальные чиновники, которые партіей отдаются въ распоряженіе массы, разъ они соблазнились сдѣлать малѣйшій шагъ въ этомъ направленіи и, на примѣръ, согласились оказывать поддержку въ тайныхъ выборахъ тамъ, гдѣ массовое избирательное право уже въ обычаѣ.

Поэтому едва ли возможно всегда провести здѣсь рѣзкія границы. Логическая связь изложенія сама должна всегда показать, что нужно разумѣть подъ извѣстнымъ выраженіемъ масса. И такъ какъ у насъ темой служить начинающаяся гнилость массъ, въ первыхъ стадіяхъ которой мы находимся, то не особенно важно, будутъ ли понимать массу нѣсколько шире или нѣсколько уже. Гнилость сословій, высшихъ и наивысшихъ, — старая тема, давно уже разобранныя нами въ прежнихъ сочиненіяхъ, съ нашей критической точки зрѣнія. Но, вѣдь, послѣ верховъ и обычныхъ господствующихъ общественныхъ слоевъ, и широкая основа общества, его фундаментъ, также заслуживаетъ осмотра въ смыслѣ гнилости и порчи или, по меньшей мѣрѣ, въ смыслѣ разстройства.

Нельзя уже болѣе отрицать начинающейся порчи широкой основы общества, съ тѣхъ поръ какъ съ присущей ей грубостью и съ первобытными, такъ сказать, задатками испорченности сочеталась еще зараза, исходящая отъ разложенія нравственности и интеллекта высшихъ слоевъ. Именно социалдемагоги сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы въ низшихъ классахъ поощрить подражаніе дурнымъ сторонамъ образа жизни высшихъ классовъ и заразить ихъ жаждой рафинированныхъ наслажденій. Такимъ образомъ скоро получится одна общая каша довольно однородныхъ экстравагантностей. А чего не достаетъ низшимъ слоямъ въ средствахъ и что ограничиваетъ для нихъ интенсивность и утонченность дурной жизни, то они возмѣстятъ широтой распространенія и замѣнятъ топорностью. И такъ, нѣтъ никакого основанія особенно заботиться о различеніи обоихъ понятій о массѣ. Возрастающее смѣшеніе классовъ въ сферѣ дурного есть фактъ, и даже тамъ, гдѣ это ведетъ къ взаимному утопленію въ крови и убійствѣ, оба способа дѣйствій, которые здѣсь можно различить, въ сущности, происходятъ отъ одного корня. Въ корнѣ совершенно одинаковая насильственность дѣйствій — вотъ что теперь проявляется съ обѣихъ сторонъ, только въ различныхъ формахъ. Кромѣ того, здѣсь видны одни и тѣ же эгоистически-несправедливыя притязанія, которыя другъ съ другомъ сшибаются и стараются истребить другъ друга, причемъ ни одна изъ сторонъ даже не видитъ, какъ онѣ извращены

2. Согласно съ тѣмъ, что сказано, основа и верхи общества могутъ

быть соединены вмѣстѣ, и то, что мы называемъ гниlostью массы, получаетъ одинъ и тотъ же смыслъ, имѣются ли въ виду обѣ или только одна изъ ея частей. Но нѣтъ ли чего-нибудь между ними такого, что находится въ болѣе здоровомъ состояніи и что не слишкомъ сильно заражено ни той, ни другой стороной? То, что играетъ въ политикѣ роль такъ называемаго средняго сословія, конечно, не можетъ считаться находящимся въ такомъ состояніи. Подъ этимъ сословіемъ разумѣютъ, большею частью, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, причемъ подъ первыми разумѣютъ людей, ограниченныхъ цехами, а подъ вторыми людей, высматривающихъ изъ своего ограниченнаго круга мелкой конкуренціи подачки со стороны государства. Съ такого рода духовнымъ содержаніемъ,—которому, конечно, не можетъ помочь небольшое количество антисемитизма ложнаго реакціоннаго сорта,—нельзя начать ничего путнаго. Оно даетъ только мелкую гальку, которая, вмѣсто того, чтобы помочь провести границу, сама служитъ для образованія классовой мѣшанины и общественной путаницы.

Но можно установить иное, болѣе свободное понятіе о подлинномъ среднемъ слоѣ. Этотъ слой состоитъ, прежде всего, изъ горожанъ и крестьянъ съ самостоятельнымъ, но умѣреннымъ достаткомъ; однако, не только изъ такихъ элементовъ: сюда же входятъ и тѣ частные служащіе и официальные чиновники, коихъ потребленіе почти соотвѣтствуетъ указанной бюргерской или крестьянской мѣркѣ. Главное отграниченіе, однако, вовсе не количественное, т. е. не такое, чтобы во всякое время и во всякомъ мѣстѣ можно было привести суммы и степень простора дѣятельности, которыми опредѣляется различіе. Руководящее понятіе здѣсь, скорѣе, — нравственное, а именно, это—понятіе о простотѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о хозяйственной самостоятельности и солидности образа жизни. Гдѣ начинается пролетарій, живущій тѣмъ, что идетъ изъ рукъ въ ротъ, тамъ кончается этотъ лучший средній слой. И всякій чиновникъ, который не обходится своимъ жалованіемъ, плохо хозяйничаетъ или даже только ничего не берегаетъ, экономически уже не принадлежитъ къ этой лучше поставленной средней категоріи, если бы даже онъ, въ остальномъ, и продолжалъ лучшія или, по крайней мѣрѣ, сносныя традиціи сословія. Конечно, подобная вещь случается рѣдко; иногда, однако, дурное веденіе домашняго хозяйства, — просто по легкомыслію, — можетъ соединяться съ хорошими качествами въ другихъ отношеніяхъ.

Все понятіе о дѣйствительно лучшемъ слоѣ, занимающемъ средину между двумя крайними вырожденіями, содержитъ въ себѣ нѣчто идеальное, но этому идеальному отвѣчаетъ нѣкоторая дѣйствительность. По нашей системѣ, дѣло заключается въ томъ, чтобы указанную дѣйствительность расширить, уменьшивъ крайности или даже, по возможности, сведя на нѣтъ ихъ экстравагантный характеръ. На такую задачу, а также на ближайшія

средства и пути ея разрѣшенія мы уже указывали въ сочиненіи „Вооруженіе, капиталъ, трудъ“. Здѣсь нашъ долгъ—специально показать, насколько рѣшеніе задачи зависитъ отъ созданія дѣйствительнаго права, которое, выходясь надъ политикой съ ея обычнымъ обманомъ и надъ полукостицей съ ея неудовлетворительностью и двусмысленностью, становится носителемъ высшей правды и лучшей воли.

О смыслѣ, который соотвѣтствуетъ нашему призыву къ разпролетаризации, мы напоминаемъ здѣсь лишь мимоходомъ. Пролетарии должны перестать быть только массой, т. е. должны отказаться проявлять только свойства массы, подобной стаду. Пусть лучше каждый подумаетъ о томъ, чтобы подняться до индивидуальной хозяйственной самостоятельности и для этой цѣли сберечь умѣренную сумму денегъ, какъ своего рода страховой капиталъ, который даетъ возможность сберечь личную свободу среди отношеній экономической зависимости. Вотъ наша идея; и мы ставимъ ее на мѣсто перспективъ, указывающихъ на такъ называемое государство, которое должно обо всемъ позаботиться. Это туманное представленіе о все-опекающемъ государствѣ есть представленіе рабское, присущее массамъ, понимая ихъ въ дурномъ смыслѣ слова; въ такомъ государствѣ всякая свобода будетъ уничтожена. Но даже и цѣной свободы нельзя было бы еще здѣсь достигнуть цѣлей желудка; скорѣе получились бы въ результатъ хаосъ въ государственной формѣ и полная неустойчивость.

Масса, по своей неспособности мыслить глубже, позволяетъ дурачить себя иллюзіями, которыми приманиваютъ ее мечтатели и обманщики или люди, представляющіе то и другое вмѣстѣ; приманка бросается съ тѣмъ расчетомъ, чтобы большею частью массы можно было командовать и обирать ее, въ то время какъ другая часть, предающая первую, питается плодами напущеннаго тумана и произведеннаго имъ одурѣнія. Всему этому можно было бы помѣшать, если бы удалось провести индивидуальный принципъ, т. е. подорвать надлежащимъ образомъ уваженіе къ принципу массоваго существованія и къ желанію оставаться въ такомъ состояніи. Идея средняго слоя указываетъ только направленіе пути къ этой цѣли; въ концѣ концовъ, все должно придти къ тому, чтобы образовалось единое общество, состоящее изъ индивидуумовъ, хозяйственно самостоятельныхъ, снабженныхъ полной, но справедливой мѣрой достатка, причемъ и жизненные средства высшихъ десяти тысячъ будутъ приведены къ правильнымъ размѣрамъ.

3. Противоположный путь—тотъ, на который толкаетъ, помимо воли, и неизбежно начинающаяся гнилость массы. Однако, прежде чѣмъ разсмотримъ ближе эту фактическую сторону общей гнилости, я хочу, въ интересахъ безпартійности, указать на особенный характеръ той роли, которую масса играла съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество помнить себя, и постоянно вновь ее играетъ. О массѣ можно, въ самомъ дѣлѣ, сказать кратко, что ея удѣ-

ломъ всегда было — поддерживать бывшія въ ходу суевѣріе и порабощеніе. При этомъ, будемъ ли мы понимать массу въ болѣе тѣсномъ или въ болѣе широкомъ смыслѣ, дѣло не измѣнится. Религіозный обманъ и политическое суевѣріе никогда не утвердили бы своего господства, если бы ихъ не защищали массы. Дѣйствительно выдающіяся личности, появлявшіяся въ царствѣ сверхъ-животнаго и не льстившія глупости массы, всегда оказывались въ дурномъ положеніи и еще никогда не были въ состояніи свободно дышать. Насиліе массы, если не уничтожало ихъ, то, во всякомъ случаѣ, не позволяло имъ подняться наверхъ, мѣшало проявленію ихъ существа.

Въ области религіи нужно принять въ расчетъ всемірно-историческое отношеніе вещей, на которое мы только-что указали, но не требуется никакихъ дальнѣйшихъ поясненій. Это отношеніе весьма ясно. Никакой, дѣйствительно просвѣщенный въ серьезномъ смыслѣ слова, человекъ не станетъ здѣсь спорить и не затруднится подыскать примѣры. Всюду, гдѣ въ этой области появлялось болѣе ясное пониманіе, оно всегда было связано съ выдающимися личностями и съ группами, находившимися подъ ихъ вліяніемъ. Напротивъ, суевѣріе въ области политики не такъ легко разглядѣть, какъ суевѣріе въ области религіи. Но и политическое суевѣріе коренится въ рабской покорности массы, и безъ поддержки массы не могло бы пустить глубокихъ корней или долго продержаться. Это суевѣріе въ настоящее время даже еще гораздо менѣе разрушено, нежели суевѣріе религіонистическое, которое даже въ массахъ получило уже столько пробоинъ.

Политическое суевѣріе съ самаго начала окружало ложнымъ сіяніемъ носителей власти, даже въ лучшихъ античныхъ государствахъ. Въ періоды же упадка оно было опорой цезаризма, который являлся такой подходящей для массъ политической формой. Уже тогда загнившая масса не могла представить себѣ обезпеченными свое собственное царство и, такъ сказать, свое сервильное господство безъ посредства главнаго мастера по части массовыхъ побужденій, который бы, при случаѣ, сыгралъ злую штуку съ прочими элементами общества и все смѣшалъ въ одну кашу политическаго рабства. Вотъ что именно придало характерный типъ цезаризму опускавшагося Рима, причемъ собственно рабы даже не принимали въ этомъ рѣшающаго участія.

И если теперь гдѣ нибудь нарождается имперіализмъ, въ современномъ смыслѣ, причемъ даже въ Сѣверной Америкѣ имѣются налицо поползновенія къ этому, такъ и тамъ ему благопріятствуетъ именно политическая тупость массы. Это—вовсе не потребность въ доброй диктатурѣ для переходнаго момента, т. е. для приведенія въ порядокъ общественнаго хаоса; наоборотъ, совершенно обычное тяготѣніе массы къ представителю ея собственныхъ жадныхъ вождѣленій, ея собственнаго вырожденія и нерадивости— вотъ что побуждаетъ массы слѣдовать цезаристическимъ импульсамъ.

Вспомнимъ же опять общую и, въ особенности, античную исторію.

Кто представлялъ тогда массу? Первоначально, напримѣръ, въ раннія, сравнительно лучшія, времена Рима, къ ней вовсе не причисляли рабовъ. Собственно пролетаріями, т. е. тѣми, кому было дано первоначально это названіе, и съ которыхъ оно было, довольно неправильно, перенесено въ наши отношенія, — такими пролетаріями были свободные люди, бывшіе, въ смыслѣ свободы, равными всѣмъ другимъ римскимъ гражданамъ. Но уже въ первыя времена, въ такъ называемый періодъ царей, пролетаріи образовали при политическихъ выборахъ низшую трибу, лишенную силы. Ихъ функціи въ области гражданской жизни состояли лишь въ томъ, что они заботились о продолженіи потомства — поистинѣ, комическій контрастъ съ высоко состоятельными гражданами послѣдующаго цезаристическаго государства, которыхъ никакими законами и даже потерей наслѣдства не могли заставить подарить міру достаточно потомства. Такимъ образомъ пролетаріи были безсильною, свободною *proles*, т. е. насѣдками. Они и представляли собственно массу; рабы же, какъ въ частномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, были чѣмъ то совершенно пассивнымъ.

Только позднѣе, послѣ того, какъ рабовъ стали массаами отпускать на волю, т. е. послѣ возникновенія классовъ либертовъ и либертиновъ, потомство прежнихъ рабовъ получило возможность прямого вліянія на общество, а въ качествѣ составной части массы, до нѣкоторой степени также и на политику. Это былъ процессъ, подобный тому, при которомъ совершилось наше новѣйшее освобожденіе крѣпостныхъ и тягловыхъ. Только новѣйшее смѣшеніе массы съ прежними лично-несвободными элементами теперь гораздо болѣе значительно; оно даже совершенно всеобщее, такъ какъ собственно рабское состояніе въ странахъ съ новѣйшей цивилизаціей принципиально уничтожено, сколько бы ни старались въ областяхъ, гдѣ дѣйствовалъ колониальный разбой, вновь возстановить это рабство подъ видомъ скрытыхъ его суррогатовъ.

4. Если оцѣнить правильно историческую традицію, которая держитъ массу въ духовномъ и политическомъ рабствѣ, то покажется труднымъ найти здѣсь какой-либо выходъ. Отъ высшихъ классовъ идетъ разложеніе традицій, но вмѣстѣ съ дурнымъ оно поражаетъ и хорошее. Напримѣръ, просвѣщеніе въ сферѣ религіи, конечно, хорошая вещь. Но если только на мѣсто устраненнаго суевѣрія не ставится довѣріе къ міровому порядку и къ перво-принципамъ міра, то даже у наиболѣе образованныхъ людей, а тѣмъ болѣе, во сто кратъ, у необразованныхъ, — все становится ненадежнымъ или даже грубо-варварскимъ. Не только мораль разрушается въ своихъ послѣднихъ основоположеніяхъ; все пониманіе бытія дѣлается такимъ противорѣчивымъ, что исчезаетъ изъ жизни всякое высшее, длительное, всестороннее удовлетвореніе ею. Если даже люди бросаются тогда въ разныя жизненныя наслажденія, то, все-таки, общій взглядъ на жизнь остается

неутѣшительнымъ, даже подавляющимъ, такъ какъ нѣтъ никакой глубоко заложеной опоры; кромѣ того, въ этомъ случаѣ всякая индивидуальная надежда, послѣ устранения потусторонней безсмыслицы отпадаетъ, не будучи, однако, замѣщена ободряющей перспективой продолжающейся жизни рода или, хотя бы, семьи.

Главное зло такого положенія состоитъ въ томъ, что люди, помимо своей воли, вынуждены заключать о цѣломъ вещей по собственной своей сущности. Состоянія, при которыхъ создались лучшія или даже прямо благородныя концепціи божествъ, были отнюдь не изъ самыхъ дурныхъ. Люди понимали самихъ себя, конечно, фантастически; но они имѣли внутри себя фондъ, позволявшій имъ создавать идеалы, вкладывая въ вещи нѣчто доброе или предполагая въ нихъ добро. Если сравнить съ этимъ опустошенныя въ религіозномъ отношеніи, разлагающіяся состоянія, то окажется, что современный имъ упадокъ нравовъ и качествъ людей подготавливаетъ почву, на которой вырастаетъ гипотеза всеобщаго осточертѣнія и распространяется абсолютный міровой пессимизмъ. Гдѣ пессимизмъ охваченъ потустороннимъ безуміемъ, хотя бы, какъ въ буддизмѣ и шопенгауеризмѣ, въ формѣ только разукрашеннаго фантазіей ничто, тамъ еще имѣется нѣкоторый остатокъ религіонизма, и притомъ очень древняго рода. И совершенно справедливо, если подобныя вещи постигнетъ то универсальное уничтоженіе, которое отнюдь не можетъ остановиться на отрицаніи міра, но прежде всего должно уничтожить всякую фантастику. То, что затѣмъ остается, если не наталкивается на что-нибудь лучшее и дѣйствительное, неизбежно превращается въ безусловный и безвыходный пессимизмъ.

Дѣла въ этомъ отношеніи не были бы такъ плохи, если бы переходное время и его люди, въ общемъ, были лучше. Они носили бы тогда въ себѣ самихъ фондъ и ручательство за наличность чего то лучшаго въ цѣломъ вещей. Они лучше понимали бы прошлый міръ и все бывшее, они были бы въ силахъ искать болѣе благородныхъ принциповъ въ основѣ бытія. Конечно, возникшее отсюда до вѣрїе имѣло бы корень въ самихъ людяхъ; но именно это обстоятельство и есть—лучшее. Въ концѣ концовъ, вѣдь, лучшіе люди не могутъ, практически, рассчитывать въ мірѣ ни на кого, кромѣ подобныхъ себѣ, т. е. опять-таки лишь на хорошихъ людей. И этого довольно: все будетъ выглядѣть тогда болѣе удовлетворяющимъ образомъ. Дурныя стороны исторіи будутъ разсматриваться какъ факты, полная мѣра дрянности которыхъ стала ясной только позднѣйшему, проясненному сознанію; первоначально же, для непосредственныхъ участниковъ дурныхъ дѣлъ, дрянность эта не была ясна субъективно въ такой же мѣрѣ. Такимъ образомъ можно представить себѣ извѣстное примиреніе съ бытіемъ и міромъ. Но здѣсь нужны доброе настроеніе и широко-развитой разумъ, даже вообще необходима совершенно здоровая конституція чловѣка, если имѣется въ виду заполнить тотъ пробѣлъ, который оставилъ послѣ себя потерпѣвшій крушеніе религіонизмъ.

Я сейчас напоминаю о тягостях, связанных с разложением религии даже для наиболее просвещенных людей, для того, чтобы показать, что должно происходить с необразованной или полу-образованной массой, когда она, в свой черед, бывает задета разлагающим религию просвещением. Просвещение до сих пор, вѣдь, останавливалось на полу-пути и приводило к самой вредной неустойчивости. У масс, при таких обстоятельствах, получается только безобразная смѣсь всяких безсодержательных или по-новому суевѣрныхъ представлений. А что легче всего отправляется к черту, так это мораль, которую человекъ массы привыкъ признавать лишь, какъ нѣчто, связанное с религиозною санкціей. Вмѣстѣ с санкціей исчезаетъ, большею частью, и то, что она санкціонировала; скудный же обрывокъ нравственности, остающійся, несмотря на то, и проявляющійся, какъ сила природы, не можетъ удовлетворительно выполнить задачу соціальной связи.

5. Еще худшій видъ пріобрѣтаютъ общественныя дѣла, когда отъ ненужнаго обществу религіонизма мы обратимся к соціальной и политической жизни, которой нельзя выкинуть за бортъ, какъ церковь или догму. То, что люди мыслятъ о мірѣ или о какомъ то внѣ-мірѣ, можетъ и должно опредѣляться свободнымъ сообщеніемъ идей, но не принудительнымъ авторитетомъ. Дурныя и ложныя идеи чисто теоретическаго значенія могутъ и должны быть замѣнены хорошими и вѣрными, но такъ, чтобы сюда не примѣшивалось никакого насилія. Наоборотъ, именно только то и нужно, чтобы насиліе, дѣйствовавшее здѣсь до сих поръ и занимавшее привилегированное положеніе, было устранено фактически и исключено принципіально. Но иначе обстоитъ дѣло с поступками. Здѣсь наихудшимъ насиліямъ должны быть, по возможности, поставлены границы или, вдобавокъ, ихъ должно постигать возмездіе, с вознагражденіемъ потерпѣвшаго. До тѣхъ поръ, пока вообще существуютъ преступленія, невозможно будетъ не реагировать на нихъ принужденіемъ. Кромѣ того, существуютъ положительныя общія дѣла в сферѣ общественныхъ отношеній, которыя должны выполняться коллективно, в формѣ организаціи, черезъ посредство извѣстнымъ образомъ назначенныхъ официальныхъ лицъ. Значитъ, уже обычная юридическая и политическая область полна необходимаго принужденія, отъ котораго нельзя отказаться, какъ это можно сдѣлать в области религіи и теоріи.

И если в этой сферѣ политическихъ неизбежностей распространяется позорное разложеніе, причемъ господствующія сословія поддаются лѣности, безсилію или моральной испорченности, то порожденное этимъ замѣшательство проникаетъ в глубину массъ. Выгодная сторона процесса состоитъ здѣсь в томъ, что, какъ и при просвѣщеніи относительно религіи, разрушается политическое суевѣріе, т. е. вѣра в святость органовъ господства. Но получается и соотвѣтственный вредъ, такъ какъ с разложением поли-

тических безумныхъ представленийъ на смѣну имъ не появляется тотчасъ правильныхъ воззрѣній на дѣйствительныя необходимости. Именно въ массахъ это политическое разложене, разъ оно началось, дѣйствуетъ вреднѣйшимъ образомъ, открывая просторъ самой дикой разнузданности; нерѣдко даже оно осуждаетъ массу на форменный разбой и грабежъ, какъ въ законныхъ, такъ и незаконныхъ видахъ его.

Коль скоро обычное юридическое право скомпрометтировано въ высшихъ слояхъ, то и въ низшихъ вмѣстѣ съ довѣріемъ къ справедливости исчезаетъ охота жить по справедливости. И безъ того тамъ воровство, по крайней мѣрѣ, мелкое, слишкомъ привычно, во всякомъ случаѣ, для нѣсколькихъ процентовъ населенія. Уже „въ Курсѣ національной и соціальной экономіи“, а именно въ третьемъ изданіи 1892 года, я указывалъ на распространенность полевого и лѣсного воровства. Города и фабричныя округа даютъ аналогичныя явленія, вродѣ, на примѣръ, покражи матеріаловъ. При подобныхъ задаткахъ, сколь-бы мало въ процентномъ отношеніи они ни проявлялись, масса, конечно, не можетъ обнаружить особенной силы сопротивленія порчѣ, которою заражаютъ весь народъ верхи или демагоги. Слѣдовательно, нечего удивляться гнилостному состоянію или появленію гнилости въ массѣ. Наибольшее зло здѣсь въ томъ, что портится, если не окончательно выѣдается порчей, правосознаніе стараго стиля, разъ оно не замѣняется чѣмъ нибудь высшимъ, болѣе глубоко обоснованнымъ. Переходная фаза,—которая, впрочемъ, можетъ продолжаться во всей своей красѣ достаточно долго,—несомнѣнно, осуждена на отвратительное, зловонное, гнилостное броженіе.

Понимая массу въ болѣе широкомъ смыслѣ и причисляя къ ней крайніе аномальныя элементы, которые рекрутируются, по большей части, изъ высшихъ опустившихся слоевъ и сословій, мы сможемъ объяснить себѣ бессмысленнѣйшіе, самые безпутныя продукты соціальнаго вырожденія. Здѣсь дѣло больше, чѣмъ только соприкасается съ разбоемъ: здѣсь привѣтствуется и практикуется убійство, якобы въ общественныхъ интересахъ, но при самыхъ сомнительныхъ положеніяхъ. Этимъ я вовсе не хочу сказать, что всякое реагирующее насиліе,—потому только, что оно—насиліе и несетъ съ собою смерть,—всегда несправедливо. Нѣтъ! Наоборотъ, съ несправедливымъ и наглымъ насиліемъ можетъ состязаться только справедливая и право-творящая противу-сила. Но только о вліяніи этой идеи, вѣдь, вовсе нѣтъ и рѣчи въ безпутныхъ выходкахъ или разбойничествахъ. Скорѣе именно сочетаніе тупости и разнузданности осуществляютъ эти, большею частью совершенно бесполезныя, проступки. Низкое, часто съ еврейской стороны исходящее, науськиванье и здѣсь опять-таки приводится въ движеніе; оно оказывается почти правиломъ, разъ только дѣло изслѣдуютъ ближе и старательнѣе.

6. Кругъ литераторовъ, а именно, запутавшееся социально писательство съ его тщеславными вырожденками, принимаетъ большое участие въ зараженіи массъ гниlostью. За исключеніемъ очень рѣдкихъ, отдѣльныхъ добрыхъ намереній, вся исторія социалистики въ эпоху быстро прогрессирующаго общественнаго разложенія свидѣтельствуесть о томъ, что можно сдѣлать въ смыслѣ внесенія въ сознание массы заблужденій и порчи. О содѣйствующей порчѣ беллетристикѣ, которая вмѣсто добрыхъ нравовъ и разумнаго поведенія является выразительницей какъ разъ всего дурнаго, я упоминаю лишь мимоходомъ. Беллетристика теперь деморализуетъ низшіе классы, какъ прежде деморализовала преимущественно классы высшіе. Если не считать совершенно единичныхъ явленій, изъ нея не вышло еще ничего въ социальномъ отношеніи путнаго.

Въ наиболѣе благопріятныхъ случаяхъ, какъ у Бюргера и Байрона, она пыталась въ личной жизни и въ поэзіи возмѣстить общественныя аномальности критически идеальнымъ направленіемъ и призывомъ къ доброй волѣ, причемъ, однако, сами эти личности запутались въ тѣхъ же аномальностяхъ по свойствамъ общей и индивидуальной ихъ жизни. Отсюда лучшее въ ихъ поэзіи нужно искать въ конфликтѣ съ испорченнымъ и лицемернымъ обществомъ. Другіе же, какъ Гёте и Шиллеръ, сдѣлали наоборотъ: они сами пускали воду на мельницу социальной испорченности, какъ это я развилъ въ „Персоналистѣ“ (1905—1906 года) еще болѣе подробно и глубоко, чѣмъ въ книгѣ о литературныхъ величинахъ. Новѣйшіе и нынѣшніе писаки и стихоплеты, какъ подлинныя пустозвоны, могутъ идти въ счетъ лишь постольку, поскольку мы спросимъ о томъ, кто изъ нихъ обслуживаетъ и укрѣпляетъ, въ смыслѣ социальной и прочей испорченности, верхніе слои, а кто—низшіе. Разумѣется, обѣ роли перемѣшиваются, и чаще можно сказать, что бумага, какъ будто бы, существуетъ только для того, чтобы марать ее для всей испорченной массы.

Какъ я показалъ уже въ книгѣ „Вооруженіе, капиталъ, трудъ“, наиболѣе опасно внутри самой массы фабричное и иное разрушеніе семьи. Съ этимъ разрушеніемъ связано и разрушеніе чувства собственности. И крестьянскій, и вообще сельскій элементъ теряетъ вмѣстѣ съ семьей интересъ къ продолжительному владѣнію и къ дѣйствительной собственности. Въ общей массѣ уже самое увеличеніе населенія ведетъ къ порчѣ, если не открываются тотчасъ же выходы для растущей конкуренціи. Спросъ на средства къ существованію не долженъ переростать имѣющихся въ распоряженіи возможностей добыть эти средства. Въ противномъ случаѣ возникаютъ давка и столкновения, которыя, по меньшей мѣрѣ, затрудняютъ соблюденіе справедливости, если не прямо вредятъ ей или даже не исключаютъ ее. Для чловѣка массы нѣтъ ничего труднѣе, какъ владѣть собою и держать себя въ должныхъ границахъ. Къ предусмотрительности и мудрости онъ привы-

ченъ меньше всего, а потому и въ этомъ отношеніи гнилость массы уже слишкомъ близка.

Отношеніямъ половъ, которыя до сихъ поръ еще сносно регулировались довольно нормальнымъ бракомъ, теперь грозитъ опасность съ разныхъ сторонъ. Я не буду повторять здѣсь того, что я уже говорилъ въ другихъ мѣстахъ о разложеніи нравовъ въ области фабричной жизни. Однако, я долженъ, все-таки, указать здѣсь на то, что теперь не только высшее общество подверглось расовому смѣшенію и оевреенію: эта порча широко распространяется уже и въ низшихъ слояхъ. Куда же спастись массѣ отъ инфекции, пожирающей вмѣстѣ съ тѣломъ и духъ и портящей лучшіе задатки? Для толпы нигдѣ нѣтъ твердой точки опоры, опираясь на которую она могла бы бороться противъ заболѣванія и сохранить отъ порчи свою національную природу. Этотъ постыдный путь внизъ, эта наклонная плоскость грозитъ не только паденіемъ національностей, но и вообще гибелью лучшей человѣчности.

Помѣщикъ и еврей, попъ и жрецъ науки сообщи дѣлаютъ каждый свое, чтобы основательно запутать и массу, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и всю вообще массу, т. е. всѣ ея элементы, не исключая высшихъ. Частичная противоположность интересовъ помѣщика и еврея все больше и больше уступаетъ мѣсто сообществу, благодаря которому они оба, соединенными силами, обращаются противъ третьяго—противъ того, кого они въ прежнія времена обирали и грабили отдѣльно, каждый для себя. Ихъ полувраждебныя столкновенія случались и случаются лишь въ сферѣ общественныхъ должностей, которыя они отнимаютъ и оспариваютъ другъ у друга. Каждая изъ сторонъ желаетъ выгадать отсюда для себя и удержать сколько возможно больше. Этотъ специфическій расколъ и даетъ начало совершенно пустому антисемитизму юнкера и антиюнкеризму еврея. И масса здѣсь не предохранена ни отъ помѣщика, ни отъ еврея, но оба они предають ее другъ другу.

Подобное же отношеніе существуетъ между попомъ и жрецомъ науки. Поповскій прототипъ не трудно разглядѣть, и мы, съ нашей точки зрѣнія, не станемъ тратить на него словъ. Но именно только мы впервые показали, какъ ученые авгуры, т. е. люди, разыгрывающіе изъ себя защитниковъ науки по преимуществу, дѣлаютъ почти то же, что вначалѣ заботливо проводили въ высшіе и низшіе слои попы; но только дѣлаютъ они это болѣе утонченнымъ способомъ. Именно, они обманываютъ міръ совершенно непробѣреннымъ или совершенно излишнимъ научнымъ хламомъ, выдавая его за что-то такое, на что можно положиться или изъ чего можно извлечь пользу. Они пускаютъ въ міръ вредныя ученія, о которыхъ кричатъ, какъ о благодѣянιάхъ, и при помощи своихъ преподавательскихъ привилегій навязываютъ эти ученія юношеству. Притомъ они скрываютъ дѣйствительно хорошее и подлинно цѣнное въ области знанія, такъ какъ это составило бы уничто-

жающую конкуренцію ихъ фальшивой всякой всячинѣ и помогло бы правдѣ встать на ноги. вмѣстѣ со всѣми дурными элементами они связываются съ демагогами для того, чтобы послѣдніе создали имъ уваженіе въ массахъ.

Хотя съ собственно попами стараго стиля ученые живутъ и не совсѣмъ въ ладахъ, но эта лишь частичная противоположность все-таки не мѣшаетъ имъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовать другъ другу въ отношеніяхъ ихъ къ третьему элементу. Заключается эта противоположность въ большей или меньшей примѣси суевѣрія; вершинный же пунктъ ея — конкуренція въ сферѣ вліянія и раздѣленія вліятельныхъ мѣстъ. Надъ публикой и массой эти господа хозяйничаютъ сообща, такъ же, какъ и юнкеръ съ евреемъ. Естествопознаватели и медики служатъ здѣсь главнымъ примѣромъ. Въ результатѣ—народъ не только одураченъ, но еще и отравленъ заразой, навязанной принудительнымъ авторитетомъ. Какъ же здѣсь спастись массѣ отъ инфекціи, въ буквальномъ смыслѣ слова, и отъ гніенія? Она не можетъ ни оборониться отъ идей, рекомендующихъ ей эту инфекцію, какъ что-то, заслуживающее одобренія, ни отвязаться отъ принудительнаго авторитета, оперирующаго штыками, если, въ исключительныхъ случаяхъ, масса почуветъ правду. Кости и кровь массы обрекаются въ жертву нелѣпой мерзости, разукрашенной ложной ученостью, да еще, къ тому же, расхваленной демагогами; масса и вообще отдана въ распоряженіе всякихъ барышническихъ гешефтовъ мнимой „интеллигенціи“, заслуживающей французскаго названія *intellectuaille*. Распространенное въ частной жизни само-одурачиваніе всякими знахарскими средствами для тѣла и души, какъ многообразно на немъ ни эксплуатируютъ публику, все-таки, не наноситъ массѣ и сотой доли того вреда, который причиняютъ ей и всему обществу жрецы науки.

7. Весь міръ, за исключеніемъ развѣ кабатчиковъ, признаетъ, что культура пива и водки представляетъ своего рода ракъ въ народномъ тѣлѣ. Алкоголизмъ, проявляющійся въ различныхъ формахъ, не исключая, конечно, и потребленія винограднаго вина,—зло общепризнанное. Спиртъ задерживаетъ физическое гніеніе, потребленіе же его, не только чрезмѣрное, но и просто привычное, притупляетъ нервную систему; а притупленіе это ведетъ къ дегенераціи и вредно, если не разрушительно, вліяетъ на самыя разнообразныя функціи организма. Если же этимъ безпутнымъ потребленіемъ и этимъ искусственнымъ нервнымъ возбужденіемъ захватывается еще и женскій полъ, то здѣсь предъ нами уже угроза материнству и кормленію дѣтей, и потому общая гнилость массы должна обнаруживаться тутъ полностью.

Едва ли нуждается въ критикѣ отвратительный, безусловно, обычай куренія табаку. Непосредственно-эстетически этотъ обычай еще болѣе противенъ, чѣмъ привычка пить: онъ, своей порчей воздуха, тягостенъ и другимъ, кто не охочъ до опьяненія никотиномъ. Но только, по сравненію со зломъ пьянства, куреніе—сравнительно весьма длинная процедура, и по-

тому ея притупляющее, ядовитое дѣйствие не сразу бросается въ глаза. Тѣмъ не менѣе, и эта привычка является дурнымъ, унижающимъ родъ человѣческой, фактомъ, который слѣдуетъ принимать въ расчетъ, если желаютъ взвѣсить различныя причины массовой и всякой иной общественной тупости. Современное сверхъ-животное, съ гаванской сигарой во рту, въ смыслѣ эстетики и здоровья спустилось дѣйствительно ниже уровня подлиннаго, естественнаго животнаго. Вотъ какой милый плодъ принесли его высшія способности, которыя человѣкъ приложилъ къ тому, чтобы, наряду съ своимъ гигантскимъ прогрессомъ, спуститься ниже уровня животности!

Но еще хуже, чѣмъ самый спиртъ и табакъ, въ политическомъ и социальномъ отношеніи вліяютъ мѣста, гдѣ пары и облака этихъ прелестей скопляются въ наибольшемъ количествѣ и уже безъ всякихъ стѣсненій. Я разумѣю, конечно, трактиры. Обще трактиры теперь все больше и больше оказываются орудіями въ рукахъ демагогии, орудіями обольщенія массъ. Если взвѣсить вообще обстоятельства, при которыхъ люди добровольно собираются группами и массаами, то фереины и собранія даже въ худшихъ случаяхъ не приносятъ такого вреда, какъ обыкновенныя трактирныя засѣданія. Надъ послѣдними нѣтъ никакого публичнаго контроля. Тамъ происходитъ что-то сокровенно-частное. Натравливаніе и клевета въ случайномъ, повидимому, разговорѣ тамъ имѣютъ большой успѣхъ, нежели въ мѣстахъ работы. Въ послѣднихъ сходятся всѣ, кто работаетъ, а потому не отсутствуютъ и лучше элементы. Уже одинъ подборъ дурныхъ элементовъ въ грязныхъ кабакахъ обуславливаетъ большую мѣру вліянія въ дурномъ направленіи. Конечно, въ настоящее время говорить объ обществахъ значитъ говорить почти только о евреяхъ; нѣтъ почти ни одной категории обществъ, какому бы дѣлу и направленію они не служили, въ которыхъ не занялъ бы весьма большого мѣста еврейскій гешефтъ, или въ которыхъ евреи даже не господствовали бы либо прямо, либо косвенно; при этомъ все равно, со стороны кого гешефтъ: со стороны ли крещеныхъ, или некрещеныхъ евреевъ. Тѣмъ не менѣе, общества не дѣлаютъ въ смыслѣ политической и социальной порчи массъ такъ много, какъ кабацкая агитация.

Какъ въ негородскихъ, такъ и въ городскихъ фабричныхъ районахъ кабатчики, въ качествѣ довѣренныхъ людей демагогической партіи, играютъ роль, чрезмѣрно вліятельную въ дурномъ направленіи. Даже въ округахъ съ примѣсью сельскаго населенія пивныя и мѣста мелкой продажи питей умножаются совершенно несоразмѣрно. Получается уже впечатлѣніе, какъ будто семейная жизнь и семейное общеніе скоро будутъ вытѣснены пирушками въ кабацкихъ трущобахъ.

Было выводомъ изъ правильнаго наблюденія, когда въ прежнихъ конструкціяхъ общинъ кабатчики непременно отстранялись отъ важныхъ общин-

ныхъ должностей. Этотъ сортъ людей, благодаря своему ремеслу, не имѣетъ никакого интереса къ хорошему; наоборотъ, онъ заинтересованъ въ дурномъ. Чѣмъ больше посѣтители кабака пьютъ, тѣмъ больше заработокъ хозяина. Подзадориваніе даже къ подлиннымъ сумасбродствамъ здѣсь прямо выгодно, и кабатчикъ большею частью готовъ во всемъ потакать своимъ гостямъ, лишь бы только они здорово выпивали. Поэтому и въ политическомъ, и въ социальномъ смыслѣ онъ дѣлаетъ все то, что ему можетъ сохранить большую часть посѣтителей. И демагогія находитъ въ кабатчикѣ послушное орудіе. Она съ удовольствіемъ смотритъ на умноженіе и на отвѣчающую видамъ партіи работу этихъ своихъ орудій,—до такой степени съ удовольствіемъ, что должны бывать случаи, когда полезные для политики, но не вполне выдерживающіе конкуренцію кабаки субсидируются демагогическими партійными кассами. Кромѣ того, кабатчики нерѣдко достигаютъ депутатскихъ мѣстъ, и отсюда становится яснымъ, что получилось нынѣ изъ той старой правильной ихъ оцѣнки, которая, какъ сказано, преграждала кабатчикамъ дорогу къ общиннымъ должностямъ. Существуютъ въ мірѣ профессіи, которыя хоть и не всегда неизбежно развращены, но которыя всѣ привыкли видѣть гдѣ-нибудь на той наклонной плоскости, что отъ приличнаго поведенія приводитъ къ нравственному паденію.

Чѣмъ больше масса наливается не только своими напитками, но и своей политикой въ питейныхъ домахъ, тѣмъ курьезнѣе должна получаться эта своеобразная социальная „иллюминація“. Родъ политическаго „просвѣщенія“, которое тамъ получается, именно похожъ нѣсколько на отуманиваніе головы пивомъ и водкой. Чѣмъ болѣе гнило все общество во всѣхъ своихъ слояхъ, тѣмъ больше паровъ этой гнилости должны концентрироваться въ кабацкихъ трущобахъ. Поэтому кабацкій вопросъ и въ общественномъ отношеніи не слѣдуетъ считать маловажнымъ. Къ частной испорченности, присущей отдѣльнымъ лицамъ и семьямъ, присоединяется здѣсь испорченность общественная, такъ какъ здѣсь социальное и политическое мышленіе прельщается слишкомъ легкой возможностью опьяненія и соответственными безпутными представленіями.

III.

ГОСПОДСТВО КАНАЛЬИ.

1. То, что по-французски характеризуется окончаніемъ *aille*, означаетъ не что иное, какъ вредный наростъ, вырожденіе. Этимъ характернымъ окончаніемъ (итальянскаго происхожденія), которое въ большомъ ходу у французовъ, мы пользовались больше, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ этого требуетъ современное положеніе вещей. Французы ушли уже такъ далеко впе-

редь въ вырожденіи политическихъ партій, что чувствуютъ потребность говорить не только о радикалахъ, но, при случаѣ, также и о *radicaille*. Мы, съ своей стороны, къ феминизму, на примѣръ, прибавили *feminaille*—явленіе, въ феминизмѣ представленное слишкомъ сильно, въ особенности еврейскимъ элементомъ. Въ духовной области, при характеристикѣ извѣстныхъ партійныхъ оттѣнковъ, называющихъ себя интеллектуальными, мы рѣзко отмѣтили ихъ словомъ *intellectuaille*, ибо инымъ словомъ преобладающая черта этого типа не можетъ быть отмѣчена.

Но отъ *aille* до *canaille* остается, все-таки, еще одинъ шагъ: при послѣднемъ словѣ нужно представлять себѣ не только вообще нѣчто собачье, но даже еще особенное вырожденіе собаки. И вообще, собака еще слишкомъ хороша, чтобы даже въ худшихъ, наиболѣе низменныхъ своихъ экземплярахъ выразить все то, о чемъ думаютъ, когда человѣка мѣтятъ словомъ каналья. Низость и плутовство, часто даже подлинная злобность—вотъ характерныя качества, которыя указываются этимъ колоритнымъ словомъ; но названныя качества—еще не все; большею частью только въ связи со многими другимъ можно распознать болѣе широкое значеніе и болѣе тонкіе оттѣнки смысла этого слова.

Если переносить слово на состоянія, одновременно политическія и соціальныя, и даже на типы господства, какъ это дѣлаемъ мы, то, чтобы предупредить неправильное пониманіе, нужно протестовать противъ слишкомъ скорыхъ, нерѣдко, обобщеній и противъ слишкомъ широкаго толкованія вѣрной въ остальномъ характеристики. То, что фактически заслуживаетъ названія канальи, можетъ иногда быть значительнымъ по объему; но отсюда, однако, еще не слѣдуетъ, чтобы подобныя вещи были правиломъ, были вообще присущи среднему человѣческому уровню. Цѣлыя эпохи и страны, даже цѣлыя культурныя области могутъ быть, въ опредѣленныхъ своихъ чертахъ, заражены такого рода испорченностью; но этимъ еще не сказано и не установлено, что средній человѣкъ, современный такимъ состояніямъ, былъ бы самъ канальей во всѣхъ отношеніяхъ. Напротивъ, всегда имѣется достаточно пассивности и безразличія, которыя только позволяютъ собой распоряжаться, такъ что едва ли гдѣ-нибудь и когда-нибудь, даже въ области наиболѣе, избранно дурныхъ расъ, превращеніе въ каналью такъ называемаго въ статистикѣ средняго человѣка могло встрѣчаться въ видѣ общаго правила.

У такихъ расъ мы имѣемъ дѣло съ вредностью, которая заложена преимущественно самою природой; и если эта вредность въ особенныхъ случаяхъ вырастаетъ до свойствъ настоящей канальи, то это—лишь особенное уродство, которымъ, все-таки, не покрывается въ достаточной степени національность и раса вообще. Задатокъ къ такимъ свойствамъ, конечно, нужно предполагать болѣе значительнымъ; но отъ задатка до его проявленія во

всякомъ случаѣ остается еще одинъ шагъ, а шагъ этотъ не является правиломъ; скорѣе его наличность мотивируется особыми причинами.

Свойства каналы въ состояніяхъ, особенно политическихъ и социальныхъ, конечно, вовсе не рѣдкое исключеніе, но, къ счастью, все же, еще не правило. Сильная примѣсь ихъ можетъ быть налицо, и это—случай, съ которымъ мы именно и встрѣчаемся въ дурныхъ эпохахъ. Но если бы эта примѣсь была такъ сильна, что опредѣляла бы собою все и во всѣхъ отношеніяхъ, то, конечно, едва ли стоило бы заботиться о человѣчествѣ съ подобными качествами. Мы должны были бы безусловно отчаяться и не брать больше перо въ руки, если бы могли остановиться на представленіи, что человѣчество совершенно неизлечимо заражено во всѣхъ своихъ членахъ качествами каналы или, хотя бы только въ будущемъ, неизбежно обречено на такое зараженіе.

2. *Kratos* означаетъ силу, и „кратія“ въ различныхъ названіяхъ политическихъ устройствъ означаетъ, что у нѣкоторой группы имѣется въ рукахъ достаточная сила. И въ древности аристократія и демократія отнюдь не имѣли другого смысла. Что находили выгоднымъ для себя люди съ наилучшимъ положеніемъ, то, по этому уже одному, было обще-обязательнымъ. О какомъ-нибудь правѣ, стоящемъ выше такихъ „кратовъ“, никто не спрашивалъ. Подобнымъ же образомъ обстояло дѣло и съ демократіей. Демось, т. е. совокупность всѣхъ членовъ общества, причисляемыхъ къ сословію гражданъ, имѣлъ суверенное могущество. Онъ могъ распоряжаться, какъ хотѣлъ; онъ всегда считался источникомъ всякой политической нормы, согласовалось это съ какимъ-либо правовымъ сознаніемъ или нѣтъ,—все равно. Слѣдовательно, насильственная воля группы гражданъ или всѣхъ гражданъ, какъ въ аристократіи, такъ и въ демократіи была рѣшающей. Дѣло не заходило дальше плоскаго вопроса о томъ, кто каждый разъ имѣлъ власть, выборные отъ гражданъ или вся совокупность гражданъ. Оставались при томъ совершенно грубомъ представленіи, что какой-либо кругъ лицъ напередъ уже, независимо отъ ихъ поведенія, долженъ быть выдѣленъ въ качествѣ источника всего политически обязательнаго.

Не только въ существѣ „кратій“, но и въ существѣ всякаго господства имѣется задатокъ къ эгоизму, т. е. несправедливому преслѣдованію своихъ интересовъ. Въ демократіи личность насилуется всею массой, тогда какъ при аристократическомъ режимѣ ради выгоды немногихъ пренебрегаютъ интересами всего остального общества. Поэтому аристократія уже напередъ имѣетъ тенденцію превращаться въ олигархію, т. е. все болѣе и болѣе суживать кругъ привилегированныхъ и сводить его къ крайне незначительному числу участниковъ. Этотъ процессъ уже древность считала уродливымъ. Но если бы мы захотѣли указать, какъ на соответственное явленіе въ демократіи, на ея вырожденіе въ охлократію, т. е. въ господство большой

толпы, то аналогія получилась бы невѣрная. О рабахъ здѣсь отнюдь не было рѣчи, и лишь граждане во всей ихъ совокупности обладали суверенностью. Слѣдовательно, здѣсь, самое большое, могъ явиться вопросъ о томъ, бывали ли когда дѣйствія неорганизованно-дикими, такъ что получила перевѣсъ бушующая толпа, или же все протекало по предписаннымъ формамъ и въ установленныхъ границахъ.

Мы указали на смыслъ всего „кратическаго“ только для того, чтобы лучше выяснить значеніе господства каналы. Во всякомъ господствѣ насилія, какъ таковомъ, присутствіе свойствъ каналы можно установить скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Достаточно отдѣльнымъ индивидуумамъ изъ сорта негодяевъ достигнуть вліянія или даже управленія, какъ тотчасъ же насильственный режимъ получаетъ, если не отпечатокъ, то, по крайней мѣрѣ, окраску, свойственную каналѣ. Въ не-„кратическихъ“ отношеніяхъ негодяи, конечно, могутъ надѣлать довольно зла; но тамъ они еще отнюдь не бываютъ настоящими господами положенія.

Въ нѣкоторыхъ политически-выродившихся состояніяхъ, какъ, напри- мѣръ, въ античной тиранніи, все сводилось единственно лишь къ случай- нымъ абсолютнымъ качествамъ индивидуума, игравшаго главную роль. Былъ этотъ индивидуумъ нѣсколько лучше,—весь режимъ получалъ менѣе дур- ную форму. Былъ онъ прирожденнымъ негодяемъ, притомъ сильнымъ и способнымъ,—онъ накладывалъ свою печать на всѣ политическія событія, даже вообще на всѣ доступныя для него дѣянія; и вести себя, какъ каналѣ, становилось тогда какъ бы обще-обязательнымъ. Здѣсь одно лицо окружаетъ себя только такими должностными лицами, которыя отвѣчаютъ его дурнымъ качествамъ. А эти лица, въ свою очередь, плодятъ свои милыя свойства дальше, привлекая на помощь себѣ и государству только силы, уже выдержавшія, такъ сказать, экзаменъ на каналю и зарекомендовавшія себя въ этомъ отношеніи.

3. Если не полное господство каналы, то, во всякомъ случаѣ, извѣ- стныя черты такого господства уже имѣются налицо въ античной обще- ственности, съ тѣхъ поръ, какъ она вступаетъ въ эпоху разложенія. У грековъ уже вѣкъ Сократа долженъ считаться зараженнымъ свойствами каналы. Ксенофонтъ въ своихъ историческихъ статьяхъ повѣствуетъ о ли- цахъ, управлявшихъ финансами, которыя попытались было въ Аѣинахъ вести дѣла честно и прилично. Опытъ окончился очень неудачно. Они столкнулись со многими, затронутыми въ своихъ мошенническихъ выгодахъ и барышахъ. Въ другой разъ они присноровились и сдѣлали попытку въ противополож- номъ смыслѣ,—и тогда все пошло, какъ по маслу, при самомъ широкомъ одобреніи. Этотъ разсказецъ Ксенофонта—шутка насчетъ тогдашняго по- ложенія вещей; однако, по сущности своей, шутка эта можетъ считаться весьма мѣткой для всего, что бывало и еще есть въ мірѣ аналогичнаго

разсказанному. Мораль разсказа имѣетъ даже слишкомъ широкое приложеніе.

Однако, оставимъ финансово-мошенническое управленіе городовъ и общинъ, чтобы вернуться къ состояніямъ общеполитическаго мошенничества. Въ вѣкъ Сократа такое состояніе чувствуется даже слишкомъ достаточно. Безпутныя демократическіе негодяи были весьма хорошо представлены, на примѣръ, канальями судьями, которые считались сотнями и которые осудили мудреца, противника сумасбродныхъ софистовъ. Эта судейская сволочь съ ея суточными деньгами слушала и вела процессы, какъ театральныя представленія; она баклушничала, слушая объясненія и сопровождая ихъ, смотря по тому, нравились они ей или нѣтъ, одобреніемъ или шумнымъ неодобреніемъ,—веселенькая картина облеченной суверенными правами судейской черни, которая, въ видѣ сотенной толпы, фигурировала въ отдѣльныхъ процессахъ и отслуживала свое общественное жалованіе.

Подобное же было, впрочемъ, и въ другихъ политическихъ состояніяхъ, во многихъ иныхъ отношеніяхъ. Достаточно вспомнить только о тиранніи тридцати и вообще о произволѣ, съ которымъ распоряжались жизнью и смертью партійныхъ политическихъ противниковъ. Это было не только слѣдствіемъ пелопонезской войны и ея конца; это было уже, въ большей или меньшей степени, заложено въ эллинскомъ характерѣ. Греки были не только націей софистовъ, но и народомъ, обладавшимъ богатыми интеллектуальными задатками къ дѣловому обману. Политика была только удобнымъ полемъ для проявленія такихъ задатковъ. И конечно вовсе не случайность, а наоборотъ, исторически отлично мотивируется, что нынѣ слово „грекъ“,—особенно на французскомъ всемірномъ языкѣ („grecs“),—стало символомъ мошенника.

Ореоль, которымъ окружилъ эллиновъ въ новыя времена культъ ихъ беллетристики, противорѣчитъ непредвзятому изслѣдованію ихъ исторіи. Именно они могутъ указать у себя, въ качествѣ специфическаго національнаго продукта, первое во всемірной исторіи вырожденіе интеллигентности въ *intellectuaille*, даже отчасти прямо въ полную литературную *capaille*. Аристофанъ, до наглости открыто и совершенно сознательно оклеветавшій Сократа, былъ еще не самымъ худшимъ примѣромъ. Его—профессіональнаго шута и ничѣмъ не брезгующаго театральнаго рутинѣра—едва ли гдѣ-либо и какъ-либо можно принимать въ серъезъ. Всюду у него очевидна только гниль, и не одна та, которую онъ рисуетъ, но и его собственная; особенно же очевидно разложеніе его безпутной, необузданной фантазіи. Новѣйшее фальшивое поклоненіе древности и плѣнительность нѣкотораго дарованія къ острой шуткѣ достаточно долго морочили людей при сужденіи о подобныхъ литературныхъ останкахъ.

Глубже проникающее изслѣдованіе и прочей, такъ называемой клас-

сической, литературы эллиновъ могло бы вскрыть еще совершенно другое, до сихъ поръ скрытое, зло. Мы, съ нашей стороны, прежде всего принялись серьезно за философскую область и въ этомъ направленіи эмансипировали себя отъ незаслуженно прославленной традиціи. Но и насчетъ беллетристики,—которой мы касались, большею частью лишь мимоходомъ,—мы убѣждены, что въ ней также лишь немного сохранится, въ качествѣ дѣйствительныхъ цѣнностей, разъ ее подвергнуть болѣе глубокой критикѣ со стороны формы и содержанія и должнымъ образомъ расквитаются съ ея традиціоннымъ престижемъ. Обо всемъ этомъ сейчасъ мы говоримъ лишь мимоходомъ, такъ какъ здѣсь насъ занимаетъ на первомъ планѣ политическая роль канальи, и только для соціальной иллюстраціи мы будемъ обращаться иногда къ ея литературной роли.

4. Вернемся лучше къ дальнѣйшимъ всемірно-историческимъ свидѣтельствамъ и посмотримъ, что произвели римляне въ подобномъ же родѣ. Не считая прежнихъ дурныхъ прецедентовъ наиболѣе сильно выраженнымъ типомъ господства канальи, частью въ видѣ только попытокъ, частью въ видѣ дѣйствительнаго движенія,—нужно признать несомнѣнно ту эпоху, которую кратко можно было бы назвать катилиновской. Саллюстій обрисовалъ Катилину и его приверженцевъ или, если угодно такъ назвать, его партію въ слишкомъ благопріятномъ свѣтѣ: рисуя паденіе своего героя испорченности, онъ слишкомъ сильно отгѣнилъ въ немъ и его сбродѣ рѣшимость отчаянія и общее отважное поведеніе, чтобы воспользоваться этимъ для окончательнаго впечатлѣнія на читателя. Поэтому, обрисованное имъ дѣяніе выглядитъ, какъ послѣдній актъ драмы, и кажется даже чѣмъ-то трагическимъ. Надѣлъ же Катилина и катилиновцы были въ корнѣ испорченными созданіями, а ихъ главные вожаки—отбросами всего безпутнаго и прогорѣвшаго изъ высшаго общества. Это было настоящее произведеніе каналій; ихъ появленіе нужно, конечно, полностью поставить на счетъ тогдашнему общественному состоянію. Высшіе классы уже заразили своей испорченностью низшіе классы, и потому—вполнѣ понятно,—у отдѣльныхъ лицъ могли возникать планы разрушить государство и, при господствѣ канальи, поправить грабежомъ собственное свое финансовое и моральное банкротство; такіе планы могли быть даже до извѣстной степени практичными.

Вообще, черезъ всю исторію красной нитью проходитъ тотъ фактъ, что всюду, гдѣ общественныя состоянія становятся гнилыми, тамъ то именно испорченные и прогорѣвшіе индивидуумы изъ высшихъ классовъ и пытаются стать во главѣ переворотовъ или сдѣлаться послушными креатурами руководителей такихъ переворотовъ. Такими личностями переходныя состоянія заражаются еще болѣе отвратительно, чѣмъ они бывають заражены уже и безъ того. Частная беспорядочность пытается устраниваться безъ вреда для себя среди общественнаго неуройства, ставя въ порядокъ дня всевозмож-

ные поводы къ своимъ спеціально-личнымъ хищеніямъ, грабя государство и общество всякими законными и незаконными способами. Нынѣ это можно наблюдать ежедневно. Но такая старая штука вовсе не нуждалась въ современныхъ успѣхахъ парламентаризма.

И свыше мѣры прославленный Юлій Цезарь, съ его типичнымъ міровымъ переворотомъ и съ его бандой на берегу Рубикона, былъ тоже своего рода Катилиной. Послѣдняго онъ пытался спасти; кажется даже, онъ самъ замѣшанъ былъ въ заговорѣ. Вѣдь, такъ или иначе, онъ выполнилъ то, что Катилинѣ не удалось. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи состоявшіе на службѣ многочисленныя легіоны; и онъ, за десять лѣтъ въ Галліи, смогъ подготовить ихъ такъ, чтобы они стали какъ бы его личнымъ войскомъ. Съ этимъ войскомъ онъ и напалъ затѣмъ на Италію и Римъ. Такой поступокъ былъ рѣшительной измѣной обществу и его нужно считать безусловно дурнымъ, даже низкимъ дѣяніемъ. Эгоизмъ отдѣльной личности рѣшилъ здѣсь дѣло.

Характеръ Цезаря соотвѣтствуетъ его дѣлу. Личности, которыми Цезарь окружалъ себя, были, по большей части, дрянными субъектами, ибо приличныхъ людей онъ не могъ бы привлечь для своихъ цѣлей. Приличные люди не подошли бы къ профессіи и хищническимъ аллюрамъ узурпатора и душителя республики. Такое пониманіе цезаревской сволочи рѣшительно раздѣлялъ и Фридрихъ II Прусскій; какъ ни близко былъ онъ знакомъ съ болѣе ранней презрительной оцѣнкой цезаревой шайки, сдѣланной Вольтеромъ, очевидно, все-таки, что онъ почерпнулъ такое о ней сужденіе также и изъ глубины здороваго моральнаго мышленія; онъ даже самымъ серьезнымъ образомъ усилилъ рѣзкость вольтеровской оцѣнки.

Лишь въ разлагающіяся эпохи, вродѣ нашей, могутъ историки, *per fas et nefas*, не только прикрашивать, но и положительно прославлять этотъ античный цезаризмъ. Въ такомъ писаніи или, скорѣе, искаженіи исторіи нужно видѣть руку подлинной канальи. Для подобной канальи не вразумительна казнь, свершенная надъ Цезаремъ; каналья старается не видѣть этого, какъ я показалъ отчетливо въ другомъ мѣстѣ, а наиболѣе подробно—въ „Персоналистѣ“. И хотя дѣло Брута не могло вдохнуть жизнь въ умирающую республику и спасти ее отъ утвержденія цезаристскаго господства канальи, тѣмъ не менѣе, это дѣло было всемірно-историческимъ протестомъ большого идейнаго значенія; оно продолжаетъ и теперь оказывать свое вліяніе, оно будетъ вліять еще и дальше.

Несомнѣнно, что вся тогдѣшняя аристократія была въ разстройствѣ, даже подверглась сильному гніенію, не исключая и противныхъ Цезарю элементовъ; но такое обстоятельство еще вовсе не даетъ права вступаться за всякій сбродъ, бывшій налицо при тогдѣшнемъ состояніи. Никакой цезаризмъ не возможенъ безъ испорченной массы, на которую онъ опирается и

грабительскимъ и воровскимъ инстинктамъ которой онъ какъ-нибудь да потакаетъ, внутри или внѣ государства. На этомъ основаніи, выраженіе господство каналъ и пріобрѣтаетъ двойкій и, вмѣстѣ, болѣе широкій смыслъ. Оно относится не только къ каналѣ, которая господствуетъ, но и къ каналѣ en masse, надъ которой господствуютъ, или лучше сказать, которая добровольно позволяетъ господствовать надъ собою. Ограбленіе остального общества, въ извѣстной мѣрѣ и въ какихъ-либо формахъ, при этомъ, конечно, не отсутствуетъ. Вѣдь уже и Саллюстій указалъ на то, что въ тѣ времена и и при томъ состояніи общества слишкомъ даже часто проявлялась жадность до имущества сосѣда! Гдѣ много такихъ, что норовятъ обобрать одинъ другого, тамъ соціальныя черты времени, конечно, съ достаточной очевидностью обнаруживаютъ черты именно каналъ.

5. Какъ существуетъ традиція суевѣрія, съ тѣхъ поръ какъ люди себя помнятъ,—причемъ только форма суевѣрія мѣняется,—точно такъ же черезъ всю исторію проходитъ распложеніе холопства и холоповъ, съ одной стороны, господства и типовъ господъ,—съ другой. На пути дѣйствительныхъ успѣховъ свободы въ меньшей степени стоитъ помѣхой барство, нежели неискоренимыя холопскія наклонности. Съ непристойными притязаніями на господство и съ извращенными по формѣ командующими сословіями давно уже было бы покончено, если бы раболѣпная масса не хранила въ себѣ тенденцій создавать новые виды господства. Съ командующими классами, которые и безъ того опускаются, счеты скоро были бы сведены, и ихъ сопротивленіе не слишкомъ-то много бы значило, если бы эти ложныя формы господства не имѣли опоры въ массѣ; опираясь на массу, только и возможно бываетъ установить новые суррогаты господства и утвердить его въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ.

Слѣдуетъ неустанно повторять, что величайшее изъ золъ есть холопъ и притомъ холопъ прирожденный, котораго сущности не выскребешь до конца никакими эмансипаціями. Онъ остается попрежнему холопски-угодливымъ, онъ ухудшаетъ всякіе шансы свободы, дѣлаясь добровольнымъ орудіемъ въ рукахъ узурпаторовъ. Прежніе крѣпостные и ихъ потомство, поистинѣ, не являются общественными элементами, въ крови которыхъ могъ бы жить подлинно-свободный духъ. Если имъ приходится воспринять что-нибудь отъ такого духа, то это бываетъ имъ вовсе не по масти и не по обычаю. Въ алчности у нихъ, конечно, недостатка тоже нѣтъ; но только алчность эта всегда тянетъ ихъ къ вожаку, который манитъ ихъ за собою. Такъ называемая свобода и равенство здѣсь—только средство къ цѣли. Онѣ превратились въ пустыя, лицемѣрныя громкія слова; на дѣлѣ же, играя ими, все общество просто стремятся утопить во всеобщей несвободѣ и правительственномъ произволѣ. Не свободы этимъ добились, а обобщенной системы холопства.

Мы должны были нарочно напомнить о проклятіи, которое тяготѣетъ надъ такимъ фізіологическимъ размноженіемъ холопскихъ качествъ, такъ какъ мы намѣрены раскрыть ясно черты господства каналы въ современныхъ состояніяхъ. Политическая испорченность древности распростерла свое вліяніе по традиціи и на нынѣшнія состоянія не только въ подражаніи послѣднихъ дурнымъ формамъ господства, но и идейно—въ образѣ мышленія, въ теоріяхъ. Цезаризмъ образовалъ школу практическую и теоретическую, въ области дѣлъ и идей, и сталъ самымъ выдающимся примѣромъ дурного образа дѣйствій и его слѣдствій. Но собственно и все, такъ называемое, право,—полу-право юриспруденціи, какъ мы его называемъ,—заражено подобными вариантами деспотій; оно вообще носитъ на себѣ черты крючкотворства. До нѣкоторой степени, право аналогично греческой софистикѣ, хотя, въ своемъ родѣ, оно нѣчто, все же, лучшее. При сравненіи съ здоровыми, не изъѣденными порчей, идеями о принципахъ права и правовыхъ отношеніяхъ, даже пандекты—эта, сравнительно лучшая, часть *corpus'а juris*,—оказывается лишь библіей форменнаго правового суевѣрія, внушеннаго авторитетомъ. Ихъ можно бы назвать даже, въ своемъ родѣ, почти что Талмудомъ: первоначально лучшіе логическіе элементы поросли въ нихъ сорной травой всякихъ хитростей, служащихъ только къ развращенію правосознанія.

Тѣмъ не менѣе, эти традиціи, какъ въ дѣлахъ, такъ и въ идеяхъ, не очень много значили бы сами по себѣ и были бы, въ концѣ концовъ, сметены прочь, если бы къ нимъ не присоединялась фізіологически-тѣлесная традиція холопства въ раболѣпномъ человѣческомъ матеріалѣ. И не только античное частное рабство и заключительное всеобщее политическое порабощеніе оставили здѣсь свои слѣды; новѣйшіе народы,—между прочими и германскіе,—тоже принесли сюда изъ своего собственнаго фонда много всякаго холопства, а также немало и политически-рабьей приниженности передъ произволомъ господъ.

Когда наступила французская революція, выраженіе „*capaille*“, особенно въ устахъ военной знати, еще не вышло изъ употребленія въ отношеніи людей барщиннаго и тягловаго слоя; къ сожалѣнію, нельзя не признавать, чтобы это позорное прозвище, несмотря на все свое неприличіе, въ извѣстной мѣрѣ, не соотвѣтствовало фактической правдѣ. Человѣкъ низшихъ слоевъ съ теченіемъ времени былъ такъ порабощенъ и униженъ носившимъ оружіе и произвольно распоряжавшимся барствомъ, что, какъ рабъ по привычкамъ и по характеру, онъ отчасти, по крайней мѣрѣ, заслужилъ приложенный къ нему затѣмъ эпитетъ. Безъ этого неизменнаго типа человѣка едва ли имѣли бы мѣсто, въ такомъ же объемѣ, дикости и низости, которыя были такъ сильно распространены во время революціонной фазы.

И вся дальнѣйшая исторія, вплоть до двадцатаго столѣтія, дала слишкомъ

очевидныя свидѣтельства въ смыслѣ повторенія и продолженія тѣхъ же подвиговъ каналы. Гнусность одного сословія, военнаго, должна была устраниться или измѣнить свою форму. Но зато на сценѣ политической и социальной испорченности появились инныя сословныя прелести, которыя, въ концѣ концовъ, ни въ чемъ не отстали, въ смыслѣ свойствъ каналы, отъ прежнихъ, а по утонченности даже еще превзошли пошлость ancien régime'a.

6. Во время и со времени французской революціи во главѣ политическихъ дѣлъ становились, большею частью, люди, которые уже по личнымъ свойствамъ вносили въ исполненіе своихъ официальныхъ функций отвратительныя черты. Профессіи, которыя довольно часто даютъ поводъ къ особенному извращенію привычекъ и характеровъ, и давали по преимуществу политическихъ актеровъ. Въ этомъ направленіи стало особенно извѣстнымъ адвокатское сословіе, а рядомъ съ нимъ—сословіе врачей. Если какой-нибудь наглый крючкотворъ-адвокатъ, привыкшій дурныя и даже преступныя дѣла партіи превращать своею ложью въ правду и невинность, достигаетъ политической функции и властнаго положенія, то приемы и ухватки его и тамъ будутъ, конечно, того же сорта, къ какому обязываетъ его профессія.

Одинъ этотъ примѣръ достаточенъ для характеристики и всѣхъ другихъ типовъ каналы. Взвѣсьте лишь какихъ только матадоровъ нѣтъ въ обманной торговлѣ, какихъ только нѣтъ, въ подлинномъ смыслѣ слова, наѣздниковъ индустрии, которые, разъ они добрались до официальныхъ постовъ! тотчасъ же вносятъ туда свои прожектерскіе и мошенническіе извороты. Здѣсь получается настоящій функционеръ-каналы. Запасъ такихъ гадостей въ новой парламентской эрѣ, очевидно, еще болѣе великъ, нежели былъ при ancien régime'ѣ, который рекрутировалъ своихъ представителей главнымъ образомъ изъ военнаго сословія. Послѣднее, конечно, тоже не было безплодно во всемъ томъ, что касалось поставки изъ рукъ вонъ дурныхъ индивидуумовъ, только собственно прожектерство было въ рядахъ военныхъ все же, не такъ привычно, какъ въ рядахъ буржуазіи и соотвѣтственной ей стяжающей *intelléctuelle*. Связанныя съ военной профессіей отвага, хотя бы очень обыкновенная, и понятіе о чести, хотя бы ложно направленное, все-же, нѣсколько уменьшали мѣру проявленной ими, вообще свойственной имъ испорченности.

Въ реакционно-смѣшанномъ состояніи, которое непосредственно слѣдовало за французской революціей и продолжается до нашихъ дней на собственной почвѣ Франціи, военное сословіе растеряло свои немногія наследственныя свойства, которыя, въ отдѣльныхъ индивидуумахъ и въ особыхъ случаяхъ, нѣсколько облагораживали и смягчали его прочее варварство. Теперь, наоборотъ, именно это сословіе произвело тѣ отвратительныя характеры, инициатива которыхъ, какъ въ бонапартизмѣ, отпечатлѣла свои вполне омерзительныя черты на политическихъ дѣлахъ. Вторая имперія и эпоха Людовиковъ—

типическій примѣръ; ибо ей не хватало даже выдающихся военныхъ качествъ и мощи, которыя были, во всякомъ случаѣ, присущи родоначальнику французскаго цезаризма. Поэтому эпоха второй имперіи была законченнымъ режимомъ канальи; и режимъ этотъ, по подлости и низости, былъ превзойденъ третьей республикой, т. е. тѣмъ политическимъ поколѣніемъ, что съ 1871 года, послѣ низверженія коммуны, стало господиномъ положенія и достигло вершины своего наглого могущества въ дрейфусовское десятилѣтіе, т. е. примѣрно къ 1906 году.

Примѣчательнень тотъ фактъ, до какой степени характеры лицъ, достигшихъ вершинъ управленія, въ смыслѣ испорченности отвѣчаютъ почти всегда общему состоянію. Если зерно цезаризма заложено уже въ самой массѣ и въ общественномъ состояніи, то конечно не будетъ недостатка въ безцеремонныхъ узурпаторахъ, лично осуществляющихъ этотъ цезаризмъ. Когда у гнилого *ancien régime*'а отрубили его монархическую голову, гнилость, породившая режимъ въ ея революціонной модернизациі, потребовала себѣ другой головы, которая, по возможности, возстановила бы прежнее гнилое состояніе. Голова отыскалась въ томъ Бонапартѣ, который косвенно возстановилъ родъ военнаго господства; кромѣ того, Бонапартъ стакнулся съ папами, заключивъ конкордаты съ Римомъ. Такимъ образомъ онъ предалъ народъ клерикаламъ, чтобы поработеніемъ націи клерикализму осуществить свои деспотическія вожделѣнія. Таковъ былъ этотъ новомодный цезаризмъ; вмѣсто того, чтобы господствовать самому надъ Римомъ, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи римскаго духовенства, чтобы сдѣлаться и остаться господиномъ хотя бы одной только Галліи.

Личный характеръ Бонапарта, несомнѣнно, не былъ сколько нибудь хорошимъ; но иной характеръ и не подошелъ бы къ испорченнымъ состояніямъ, въ которыхъ приличныя средства все равно были бы напрасной тратой силъ. Уже сама революція показала, какіе фигуранты были въ ней возможны, могли разыгрывать роли. Революція должна была очистить общество отъ грязи, но на самомъ дѣлѣ только взбудоражила грязь. Все худое, что было создано и прикрито традиціей, теперь освободилось и выползло на свѣтъ дневной. Отчасти хорошіе принципы, но въ большинствѣ дурные люди— вотъ что произвело на первыхъ же порахъ систему политически-лицемѣрной добродѣтели, которая въ канальѣ Робеспьерѣ нашла своего главнаго террористическаго представителя и тотчасъ положила начало религіозной реакціи. Поэтому нѣтъ никакого политическаго чуда въ томъ, что со времени той эпохи Франція, несмотря на нѣкоторые формальные успѣхи въ общественныхъ учрежденіяхъ, все больше и больше погружалась въ болото испорченности, и что нынѣшнее ея состояніе представляетъ образецъ господства канальи.

7. Отъ Панама къ дрейфусовщинѣ — вотъ что было паролемъ новѣй-

шей, наиболее испорченной, эпохи. Не реабилитация, но упрочение всевозможных мошенничеств на такъ называемой службѣ государству — вотъ что стало, несомнѣнно, лозунгомъ современныхъ французовъ. Внутренняя и внѣшняя политика, сама по себѣ, давно уже могла указать у себя достаточно мошенничествъ; она подавала и подаетъ дурной примѣръ частнымъ лицамъ — примѣръ болѣе дурной, чѣмъ макіавелизмъ. Но преобладающія роли въ этихъ милыхъ мошенническихъ продѣлкахъ уже почти перемѣнились, онѣ стали даже прямо противоположными. По крайней мѣрѣ во Франціи и Сѣверной Америкѣ это очевидно. Частныя лица загрязняютъ своей дѣловой дрянностью, т. е. дѣловымъ пронырствомъ политику и въ особенности исполненіе официальныхъ обязанностей всякаго рода, начиная съ высшихъ верховныхъ должностей до самыхъ низшихъ. И потому создается, такъ сказать, общественная грязь; вмѣстѣ съ тѣмъ, создается и общественное мнѣніе, сфабрикованное при посредствѣ власти и прессы, — мнѣніе, находящее эту грязь верхомъ чистоты, мнѣніе, достаточно тупое и гибкое, чтобы универсальное погруженіе въ эту грязь считать успѣхами гуманности.

Всеобщее дѣловое прожектёрство находитъ для себя выгоднымъ вмѣшаться въ государственныя дѣла и извлекаетъ отсюда очень большіе барыши. Прямой и косвенный подкупъ укореняется и дѣлается привычнымъ. Единственное молчаливое соглашеніе относительно подкупа состоитъ въ томъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ не могъ быть раскрытъ. Если же его гдѣ-нибудь раскроютъ, то оказывается, что тамъ уже позаботились о томъ, чтобы всякими рафинированными средствами помѣшать постановленію и приведенію въ исполненіе судебного приговора. Указанная сторона общественно-преступнаго режима и юстиція, не говоря уже о юд-стиціи, — солидарны между собою.

Произвольное перемѣщеніе и смѣняемость судей обычнымъ административнымъ порядкомъ облегчаетъ возможность дурного вліянія и дурной процедуры. Тамъ же, гдѣ въ исключительныхъ случаяхъ судьи несмѣняемы, какова, на примѣръ, полу-сотня кассационнаго суда, тамъ въ смыслѣ всякихъ подкупныхъ махинацій въ государствѣ и въ обществѣ дѣло тоже нисколько не измѣняется: это достаточно показали опыты дрейфусовскаго десятилѣтія. Гдѣ для депутатовъ, т. е. для законодательнаго учрежденія, косвенно управляющаго страной, настоящимъ факторомъ голосованія является „блюдо съ бутербродами“, и гдѣ, слѣдовательно, частныя выгоды и если не прямые, такъ косвенные подкупы служатъ пружинами почти всей парламентской машины, тамъ нечего удивляться, если органы и орудія этого сувереннаго учрежденія и избраннаго изъ его среды кабинета министровъ соотвѣтствуютъ руководящему курсу государственнаго корабля, а уваженіе къ чисто-юридическому праву отодвигается на второй планъ.

Ко всему этому присоединяется еще, въ качествѣ главной опоры такого опрятнаго отношенія къ дѣлу, проникновеніе каналы въ соціальныя и особенно въ соціалистическія партіи и въ партіи, претендующія на такое названіе. Я не хочу сказать этимъ, что дѣльцы прочихъ партій не соціалистическаго или не радикальнаго направленія были бы лучше. Нѣтъ, испорченность оказывается всеобщей, и здѣсь существуютъ лишь совершенно отдѣльныя личныя исключенія. Дѣло лишь въ томъ, что дѣльцы въ области *sociaille* и *radicaille*, желающіе быть представителями народа *par excellence*, обнаруживаютъ въ характерахъ наиболѣе худшія и ненормальныя уродливости. Это—демагогическіе лицемѣры, которые афишируютъ по возможности все, что имѣетъ добрый видъ, не вѣря въ это сами. Они даже регулярно предають интересы народа, которому они гадятъ, коль скоро предательство имъ выгодно. Напримѣръ, они раздувають стачки, а потомъ сдаютъ рабочія массы на руки какимъ-нибудь посредственнымъ правительственнымъ инстанціямъ; притомъ они еще дѣлаютъ видъ, будто чудо какъ хорошо позаботились о своихъ протезе! Такимъ путемъ они съ двухъ сторонъ поддерживаютъ успѣхъ своего демагогическаго гешефта.

Но если имъ, при какой-нибудь конъюнктурѣ, предоставляется министерскій постъ или другое жирное служебное мѣстечко, они бросаютъ всю свою *sociaille* и всѣ свои демагогическія дѣла, чтобы дѣло ихъ выгоды и тщеславія стало какъ можно болѣе прибыльнымъ и вѣрнымъ. И если даже, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, бываютъ различія, если на дѣлѣ лишь немногимъ случается съ такимъ крайнимъ простодушіемъ обнаружить прелести своей *sociaille*, то, все-таки, у нихъ отнюдь нельзя отрицать умѣнія въ нужный моментъ сбросить съ себя соціалистически-взбитую пѣну. Франція и въ этомъ отношеніи является примѣрной страной, идя далеко впереди прочихъ странъ въ прогрессирующемъ зараженіи общества свойствами каналы или, по крайней мѣрѣ, въ ясности и очевидности такого зараженія. Франція — страна, гдѣ возникли соціалистическія стремленія и схемы, но вмѣстѣ съ тѣмъ это—страна, гдѣ прежде всего исчезло и было вытѣснено всякими суррогатами канальства все доброе и вся вѣра въ добро, отличавшія эти схемы.

8. Объ Англіи мы не имѣли въ виду много говорить здѣсь. Англія—первоначальный типъ конституціоннаго и парламентскаго лицемѣрія, которое хранятъ старыя учрежденія, чтобы тѣмъ лучше злоупотреблять ими. Сословіе хищниковъ имѣетъ въ лицѣ верхней палаты свой старинный памятникъ, тогда какъ нижняя палата является мѣстомъ наслоенія дѣловыхъ обмановъ. Изъ этихъ двухъ корней выросла двусмысленная система со всѣми ея фикціями политическихъ правъ и съ ея кажущейся свободой. За исключеніемъ двухъ-трехъ законовъ, охраняющихъ личное право отъ слишкомъ грубаго административнаго произвола, а именно, за исключеніемъ *Habeas corpus* акта, от-

сутствія цензуры въ прессѣ и свободы собраній, весь тамошній режимъ ничего не стоитъ. Дорогіе и полные всякими подвохами выборы — только симптомъ болѣе глубокаго зла. Англія — разсадникъ не только всякаго парламентаризма, но и самой утонченной парламентской испорченности, которая укоренилась тамъ уже столѣтіями, являясь принадлежностью самого строя, даже какъ бы частью строя и священнымъ обычаемъ.

Норманнскій разбой самымъ тѣснымъ образомъ сочетался въ Англіи съ кельтскимъ лицемѣріемъ и дѣловымъ плутовствомъ. Обѣ клики, въ одной изъ которыхъ преобладаетъ прямо хищный элементъ, а въ другой задаютъ тонъ либеральствующіе мастера по части обирания, смѣняютъ другъ друга у кормила правленія и при распредѣленіи должностей, — смотря по тому, какія вошедшія въ обычай измѣненія принесутъ съ собою парламентское пользование и выборы. Гдѣ эта дурная система, какъ во всѣхъ собственно парламентарныхъ режимахъ, нашла себѣ подражаніе, тамъ вездѣ видна, по меньшей мѣрѣ, тенденція къ испорченности, свойственной канальѣ, и успѣхи въ этомъ отвратительномъ направленіи дѣлаются все болѣе невыносимыми. Все общество и народъ толкаютъ при этомъ къ финансовому разрушенію, такъ какъ въ государствѣ устанавливаются безразсудное обремененіе налогами и излишества займовъ: при помощи этихъ средствъ государство превращается въ какую-то машину для обирания народа въ пользу охотниковъ за должностями и прочихъ пожирателей бюджета; такимъ образомъ государство отдается на съѣденіе эгоизму наиболѣе дурныхъ частныхъ интересовъ.

9. Если мы отвернемся отъ этихъ полу-германскихъ зрѣлищъ политическаго лицемѣрія и посмотримъ на среднеевропейскія государства, то увидимъ, что тамъ наполовину сносная традиція продержалась дольше. Это было, именно, въ Пруссіи и отчасти вообще въ Германіи, до эпохи бисмарковщины; но и послѣдняя имѣла, прежде всего, скорѣе личный характеръ, и ее перевѣшивали лучшія, противодѣйствовавшія ей, вліянія, исходившія отчасти даже со стороны самого короля прусскаго; ея вредное вліяніе было благотворно ограничено или, по меньшей мѣрѣ, ослаблено. Если же и у насъ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ 19-го вѣка, мы видимъ уклоненіе дѣлъ въ сомнительный фарватеръ, то въ этомъ нужно винить отдѣльную личность, т. е. того же самаго Бисмарка, но не усматривать здѣсь радикальную испорченность государства, общества и народа. Состояніе общества имѣло въ себѣ много дурного и, во всякомъ случаѣ, шло навстрѣчу хаотической безформенности; тѣмъ не менѣе, въ томъ отношеніи, какое мы имѣемъ въ виду въ этой главѣ о господствѣ канальи, должно исключительно принять въ расчетъ почти отдѣльную личность. Она испортила многое и испортила бы еще больше, если бы не было налицо сравнительно здороваго сопротивленія.

Въ настоящемъ изложеніи было бы невозможно достаточно подробно охарактеризовать этого насадителя манеръ французскаго Louis на прусской

и нѣмецкой почвѣ. Я отсылаю читателя къ моимъ статьямъ по тому же поводу въ „Персоналистъ“, а именно, къ тѣмъ одиннадцати, которыя печатались съ сентября 1905 до мая 1906 года и носили общее заглавие: „Нѣтъ больше здраваго политическаго смысла“. Подъ такой рубрикой были напечатаны въ новомъ изданіи и прежнія статьи о бисмарковщинѣ. Главное характеризующее выражение по отношенію къ Бисмарку получило тамъ хотя и рѣзкую, но подкрѣпленную доказательствами форму. „тридцать процентовъ глупца и семьдесятъ процентовъ негодяя“. Глупость, какъ, на примѣръ, предубѣжденность противъ изобрѣтенія книгопечатанія и громко высказанное милое пожеланіе, чтобы были уничтожены всѣ книги, за исключеніемъ библии,—такія вещи здѣсь насъ очень мало касаются, такъ какъ наша тема имѣетъ отношеніе прямое только къ качествамъ канальи. Но, конечно, эти качества не исключаютъ примѣси глупости, а наоборотъ, довольно часто такая примѣсь встрѣчается именно у подобныхъ Бисмарку персонъ.

Плутовство можетъ быть заложено уже въ личномъ характерѣ, и таковъ именно былъ случай съ бисмарковщиной*). Въ варцинскомъ юнкерѣ скрывалась, по сословной традиціи, не только старая хищная бестія: на лапахъ хищнаго звѣря красовались еще пальцы барышника. Скотская грубость отвратительнѣйшимъ образомъ сочеталась здѣсь съ самымъ пошлымъ дѣловымъ умомъ, напоминавшимъ о еврейскихъ качествахъ. ТERRORизировать сосѣда по имѣнію угрозой пристрѣлить его, а позднѣе, по отношенію ко мнѣ, пустить въ дѣло воровство моего сочиненія и пытаться даже поддержать мошенническую продѣлку попыткой преслѣдовать меня—всего этого, конечно, за глаза достаточно для характеристики личности Бисмарка.

Но и политика была въ полномъ соотвѣтствіи съ такими личными качествами. Не только ужъ реакція, а прямо реакціонное озвѣреніе—вотъ что распространилось всюду по бисмарковскому образцу. Самый наглый эгоизмъ, принципиально и цинически не уважающій ничьего права, голое насиліе, мелочность интересовъ, культъ монополій, союзъ со всякими дурными элементами, предпочтительное покровительство евреямъ—вотъ что было здѣсь характерно. Внутри и внѣ государства именно возстановленіе системы разбоя опредѣляло главнымъ образомъ все теченіе дѣлъ. Дѣйствительными успѣхами мы обязаны не этимъ мерзостямъ, но лучшимъ старымъ традиціямъ. Парижскій Луи, этотъ образцовый негодяй, былъ поднадуть своимъ ученикомъ и побѣжденъ при помощи военной мощи лучшей старой традиціи. Несмотря на то, онъ былъ бы, все-таки, сохраненъ и удержался бы во главѣ Франціи, если бы только можно было сдѣлать это. Но такія скромныя пожеланія дружественной политики дворовыхъ псовъ наткнулись на аналогич-

*) Здѣсь непереводимая игра словъ Вiсмарскіе и Вiсқуарскіе (вдвойнѣ-дрянъ). *перев.*

ное сопротивленіе: парижскіе дѣльцы, которыхъ 4 сентября 1870 года, безъ всякихъ заслугъ съ ихъ стороны, вытащило изъ болота имперіи на поверхность, крѣпко схватились за свои мѣстечки и захотѣли еще болѣе безцеремонно развить свое жидовство, чѣмъ это было бы возможно съ Бонапартомъ во главѣ.

Итакъ, подражаніе управленію Луи приняло формы, которыя превзошли даже его прирожденную подлость. Къ такимъ именно формамъ привела бойня, устроенная надъ коммуной, и Бисмаркъ явно далъ средства для достиженія этой цѣли, отпустивъ сто тысячъ плѣнныхъ. Со времени указанной политической фазы все въ политической и соціальной области потеряло всякія границы, всякую сдержку, и нельзя уже обезпечить никакого справедливаго порядка. Конечно, Бисмаркъ, вѣсившій мясомъ и костями двѣсти сорокъ фунтовъ, но довольно мало—мозгомъ, не изобрѣлъ этихъ мерзостей: онъ только взбудоражилъ ихъ, а тамъ, гдѣ онъ скрывались, снова привелъ въ движеніе. Однако, его фривольная, нечистая игра съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ, его первоначальное кокетничанье съ соціалдемократическимъ элементомъ, который онъ въ интересахъ юнкерства противъ буржуазіи сильно расплодилъ, много прибавили къ зараженію политическаго состоянія свойствами каналы.

Онъ и демагоги соперничали въ поругательствѣ надъ правомъ и въ звѣрскомъ культѣ силы. И если обѣ стороны, подъ конецъ, столкнулись, то опять-таки, вѣдь, къ интимной дружбѣ плутовъ тутъ присоединялась столь же интимная вражда плутовъ, происходящая изъ собственной ихъ сущности. Такія происшествія являются только показателями качествъ европейскихъ дѣлъ и даже дѣлъ всего міра. Полная безсовѣстность и тупость по отношенію къ вопросамъ права, бывшія въ плоти и крови Бисмарка, типичны и для всего міра въ смыслѣ присутствія въ немъ каналы. Эти качества давно уже указывали всякому знатоку дѣла на развитіе подлиннаго режима преступниковъ, который съ тѣхъ поръ и распространился очень широко по всему міру.

V.

РЕЖИМЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

1. Какъ ни тѣсно связано господство каналы съ собственно преступнымъ режимомъ, какъ ни много помогаетъ оно ему, все-таки, по смыслу послѣдній и первое не совпадаютъ. Должны присоединиться еще другія обстоятельства и тенденціи чтобы общественное и государственное безобразіе выросло до степени преступнаго режима. И даже просто политическая преступность, т. е. достиженіе власти путемъ преступленія, не достаточно,

чтобы обусловить всю низость обобщенного режима преступниковъ Преступныя узурпации господства, конечно, могутъ много способствоватьъ внѣдренію въ обществѣ обыденной преступности Но такое послѣдствіе не необходимо Только болѣе далеко заложенныя причины создаютъ вполне достаточныя предварительныя условия для такого глубокаго внѣдренія уголовщины въ обществѣ и государствѣ

Культъ обыденнаго преступления есть, все-таки, нѣчто совершенно иное, нежели чисто-политическая криминальность, если бы даже послѣдняя, въ исключительныхъ случаяхъ, и орудовала обычными преступными средствами. Какими бы дурными, даже подлыми ни были въ этомъ отношеніи узурпации, все-таки, по самой природѣ дѣла, для нихъ имѣются границы. Преступленіе для нихъ, конечно,—средство къ цѣли, но, все таки, не самая цѣль. Иначе обстоитъ дѣло съ собственно преступнымъ режимомъ: тамъ преступники желаютъ всюду видѣть себя самихъ и свое отродье Разъ установилось такое господство преступниковъ, оно практически и теоретически ведетъ войну не только съ тѣми, кто приличенъ, но со всѣми, кто не настроенъ преступно, кто поступаетъ правомѣрно.

Кто не изслѣдовалъ дурныхъ дѣлъ такого рода и не добрался до ихъ основной причины, тому уже одно представленіе о режимѣ преступниковъ, въ подлинномъ смыслѣ слова, можетъ показаться слишкомъ смѣлой фантазій Мы сами долго колебались, снова и снова пересматривали вопросъ, прежде чѣмъ рѣшились обобщить свои наблюдения и охарактеризовать факты въ рѣзкихъ выраженіяхъ Указанная концепція навязана намъ поневолѣ: мы слишкомъ часто сталкивались съ руководящимъ, хотя и скрытымъ, паролемъ *vive le crime!* Глупцами сумасшедшими, мнимыми и такъ называемыми мыслителями пароль этотъ даже выбалтывался, а иногда прямо афишировался Подобныхъ умалишенныхъ, именно потому, что они пущены въ ходъ въ литературѣ, нужно считать не просто *enfants terribles* или даже *fous terribles*, обнаруживающими тайны банды противъ ея намѣренія: они являются хорошимъ матерьяломъ для характеристики состоянія, ибо банда ихъ ласкаетъ и культивируетъ. Ихъ личная глупость и испорченность ничего бы не значила,—по крайней мѣрѣ, она не была бы достаточнымъ доказательствомъ,—если бы одобреніе, оказываемое имъ людьми, еще не лишенными ума, не выдавало съ головой болѣе общее криминальное состояніе или, по меньшей мѣрѣ, подобное же состояніе самой банды.

Неопытные мыслители восемнадцатаго вѣка слишкомъ необдуманно составили себѣ представленіе, что, будто бы, все несправедливое характеризуется тѣмъ, что его нельзя мыслить, какъ общее правило Если бы это было дѣйствительно такъ, то человѣчеству не стоило бы заботиться о своемъ благополучіи и о своей судьбѣ. Въ концѣ концовъ, общность правила всегда привела бы все въ норму, если бы даже гдѣ-нибудь обнаружи-

вались частичныя преступныя его нарушенія. До преступнаго режима, даже только до отчасти общаго культа преступленія дѣло не могло бы дойти, если бы оно шло согласно съ такой близорукой мудростью въ воззрѣніяхъ на міръ и право.

Конечно, мы также не допускаемъ, чтобы обобщеніе того, что мы назвали режимомъ преступниковъ и въ чемъ мы убѣдились новыми наблюденіями, всегда могло быть полностью проведено. Но мы твердо стоимъ на томъ, что подобный режимъ, т. е. господство заинтересованныхъ круговъ, задающихъ тонъ, а при неопытности ихъ, и надъ этими кругами, не только можетъ имѣть мѣсто, но и фактически существуетъ. Публика, поскольку она вообще позволяетъ задавать ей тонъ, непроизвольно подпадаетъ вліянію преступнаго режима и вынуждена вдыхать отравленный преступленіемъ воздухъ. Преступный цехъ заботится о томъ, чтобы его способъ пониманія вещей, его заявленіе о правѣ на преступленіе были перенесены на болѣе общій родъ пониманія и чувства какимъ бы то ни было контрабанднымъ или открыто-наглымъ способомъ.

2. Чтобы не впасть въ заблужденіе и не соединить въ одно то, что надо существенно различать, слѣдуетъ отличать политику, которая хватается за преступленіе просто какъ за средство къ цѣли, отъ той обыденной преступности, которая пользуется политикой, политическими учрежденіями и обстоятельствами для достиженія самыхъ пошлыхъ преступныхъ цѣлей. Последняя комбинація и открываетъ вершинный пунктъ преступнаго режима. Если, на примѣръ, законодательная махинація служитъ къ тому, чтобы дать средства къ грабежу и воровству или присвоенію путемъ обмана, то такіе проступки не являются уже просто политическими преступленіями; они должны быть признаны общими преступленіями, учиненными путемъ злоупотребленія политическими функціями. Здѣсь мы имѣемъ нѣчто, похожее на то, какъ если бы кто-нибудь использовалъ свое служебное положеніе для учиненія воровства, на примѣръ, изъ довѣренной ему кассы.

Самыя разнообразныя обыденныя преступленія, вродѣ убійства, могутъ пускаться въ дѣло сообразно съ какимъ-либо должностнымъ положеніемъ или съ изобрѣтенными для такой цѣли конъюнктурами. Худшее въ этомъ родѣ— злоупотребленіе судебною властью. Именно здѣсь преступленіе наиболѣе глубоко противорѣчитъ задачѣ самой функціи. Кассиръ, обворовывающій довѣренную ему кассу, еще не такой прирожденный преступникъ, какъ судья, на примѣръ, военный судья, осуществляющій свое личное намѣреніе убить въ формѣ несправедливаго смертнаго приговора. Старый случай децемвировъ съ Виргиніей принадлежитъ къ этой же категоріи. Здѣсь приговорили къ лишенію свободы съ цѣлью принудить къ половому сношенію.

Но мы не будемъ останавливаться на античныхъ преступленіяхъ. Тогда были отдѣльные изъ ряда вонъ выходящіе случаи; теперь мы имѣемъ въ

виду цѣлую систему и режимъ. Въ особенности ясно видно въ этомъ отношеніи мошенническое присвоеніе государственной казны путемъ созданія излишнихъ должностныхъ мѣстъ, но воровъ здѣсь далеко не легко поймать. Во французскомъ бюджетѣ эта надувательская, обворовывающая государство система очень развита и, въ то же время, крайне безцеремонна. Всякіе чиновники созданы, всякія мѣста назначены для того только, чтобы лучше пристроить къ казенному пирогу извѣстныя группы и отдѣльныхъ лицъ. Здѣсь вовсе не потребности государства и общества имѣются въ виду, а только растущая съ увеличеніемъ населенія потребность пристраивать лицъ, ожидающихъ должностныхъ вакансій, чтобы поглощать деньги за никому ненужную службу. Нуждающіеся въ сбытѣ поставщики, въ особенности поставщики плохихъ товаровъ, заставляютъ тоже позаботиться о себѣ, хотя въ этомъ случаѣ чаще дѣло идетъ не законодательнымъ путемъ, а путемъ злоупотребленія властью.

Такими примѣрами режимъ лишь характеризуется, но не исчерпывается,—въ особенности въ своихъ менѣ доступныхъ, скрытыхъ пружинахъ. Обычный характеръ преступника похожъ на характеръ хищнаго звѣря: разъ онъ налицо, онъ становится неотъемлемою частью индивидуума, а очень часто и его отродья; онъ не измѣняетъ себѣ ни въ какомъ направленіи. Онъ проявляется даже безъ всякой нужды, прямо какъ у волка, который по простой естественной привычкѣ и прирожденной страсти къ убійству задираетъ въ хлѣву всякую овцу, которую находитъ тамъ. Злобный типъ собаки ведетъ себя такъ же, несмотря на всю культуру и дрессировку, хотя бы въ остальномъ послѣдняя и привилась.

Поэтому вовсе неудивительно, если преступный человѣкъ или, скажемъ, въ менѣ сильно выраженныхъ случаяхъ, человѣкъ, склонный къ преступленію, обнаруживаетъ свои достойныя качества всюду, гдѣ только можетъ. Эти качества—его неотъемлемый жизненный элементъ; безъ нихъ не хватало бы чего-то его существу, за которое онъ крѣпко держится съ неотступнымъ эгоизмомъ. Преступникъ или склонный къ преступленію субъектъ ищетъ только матерьяла, которымъ могъ бы распорядиться. Этотъ матерьялъ можетъ и не быть полной противоположностью преступнику, такъ чтобы грабитель и ограбленный представляли собою два въ основѣ различные элемента или класса. Роли могутъ при обстоятельствахъ мѣняться; въ каждомъ случаѣ необходимо только одно (а большею частью такъ и бываетъ): чтобы одна сторона являлась просто болѣе имѣющей, а другая (по крайней мѣрѣ, въ каждой отдѣльной конъюнктурѣ) просто болѣе хватающей. На этомъ перемѣшиваніи, распредѣленіи и перемѣнѣ ролей и основывается значительная способность преступнаго режима къ обобщенію.

Разъ въ обществѣ накопилась и укоренилась извѣстная мѣра криминальности, послѣдняя старается утвердить свое право на преступленіе всюду

и при всякихъ обстоятельствахъ. Тогда можно, разумѣется, исключать отдѣльныя личности и избранныя группы, но нельзя уже говорить, что въ той или иной области нѣтъ криминальности, находящейся на той или иной ступени обобщенія. Всѣ партии бываютъ тогда проникнуты преступностью, во всѣхъ политическихъ и неполитическихъ развѣтвленіяхъ общества она становится привычною вещью. Отсюда же и происходитъ, вѣдь, та степень сомнительной ненадежности, которая отличаетъ такія состоянія преступнаго режима!

Даже въ область безспорно хорошихъ цѣлей проникаетъ ядъ, притомъ ядъ не только моральный. Даже въ свободной дѣятельности ради нея многообразно лгутъ и воруютъ. Собственно этой язвой заражена жизнь всѣхъ обществъ. Самыя лучшія, самыя идеальныя цѣли и органы внѣшней дѣятельности, созданные для нихъ, попадаютъ въ руки дѣльцовъ, которые, при ближайшемъ съ ними знакомствѣ, оказываются просто мошенниками. Овчарня близорукой или лицемерной филантропіи, а также область т. наз. вегетаріанства или,—если смотрѣть на нее съ особой стороны, область, враждебная проливанію крови,—обѣ эти области богаты примѣрами захвата мѣсть и прессы дѣльцами, склонными къ преступленію и дѣйствующими только въ интересахъ своего криминальнаго эгоизма. Довольно комично при этомъ, что и тутъ для осуществленія истинныхъ цѣлей, все-таки, кое-что получается, хотя, правда, очень немногое. Удовлетвореніемъ и утѣшеніемъ подобная вещь, конечно, служить не можетъ, ибо при другихъ обстоятельствахъ, если бы вмѣсто режима преступниковъ дѣйствовали хорошіе принципы, можно было бы достигнуть въ тысячу разъ болѣе значительныхъ результатовъ несравненно лучшаго качества.

3. Согласно съ тѣмъ, что я изложилъ, политика, сама по себѣ, хотя бы худо, т. е. безпринципно и звѣрски-грубо выполняемая, все-таки, еще не самое худшее. Ея обычныя отдѣльныя преступленія едва даже могутъ идти въ счетъ, разъ мы сравнимъ ихъ съ тѣмъ вредомъ, который вноситъ частная алчность и исходящая отъ нея частныя преступленія, когда они заставляютъ политику служить себѣ. Даже вся сумма преступленій, учиняемыхъ политикой въ своихъ интересахъ, несмотря на ростъ политической испорченности, отсюда происходящей, все-таки, всегда стоитъ ступенью выше обыденной преступности. Только тамъ, гдѣ общая политика принципиально превращается въ политику международнаго разбоя, только тамъ ея способъ дѣйствій можно до нѣкоторой степени, но отнюдь не вполне отождествлять съ частной преступностью. Именно, при этомъ всегда имѣетъ мѣсто извѣстная широта, которая нѣсколько и предохраняетъ поведение отъ опусканія до уровня исключительно личной и вообще частной преступности. Вотъ, можетъ быть, причина, на основаніи которой обѣляютъ историческія и коллективныя злодѣянія или придаютъ имъ слишкомъ малое значеніе. Мы, съ нашей стороны, равно далеки какъ отъ того, чтобы видѣть въ нихъ только частное

преступленіе, такъ и отъ того, чтобы не признавать ихъ аналогичными такому преступленію.

На послѣднюю аналогію, скорѣе, опирается все наше сужденіе о государственныхъ дѣлахъ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Хищническая политика народовъ аналогична обыденному грабежу, но по формѣ проявленія, во всякомъ случаѣ, бываетъ нѣсколько иного характера. Конечно, она болѣе разнуздана, нежели обыденное частное преступленіе, которое, вѣдь, должно, все-таки, считаться съ юридическими границами и опасностями; но уже по природѣ своей политика вноситъ обыкновенно нѣсколько больше порядка и правильности въ практику всей суммы своихъ преступленій. Это различіе не слѣдуетъ упускать изъ виду, если не желаютъ подвергнуться упреку въ злоупотребленіи только частично вѣрными сравненіями. Съ другой стороны, нужно заботиться о томъ, чтобы аналогія и ея болѣе глубокое основаніе не были неправильно оцѣнены.

Организованный и публично регулируемый разбой, конечно,—тоже разбой, но по формѣ онъ можетъ, все-таки, не заключать въ себѣ безпутства и произвола, свойственныхъ спорадическимъ частнымъ злодѣяніямъ. Въ послѣднемъ своемъ основаніи оба плода преступности выросли на одномъ деревѣ и питаются одними и тѣми же соками. Преступныя побужденія также создаютъ для себя извѣстный строй, подобно тому, какъ разбойничья банда признаетъ права атамана и обычный порядокъ при раздѣлѣ добычи. Безъ чего-либо подобнаго даже преступный режимъ, исходящій отъ частной инициативы, не можетъ приобрѣсти всей своей силы и дѣйствовать всесторонне. Отсюда видно, какъ тѣсно связаны обѣ вещи, т. е. коллективное и личное поведеніе. Этимъ именно и опредѣляется мѣра организациі и конституированія преступности, порождаемая совокупной дѣятельностью сродныхъ по преступности расъ, національностей и государственныхъ союзовъ.

Организациія и составленіе конституціи—формальныя вещи, которыя охватываютъ и оформливаютъ какъ дурное, такъ и хорошее; въ смѣшанныхъ образованіяхъ онѣ оказываются даже совершенно равнодушными къ юридическимъ и моральнымъ различіямъ. Всякое хищное животное является искусно сложеннымъ организмомъ, надѣленнымъ разнообразными функціями, причемъ ихъ отправленіе основывается на индивидуализированныхъ, т. е. не только спеціально, но и индивидуально проявляющихся законахъ природы. Точно такъ же и въ организацияхъ дурного, даже злобнаго характера нельзя отрицать болѣе или менѣе искусственнаго, чтобы не сказать, тонко-искусной расчлененности. Но ни это, ни весь относящійся сюда формализмъ нимало не должны плѣнять насъ. Дѣло не въ полнотѣ цѣлей и не въ богатствѣ искусства вообще,—дѣло въ томъ, хороша или дурна цѣль, дѣло въ томъ, служитъ ли техническое и прочее искусство добру или преступленію. Съ точки зрѣнія альтернативы нужно разсматривать

уже первоначальныя и естественныя образованія, а тѣмъ болѣе, формы культуры, т. е. формы отношеній, учреждений и дѣловыхъ обычаевъ, основанныхъ на человѣческихъ потребностяхъ.

4. Къ теоретической сторонѣ обыкновеннаго преступнаго режима надо отнести, въ качествѣ иногда невольныхъ, но чаще—преднамѣренныхъ вспомогательныхъ средствъ, тѣ ученія, что стараются прикрашивать ординарное преступленіе и представляютъ его въ видѣ болѣе или менѣе невмѣняемаго поступка. Нынѣ въ ряду такихъ ученій нужно упомянуть прежде всего теоріи, претендующія на названіе соціальныхъ; эти теоріи готовы всюду и во всѣхъ отношеніяхъ считать преступленіе частнаго лица продуктомъ самого общества. Это, въ основѣ своей извращенное, теоретизированіе, въ сущности, занимается только кокетствомъ. Оно хочетъ понравиться преступнымъ элементамъ и выдать себя за чудо гуманности. Расчетъ здѣсь имѣется на то, что отдѣльная личность охотно позволитъ переложить тяжесть вины съ своихъ плечъ на плечи общества. У общества спина широкая; никто не желаетъ быть на его мѣстѣ, но очень желаетъ сойти за жертву общества. Такъ называемый соціализмъ—эта еще ни въ какомъ смыслѣ не опредѣленная сколько-нибудь концепція будущаго, не только во многихъ отношеніяхъ ограниченная, но и лживая,—соціализмъ долженъ, вѣдь, окончательно излѣчить всякое преступленіе, какъ и вообще всякую нужду, чуть-что не всякую болѣзнь!

Разумѣется само собою, что въ нѣкоторыхъ смыслахъ не всѣ индивидуальныя преступленія происходятъ исключительно отъ индивидуальныхъ причинъ. Несомнѣнно, коллективное состояніе причастно ко многому, что оно заразило. Наша собственная концепція преступнаго режима служитъ тому примѣромъ. Довольно часто подвергается порчѣ и многое хорошее, но неопытное и слабое, разъ оно вынуждено жить въ сферѣ такого режима. Но ложно-соціалистическая манера разсуждать, которая теперь особенно распространена, оперируетъ съ совершенно грубой идеей. Будто бы недостатокъ средствъ къ пропитанію толкаетъ людей на преступленіе! Однако, вѣдь, если бы даже всего было вдоволь и по горло, все же преступное хищничество въ этомъ родѣ не прекратилось бы, не говоря уже объ иныхъ побужденіяхъ. Дрянные субъекты, желающіе жить на чужой счетъ, стали бы только запрашивать все больше и больше.

Пропитаніе—только грубое, нарочно нами избранное, слово, чтобы обозначить экономическія притязанія во всей ихъ широтѣ. Но широта размѣровъ и колебанія ихъ здѣсь, конечно, довольно велики. Соціальная экономія—наука о средствахъ къ пропитанію—знаетъ, что поразсказать объ этомъ. Ученіе о хозяйствѣ народа и народовъ достаточно разъяснило, какъ пестро и многообразно въ смыслѣ средствъ къ жизни заявляются притязанія на весь міръ. Дѣло идетъ уже не только о существованіи, но о комфор-

табельномъ существованіи, даже нерѣдко просто объ удовлетвореніи прихотей. Какъ только удовлетворены самыя разнообразныя потребности, тотчасъ заявляютъ о себѣ новыя потребности, довольно часто самыя утонченныя. Подъ конецъ всегда остается еще погоня за увеличеніемъ собственной власти. Культъ властолюбія, превратившійся въ безпутство, становится чѣмъ-то безудержнымъ, чѣмъ-то такимъ, что ломаетъ всякія загородки. Въ склонности къ преступленію, даже, грубо выражаясь, въ потребности преступленія у эгоистовъ, конечно, недостатка отнюдь нѣтъ.

Удовлетвореніе нормальныхъ потребностей помогаетъ очень мало, если при этомъ не умѣютъ помѣшать имъ ненормально расширяться. Но довольно объ этихъ вещахъ, изъ которыхъ выхода нѣтъ. Только софистика и крючкотворство могутъ поставить себѣ задачей свести вопросъ о преступленіи къ отвѣтственности общества и государства какъ цѣлому. Старая штука—указывать на статистически правильное повтореніе преступленій, а въ особенности на то, что случайныя измѣненія въ числахъ совпадаютъ съ состояніями нужды, недородами и т. п. Подобныя соотношенія вѣрно подмѣчены, но фальшиво истолкованы. Конечно, больше воруютъ, когда нѣкоторыя обстоятельства на долгое время затрудняютъ прокормленіе воровъ или людей, склонныхъ къ воровству. Такіе люди пускаютъ тогда въ ходъ свои приемы нѣсколько настойчивѣе, точно такъ же, какъ и хищный звѣрь: когда ему не хватаетъ обычной пищи, онъ бросается на другую, вламывается въ стойла, а въ крайнихъ обстоятельствахъ даже такъ смѣлѣетъ, что принимается и за человѣка, котораго раньше избѣгалъ.

Но происходитъ ли такое поведеніе звѣрей вообще отъ недостатка и отъ особыхъ видовъ недостатка? Разбойничаютъ ли такіе звѣри, смотря по конъюнктурѣ болѣе или менѣе широко только потому, что они голодны и имѣютъ въ разбоѣ нужду? Это свойство, быть голодными существами, у нихъ общее со всѣми и нехищными животными. И у послѣднихъ бываютъ голодныя времена и разнообразныя конъюнктуры. И они ищутъ пищи какъ умѣютъ. Но они при этомъ не выходятъ изъ границъ своего вида, остаются тѣмъ, что они есть, не дѣлаются хищниками, т. е. не рвутъ на части мяса животныхъ другого вида. О сладострастіи убійства я уже упоминалъ; оно—потребность, которая ищетъ удовлетворенія.

Аналогично потребностямъ и образу поведенія злобныхъ, но хорошо организованныхъ звѣрей обстоитъ дѣло и въ человѣческой области съ господствующими тамъ весьма различнаго рода причинностями. Лучшіе характеры, несмотря на нужду, обыкновенно остаются при своемъ образѣ поведенія и если измѣняютъ ему, то дѣлаютъ это, не покидая пути чистаго отъ преступленія. А кто и безъ того уже надѣленъ склонностью къ преступленію, тотъ и проявляетъ эту склонность болѣе или менѣе широко, смотря по тому, насколько обстоятельства и нужда настоятельны или даже просто

потому, что случай благоприятенъ. Послѣднее обстоятельство, во всякомъ случаѣ, должно быть принято въ расчетъ. Какъ только хоть отчасти устранены охранительныя мѣры,—преступность безъ всякой потребности и при отсутствіи какихъ-либо нехватокъ уже тутъ какъ тутъ и старается использовать благоприятный случай въ своихъ злодѣйскихъ цѣляхъ.

5. Въ послѣднемъ своемъ основаніи всякое преступленіе индивидуально. Отклоненіе отъ этой истины и взваливаніе вины на анонимное, такъ сказать, общество и на неясно представляемое цѣлое есть одно изъ самыхъ худшихъ заблужденій, которое само ведетъ къ преступленію. Индивидуумъ съ самаго начала всегда обладаетъ полнотой инициативы. Онъ-то именно, вѣдь, и вноситъ свою долю въ порчу общества. Общество и цѣлое состоятъ изъ индивидуальностей, и даже способъ связыванія его частей сообразуется съ личными свойствами индивидуумовъ, вступающихъ во взаимодействіе. Конечно, бываетъ поводъ принять въ расчетъ и общія формирующія силы; но именно не эти силы приносятъ уродливости, взаимныя членовредительства и вообще всю сумму правонарушеній.

Природа, какъ цѣлое, не тождественна съ отдѣльнымъ хищнымъ животнымъ, которое въ ней возникло. Она — ни паукъ, ткущій паутину, ни муха, которая запутывается въ этой паутинѣ. Представлять себѣ дѣло въ противоположномъ смыслѣ значило бы только смѣшивать понятія и предполагать чистую бессмыслицу. Дѣло клонилось бы тогда къ запутанному паннатурализму, столь же неприемлемому, какъ и пантеизмъ. Съ подобными представленіями на всю природу возложено было бы то, что слѣдуетъ приписать и поставить на счетъ отдѣльному существу и его первоначальному самозарожденію. Природѣ пришлось бы приписать различныя намѣренія и хитрости, даже способность къ прямой бессмыслицѣ, чтобы не сказать — къ безумію, если бы она, какъ единое нѣчто, ухитрилась быть заразой и убійцей, и жертвой убійцы. Чтобы не взвести на природу, какъ цѣлое, поклепъ въ такомъ полномъ отсутствіи разумности, нужно остерегаться смѣшивать отдѣльныя явленія съ тѣмъ повседневнымъ, общимъ, закономѣрнымъ, что проникаетъ цѣлое, за исключеніемъ особыхъ образованій.

Во всякомъ случаѣ, логически необходимо изъ общаго выводить лишь то, что соотвѣтствуетъ его сферѣ. Для специальнаго и индивидуальнаго потребны соотвѣтственныя особенныя, отдѣльныя основанія; иначе индивидуальное не возникаетъ. Фактическое отдѣленіе хорошаго отъ дурного или даже добраго отъ злого можетъ поэтому получить мѣсто лишь какъ вторичное явленіе, и притомъ по особеннымъ, опредѣляющимъ его, основаніямъ. Какимъ образомъ уже въ первобытномъ строѣ вещей появилось аномальное, этого, разумѣется, узнать нельзя. Но какъ оно теперь играетъ свою роль, и что оно никакимъ способомъ не возникаетъ изъ нормальныхъ вещей,—

это можно разузнать достаточно ясно, а часто даже схватить, такъ сказать, прямо руками Поэтому было бы глупостью, если не испорченностью, стараться стереть здѣсь различія, т. е. такъ смотрѣть на преступление и такъ трактовать его, какъ будто бы оно наряду съ лучшими дѣлами было продуктомъ общей опредѣляющей дѣятельности природы и универсальной закономерности, притомъ еще и одинаковаго вѣса съ ними. Ни хорошее, ни дурное дѣло не является такимъ продуктомъ; и то, и другое имѣютъ свои собственные основанія.

Въ обществѣ и государствѣ мы можемъ яснѣе видѣть то, что намъ остается недоступнымъ въ первобытной природѣ. И сравнение не всегда здѣсь достаточно. Личность портитъ общество и государство: это отношение вещей мы выдвинули впередъ, какъ наиболѣе понятный фактъ. Но и обратно, общество, притомъ не только какъ сумма индивидуумовъ, но и какъ организация, дѣйствуетъ на личность. И потому въ самомъ крайнемъ случаѣ можно констатировать извѣстную мѣру взаимности, но отнюдь нельзя всякій разъ дѣлать отвѣтственнымъ только общество, клеймя его, какъ носителя преступления. Указанная взаимность, притомъ, весьма далека отъ того, чтобы одинаково вѣсить на обѣихъ сторонахъ. Индивидуумъ, какъ вершинный пунктъ бытія, является дѣйствительностью *par excellence*, т. е. въ область какъ зла, такъ и добра онъ лично привноситъ влияюще на нихъ факты и процессы. Нужно опираться на его качества тамъ, гдѣ необходимо что-либо устранить какъ негодное или чему-либо поспособствовать. Съ нимъ же должно всегда считаться въ окончательномъ итогѣ и карательное правосудіе, будь это правосудіе обычной юстиции или болѣе свободное, высшее правосудіе.

Дурной видъ тамъ, гдѣ его вообще слѣдуетъ дѣлать отвѣтственнымъ, должно принимать въ расчетъ лишь на второмъ планѣ и притомъ лишь постольку, поскольку онъ, уже въ своемъ первоначальномъ опредѣленіи, оказывается аномальнымъ, вреднымъ или даже злобнымъ. Поэтому самое большое, о чемъ можетъ идти рѣчь въ отношеніяхъ личности и общества, есть весьма неравная мѣра взаимнаго влияния. И въ противовѣсъ выступающимъ нынѣ социалистическимъ теоріямъ, старающимся всегда потрафить преступленію, слѣдуетъ ставить требование, чтобы виновность и проступокъ отдѣльной личности всегда были должнымъ образомъ выдвинуты на свѣтъ. Социализмъ преступления намѣренно держится подъ покровомъ тумана и темноты. Желанный же туманъ и желанную темноту создаютъ сливающая все вмѣстѣ и ничего ясно не опредѣляющія теоріи; эти теоріи взываютъ къ повсюдности, чтобы не сказать къ вездѣсущности преступления въ такъ называемомъ ими обществѣ, которое само ближе не опредѣляется. Если бы можно было принудить, чтобы это смутное понятіе объ обществѣ было ближе опредѣлено и рассмотрѣно, то и оказалось бы тотчасъ, что причинъ пре-

ступленія, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, нужно искать именно въ индивидуумахъ, въ отдѣльныхъ лицахъ.

6. Персоны и личности—вотъ кто преимущественно пускаетъ въ ходъ зло и добро, преступленіе и оборону отъ преступленія. Было очень дурнымъ признакомъ времени, что даже лучшіе криминалисты, вродѣ Ансельма фонъ-Фейербаха, утратили понятіе о подлинной карательной справедливости и думали замѣнить его голой теоріей устрашенія. Отсюда получилось простое предупрежденіе вредныхъ поступковъ. На дѣлѣ вмѣсто справедливости вышла только высшая полиція. Всѣ релятивистскія теоріи наказанія носятъ такой именно характеръ. Онѣ знаютъ только внѣшнія средства охраны, но не знаютъ никакого дѣйствительнаго права. Понятія объ абсолютной несправедливости, о винѣ и возмездіи при этомъ разрушаются или принципиально отрицаются, чтобы уменьшить значеніе преступленія. Послѣднее, новѣйшее направленіе само по себѣ принадлежитъ къ режиму преступниковъ и исходитъ иногда отъ криминалистовъ, которые ни на что не годны и оказываютъ поддержку всякимъ мерзостямъ.

Уже больше, чѣмъ сорокъ лѣтъ назадъ, въ противовѣсъ всякому релятивизму, я установилъ мое ученіе о разумномъ реагированіи, т. е. о правомѣрной мести. Этотъ бьющій въ глаза свѣтъ, брошенный на теоріи возмездія, разумѣется, для такъ называемыхъ профессионалистовъ не существовалъ; по крайней мѣрѣ у нихъ ничего такого замѣтно не было. Съ другой стороны оказалось, какъ легко можно неправильно истолковать мое стремленіе къ углубленной теоріи наказанія, ошибочно понимая ее какъ шаблонъ естественнаго права. Поэтому недавно, въ рядѣ номеровъ „Персоналиста“, я вернулся къ тому же предмету и еще снова затрону его въ дальнѣйшемъ изложеніи этого сочиненія. Здѣсь же достаточно указать, что и теорія тоже открываетъ ворота и двери преступному режиму, какъ скоро указанное намѣренное разложеніе понятій уголовного права начинаетъ распространять свою заразу, не встрѣчая серьезнаго противодѣйствія и анти-пропаганды.

Другимъ ложнымъ пунктомъ ученія криминалистовъ, которые желаютъ быть пріятными преступленію, является, наряду съ изгнаніемъ идеи справедливости въ подлинномъ смыслѣ слова, такъ называемое условное осужденіе. Оно дѣлаетъ наказаніе какою-то тѣнью, такъ какъ, назначая его формально, на дѣлѣ его не приводитъ въ исполненіе. Режимъ [условнаго осужденія] есть призракъ режима. Осужденный долженъ только въ теченіе пяти лѣтъ ни разу не повторить проступка; затѣмъ онъ свободенъ отъ присужденнаго за первый проступокъ наказанія. Для него и для этой преступно-гуманной юстиціи одинъ разъ значитъ ни разу. Платонически присужденное наказаніе, отсроченное на пятилѣтіе и принципиально не приведенное въ исполненіе, въ пониманіи людей, желающихъ честно толковать его, имѣетъ лишь полицейскую цѣль, если, только, въ исключительныхъ случаяхъ, не

является законодательнымъ и судебнымъ покровительствомъ преступленію. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ чего-нибудь лучшаго въ такомъ наказаніи не отыщешь. Мы же не даемся въ обманъ; мы знаемъ, на примѣръ, какимъ дурнымъ мотивамъ нужно приписать его введеніе во Франціи, и какъ тамъ *lex Bérenger* былъ использованъ, главнымъ образомъ, въ интересахъ самаго пошлаго мошенничества, частнаго и публичнаго.

Чисто-идейное наказаніе—это было бы дѣйствительно чѣмъ-то высоко комичнымъ, если бы въ соответственномъ развращеніи юстиціи не заключалось такъ много горькой серьезности, даже отвратительности. Подумайте только, каковъ просторъ, назначенный для этого милостиваго, призрачнаго способа наказанія! Если бы даже оно относилось только къ преступленіямъ противъ полицейскаго порядка, такъ и тогда въ немъ не было бы ничего умнаго. Вѣдь и относительно такихъ преступленій оно имѣетъ одинъ только смыслъ: на этотъ разъ еще не будетъ тебѣ наказанія, а будетъ оно въ слѣдующій разъ. Для неопытныхъ, еще не знающихъ, быть можетъ, мелочей полицейскаго распорядка, такой режимъ перваго напоминанія, пожалуй, былъ бы умѣстенъ; но только что же общаго имѣетъ такая вещь съ собственно юстиціей? И какъ нужно, руководясь подобной максимой, трактовать тяжкія правонарушенія и преступленія? Человѣкъ, положимъ, заслужилъ за свое разбойническое нападеніе или за изнасилованіе пять лѣтъ тюрьмы, быть можетъ даже еще присужденныхъ ему присяжными вмѣсто двадцати лѣтъ смирительнаго дома, вслѣдствіе смягчающихъ вину обстоятельствъ; и вотъ, такой субъектъ, увидѣвшій, какъ дешево отдѣлался онъ за свое преступленіе, получаетъ еще въ подарокъ, въ видѣ милости, отсрочку на пять лѣтъ и безъ того крайне умѣреннаго наказанія! По господствующему толкованію и установившемуся обычаю французской практики (законъ не осмѣлился въ этомъ пунктѣ громко заявить о своемъ миломъ намѣреніи),—злодѣй, по истеченіи пяти лѣтъ, уже учинивши одно преступленіе *gratis*, можетъ учинить еще одно; и онъ можетъ продолжать такъ свою жизнь, накопляя подъ сѣнью и защитой *lex Bérenger* угодное ему количество важныхъ злодѣяній.

Если бы въ руководящихъ кругахъ Франціи, а отчасти также въ прочихъ элементахъ французскаго общества не скопилось такъ много преступности, то не былъ бы возможенъ такой чудовищный законъ о помилованіи и въ особенности невозможно было бы его французское, совершенно произвольное и позорное примѣненіе. Право и милость должны держаться дальше другъ отъ друга, они очень плохо примиряются другъ съ другомъ. Они—взаимные враги и должны быть врагами, за исключеніемъ случаевъ, когда въ обиженной личности, въ ней, самой, перевѣшиваетъ желаніе миловать, когда она сама имѣетъ основательныя причины объявить помилованіе вмѣсто того, чтобы осуществить свое право. Въ Франціи прежніе образчики закона

Bérenget имѣли источникомъ своимъ частью испорченность, частью глупость, частью даже суевѣріе. Французское же царство преступленія должно стать мѣстомъ, гдѣ это криминальное безчинство проявило себя, такъ сказать, классически и распространилось самымъ безцеремоннымъ образомъ. Всякій истинный законъ и всякое дѣйствительное право является правиломъ, но вовсе не уполномачиваетъ на произволъ. Условное же осужденіе только можетъ имѣть, но не необходимо должно имѣть мѣсто, если даже всѣ предварительные законные поводы для него налицо. Вполнѣ достаточно, если усмотрѣнію судьи предоставляется значительный просторъ въ установленіи размѣра наказанія. Но получается въ высокой степени безпредѣльный произволъ, когда даже альтернатива наказанія или ненаказанія предоставляется рѣшенію судьи, его, такъ сказать, *bon plaisir*. Итакъ, куда ни посмотрѣть, всюду выдаетъ сама себя тенденція къ разложенію права, къ замѣнѣ юстиціи благоусмотрѣніемъ.

7. Франція—классическая страна не только режима преступниковъ, но и его яснаго обнаруженія. Рядомъ съ нѣкоторой всеобъемлющей свободой преступленія при исключительно благопріятныхъ обстоятельствахъ появляется и нѣкоторая критика противъ него, такъ что нѣкоторые случаи публично выставляются на показъ. И цинизмъ преступленія, съ своей стороны, зашелъ уже такъ далеко, что подставляетъ свой нагло-безстыдный лобъ всякому, самому явному срыванію маски. Приведемъ для примѣра недавно бывшій замѣчательный случай. Одно высшее должностное лицо промышленнаго учрежденія, вырабатывающаго ликеры, учинило при продажѣ и связанныхъ съ нею сдѣлкахъ такую вещь, которая вполнѣ заслуживала уголовного преслѣдованія. Но преслѣдованіе отклоняется и дѣло ограничивается увольненіемъ виновнаго. Позднѣ этотъ превосходный дебютантъ-преступникъ, слѣдуя своей полезной карьерѣ, оказывается, въ награду за такія милыя свои качества, сидящимъ на министерскомъ креслѣ, причемъ съ полнѣйшею тупостью переноситъ самые прозрачные намеки на его прошлое и даже прямые укоры отдѣльныхъ органовъ прессы, какъ будто бы это ровно ничего не значило.

На самомъ дѣлѣ, и такъ называемое общественное мнѣніе стало уже такого сорта, что равнодушно позволяетъ подобнымъ постыднымъ дѣламъ идти своимъ чередомъ, не обнаруживая серьезнаго чувства протеста противъ нихъ. Уже это обстоятельство ясно показываетъ, какъ значительно заражена атмосфера французскимъ режимомъ преступниковъ. Значитъ, нечего и удивляться, если мы укажемъ, что упомянутый субъектъ фигурировалъ не только въ качествѣ министра, но даже,—что еще болѣе мило,—въ качествѣ министра юстиціи.

О такой юстиціи, въ которой возможны подобные министры юстиціи, можно составить себѣ ясное представленіе безъ всякихъ дальнѣйшихъ

объясненій. Уже плоды съ такого древа юстиціи въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ показали, какого качества суть и должны быть, по необходимости, соки подобнаго растенія. Панама и дрейфусовщина, особенно же позднѣе созрѣвшая послѣ многолѣтней подготовки кассационная дрейфусовщина, останутся историческими примѣрами самой криминальной юстиціи. Преступникамъ и евреямъ долго не удастся поддѣлать истинный смыслъ подобнаго рода запутыванія или даже возобновленія процессовъ и лживо превратить свою роль въ нѣчто противоположное.

Коль скоро обыкновенные преступники, избѣжавшіе правосудія, могутъ достигать высшихъ государственныхъ постовъ, значитъ, кромѣ общаго режима преступниковъ, каковой проявляется въ частныхъ дѣлахъ и обществахъ, наготовѣ уже подлинное цѣлое правительство преступниковъ. Если даже прочіе сочлены правительства не причастны прямо и въ такой же очевидной степени къ преступленію, все же ихъ коллегіальное потаканіе преступнику указываетъ на соотвѣтственное настроеніе. И потому нечего удивляться, что вообще криминальныя черты все болѣе и болѣе выступаютъ наружу въ цѣлой правительственной системѣ.

Въ болѣе широкомъ обществѣ совершенно особеннымъ образомъ обнаруживаетъ гнилостное состояніе и высокую степень безсовѣстности образъ дѣйствія адвокатскаго сословія, а именно, въ той его части, ремесломъ которой служитъ защита или, лучше сказать, высвобожденіе преступниковъ. Кто можетъ хорошо заплатить адвокатамъ, тотъ можетъ учинить многіе проступки, даже нѣсколько убійствъ,—и его не тронуть; такое убѣжденіе было распространено во Франціи уже со временъ Руссо. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда защитительныя рѣчи или иныя адвокатскія старанія не могутъ быть сейчасъ же оплачены тысячами, на помощь къ неимущимъ преступникамъ приходитъ довольно часто адвокатская потребность въ рекламѣ. Слава о виртуозномъ умѣніи высвободить преступника должна быть доказана, сохранена и умножена, чтобы въ прибыльныхъ процессахъ ее можно было превратить въ деньги. И потому, разъ адвокаты по уголовнымъ дѣламъ пускаютъ въ ходъ такіе приемы въ интересахъ своего ремесла, а свою совѣсть приносятъ въ жертву ремесленнымъ побужденіямъ, то и они, съ своей стороны, служатъ режиму преступниковъ и даже составляютъ немаловажную часть этого режима. Безпринципная защита стремится всѣми средствами и изворотами, не исключая самыхъ мерзкихъ, вырвать изъ рукъ правосудія преступника и мошенника, въ преступныхъ качествахъ котораго она убѣждена; и такая защита сама содержитъ въ себѣ нѣчто преступное; ее слѣдовало бы, даже, какъ настоящее преступленіе, внести въ уголовный кодексъ, если бы только ее можно было практически затронуть, не посягая формально на свободу защиты.

Подрываніе юстиціи, особенно же превращеніе ея въ юд-стицію, т. е.

изъ justice въ juifstice—вотъ какой процессъ во Франціи можетъ считаться теперь законченнымъ; и онъ является самымъ надежнымъ признакомъ режима преступниковъ, свившаго себѣ гнѣздо въ государственномъ управленіи такъ же, какъ и въ частныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ общества. А что этотъ режимъ (мыслимый и отдѣльно самъ по себѣ) благодаря повсемѣстной примѣси евреевъ расширяется и долженъ расширяться во всѣхъ направленіяхъ, объ этомъ будетъ рѣчь особо въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

V.

ЕВРЕЙСКІЙ РЕЖИМЪ.

1. Величина всего того зла и вреда, которые мы должны были отмѣтить въ четырехъ предыдущихъ отдѣлахъ, возрастаетъ еще отъ того, что къ нимъ присоединяется еврейскій режимъ. Мерзости и преступленія принимаютъ чрезъ это еще худшія формы. Вообще между всѣмъ дурнымъ въ обществѣ и государствѣ и еврействомъ существуетъ взаимность, даже, до извѣстной степени, солидарность, благодаря которой одно поддерживаетъ другое. Такое положеніе вещей простирается на весь міръ, какъ на старый, такъ, въ меньшей степени, и на новый: Сѣверная Америка принадлежитъ къ наиболее безстыдно оеврееннымъ странамъ и въ этомъ отношеніи опередила даже Францію. Въ недавнее время даже потомокъ польскаго еврея счастливымъ случаемъ добился президентства въ Соединенныхъ Штатахъ, сумѣвши и при новыхъ выборахъ удержаться на этомъ мѣстѣ. Манера, съ которою тамъ хлопчутъ о еврейскомъ дѣлѣ всего міра, превосходитъ даже подобную же манеру французовъ. Именно изъ Америки, вѣдь, исходятъ, при всякихъ удобныхъ случаяхъ, заявленія и протесты со стороны парламента и правительства, если гдѣ-нибудь въ мірѣ, какъ, на примѣръ, въ Россіи, евреевъ постигаетъ какое-либо народное возмездіе. Тогда поднимается крикъ о мнимомъ оскорбленіи гуманности, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности варварство, въ особенности варварство обирающаго, нужно искать именно на сторонѣ евреевъ, скудныя же попытки отпора, даже на русскій фасонъ, всегда выходили несоразмѣрно слабыми. Не только барышничество, но вообще наглость, которой отличаются евреи на всѣхъ поприщахъ, являются для лучшихъ народныхъ элементовъ чѣмъ то невыносимымъ, а въ будущемъ должны сдѣлаться абсолютно невыносимыми. Интеллектуальная тупость, отсутствіе всякаго чувства справедливости, крайняя надменность, выступающая въ самыхъ отвратительныхъ формахъ,—вотъ что сочеталось вмѣстѣ въ еврействѣ. Расовый еврей, все равно къ какой бы религіи онъ ни принадлежалъ, т. е. крещеный онъ или нѣтъ, уже по своимъ физиологическимъ природнымъ качествамъ является не только эгоистомъ, но даже прямо

закоренѣлымъ эгоистомъ. Ничто такъ не чуждо ему, какъ какой бы то ни было серьезный антиэгоизмъ. Лицемерный антиэгоизмъ онъ выставялъ на показъ уже въ теченіе тысячелѣтій, но на дѣлѣ онъ не могъ доказать присутствія въ себѣ даже самыхъ блѣдныхъ его слѣдовъ. Съ точки зрѣнія всѣхъ этихъ основныхъ качествъ мы обращаемъ прежде всего вниманіе на расу, какъ это сдѣлано въ нашемъ сочиненіи по еврейскому вопросу, остальное же, въ особенности религію, считаемъ второстепеннымъ. Конечно, *soi-disant* духовныя представленія не маловажны, но они—лишь производныя отъ расоваго задатка. Религія—не производитель, но продуктъ. Она есть смѣсь представленій, которыя вырастаютъ частью изъ природныхъ данныхъ, частью заимствуются отъ другихъ народовъ.

Здѣсь мы даже мимоходомъ не станемъ касаться еврейской религіи, но будемъ держаться фундаментальной вещи, на которую въ первый разъ указали именно мы, въ 1880 году, притомъ энергично и всесторонне. До тѣхъ поръ по отношенію къ еврейству не было никакой дѣйствительной расовой теоріи. То, что настойчиво выдавалось за такую теорію, фантастически касается всякихъ расъ, въ особенности же юнкерской расы, этой, такъ сказать, расы изъ расъ,—и обнаруживаетъ, къ тому же еще, повадку щадить евреевъ: эта *quasi*-теорія проходитъ мимо нихъ, чтобы заняться только велико-азіатскими семитами какъ цѣлой категоріей. Но, вѣдь, именно въ специфическихъ евреяхъ-то и заключается дѣло всего мірового еврейскаго вопроса. Напримѣръ, алжирскіе арабы-семиты — смертельные враги евреевъ и, по ихъ собственнымъ словамъ, буквально перебили бы всѣхъ евреевъ, если бы представился только благопріятный случай.

Еврей въ этихъ странахъ на самомъ дѣлѣ оказывается какимъ то ловающимъ добычу звѣремъ, который бросается на живущихъ тамъ семитовъ и высматриваетъ, какъ бы захватить въ свои лапы ихъ землю, имущество и права. Аналогично, хотъ и съ вариантами, формируется и проявляется основа еврейскаго характера и въ повсемѣстномъ еврейскомъ оппортунизмѣ. Исключенія бывають вездѣ, существуютъ они и здѣсь,—объ этомъ, собственно, не стоитъ и говорить. Но въ цѣломъ указанная сущность дѣла стоитъ твердо.

Уже въ древности Тацитъ называлъ евреевъ врагами человѣческаго рода, а въ новѣйшее время Вольтеръ говорилъ прямо объ „оскверненіи“ земли евреями. Такія сужденія возникли, несмотря на то, что еще не было ясно выдѣлено расовое понятіе. Это понятіе влечетъ за собой еще болѣе рѣшительныя формулировки, причемъ даже нѣтъ нужды подбирать соотвѣтственно грубыхъ выраженій. Зоологическая форма, называемая евреемъ, непримирима съ существованіемъ лучшихъ народовъ, которыхъ еврей подстерегаетъ и жизненныя удобства которыхъ онъ стремится присвоить, чтобы по возможности шире разсѣяться на ихъ мѣстахъ. Отъ са-

михъ народовъ должно остаться только то, что будетъ состоять на барщинѣ у евреевъ и что нужно для еврейской барщины. Таковъ смыслъ всемирно-историческаго закоренѣлаго эгоизма, который эта раса, пожирающая народы, никогда еще не практиковала такъ успѣшно и такъ открыто, какъ въ нашу эпоху.

2. Причину, почему именно въ наше время іудейское зло такъ раздулось и стало особенно болѣзненнымъ, нужно искать въ развитіи, такъ называемой, соціальной и политической свободы, причемъ поверхностный ея формализмъ былъ какъ разъ на руку евреямъ и преступникамъ. Со времени французской революціи, лучшая часть которой была направлена противъ искусственно созданнаго, ложнаго неравенства, неумѣстно и шаблонно примѣняемый призывъ къ свободѣ сталъ средствомъ, которое всюду открыло доступъ евреямъ и сдѣлало ихъ для народовъ болѣе вредными въ смыслѣ порчи, чѣмъ когда-либо. Равенство всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій—подъ этимъ девизомъ и теперь всегда скрывается только еврейство.

Эту сущность дѣла вновь подтвердили новѣйшія русскія событія. Вся еврейская революціонная пачкотня не имѣетъ тамъ никакой иной цѣли, какъ только открыть путь евреямъ и, подъ конецъ, вплотную подпустить ихъ къ кормилу правленія. Подъ христіанской маской они и ихъ мѣшанцы безъ того уже занимаютъ много мѣстъ и должностей вплоть до выполненія дворцовыхъ функцій. Благодаря этому они поддерживаютъ свои подкобы и травлю и обманываютъ народъ, подстрекая его къ демонстраціямъ и безсовѣстно обрекая его на нужду и смерть. Они желаютъ и въ Россіи сыграть штуку, которую сыграли въ остальной Европѣ, начиная съ восемнадцатаго вѣка. На это и рассчитанъ съ ихъ стороны весь конституціонный хламъ, посредствомъ котораго они хотятъ отстоять всюду свое расовое господство. Свобода не только для нихъ безразлична, но даже, если станетъ серьезной, будетъ имъ мѣшать. Подъ маской свободы они желаютъ только своего господства и несвободы другихъ.

Поэтому было не только одною изъ величайшихъ глупостей, но и вообще одною изъ величайшихъ политическихъ и соціальныхъ ошибокъ призывъ къ свободѣ и равенству формально, по шаблону, неосмотрительно распространять и на все преступное. Съ преступными элементами и со всей преступною расой не считаешься такимъ способомъ. Здѣсь необходимо сдѣлать различія, здѣсь должны имѣть мѣсто ограниченія. Здѣсь свобода существованія и безопасность—противорѣчіе. Разъ кто-нибудь вслѣдствіе своей сильной склонности къ преступленію не имѣетъ даже элементарнаго права на существованіе, какая же можетъ быть еще тутъ рѣчь о свободѣ и равенствѣ? Почему тогда не потребовать уравниенія всѣхъ существъ и всякихъ уродливостей, почему не потребовать свободы и охраны для всѣхъ хищныхъ звѣрей вмѣстѣ съ очень мило выглядывающимъ уравниеніемъ ихъ съ человѣ-

комъ? Не можетъ получиться большей мерзости, чѣмъ та сивуха равенства, которую произвело французское революціонное броженіе, вполне законное въ другихъ отношеніяхъ.

Конечно, легче по одному формальному шаблону направить общечеловѣческую, такъ сказать, политику; но только человѣчество на такомъ пути идетъ къ гибели. Оно предаетъ себя варварству и при посредствѣ такого рода прогресса устремляется въ хаосъ. Я, съ своей стороны, долго ждалъ и размышлялъ, прежде чѣмъ окончательно порѣшить на томъ, что формализмъ равенства долженъ быть отвергнутъ принципиально и во всѣхъ отношеніяхъ. Самые факты принудили меня къ такому заключенію, которое ни въ какой мѣрѣ не отвѣчало революціонному эхо.

При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, судя по всей прошлой традиціи и по всѣму, что можно предвидѣть, имѣется только одна альтернатива — или успѣхъ евреевъ, или юнкерская реакція. Нельзя выбрать между тѣмъ и другимъ зломъ. Нужно искать третье направленіе, которое не совпадаетъ ни съ однимъ, ни съ другимъ изъ указанныхъ и которое умѣетъ соединить свободу съ дѣйствительными правами человѣка. Равенство и терпимость ко всякимъ человѣческимъ качествамъ съ такимъ направленіемъ не примиримы. Нужно почистить лучше, такъ называемое только, человѣчество и освободить его отъ баласта. По меньшей мѣрѣ, должны быть введены снова вполне рѣшительныя ограниченія, но, конечно, не по способу *ancien régime*, а на новыхъ основаніяхъ. Разлагающаяся религія меньше всего пригодна стать исходнымъ пунктомъ для ограниченій. До тѣхъ поръ, пока люди не будутъ имѣть нѣчто, дѣйствительно опредѣляющее убѣжденія и обязывающее совѣсть, нельзя честно вводить въ силу критерія подобнаго рода. Но прежде чѣмъ будутъ достигнуты такая духовная норма и соотвѣтственный ей, практически приложимый масштабъ, можетъ пройти еще много времени. До тѣхъ же поръ надо держаться точки зрѣнія расы и преступнаго характера. При этомъ получается и другая выгода: одновременно можно затронуть должнымъ образомъ и мѣшанцевъ.

Личная инициатива въ обществѣ, а также и общественное управленіе должны въ этомъ направленіи сдѣлать всего больше. Съ простымъ законодательствомъ или даже съ парламентаризмомъ здѣсь нельзя достаточно хорошо дѣйствовать. Напротивъ, парламентарный режимъ сулитъ однѣ только помѣхи. Парламентаризмъ, въ сущности, сталъ уже еврейскимъ парламентаризмомъ. Путемъ переходной диктатуры, которая дала бы правомѣрное выраженіе народному гнѣву, пришлось бы сначала ввести потребный новый порядокъ. При такомъ порядкѣ гораздо меньше имѣютъ значенія формы, нежели матерьялы и ихъ отборъ. Если, съ одной стороны, будетъ дѣйствовать диктаторская власть, а съ другой, вмѣстѣ съ нею, частная и народная инициатива, съ цѣлью очистить и избавить отъ баласта общество и вообще

народъ, тогда можетъ получиться кое-какой дѣйствительный успѣхъ. Если же успѣхи евреевъ пойдутъ впередъ такъ же безпрепятственно и далеко, какъ до сихъ поръ, то народъ, народы и человѣчество погибли, и ростъ варварства неизбѣженъ.

3. Еврею нужно указать на дверь, не впуская въ нее юнкера хищническаго сорта. Если противъ евреевъ, несмотря на весь такъ называемый антисемитизмъ, до сихъ поръ сдѣлано такъ мало въ политическомъ, социальномъ и частномъ отношеніи, то большая часть вины за это должна быть возложена на юнкерскую партію. Долгое время она прикидывалась, будто бы антиюдаизмъ у ней, такъ сказать, на откупъ, и будто она не могла бы указать иныхъ средствъ противъ евреевъ, кромѣ тѣхъ, которыми она орудуетъ. А эти средства, между тѣмъ, — ничто, довольно часто даже меньше, чѣмъ ничто. Они лишь помогаютъ еще еврейству, легко позволяя имъ утверждать, что противъ нихъ выступаетъ одна только чистая реакція.

Два обмана идутъ здѣсь другъ другу навстрѣчу и облегчаютъ другъ другу игру. Юнкерскій обманъ состоитъ въ томъ, что юнкерскимъ элементамъ, будто бы, свойственно серьезно и честно бороться съ евреями. Между тѣмъ, вообще, этого на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ. Юнкерское сословіе хочетъ лишь удержать за собой монополію должностныхъ мѣстъ и не впустить евреевъ за свою должностную загородку. Для этого оно, какъ христіанское и орудующее въ своихъ интересахъ только при посредствѣ христіанскаго государства, не имѣетъ иного средства, кромѣ исключенія за религію или, по крайней мѣрѣ, по признаку религіи. И поэтому сохраненіе за собой должностей, а не антигебраизмъ является главною юнкерскою цѣлью; но указанное выше средство для такой цѣли именно въ высшей степени недостаточно. Крещеные евреи, если только они пекутся объ интересахъ юнкерства — или дѣлаютъ видъ, что пекутся, — бываютъ наилучшимъ образомъ приняты юнкерствомъ и даже выполняютъ функціи главныхъ антисемитовъ. Что отсюда выходитъ, можно вообразить и предсказать напередъ; факты же достаточно показали это въ самыхъ различныхъ странахъ — въ Германіи, Франціи и Россіи.

Вся консервативная среда на частной службѣ и особенно въ прессѣ кишитъ крещеными евреями. Парламентскими функціями и всякими должностными мѣстами, до царскихъ придворныхъ должностей включительно, очень ловко завладѣло еврейство, чистое и мѣшаное, но разумѣется, — непременно крещеное. Затрудненія тутъ нисколько не получается; наоборотъ, такіе *soi-disant* ренегаты считаются довольно часто особенно драгоцѣнными пріобрѣтеніями для партіи, если не фигурируютъ даже въ качествѣ особъ, задающихъ тонъ, и въ качествѣ вождей. На дѣлѣ они вовсе не бываютъ ренегатами: наоборотъ, они и здѣсь преслѣдуютъ только свои собственные интересы. Они осуществляютъ свои еврействующіе расовые пріемы и въ реакцион-

номъ лагерѣ; такимъ образомъ они помогаютъ еврейству и здѣсь своимъ косвеннымъ пронырствомъ. Въ ихъ рукахъ такъ называемый антисемитизмъ превращается въ нѣчто совершенно пустое, а именно, въ самомъ крайнемъ случаѣ, просто въ противоположеніе религій, въ какое-то домашнее дѣло между двумя вѣроисповѣданіями. Но и при такой ограниченности ихъ антисемитизмъ не можетъ проявиться вполнѣ, онъ долженъ испытать еще дальнѣйшія ограниченія. Евреи должны имѣть, по меньшей мѣрѣ, полныя частныя права, т. е. объ ихъ соціальномъ барышничествѣ не можетъ быть даже вопроса, если только они съ своей религіей будутъ держаться вдали отъ должностей и не будутъ тамъ составлять юнкерству некрещенную конкуренцію.

Первоначально это было самое крайнее, до чего доходила юнкерская программа. Позднѣе и въ этомъ еще уступили и отдали евреямъ тѣ классы должностей, о которыхъ юнкерство не старалось, такъ какъ они ему вообще не свойственны, какъ, на примѣръ, профессіи, носящія названія интеллигентныхъ и менѣе связанныхъ съ религіей. Такимъ образомъ прежде всего были предоставлены евреямъ адвокатура и профессорскія функціи, пока, наконецъ, еврейскій потокъ не затянулъ ихъ вполнѣ и во всѣхъ направленіяхъ своею тиною.

Если юнкерство, съ его христіанскимъ оеврееніемъ, не только ничего не дѣлаетъ для главной цѣли, но дѣлаетъ даже меньше, чѣмъ ничего, т. е. *in summa* только вредитъ дѣйствительному дѣлу, то это вовсе не удивительно. Поступать по-христіански или только притворяться, что такъ поступаешь, значить, вѣдь, культивировать еврея въ качествѣ основателя религіи; а какъ при такомъ настроеніи покончить, мы ужъ не говоримъ съ еврейской расой, но только, хотя-бы, съ извѣстнымъ религіознымъ благоговѣніемъ передъ ней,—объ этомъ нельзя сдѣлать никакихъ заключеній. А потому, на самомъ дѣлѣ, и консервативные элементы не только лишаются присущаго имъ небольшого количества выгоднаго антисемитизма, но питаютъ даже страхъ ко всякому серьезному антигебраизму. Такимъ образомъ, они доставляютъ воду на еврейскую мельницу и, обманывая себя самихъ, позволяютъ рядомъ съ своей мельницей ставить другую, еврейскую. Работа этой мельницы состоитъ въ томъ, что евреи всегда выдаютъ антисемитизмъ только за юнкерскую реакцію; они дѣлаютъ всегда такъ, какъ будто бы антисемитизмъ былъ присущъ лишь консервативнымъ элементамъ, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, эти консервативные элементы давно уже превратились въ *Sohn*—сервативные *), т. е. въ охранителей крещеныхъ *Sohn*'овъ. Вся тысячелѣтняя традиція *Sohn*'овъ при этомъ освѣжается, и, значить, даже самыя реакціонныя вещи только увеличиваютъ еще почтеніе къ евреямъ.

*) Игра словъ: *Sohn*—распространенная еврейская фамилія.

Отсюда видно, что указанная нами альтернатива: или успѣхъ евреевъ, или юнкерская реакція, не имѣетъ вовсе того смысла, что юнкерская реакція представитъ сколько-нибудь серьезное препятствіе еврейскимъ успѣхамъ. Она не достигаетъ ничего большаго, кромѣ стѣсненій, связанныхъ съ религіей. А эти стѣсненія не только не имѣютъ никакой положительной цѣнности, но, наоборотъ, мѣшаютъ истинному просвѣщенію насчетъ еврейскаго племени. Вѣдь реакціонеры, если даже у нихъ самихъ религія подорвана и вѣры нѣтъ, въ политикѣ и въ расовомъ вопросѣ ничего не боятся больше, нежели какого бы то ни было дѣйствительнаго просвѣщенія. Если они, какъ въ Россіи, при случаѣ даже устраиваютъ народныя выступленія противъ евреевъ или покровительствуютъ имъ, то и здѣсь—всегда подъ прикрытіемъ религіонизма. Отъ такихъ половинчатыхъ мѣръ мало чего можно ожидать. Единственное, что при этомъ дѣлается виднымъ, это—народныя чувства, но и то ихъ всегда заботятся сбить съ толку религіей. И народъ научится достаточно серьезно бороться съ евреями не прежде, чѣмъ онъ будетъ въ состояніи разглядѣть всю еврейскую традицію въ христіанствѣ. Послѣднему же обстоятельству юнкерская реакція самыхъ различныхъ странъ противится всѣми оставшимися еще у него силами.

4. Согласно со всѣмъ сказаннымъ, партійный антисемитизмъ—только одна видимость. Кромѣ сохраненія за собой мѣсть, юнкерство въ послѣднее время хлопочетъ и о другихъ своихъ партійныхъ цѣляхъ. Сюда относятся, на примѣръ, разоряющія народъ пошлыны, вродѣ хлѣбныхъ пошлынъ. Слѣдовательно, народъ, поскольку онъ хорошъ, долженъ защищаться на два фронта,—противъ евреевъ и противъ юнкеровъ. Послѣдніе, хорошо зная, что при ловлѣ выборщиковъ имъ не слѣдуетъ слишкомъ напирать на религію въ партійныхъ названіяхъ, хватаются за призывъ къ національности. Такіе антисемитствующіе консерваторы евреевъ и своихъ гешефтовъ называютъ себя нѣмцами, чтобы скрыть подъ національностью свою юнкерскую политику; они притворяются патриотами, какъ будто бы ихъ сердце болитъ дѣйствительно за отечество, тогда какъ оно болитъ у нихъ единственно за юнкерство, т. е. за земельныя его владѣнія и за вздутые пошлинами барыши.

Либеральствующіе евреи, какъ извѣстно, тоже всегда выступаютъ какъ націоналисты. Уже самыя названія ихъ партій и ихъ газетъ довольно часто свидѣтельствуютъ объ этомъ. Кромѣ того, они выбираютъ для этого весьма двусмысленныя выраженія. Афишируя выраженіе „національный“, они въ глубинѣ души разумѣютъ подъ нимъ свою собственную націю, тогда какъ прочая публика обольщается предположеніемъ, что тутъ должно разумѣть ея націю.

Итакъ, здѣсь предъ нами обманъ съ двухъ сторонъ, причемъ одна сторона, несмотря на нѣкоторую спеціальную разницу отъ другой, работаетъ

въ руку этой другой. И нечего удивляться, что, въ концѣ концовъ, оба достойные собрата по обиранию народа все больше и больше сближаются въ политическомъ гешефтѣ, все больше и больше стремятся къ союзу противъ третьяго, т. е. противъ лучшей части народа. Здѣсь еврей и юнкеръ, какъ мы уже указали, образуютъ одну массу, хоть и весьма неоднородную, массу не только конкурирующихъ, но и взаимодействующихъ въ смыслѣ вредности и опасности для общества элементовъ. И потому, кто еще рассчитываетъ здѣсь на дѣйствительное выступленіе юнкерства противъ еврейства, тотъ долженъ считаться совершенно неспособнымъ къ соціальной наблюдательности и къ политическому сужденію.

Отдѣльные индивидуумы могли бы, конечно, сойти съ общаго пути и, говоря юнкерскимъ языкомъ, объявить себя рыцарями противъ евреевъ. При благоприятныхъ обстоятельствахъ они могли бы даже добиться диктаторскихъ полномочій. Но что-либо подобное имѣло бы лишь крайне мало общаго съ основными качествами этого сословія, даже едва ли что нибудь другое, кромѣ стародавней личной боевой традиціи.

Сословія, какъ таковыя, включая сюда самую высшія, частью разлагаются, частью окостенѣваютъ. Династіи опускаются, вырождаются духовно и физически, и не существуетъ никакой инстанціи противъ такого вырожденія, если даже, въ исключительныхъ случаяхъ, и ничто не поможетъ выдѣлиться изъ ихъ потомства личность исторически - выдающаяся, въ хорошемъ значеніи этого слова. Напримѣръ, предотвратилъ ли Генрихъ IV судьбу падающей династіи Бурбоновъ? Гдѣ гніють монархіи, тамъ не предотвратитъ паденія даже дѣйствительно великій король,—король, который вносить нѣчто хорошее и великое не потому, а вопреки тому, что онъ—король. Дѣла идутъ такъ, какъ они, въ среднемъ, могутъ идти. Объ этомъ нужно помнить, когда думаютъ о такой задачѣ будущаго, какъ обезвреженіе евреевъ.

Если бы не внутренняя логика вещей, то при нынѣшнемъ безвыходномъ для ближайшаго будущаго положеніи кого-нибудь могло бы охватить нѣчто вродѣ отчаянія. Ростъ еврейскаго движенія кажется вначалѣ неудержимымъ. Гдѣ это движеніе не является формально-либералистскимъ, тамъ оно устраивается иначе, иногда даже на самый реакціонный ладъ; только темпъ и манера здѣсь должны измѣниться. Современная Россія даетъ надѣ чѣмъ подумать въ этомъ смыслѣ: тамъ такъ называемая революція началась прямо въ еврейской тинѣ, тогда какъ во Франціи ушло столѣтіе на то, чтобы совершенно погрузиться въ еврейское болото. Что во Франціи—конецъ, то въ Россіи—начало. Даже сравнительно консервативные политики новаго фасона предусмотрительно прикрываются въ Россіи по отношенію къ евреямъ программой равенства. За исключеніемъ крайнихъ реакціонеровъ, всѣ актёры политической сцены въ Россіи до сихъ поръ обрѣтаются въ еврейскомъ плѣну. Выходитъ такъ, какъ будто бы отсутствуетъ всякое просвѣщеніе на-

счетъ евреевъ, или какъ будто бы послѣдніе все держатъ въ своемъ карманѣ. Такъ скверно по-еврейски не выходило въ среднеевропейскихъ революціяхъ, даже у насъ въ 1848 году, хотя и тогда уже противники наши говорили постоянно, что поляки, евреи и литераторы создали все наше движеніе.

Нѣкоторыя историческія воспоминанія позволяютъ считать наше положеніе и положеніе другихъ значительнѣйшихъ народовъ не столь погибшимъ, какъ это иногда кажется. Вспомнимъ тѣ времена, когда юнкерство задавало тонъ и господствовало надъ всѣмъ купно съ попами. Новѣйшіе вѣка съ ихъ изобрѣтеніями, книгопечатаніемъ и порохомъ наступили, и царство разбойничьихъ замковъ не смогло продержаться дольше. Большая баронства поглотили малыя, опираясь на растущее значеніе болѣе хозяйственныхъ городскихъ сословій. Развилась извѣстная мѣра полезности монархическаго абсолютизма и, несмотря на многое присущее ему дурное, онъ сумѣлъ провести въ жизнь и кое-что хорошее. Съ точки зрѣнія разложившихся состояній, это уже кое-что значило. Кодификаціи, вродѣ прусской, вышли, если не хорошими, то, все же, лучшими, чѣмъ онѣ смогли бы выйти гдѣ-нибудь при парламентарныхъ состояніяхъ.

Но парламентаризмъ, который смѣнилъ уже истлѣвшій абсолютизмъ, снова вернулъ юнкерству нѣчто изъ прежней его политической самостоятельности не только потому, что были созданы палаты господъ и магнатовъ, но и потому, что эти господа сумѣли приобрѣсти силу и значеніе въ палатахъ общинъ. Несомнѣнно, что при какомъ-нибудь Фридрихѣ II безобразія хлѣбныхъ пошлинъ и иные подобныя же способы несправедливаго угнетенія народа были бы невозможною вещью.

Однако, недалеко время, когда такой парламентаризмъ будетъ постигнутъ своей судьбой. Онъ явился въ міръ наполовину сгнившимъ и послѣ короткой фазы сгнилъ почти окончательно. Въ Россіи онъ будетъ по-настоящему похороненъ, если предположить, что онъ вообще тамъ добьется чего-нибудь такого, что можно будетъ назвать существованіемъ.

5. Нельзя предвидѣть формъ, которыя получаютъ силу въ будущемъ, и ни въ какомъ случаѣ нельзя напередъ опредѣлить ихъ въ подробностяхъ. Но при уничтоженіи еврейскаго режима уже меньше будутъ имѣть дѣло съ формами, нежели съ матерьяломъ и содержаніемъ. И не слѣдуетъ здѣсь держаться никакихъ шаблоновъ. Нужно, скорѣе, держаться индивидуумовъ и ихъ личныхъ качествъ. Гдѣ встрѣчаются съ испытанными качествами, соединимыми съ социальнымъ порядкомъ и пользой, тамъ, конечно, нужно остерегаться исключать ихъ изъ нормальныхъ общественныхъ связей. Обще расовые и національные признаки, сами по себѣ, еще недостаточны для оправданія послѣднихъ и рѣшительныхъ общихъ мѣръ при налаживаніи культурныхъ отношеній. Для особенныхъ случаевъ нельзя утверждать напе-

редь, что тамъ не будетъ имѣть мѣста что-нибудь вродѣ антиэгоизма, по крайней мѣрѣ искусственно привитаго. Практическое регулирование будетъ, конечно, оперировать обязательными общими мѣрами, но всегда должно будетъ справедливо взвѣшивать отдѣльные, особые случаи лучшаго рода. Было-бы поверхностно и, вмѣстѣ, глупо въ какомъ бы то ни было направленіи стараться обойтись исключительно только понятіями рода и вида. При этомъ осталась бы безъ вниманія наиболѣе высокая вершина дѣйствительности, т. е. самая специальная ея форма—индивидуумъ.

Понятно, что среди неприемлемыхъ качествъ нужно принять въ расчетъ не только барышничество, обманъ и т. п., но прежде всего наглость и узурпаторство. Вѣдь главный вредъ еврейскаго режима и состоитъ въ узурпации, при помощи которой наглая раса укрѣпилась во всѣхъ пазахъ общества и государства. Всякія иныя узурпации болѣе сносны; даже средневѣковая узурпация со стороны юнкерства и поповъ была, сравнительно, меньшимъ зломъ. Будущій узурпаторъ, но такой, который очистилъ бы общество отъ еврейской узурпации, не былъ бы, конечно, политическимъ и социальнымъ совершенствомъ; однако, при всемъ неприятномъ, что неотдѣлимо отъ подобной роли, онъ былъ бы, все-же, счастьемъ.

Миръ долженъ снова придти къ тому, чтобы скромность въ смыслѣ соблюденія справедливой мѣры въ поведеніи и вѣрность долгу образовали обще-признанныя нормы, принципиально и настойчиво проводимыя въ жизнь. Но именно прямо наперекоръ этому работаетъ еврейскій режимъ. Наглое попрание права и долга—элементъ, посредствомъ котораго евреи достигаютъ своихъ успѣховъ. Они стараются превратить въ развалины всѣ стороны общественной жизни, какъ духовныя, такъ и внѣшнія. Они деморализируютъ массы и національныя литературы. Они опозориваютъ науку своими поддѣлками, пронырствами и ложью. Они еще больше развращаютъ политику, уже и безъ того развращенную. Они пускаютъ въ ходъ происки при выборахъ въ массахъ и вліянія еврейской и дружественной евреямъ камарильи при монархическихъ и президентскихъ, такъ сказать, дворахъ. Ихъ ничѣмъ неотвратимая, никакимъ родомъ дѣйствительнаго въ иныхъ случаяхъ оружія неотразимая навязчивость, къ сожалѣнію, оказываетъ ихъ агитации въ самомъ дѣлѣ значительныя услуги. Это обстоятельство надо поставить на счетъ тѣмъ, кто позволяетъ нахальству увлечь себя и обмануть наглымъ внушеніемъ или безстыдною лестью.

Слѣдовательно, не только въ грубо-матерьяльномъ, но и въ духовномъ смыслѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы спасти миръ отъ іудейской расы. Съ позоромъ тысячелѣтія, даже двухъ уже тысячелѣтій, должно быть покончено, и должно установиться болѣе опрятное человѣческое состояніе. Однако, должно пройти еще нѣсколько времени, прежде чѣмъ миръ вообще познаетъ, что за инфекцію онъ напустилъ на себя вмѣстѣ съ еврейскимъ народцемъ.

И не только отъ числа евреевъ зависитъ степень испорченности еврейскаго режима. Во Франціи, гдѣ статистика евреевъ очень предусмотрительно устранена евреями, имѣется, быть можетъ, едва нѣсколько сотенъ тысячъ тѣхъ, кто выполняетъ узурпацію надъ цѣлой великою націей. Россію же подстерегаетъ полъ-дюжины милліоновъ, т. е. круглымъ счетомъ двадцатая часть всего населенія государства и жадно ловить удобный случай, чтобы свить себѣ гнѣздо всюду въ государствѣ и въ обществѣ и выжить изъ гнѣздъ птенцовъ туземной національности. И если во Франціи уже сравнительно малое количество евреевъ установило свой режимъ, чего же нужно ожидать Россіи, если дѣла пойдутъ тамъ тѣмъ же ходомъ.

Еврейское варварство есть наихудшее изъ всѣхъ варварствъ. И потому, если бы не оставалось иного выхода, кромѣ анти-варварскаго, то пришлось бы, по необходимости, прибѣгнуть къ отрицательному анти-варварству, чтобы избавиться отъ положительнаго варварства. Русская почва была бы для такой цѣли наилучшей и наиболѣе приспособленной для перваго эксперимента. Разъ тамъ съ культурой, какъ съ культурой евреевъ, дѣло на ладъ не идетъ, то рѣшающей можетъ стать дикость, и притомъ дикость анти-еврейская; по крайней мѣрѣ, она можетъ испробовать свою силу противъ этого зла. Ужъ лучше справедливая свирѣпость, чѣмъ несправедливая по отношенію къ евреямъ смиренность, всегда полная вреда! Русскимъ, поэтому, рекомендуется, въ случаѣ нужды, когда иного выхода не останется, безъ стѣсненій дѣйствовать по своей манерѣ. Если они стравятъ самихъ руководителей травли, погубятъ и уничтожатъ самихъ безсовѣстныхъ губителей народа, то это будетъ лишь справедливою Немезидой. Чего, вѣдь, только не вносила исторія въ отношенія между народами! Почему же именно въ странѣ, гдѣ до сихъ поръ сколько-нибудь поддерживалъ порядокъ только кнутъ, къ еврейской узурпаціи нужно подступаться въ лайковыхъ перчаткахъ? Тамъ, какъ можно предусмотрѣть, получится отвѣтъ и на вопросъ, какъ вообще эманципировать земной шаръ отъ еврейской расы и сдѣлать его обитаемымъ для подлинныхъ людей.

6. Нѣтъ уже теперь области, на которую не простирался бы еврейскій режимъ. Если взглянемъ на правительства и государство, то не только одни финансы окажутся въ рѣшительной зависимости отъ евреевъ. И на всякіе иные мыслимые посты и позиціи продвинуты еврейскіе люди, будутъ ли это крещеные и некрещеные евреи или же готовые къ услугамъ евреевъ друзья ихъ, все равно. Прямо чудовищно, до какой степени доходитъ это политическое хозяйничанье евреевъ въ государствѣ. Даже въ военномъ сословіи, не исключая и менѣ развитыхъ государствъ, офицерскіе посты не остались свободными отъ крещенаго еврейства. Въ странахъ же, развитыхъ въ либеральномъ направленіи, вродѣ Франціи, Дрейфусы въ буквальномъ смыслѣ слова, и по именамъ даже, считаются между офицерами дюжинами. Тамъ

даже евреи по религіи имѣютъ уже свободный ходъ. Слѣдовательно, можно оцѣнить, какимъ количествомъ расовыхъ евреевъ и мѣшанцевъ кишитъ тамъ офицерская корпорація. Еврейскій милитаризмъ есть совершенно особый, оригинальный родъ милитаризма; генераль Галлифе, этотъ ставшій извѣстнымъ черезъ свою изысканную жестокость палачъ коммуны, принадлежитъ къ числу главныхъ примѣровъ и представителей указаннаго низменнаго военнаго типа.

На шефовъ государства я уже неоднократно указывалъ. На этихъ мѣстахъ во Франціи и въ Сѣверной Америкѣ уже прочно усѣлось еврейство. Но и въ различныхъ монархіяхъ разныя придворныя должности бывають заняты евреями. И въ прессѣ, и повсюду въ другихъ мѣстахъ евреи подольщаются къ власть-имущимъ, притомъ больше всего къ тѣмъ изъ нихъ, которые считаются особенно благосклонными къ евреямъ; обыкновенно эти власть-имущіе и бывають такими. Точно также евреи прячутся за спины принцевъ и принцессъ, чтобы использовать для себя ихъ вліяніе. Вообще евреи культивируютъ форменную систему рекламированія князей и ихъ несуществующихъ или весьма неважныхъ качествъ, выдавая ихъ за удивительно какіе таланты, достойные характеры и даже за геніевъ. Гдѣ, какъ, на примѣръ, въ Англіи, подобныя вещи уже давно имѣютъ мѣсто, тамъ паденіе династій и ихъ полная неспособность дѣлаются наиболѣе очевидными. Съ той поры, какъ Дизраели, т. е. господинъ отъ Израиля, сталъ личнымъ любимымъ министромъ, аналогичное вліяніе евреевъ не прекратилось, но только еще усилилось всяческими вариантами. Въ Англіи, кромѣ того, существуютъ заразъ два двора, а именно, одинъ дворъ форменныхъ тѣней королей, а другой—самыхъ большихъ еврейскихъ финансовыхъ тузовъ. Обѣ верхушки привѣтствуютъ и потчуютъ другъ друга, такъ что единодушіе обоихъ лагерей дѣйствительно не оставляетъ ничего больше желать. Какъ у насъ юнкеръ и еврей, такъ тамъ большой финансовый еврей и конституціонный властитель связаны другъ съ другомъ и все ближе и ближе сходятся.

Тотчасъ же послѣ высшаго правительства, какъ къ признаку еврейскаго режима и какъ къ опаснѣйшей его сторонѣ, надо обратиться къ оевреенію юстиціи. Во Франціи, какъ мы уже указали, юстиція превратилась въ полную юд-стицію. Дрейфусовщина, особенно въ стадіи кассациі, обнаружила ясно цѣлую эпоху принципіальной *juifstice*. Въ другихъ странахъ неотмщенныя кровавыя еврейскія убійства уже позволяютъ, до нѣкоторой степени, догадаться о грядущемъ жалкомъ состояніи этихъ странъ и ставятъ предъ здравомыслящей публикой вопросъ, что должно выйти изъ такой не-обезпеченности жизни, коль скоро угрозою ей являются евреи. Евреи стремятся такъ успѣть во лжи, чтобы категорія такого кроваваго убійства уже сама по себѣ напередъ считалась невозможностью и потому стала бы юридически недопустимой.

Адвокатское сословіе, въ огромной своей части, находится во власти расовыхъ евреевъ; кромѣ того, оно кишитъ крещенымъ еврействомъ, такъ что отъ туземной національности въ немъ осталось очень мало. И если вспомнить о принужденіи, отчасти вновь введенномъ, отчасти доведенномъ до конца во время бисмарковской эпохи, обязывающемъ подсудимаго имѣть адвоката, то можно будетъ оцѣнить, въ чьи руки, за немногими исключеніями, постоянно попадаетъ защита права. Вторженіе евреевъ по религіи въ судейскій персоналъ у насъ уже фактъ, хотя еще, все-таки, не правило; наоборотъ, само собою разумѣется, крещеное еврейство имѣетъ самый свободный и частый доступъ къ судебнымъ должностямъ. Немного больше или меньше евреевъ — это здѣсь не важно; ибо именно въ судейской области должно было бы имѣть мѣсто принципиальное устраненіе еврейской расы. вмѣсто того, во времена Бисмарка и его милостью бывшій кенигсбергскій профессоръ, крещеный еврей (по имени Симсонъ), сдѣлался президентомъ государственнаго суда, т. е. главой суда у всѣхъ нѣмцевъ.

Что касается университетовъ и ученыхъ школъ, то само собою разумѣется, что евреи и еврейство тамъ доминируютъ. Если я напомню о примѣрахъ, съ коими мнѣ самому пришлось имѣть дѣло въ семидесятыхъ годахъ, то это окажется малозначительнымъ по сравненію съ тѣмъ, что сдѣлано съ тѣхъ поръ до двадцатаго столѣтія включительно. Прежде Моммзенъ и Вирховъ были прирожденными друзьями евреевъ; они и были наиболѣе въ ходу, какъ главные еврейскіе заступники, причемъ второй изъ нихъ, безспорно, самъ былъ евреемъ по крови, тогда какъ у перваго на еврейство указывала его духовная физіономія. Нынѣ же зло такъ выросло, что профессора юриспруденціи принимаютъ формальное и открытое участіе въ агитаціяхъ отрядовъ и союзовъ еврейской обороны противъ антисемитизма. Гимназіи же и подобныя имъ школы, какъ, на примѣръ, въ Баваріи, уже давно форменнымъ образомъ усѣяны кровно-еврейскими учителями.

Это еврейское зло въ дѣлѣ преподаванія объясняетъ достаточно, почему мнимыя реноме дарованій, подобныхъ Вирхову и Моммзену, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывались и оказываются столь мало заслуженными. Упомянутый Вирховъ былъ никѣмъ инымъ, какъ человѣкомъ, укравшимъ Гудзирову целлюлярную патологию; кромѣ того, онъ выдавалъ благопріятные аттестаты шарлатанскимъ пилюлямъ, дѣйствительность которыхъ онъ, по его словамъ, испыталъ на собственномъ тѣлѣ! *) Моммзенъ же ломился въ римскую исторію, которую онъ, впрочемъ, превратилъ просто въ беллетри-

*) Въ № 52 Дюринговскаго журнала „Personalist und Emancipator“ приведены доказательства Вирховскаго плагиата. Въ 1845 году англійскій анатомъ-патологъ Goodsir въ своихъ „Anatomical and pathological observations“ (Edinburgh, 1845) обнародовалъ оригинальную идею о классифицированіи различныхъ группъ клѣтокъ. Эта идея, изложенная на первыхъ страницахъ Гудзировой работы, и была воспроизведена у г-на Вирхова въ его

стику; при этомъ онъ до такой степени увлекался цезаризмомъ, что, несмотря на долгую жизнь, никакъ не могъ закончить написаніемъ тома, находившагося между третьимъ и раньше времени выпущеннымъ пятымъ томомъ и посвященнаго зловѣщей смерти Цезаря! Поклоняться цезаризму и при этомъ превращать исторію въ беллетристику такъ, чтобы получилась карриатура на исторію, да къ тому же еще съ пробѣлами и въ отрывочной формѣ,—таковъ былъ, наряду со склонностью къ еврейству и небрежностью стиля, отвратительный даръ, посредствомъ котораго широко пошелъ въ ходъ этотъ профессоръ исторіи и филологическій полу-юристъ. Подобнаго рода мельницы безъ еврейскаго вѣтра, дувшаго на нихъ, конечно, никакъ не могли бы двинуть своими крыльями. А публика позволила обмануть себя и глотала муку, смолотую еврейскимъ вѣтромъ, какъ нѣкій съѣдобный продуктъ.

Не только для школъ, но и вообще для публики еврейское зараженіе нашей, такъ называемой, національной литературы стало вреднымъ орудіемъ духовной порчи, которая именно теперь вновь особенно культивируется. Въ этой *soi-disant* национальной литературѣ, считаемой классическою, меньше всего можно найти слѣдовъ подлинной національности. Не говоря уже о мѣшанцѣ-евреѣ Лессингѣ, нужно указать на Гёте—Kothe и на Шиллера—Schillerer *), которыхъ я, кромѣ книги о литературныхъ величинахъ, еще болѣе рѣшительно и, въ концѣ концовъ, надлежащимъ образомъ охарактеризовалъ въ „Персоналистѣ“; они также пускали свои плащи по еврейскому вѣтру и притомъ постарались подвергнуть забвенію единственнаго, дѣйствительно великаго и, въ то же время, по-истинѣ нѣмецкаго поэта Бюргера, котораго они ненавидѣли изъ зависти какъ конкуррента. Съ тѣхъ поръ какъ мною была вскрыта сущность дѣла и было разрушено зданіе лжи, именуемое исторіей классической литературы, евреи стали умышленно интриговать всѣми тайными средствами противъ опасной для еврейскаго гешефта тѣни Бюргера, — этого подлиннаго нѣмца, въ полномъ смыслѣ слова; разными обходными путями они старались опозорить истиннаго представителя нѣмецкой литературы и вновь пустить въ ходъ Гете-Kothe и его присныхъ,

„Cellularpathologie“. Berlin, 1858, причѣмъ Гудзиръ въ двухъ изданіяхъ былъ лишь въ одномъ мѣстѣ упомянутъ, и то мимоходомъ. Когда въ Англій поднятъ былъ вопросъ о плагиатѣ, Вирховъ, для успокоенія англійской публики, снабдилъ англійскій переводъ „своей“ книги (1860) посвященіемъ Гудзиру. Но въ 1873 году знаменитый контистъ анатомъ Ch. Robin въ своей „Anatomie et physiologie cellulaires“ (Paris) на стр. 576 и дальнѣйшихъ доказалъ Вирховскій плагиатъ, приведя параллельно и построчно Гудзировскій и Вирховскій тексты.

Перев.

*) Непереводимая игра словъ. Kothe — грязь, дрянь,— эпитетъ, придуманный еще Гердеромъ; онъ намекаетъ на склонность Гёте разукрашивать цвѣтами поэзіи дрянныя побужденія; Schillerer—раскрашиватель, расписыватель—характеризуетъ ложную шиллеровскую идеализацію, не отвѣчавшую ни обстановкѣ, ни, въ особенности, многимъ некрасивымъ фактамъ изъ жизни поэта.

Перев.

какъ бы нѣкихъ боговъ. Культъ Гете въ ферейнахъ и агитаціи сдѣлался нынѣ орудіемъ еврейскаго гешефта, и ему служатъ тѣ же самые люди, которые, какъ мы указали, готовы къ услугамъ отрядовъ и союзовъ еврейской обороны.

Изъ такого положенія дѣла можно заключить о томъ, что происходитъ въ школахъ и что тамъ прямо навязывается юношеству подъ угрозой исключенія и потери карьеры. Прежде религія была средствомъ оевреенія; теперь она уже не цѣнится высоко въ высшихъ образованныхъ кругахъ, а на ея мѣсто поставлена такъ называемая національная литература, только, разумѣется, безъ чего-либо національнаго и безъ правильной оцѣнки Бюргера. Тамъ, въ согласіи съ евреями, наиболѣе широко распространено поклоненіе Лессингу, потомъ сейчасъ же—Гете-Kothe, а на третьемъ мѣстѣ стоитъ либеральствующій Шиллеръ, который нѣкогда подстригалъ мудраго Натана для выступленія на гамбургской сценѣ.

7. Поврежденіе матерьяльной области поражаетъ фундаментъ, а порча въ области духа—самое зданіе бытія въ собственномъ и высшемъ значеніи этого слова. А потому пусть не оцѣниваютъ слишкомъ низко общихъ представлений о бытіи и жизни или такъ называемое міровоззрѣніе, какъ это обыкновенно дѣлаютъ либеральничающіе господа. То, что зовется свободомысліемъ, въ основѣ оказывается іудействованіемъ, но никакъ не свободнымъ мышленіемъ, хотя бы въ самомъ отдаленномъ смыслѣ слова. Конгрессы свободомыслящихъ въ самыхъ различныхъ странахъ устраиваются и посѣщаются только евреями, еврейскими мѣшанцами и ихъ друзьями. И свободомыслящіе боятся формулировать что-либо опредѣленное, такъ какъ прежде всего должны быть настезь открыты двери евреямъ по религіи. Крайнее, на что они рѣшаются, это—нѣкоторый политическій формализмъ, вродѣ такъ называемаго отдѣленія церкви отъ государства. Это отдѣленіе заботитъ еврейскихъ свободомыслящихъ единственно потому, что оно является средствомъ предать государство и въ особенности школу евреямъ по религіи.

Куда мѣтятъ эти конгрессы свободомыслящихъ, для болѣе серьезнаго критика вполне ясно. Разложить и разрушить все прочее, чтобы открыть доступъ на мѣста евреямъ и ихъ надменной ограниченности,—вотъ цѣль и смыслъ всѣхъ такихъ сборищъ. Евреи всѣхъ странъ, соединяйтесь! — вотъ что это значитъ. Это, а не что-нибудь иное образуетъ сущность дѣла. Отсюда происходитъ и невыразимая поверхность, обнаруживаемая такимъ свободомысліемъ. Въ противоположность всему подобному придется, наконецъ, рѣшиться и снова подумать о программѣ въ области духа, т. е. о чемъ-то замѣняющемъ религію. Мыслить не только дѣйствительно свободно, но и правильно, распространять правильныя идеи въ обществѣ, особенно же въ школѣ,—вотъ въ чемъ дѣло. Съ религіознымъ догматизмомъ, въ осо-

бенности же съ догматизмомъ, какъ бы тайно улавливающимъ неопытный умъ въ еврейскія или, по меньшей мѣрѣ, въ еврействующія сѣти, легко будетъ посчитаться, разъ ему будутъ противопоставлены твердыя истины и духовное руководство, основанное на довѣрїи къ міровому порядку. Это не будутъ символы вѣры въ смыслѣ ancien régime'a; это будутъ, несомнѣнно, истины, внушенныя знаніемъ, а также довѣріемъ, т. е. надежныя предположенія, исходящія изъ лучшаго человѣческаго существа и созрѣвшія въ своемъ высшемъ идейномъ развитіи.

Полное извращеніе думать по нынѣшней либеральничающей модѣ, что можно, будто бы, обойтись безъ опредѣленнаго ученія о высшихъ сторонахъ жизни, даже не касаясь ихъ совсѣмъ. Именно такое ученіе должно получить значеніе въ обществѣ, семьѣ и школѣ. Поэтому школы, кому бы онѣ ни были подчинены, открытыя онѣ или нѣтъ, и въ этомъ отношеніи должны носить совершенно опредѣленный характеръ. И потому даже грубо-суевѣрный, такъ называемый, конфессіонализмъ имѣетъ болѣе шансовъ на дѣйствительное вліяніе, нежели лишенный настроенія, еврейскимъ либерализмомъ заправленный режимъ. Слѣдовательно, нужно бороться, какъ и прежде, не за изглаживаніе всякихъ общихъ представленій о бытіи, а за опредѣленныя идеи. Если воспользоваться еще разъ неудачнымъ словомъ „вѣра“, которое обезславлено суевѣріемъ, то нужно будетъ признать, что вѣра лучшаго человѣческаго существа въ себя самого и въ свой родъ—совершенно основательна; и это — сила, которая должна получить значеніе и воплотиться въ учебныхъ заведеніяхъ.

Природа и естественность—двусмысленныя выраженія. Они имѣютъ то хорошій, то дурной смыслъ, смотря по тому, какія съ ними связываются понятія. Мы уже неоднократно указывали на то, что цѣлую природу не слѣдуетъ отождествлять съ отдѣльными формами. Совокупность всего содержитъ въ себѣ также и то, что не годно. Еврейская натура—примѣръ этого. Если кто-нибудь чему-нибудь довѣряетъ или во что-нибудь вѣритъ, то онъ можетъ связать свои ожиданія только съ собственной лучшей сущностью и съ ея родомъ. Противоположное враждебно ему, и ни на что нельзя менѣе рассчитывать, чѣмъ на гармонію съ этимъ противоположнымъ. Достаточно того, что общая цѣлостность природы съ ея универсальными законами не противодѣйствуетъ власти добра, а скорѣе идетъ къ ней на помощь. Съ порожденіями, враждебными добру, извѣстными своею злобностью, должно бороться, а гдѣ возможно, ихъ нужно искоренять съ большою рѣшительностью и основательностью, такъ же, какъ паразитовъ.

Съ одною только національностью нельзя связывать образованія руководящихъ ученій. Но, конечно, она представляетъ полноцѣнный матерьялъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, почву, изъ которой могутъ вырасти высшія формы воли и мысли. Поскольку національность содержитъ въ себѣ лучшую человѣчность,

постольку она полноправна въ проявленіи своего существа и въ вѣрѣ въ себя самое. Идеиная самокритика, опирающаяся на все лучшее въ человѣкѣ и совершенствующая сама себя при посредствѣ все улучшающихся концепцій,—такая самокритика должна быть всегда признаваема высшей инстанціей. Въ противномъ случаѣ на сцену выступаетъ шовинизмъ. Только наилучшая и наиболѣе высоко развитая національность способна къ самокритикѣ, и эта способность служить въ то же время примѣтой, т. е. указаніемъ на прочія хорошія качества. Напримѣръ, еврею ничто такъ не чуждо, какъ самокритика. Къ такой критикѣ онъ совершенно неспособенъ, и до такой степени, что не можетъ даже какъ-нибудь понять и оцѣнить критику другихъ по отношенію къ нему. Именно эгоизмъ-то и недоступенъ наиболѣе для всякой самокритики.

При наличности эгоизма нельзя создать никакихъ долговѣчныхъ учений. Наоборотъ, то, что мы называемъ антиэгоизмомъ и что состоитъ въ самоограниченіи на почвѣ дѣйствительнаго права,—именно такой антиэгоизмъ можетъ создать аксіомы, которыя станутъ на мѣсто суевѣрныхъ догмъ. Сюда относится аксіома о моральномъ пониманіи всего бытія,—аксіома, которая направлена также противъ неудачныхъ формъ, уже образовавшихся и укоренившихся въ природѣ. Такія аксіомы нужно противопоставлять прежнимъ догмамъ. Только обладая аксіоматическими основоположеніями въ указанномъ смыслѣ и соотвѣтствующей, если можно такъ выразиться, твердостью вѣры въ нихъ, можно рассчитывать что-нибудь сдѣлать. И потому долой истрепанное безвѣріе, которое вкореняется всюду, куда проникаетъ коварный и враждебный свободѣ еврейскій либерализмъ со своей нивеллировкой всего выдающагося! Этотъ скрытый юдизмъ дѣлаетъ *tabulam rasam* лишь для себя самого, чтобы уставить пустой столъ своими ядовитыми яствами, заразить общество болѣзью и слабостью, а потомъ беспрепятственно усѣсться на его тѣлѣ паразитомъ и полнымъ ртомъ сосать его кровь.

8. Наиболѣе худшее очевидное зло совершено евреями въ новѣйшее время по отношенію къ социализму, отъ котораго нынѣ ничего болѣе не осталось, кромѣ безстыдной еврейской лжи. Первоначально у отдѣльныхъ лучшихъ натуръ, вродѣ Сенъ-Симона, социализмъ былъ упованіемъ хоть и смѣшаннымъ съ иллюзіями, но, все же, благороднымъ. Люди видѣли общественное зло и вѣрили, что ему можно пособить какими-нибудь новыми формами жизни, преобразованиями отношеній въ сферѣ общежитія. Въ новѣйшія столѣтія исходили изъ естественнаго права и стремились устранить, наконецъ, зависимость человѣка отъ человѣка, устранить, по крайней мѣрѣ, гнетъ и порабощеніе, а также матерьяльную нужду. Такое стремленіе, если отбросить примѣсь заблужденій и фантастики, было вполне правильно. Если бы сумѣли честно продолжать это дѣло и наполнить умы массъ правильными идеями, то общество не было бы поставлено вверхъ ногами, а,

наоборотъ, исполнилось бы лучшаго духа и устроилось бы болѣе цѣлесообразно.

Но скоро и сюда сбѣжался еврейскій сбродъ, чтобы и это дѣло, какъ всѣ другія дѣла, превратить въ гешефтъ,—разумѣется, въ гешефтъ для своего собственнаго племени. Уже въ раннемъ и позднѣйшемъ сенъ-симонизмѣ евреи, въ особенности банковые евреи, стали очень многочисленны. Исторія же социализма и его агитаціи въ народныхъ массахъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и исторія евреевъ. На мѣстѣ благороднаго стремленія появилось самое пошлое науськиваніе и униженіе всего лучшаго. Въ концѣ концовъ, какъ мы изложили, классовая ненависть была возведена въ принципъ и развилась буквально въ классовое убійство. Соціалистическія ученія, присвоенныя евреями, были самымъ позорнымъ образомъ изгажены и испорчены. Нелѣпѣйшія антилогическія извращенія и безобразія очень широко распространились. Чѣмъ дрейфусовщина была для юстиціи, тѣмъ марксовщина стала, въ концѣ концовъ, для социалистики или, лучше сказать, для коммунистики. Съ ея выступленіемъ исчезъ послѣдній остатокъ прежнихъ порывовъ къ идеямъ права.

Отсутствіе всякаго правового чувства ясно видно не только у самыхъ негодныхъ и шелудивыхъ евреевъ, но даже у сравнительно хорошихъ личностей вродѣ еврейскаго мыслителя Спинозы. Послѣдній именно приравнивалъ право силѣ. Цѣлая раса лишена правового чувства и понимаетъ только силу! Большая сила, въ особенности такой ея ростъ, который возникаетъ изъ союза силъ, на языкѣ этой расы и ея Спинозы зовется правомъ, хотя можно ли говорить вообще о правѣ при такомъ складѣ идей? Юридическимъ лицемѣріемъ, весьма свойственнымъ этой расѣ, мы по справедливости пренебрегаемъ. Гдѣ еврей является почти тѣмъ, что онъ есть, тамъ обнаруживается, что чувство права ему непонятно и служитъ только помѣхой. Онъ замѣняетъ его голымъ культомъ силы. Такимъ образомъ еврей—прирожденный антиморалистъ; и если еврей, не взирая на то, сочиняетъ „Этику“, то она оказывается подобнаго же сорта. Въ крайнемъ случаѣ, ему удастся набрести на эгоистическую технику страстей, чтобы въ этой области, посредствомъ нѣкоторыхъ разумныхъ размышленій, оберечь себя отъ ихъ вреда. При этомъ онъ не думаетъ ни о чемъ, кромѣ своего собственнаго благополучія.

Кромѣ того еще, какъ показалъ именно случай со Спинозой, еврей ошибается, думая, что одно только знаніе зла уже само по себѣ можетъ изгнать зло. Никакое стремленіе, никакая страсть не могутъ быть преодолены въ значительной или только въ достаточной степени черезъ простое теоретическое изученіе и простой анализъ, какъ бы правиленъ онъ ни былъ. Дѣло идетъ о самой волѣ, а здѣсь, какъ извѣстно, стремленія не человѣка вообще, а именно еврейскаго человѣка—злобны отъ юности. Это невольно

выдающее себя милое качество оправдалось на дѣлѣ съ тѣхъ поръ, какъ еврей впутался въ социализмъ и революцію.

Разъ только что-нибудь гнило или какая-нибудь персона особенно скомпрометтирована, непременно долженъ возникнуть вопросъ: не еврейскаго ли племени эта персона, или, по меньшей мѣрѣ, не замѣшаны ли евреи въ этомъ гниломъ дѣлѣ? *Cherchez le juif* теперь болѣе умѣстное выраженіе и имѣетъ больше значенія, нежели извѣстное „*cherchez la femme*“. Еврейская зависть простирается на все; и гдѣ евреи шныряютъ или агитируютъ въ социаль-ной области, тамъ нечего бояться, что все не пойдетъ совершенно шиворотъ на выворотъ! Къ расовой злобности присоединяется еще столь часто отрицаемая у евреевъ расовая ограниченность, которую хитрость и лукавство, конечно, не превратятъ въ интеллигентность. Всякое хищное животное, вѣдь, тоже имѣетъ своего рода умъ, достаточный для его хищническихъ цѣлей, но такой умъ не перестаетъ быть отъ этого животнo-ограниченнымъ. Оборониться отъ вредныхъ эгоистическихъ поползновеній евреевъ легче, нежели покончить съ ихъ, часто совершенно тупой, ограниченностью. И потому общество нынѣ должно остерегаться еврейской глупости, по меньшей мѣрѣ, въ такой же степени, какъ и еврейскаго коварства. Все социальное состояніе ненадежно въ обоихъ отношеніяхъ. Во всѣхъ, такъ сказать, закоулкахъ стоитъ предъ обществомъ еврейскій режимъ, взвинченный и даже сумасбродный и столь же опасный своими злостными намѣреніями.

Этотъ еврейскій режимъ служить, кромѣ того, указаніемъ, какъ далеко зашло зло и гдѣ въ обществѣ и во всѣхъ дѣлахъ имѣется больше всего прорѣхъ. Выраженіе *cherchez le juif*, которое мы небезрезультатно рекомендовали, конечно, не есть еще сведеніе вопроса къ послѣднему его основанію. Оно указываетъ только, гдѣ надо искать и уничтожать глубже лежащее зло; въ этомъ смыслѣ оно указываетъ, конечно, на правильный при нынѣшнихъ обстоятельствахъ образъ дѣйствій. Когда мы говорили о французскомъ министрѣ юстиціи, который свою карьеру въ частной дѣловой жизни началъ обыденнымъ преступленіемъ, то мы не напоминали отдѣльно о томъ, что этотъ произведенный въ министры человѣчекъ былъ еврейскаго племени. Мы тогда имѣли въ виду упадокъ юстиціи въ такомъ общемъ смыслѣ, что увеличеніе всего этого самаго дрянного декаданса еще и еврейской пачкотней и сумасбродствомъ могло имѣть значеніе только какъ обстоятельство, опредѣляющее глубину паденія.

Рѣшающая причина упадка лежитъ въ другомъ мѣстѣ. Въ немъ виновато сверхъ-животное, т. е. человѣкъ, который до сихъ поръ еще не могъ возвыситься до того, чтобы достигнуть основательныхъ и удовлетворительныхъ правовыхъ идей. И то, что зовутъ социализмомъ и социальнымъ вопросомъ, все снова и снова обнаруживаетъ эту животную отсталость. Если міръ въ этомъ отношеніи двинется впередъ, то онъ справится и съ еврейскимъ

режимомъ, который только пользуется дрянностью другихъ, чтобы укрѣпиться и преуспѣть съ своей собственной дрянностью. Поэтому главная задача — рѣшительное ориентированіе въ области дѣйствительнаго права, но не того права, что существовало фактически отъ природы или было культурой насилія. Дѣйствительное право должно мыслиться какъ совокупность аксіомъ и предложеній, которыя, въ согласіи со всѣмъ, что извѣстно о судьбѣ человѣчества и со всѣмъ нашимъ прежнимъ мышленіемъ, можно охарактеризовать, какъ спасеніе среди возрастающаго распада и отъ распада.

VI.

ХИЩНИЧЕСТВО И ПОЛИТИКА.

1. Что политика фактически, съ тѣхъ поръ какъ люди помнятъ себя и до нынѣшнихъ ея формъ, является преимущественно политикой хищничества, разбоя и вообще преступленія, — на это существенное обстоятельство мы указывали уже довольно часто въ предыдущихъ отдѣлахъ. Всякое соприкосновеніе съ политическими дѣлами сталкивается съ указанными ихъ спутниками. Однако предметъ долженъ быть разъясненъ отдѣльно самъ по себѣ, чтобы обнаружилась, гдѣ находится главное препятствіе къ улучшенію состоянія. Разумѣется, не слѣдуетъ приписывать политическому цѣлому того, что не заложено уже въ отдѣльныхъ личностяхъ. Главная вина должна быть вмѣнена не вообще человѣческой природѣ, но только особеннымъ, возникшимъ внутри ея, видамъ. Издавна были и теперь еще существуютъ различныя тенденціи, воплощенныя въ человѣческомъ образѣ.

Одною первоначальной и затѣмъ размножившейся грубостью человѣческой природы ничего основательно объяснить нельзя. Было бы, конечно, очень хорошо, если бы сверхъ-животное только въ этомъ пунктѣ обнаруживало недостатки. Тогда сглаживающая углы культура могла бы дѣйствительно помочь и давно ужъ помогла бы. Вѣдь, сколько культуръ создали различные народы, классическіе и неклассическіе! И потому, если бы дѣло заключалось только въ шлифовкѣ и если бы утонченное сознаніе могло помочь, то міръ давно уже былъ бы въ лучшемъ состояніи. Зло коренится глубже, оно болѣе долговѣчно. Сверхъ-животное—человѣкъ имѣетъ съ животными, надъ которыми онъ возвышается, то общее, что и въ его природѣ имѣются всевозможныя различія характеровъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ своихъ племенныхъ и индивидуальных формахъ человѣкъ является прямо сверхъ-хищнымъ животнымъ. Манеры поведенія не должны здѣсь вводить въ обманъ: антропофагами, въ буквальномъ смыслѣ, человѣческіе экземпляры бывали рѣдко. Но по формѣ только культурными способами пожираютъ они другъ друга весьма часто.

Конечно, можно бы попытаться объяснить грубостью нѣкоторыя стороны общаго состоянія. Первоначальное порабощеніе и холопство можно было бы, во всякомъ случаѣ, вывести отчасти отсюда. Грубость влечетъ за собою физическую битву. Однако такое звѣриное средство посчитаться другъ съ другомъ рѣшаетъ дѣло лишь на одно мгновеніе. Надолго оказываетъ вліяніе лишь слѣдствіе битвы, а именно, пораженіе и отсюда—порабощенность. Если только перипетіи битвы не возобновляются постоянно, болѣе сильная сторона, конечно, позаботится о томъ, чтобы другая сторона осталась обезсиленной и безоруженной. Такимъ образомъ часть неудачныхъ формъ жизни можно было бы наполовину оправдать или, по крайней мѣрѣ, приписать общей человѣческой грубости. На самомъ же дѣлѣ, такая схема не можетъ служить рѣшающимъ моментомъ; ибо теперешній міръ и самъ показываетъ, что такія причины не исчерпываютъ зла и даже не связаны съ наихудшимъ зломъ. Основная первобытная природа хищнаго звѣря—вотъ къ чему должно снова и снова возвращаться, если желаютъ, какъ и въ животной области, достаточно хорошо объяснить себѣ ходъ вещей. Невиннымъ видамъ животныхъ была бы оказана большая несправедливость, если бы имъ или первоначальной грубости ихъ предковъ приписали вину возникновенія хищныхъ звѣрей. Мы скорѣе оставимъ факты необъяснимыми, нежели станемъ прикрашивать естественный ходъ вещей въ природѣ и въ человѣческой области такую шаткой защитой.

Если бы кто-нибудь пожелалъ видѣть нѣкоторый недостатокъ и нѣкоторый грѣхъ въ организаціи существъ, односторонне называемыхъ ручными, то такой грѣхъ, самое большое, слѣдовало бы видѣть въ ихъ сравнительной безоружности. Зачѣмъ должны были появиться существа,—могъ бы кто-нибудь спросить,—которыя по самой своей конституціи не въ состояніи достаточно хорошо защитить себя! Можно было бы подумать, что въ самомъ образованіи видовъ и особей содержалась ошибка, состоявшая въ томъ, что равенство вооруженія было какъ бы плохо расчитано, а потому ограбленіе стало неизбежнымъ, коль скоро грабители оказались налицо. То, что можно было бы въ царствѣ животныхъ назвать милитаризмомъ, основывается, какъ и у людей, на указанныхъ различіяхъ. Будутъ ли служить оружіемъ особенныя образованія, вродѣ когтей и зубовъ, или высокой культурой созданныя средства для растерзанія,—это не мѣняетъ сущности понятія, и потому слово „оружіе“ можетъ остаться общимъ словомъ.

На самомъ дѣлѣ существуетъ тотъ сомнительный пунктъ, что лучшіе и сдержанные люди часто ужъ слишкомъ уподобляются животнымъ, одареннымъ задатками къ прирученію. Однако должно надѣяться, что такая вредная сторона вещей именно въ человѣческой области способна измѣниться въ полную свою противоположность. Мозгъ и рука даже у тѣлесно болѣе слабыхъ лицъ могутъ научиться владѣть хотя бы ручнымъ оружіемъ. Это

именно ручное вооруженіе и положило, вѣдь, начало прогрессирующей культуры, все болѣе и болѣе вліятельной, удобной и доступной въ смыслѣ дешевизны. Такимъ же образомъ и женщина, на примѣръ, можетъ искусственно уравнивать свое, вначалѣ неизбѣжно болѣе слабое, естественное вооруженіе силой оружія; женщина не должна долѣе оставаться обдѣленной изъ-за сравнительной своей слабости, которая еще усилена была вліяніемъ культуры. То, что сказано о женщинѣ, имѣетъ еще большую силу для элементовъ, которые по своей профессіи и по своимъ привычкамъ стоятъ вдаль отъ профессиональнаго военнаго ремесла. И здѣсь неравенство должно, въ концѣ концовъ, придти къ уравненію.

2. Однако, указанное добавочное уравниваніе силъ является только переходною стадіей и взятое само по себѣ есть нѣчто несовершенное. Оно только обобщаетъ вооруженный режимъ, тогда какъ болѣе благородная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы совершенно уничтожить состояніе борьбы. Такъ какъ одна часть человѣчества состоитъ изъ дерущихся звѣрей, то и другая часть его должна стать въ ту же позицію и сама до извѣстной степени превратиться въ дерущагося звѣря. Это, конечно,—порча личныхъ качествъ, хотя и неизбѣжная; по меньшей же мѣрѣ, это—примѣсь къ хорошимъ качествамъ чего-то неподходящаго. Гораздо болѣе счастливо было бы общее состояніе, если бы существовали только такіе люди, которые по задаткамъ своимъ, по настроенію и воспитанію всегда думали бы только о хорошемъ и никому не наносили обидъ. Если выхватить отдѣльныя отборныя личности и представить ихъ себѣ въ обобщеніи, такъ чтобы всюду было налицо только равное и подобное, то получится картина такого общества, гдѣ устранены всѣ нарушенія, происходящія отъ хищничества и вообще отъ намѣренной несправедливости. Порядокъ въ такомъ обществѣ былъ бы прямо противоположный существующему. Борьба съ насиліемъ и особенныя предохранительныя мѣры противъ него, какъ правило, отпали бы. Лишь противъ случайныхъ, исключительныхъ нарушеній требовалось бы еще оставить нѣкоторыя полицейскія мѣры. И уголовная юридическая практика была бы очень ограничена; даже гражданская юстиція имѣла бы мѣсто лишь въ случаяхъ, которые происходили бы отъ простыхъ ошибокъ и отъ искренняго заблужденія.

Такое необыкновенное состояніе, конечно, нынѣ нигдѣ не существуетъ; выражаясь обычнымъ языкомъ, оно—нѣчто совершенно утопическое. Только въ критическомъ смыслѣ слова, какъ мы его употребляемъ здѣсь для современнаго строя мыслей, утопія есть нѣчто не только правомочное, но является даже идейной необходимостью. Отнестись къ ней въ такомъ ея значеніи презрительно и пожелать покончить съ нею значило бы просто вообще распротиться съ идеаломъ и отказаться отъ него на будущее время. Будущее же рассчитываетъ не только на столѣтія или даже тысяче-

лѣтія; нужно считаться съ несравненно болѣе продолжительными промежутками времени, а что касается образованія видовъ существъ, то здѣсь вполне умѣстны расчеты съ геологическими мѣрами времени.

Фантастическія утопіи—только недодуманныя предшественницы утопій критическихъ. Первыя строятся изъ ненадлежащихъ матерьяловъ. Онѣ желали изъ матерьяла хищническаго міра построить нѣчто прямо гармоничное и очутились поэтому въ очевидномъ противорѣчій съ логикою фактовъ. Мы же, напротивъ, нимало не стремимся работать съ такимъ негоднымъ матерьяломъ. Сначала должно исчезнуть весьма многое изъ матерьяловъ и личностей, т. е. многое должно быть искоренено и уничтожено, прежде чѣмъ „нигдѣ“ сможетъ превратиться, по крайней мѣрѣ, въ предварительное „гдѣ-то“. И тогда опять станетъ лишь вопросомъ времени болѣе широкое обобщеніе.

Въ такомъ смыслѣ утопія не есть что-то недостижимое; только въ обычномъ смыслѣ утопическое осталось бы чѣмъ-то, вѣчно далекимъ отъ какого бы то ни было осуществленія; но такія утопіи слѣдовало бы тогда назвать уже, въ соотвѣтствіи со смысломъ понятія,—ухроніями. Чего до сихъ поръ не только нигдѣ не было или нѣтъ, что является фантастической картиной вещей, невозможныхъ ни въ какое время и ни при какихъ обстоятельствахъ, то надо назвать ухроніей; и подобнаго не мало скрывалось въ имѣвшихся до сихъ поръ утопіяхъ. Однако, выборъ названія, несмотря на всю фантастику, нужно приписать вѣрному чутью и инстинкту. Не враги всякаго идеала изобрѣли выраженіе „утопія“—оно происходитъ отъ родоначальниковъ и защитниковъ идеаловъ. Поэтому, въ виду все усиливающейся притупленности, которая не возбуждается уже ничѣмъ, было бы весьма умѣстно и по отношенію къ понятію объ утопіи держаться критически и осмотрительныя, но далеко проникающія взоромъ концепціи отличать отъ произвольныхъ или даже сумасбродныхъ фантазій.

Именно тамъ, гдѣ считаются съ человѣческой природой, обязательно необходимо отдѣлять общее отъ исключительно-фактическаго и составить себѣ надежное понятіе также и о возможности различныхъ будущихъ формъ существованія. Является ли внутреннимъ противорѣчіемъ предположеніе, что добрыя личныя качества распространятся и съ теченіемъ времени найдутъ себѣ выраженіе во все возрастающемъ числѣ индивидовъ? Мы думаемъ, что подобное представленіе, которое для нѣкоторыхъ, привыкшихъ къ излишествамъ фантазіи, покажется даже слишкомъ ужъ трезвымъ, не содержитъ ничего такого, что могло бы идти въ сравненіе съ слишкомъ поспѣшными и неудачными продуктами фантазіи. Конечно, при этомъ мы не останавливаемся на повседневной дѣйствительности, но возводимъ исключеніе въ образцовый типъ, по масштабу котораго нужно творить и уничтожать. Что ему соотвѣтствуетъ, то вполне правомочно; что въ основѣ направлено про-

тивъ него, то не имѣетъ абсолютнаго права на существованіе. И если мы носимся съ мыслью о томъ, что хищничество будетъ когда-нибудь искоренено, то нимало при этомъ не думаемъ, что изъ волковъ можно будетъ сдѣлать ягнятъ. Скорѣе оба вида въ той формѣ, какъ они представлены въ человѣчествѣ, должны быть уничтожены: одинъ потому, что злобенъ и имѣетъ характеръ чорта, другой потому, что нецѣлесообразенъ, т. е. не только скудно, но и вовсе не вооруженъ умомъ и средствами защиты для самостоятельнаго существованія. Кто захотѣлъ бы пойти противъ этого принципа, выраженнаго здѣсь лишь въ видѣ сравненія, и его послѣдняго основанія, тотъ обнаружилъ бы свое только желаніе вѣчно сохранить противоположность грабителей и ограбляемыхъ, обирающихъ и обираемыхъ. Мы же, наоборотъ, желаемъ устранить именно это противоположеніе, т. е. видѣть его выброшеннымъ изъ сферы дѣйствительно-человѣческаго существованія. Хищническая политика является здѣсь первымъ объектомъ для нападенія, ибо въ ней и съ ея помощью наиболѣе полно воплощается и наиболѣе широко распространяется указанная противоположность.

3. Политика получила свое названіе отъ понятія о городѣ. Но самое дѣло выросло на почвѣ болѣе общихъ отношеній. Внутренняя и внѣшняя политика, какъ она оформилась въ теченіе тысячелѣтій, менѣе всего является представительницей какого-либо общенія, выразившагося въ городскомъ совмѣстномъ общежитіи. Тамъ, гдѣ она не была собственно жаждой хищенія, она была, по меньшей мѣрѣ, властолюбіемъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше властолюбіе въ ней преобладало. Это властолюбіе у отдѣльныхъ народовъ—наиболѣе типично у классическихъ—временами ослаблялось, но затѣмъ снова находило для себя все новыхъ представителей, такъ что полная, окончательная Немезида заставляетъ еще подождать себя. Впрочемъ, властолюбіе есть своего рода хищничество, ибо оно можетъ проявляться только въ похищеніи свободы. Оно—исконная несправедливость, съ которой не мирится гармоничное состояніе. вмѣсто подлиннаго и продолжительнаго порядка, властолюбіе само ведетъ, въ большей или меньшей степени, къ хаосу при каждой смѣнѣ властителей.

Такимъ образомъ властолюбіе довольно комично превращается въ возбудителя наиболѣе клеймимой имъ самимъ анархіи, даже, въ концѣ концовъ, въ возбудителя анархизма и его адептовъ. Итакъ, властность сама изъ себя рождаетъ стремленіе къ анархіи, такъ что обѣ соотвѣтствующія другъ другу уродливости страннымъ образомъ (но далеко не кротко) привѣтствуютъ другъ друга. Въ дѣйствительности и стремленіе къ анархіи есть ничто иное, какъ безпутно-индивидуализированная жажда власти, противъ которой нимало не обезпечена ни одна личность съ какими бы то ни было справедливыми притязаніями на дѣятельность. Принципіальный анархизмъ, какъ онъ фактически проявляется,—только изнанка господства и властолю-

бія, но не уничтоженіе ихъ. Онъ—хаотически и атомистически разлагающее стремленіе къ господству, онъ неправильно понимаетъ суверенитетъ отдѣльнаго человѣка и представляетъ себѣ этотъ суверенитетъ возможнымъ безъ права. Анархистъ есть врагъ дѣйствительной свободы, ибо не умѣетъ разграничить область одного человѣка отъ области другого и установить соотвѣтственный порядокъ. Въ сумасшествіи, которое его охватило, анархизмъ и слышать не хочетъ о подобномъ разграниченіи. Такимъ образомъ онъ въ дѣйствительности сталъ тѣмъ, на что раньше его только такъ или иначе толкали господствовавшія силы. Властолюбіе вступило въ настоящую битву съ своими собственными элементами—вотъ результатъ всего этого историческаго посява и возникшаго изъ него беспорядочнаго столкновенія элементарныхъ силъ.

Если мы говоримъ о хищничествѣ, то мы думаемъ, какъ о сопринадлежности его, не только о властолюбивомъ похищеніи свободы, но вообще о всякой обидѣ и оскорбленіи, которыя не воздаютъ каждому того, что ему принадлежитъ. Съ общей точки зрѣнія хищничествомъ является всякій несправедливый поступокъ, который если и не можетъ быть внесенъ прямо въ рубрику хищенія, все-таки, долженъ быть поставленъ рядомъ съ нимъ, какъ нѣчто родственное. Значить, политика, въ преобладающемъ ея содержаніи, была и осталась дѣломъ несправедливости. Даже то, что въ рамкахъ ея испорченности было только сносно, вѣситъ, все же, не слишкомъ много, если сравнить это немногое со всею суммою зла, причиненнаго и причиняемаго политикой до сихъ поръ. Для людей, чуткихъ къ добру, политика всегда была чѣмъ то отвратительнымъ и больше всего тамъ, гдѣ рядомъ съ злою волей она обнаруживала еще дефектъ или вырожденіе интеллектуальности.

Съ какою скудною дозой ума можно править міромъ,—этой старой, но отнюдь не изжитой еще сущности дѣла далъ классическое выраженіе въ эпоху тридцатилѣтней войны шведскій канцлеръ Оксенштёрна въ своемъ совѣтѣ, обращенномъ къ сыну. Конечно, было бы сильнѣе и для настоящаго времени болѣе подходяще, вмѣсто малой дозы ума, говорить прямо объ отсутствіи всякаго ума, которое обнаруживалось и обнаруживается въ мірѣ со стороны правящихъ. Взглядъ на царство поповъ могъ бы здѣсь дать яркій и надлежащій *pendant*, родственннй по существу съ политикой.

Какою скудною мѣрой самыхъ обыкновенныхъ знаній не подчиняли только міръ своей власти властолюбіе и хищничество! Средства, приложенныя для этой цѣли, въ обоихъ случаяхъ были явно одинаковаго происхожденія; не было недостатка также и въ сочетаніи того и другого стремленія. Въ обоихъ направленіяхъ дѣйствуетъ и основываетъ свое царство одно и то же хищное чувство. Обманъ и ограбленіе человѣка человѣкомъ фактически были девизомъ исторіи. Въ дѣйствительной, матеріальной или духовной политикѣ это видно на каждомъ шагу; но и уродливыя ученія, которыя

шли навстрѣчу практической политикѣ, обнаружили въ своихъ помыслахъ ту же самую сущность.

4. Едва ли стоитъ еще говорить что-нибудь о тѣхъ заурядныхъ прислужникахъ политики, которые своими ученіями прислуживались и прислуживаются къ ней за соотвѣтственную мзду. Такая служба разумѣется сама собою. Рабу доктрины нечего прославлять и прикрашивать, кромѣ хозяйства господъ, въ которомъ онъ, подобно скоту, является частью инвентаря. Противоположностью этому сорту людей были, въ исключительныхъ случаяхъ, болѣе свободныя личности, которыя дѣйствительно вѣрили, что политика можетъ быть оправдана и превращена въ пристойную для человѣческой природы систему. Эти исключительныя личности не были личностями особенно хорошаго настроенія; но онѣ выдавались своими интеллектуальными преимуществами и, кромѣ того, стремленіемъ произвести нѣчто дѣйствительно солидное. Въ новѣйшія столѣтія среди такихъ лицъ особенно выдвинулись Макіавелли и Гоббсъ. Послѣдній разсматривалъ человѣка преимущественно со стороны его животной грубости. Онъ былъ родоначальникомъ крылатаго выраженія о войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Чтобы избѣжать такой войны, должна быть налицо власть, въ спеціально гоббсовскомъ смыслѣ — король, который своимъ посредничествомъ не допускалъ бы до междоусобной войны внутри государства. Эта гоббсова конструкція считалась выведенной изъ естественнаго права.

На англійской почвѣ такая конструкція не была лишена опоры. Эгоизмъ англичанъ, давшій начало достойному его джингоизму, въ теченіе вѣковой внутренней работы далъ, конечно, довольно разнообразныхъ примѣровъ взаимныхъ нападеній. Въ извѣстной мѣрѣ гоббсово положеніе не лишено вѣрныхъ частныхъ. Всякій родъ неурегулированной конкуренціи, и притомъ именно въ хозяйственной области, доставляетъ подтверждающіе это положеніе примѣры и схемы. Но только фактическая сущность человѣческихъ дѣлъ не позволяетъ раздѣлаться съ собою такъ грубо и просто. Гоббсъ былъ не только учителемъ деспотіи, но и частнымъ учителемъ деспота. Хоть онъ и былъ, въ смыслѣ общаго міровоззрѣнія, человѣкомъ просвѣщеннымъ и ненавидѣль попъ, однако даже въ дѣлахъ духа и вѣры высказывался за государственный деспотизмъ. И это опять-таки согласовалось съ фривольными и лишенными вѣры понятіями двора. Попы и лицемеры были въ лагерѣ англійскихъ революціонеровъ, а потому и съ этой стороны дѣлается ясною свойственная Гоббсу игра противорѣчій, въ которыхъ онъ увязъ со своимъ двойственнымъ взглядомъ на вещи.

Умъ Макіавелли, другого важнѣйшаго теоретика политики, былъ болѣе тонко одаренъ, и этотъ флорентинецъ долженъ считаться почти единственнымъ умнымъ представителемъ специфической дипломатической политики. Онъ мыслилъ о человѣкѣ менѣе грубо, но еще гораздо хуже, чѣмъ

позднѣ мыслилъ упомянутый англичанинъ. Онъ исходилъ прямо изъ моральной дрянности человѣка и думалъ, что эту дрянность нужно третировать ея же дрянными средствами. Цѣлью его вовсе не было обузданіе дрянности, — объ этомъ онъ нимало не думалъ; онъ хотѣлъ только показать государю пути, какими онъ могъ бы *per fas et nefas* укрѣпить и расширить свою власть. Въ качествѣ нѣкоторой прикрасы, флорентинецъ прибавлялъ къ этому цѣль объединенія растерзанной Италіи, — цѣль, достиженія которой надо добиваться всѣми средствами и цѣною уничтоженія всяческой свободы.

Первоначально Маккіавелли питалъ симпатіи къ болѣе свободному строю, — склонность, въ которой укрѣпляло его чтеніе классическихъ авторовъ. Кое-что онъ комментировалъ къ римской исторіи Тита Ливія. На послѣдокъ же онъ безповоротно направилъ свои мысли на новѣйшій деспотизмъ. По отношенію къ религіи мыслилъ онъ совершенно свободно, разумѣется не высказывая этого положительно. Его политическіе принципы были, формально, все-таки, плодомъ двойственной традиціи. Извороты и уловки были имъ заимствованы не только изъ античнаго римскаго владычества, но и изъ наслѣдовавшаго римскому владычеству церковнаго. Все, что было изобрѣтено по части утонченности въ той и другой формѣ угнетенія и пускалось въ ходъ въ Италіи Маккіавеллева вѣка, — все это нашло для себя рѣзкое выраженіе въ сочиненіяхъ флорентинца, особенно же въ его „Государь“. Однако, не нужно забывать, что Маккіавелли занимался только внѣшней политикой, а не защищалъ, какъ позднѣ Гоббсъ, деспотическій режимъ даже въ области духа.

Если подвести итогъ, который получается въ результатъ нашей постановки вопроса, т. е. по отношенію къ хищничеству и политикѣ, то оказывается, что даже самые выдающіеся и интеллектуально замѣчательнѣйшіе теоретики политики были заражены, по крайней мѣрѣ отчасти, тѣмъ же вреднымъ духомъ, которымъ политическая практика была одержима въ ихъ время, а до нѣкоторой степени — уже въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій. Эти умы не были, во всякомъ случаѣ, добрыми умами, хотя ихъ писательское и идейное наслѣдіе оказалось, все-таки, лучшимъ, нежели практика обыкновенныхъ политиковъ, болѣе всего озабоченныхъ своими дѣлами. Поэтому напомнимъ снова о нашемъ старомъ наблюденіи и объ утвержденіи, что тѣ, кто въ фактической политикѣ обыкновенно носятъ названіе маккіавеллистовъ, оказываются гораздо худшими и несравненно болѣе испорченными, нежели самъ Маккіавелли со всѣми его правилами управленія. Маккіавелли, все же, пытался извинить и оправдать свою систему. Если бы люди были хороши, думалъ онъ, то ученія его не были бы хороши. Но такъ какъ люди не хороши, то съ шайкой мошенниковъ, вѣдь, нельзя же пускать въ ходъ такъ называемые добрые принципы, если не жалаютъ погибнуть сами.

Я давно уже выяснилъ въ другомъ мѣстѣ смѣшеніе понятій, лежащее въ основѣ послѣдняго вывода. Здѣсь же особенно умѣстно указать на то, что къ указанному макіавеллеву направленію на самомъ дѣлѣ ведетъ участіе въ распространившемся на политику хищничествѣ, а вовсе не необходимость самосохраненія. Противъ зла нужно выступить съ уничтожающими средствами; но хорошіе принципы вовсе не должны при этомъ терпѣть ущербъ, а наоборотъ, должны быть усилены строгостью и пріобрѣсти большее вліяніе полнымъ силы и разумнымъ приложеніемъ къ дѣлу. Поэтому нельзя не сдѣлать флорентинскому теоретику, который и самъ былъ дѣловымъ политикомъ - дипломатомъ на службѣ, того упрека, что онъ лично былъ въ сильной степени причастенъ къ духу дрянности и извращенія, которымъ издавна была одержима политика, а потому извратилъ въ дурную сторону и самое ученіе, чтобы не сказать—науку.

Тѣмъ не менѣе, отчасти хорошее вліяніе, которое приноситъ съ собою неподдѣльное стремленіе къ дѣйствительной теоріи, обнаружилось въ томъ, что ученіе вышло лучше, чѣмъ самое дѣло во всей его обыденной пошлости. Напримѣръ, Макіавелли рекомендуетъ лицемѣріе; но онъ не пускаетъ въ ходъ лицемѣрія самъ, въ своихъ сочиненіяхъ, а наоборотъ, держится болѣе прямодушно, чѣмъ тѣ писатели, которые объявляютъ политику чѣмъ-то хорошимъ и рисуютъ ее въ наилучшемъ свѣтѣ, какъ что-то прекрасное и великолѣпное. Макіавелли не дѣлаетъ никакой тайны изъ того, что политика есть нѣчто принципиально и сознательно дурное; онъ только извиняетъ и оправдываетъ необходимость этого зла предпосылкой универсальной и коренной дрянности человѣческой природы.

Послѣдняя предпосылка, однако, заходитъ ужъ слишкомъ далеко, и даже если бы она была вѣрной, все-таки, она не приводила бы къ сдѣланному выводу. Многіе дурны, но не всѣ! Поэтому не всѣ возможности общей природы исчерпаны и не всѣ выходы отрѣзаны. И если что-либо подобное, все-таки, утверждается теоретикомъ, то въ этомъ виновно его индивидуальное участіе въ дурномъ. Такимъ образомъ мы опять пришли къ первоначальному факту, согласно съ которымъ политика не только сама по себѣ является чѣмъ-то въ корнѣ испорченнымъ, но даже своихъ лучшихъ и наиболѣе прямодушныхъ теоретиковъ, если они не выступаютъ прямо противъ нея, просто на просто развращаетъ.

5. Рядомъ собственно съ профессиональными политиками и теоретиками государства политикой занимаются еще преимущественно историки. Гдѣ историки—по призванію, а не по обязанности—старались даже только о своемъ дѣлѣ, а не входили въ интересы доктрины, т. е. старались только изложить историческіе процессы, все же и тамъ они принимали большее или меньшее участіе въ дурныхъ дѣлахъ, хотя бы своимъ равнодушіемъ къ позорнымъ фактамъ. Сказанное касается вообще литературы, и въ особенности

литературы беллетристической. Напримѣръ, представители эпоса и драмы даже положительно бывали соучастниками зла, когда расписывали самыя нездоровыя жизненныя коллизіи и преподносили публикѣ въ видѣ развлеченій. Но и качества самой публики, допустившей такую вещь, свидѣтельствовали о томъ, какъ мало критики, а еще того меньше—самокритики имѣется въ людяхъ и въ группахъ людей.

Чтобы напомнить объ отношеніи къ дѣлу дѣйствительно великихъ историковъ, нужно сказать, что среди нихъ бывали, конечно, и такіе, которые подвергали достаточной критикѣ извѣстнаго рода факты и надлежащимъ образомъ оцѣнивали ихъ; этому учитъ единственный въ своемъ родѣ примѣръ Тацита. Этотъ римскій историческій писатель направлялъ свою скупую на слова критику, производящую впечатлѣніе какъ бы зашнурованной, только противъ наиболѣе очевидныхъ и грубѣйшихъ золъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ еще очень далекъ отъ того, чтобы осудить самую политику и обычныя ея формы. Въ послѣднемъ отношеніи онъ не поступаетъ иначе, чѣмъ Геродотъ и Фукидидъ, которые оба писали совершенно подъ давленіемъ традиціи: одинъ писалъ болѣе наивно, почти уподобляясь эпическому рассказчику, другой писалъ скорѣе съ точки зрѣнія проникновеннаго обозрѣвателя, но, несмотря на большую проницательность въ оцѣнкѣ дѣлъ, не выразилъ даже и косвеннаго протеста противъ обыденной, всюду встрѣчаемой политической испорченности.

Если обратиться къ новѣйшимъ историкамъ, то здѣсь можно будетъ назвать единственнаго въ своемъ родѣ выдающагося историка и мыслителя высшаго ранга, который былъ въ то же время мудрецомъ, въ античномъ смыслѣ этого слова. Это—Юмъ съ его исторіей Англіи. У него, конечно, мы не найдемъ одобренія какой бы то ни было испорченности, и его хладнокровное взвѣшиваніе фактовъ отнюдь нельзя смѣшивать съ равнодушіемъ, которое ничѣмъ не возбуждается. Юмъ только умѣренно и критически вступался за традиціи сословія, къ которому принадлежалъ самъ. Младшій отпрыскъ благороднаго рода, въ собственно политической области онъ былъ противникомъ господствовавшаго тогда либерализма. Онъ вступился даже за осужденнаго Карла I противъ революціонеровъ и остался при такомъ образѣ мыслей во всѣхъ изданіяхъ своего историческаго сочиненія. Очевидно, онъ вѣрилъ при этомъ въ право; и уже одна такая твердая вѣра, которую не могли сбить съ позиціи и поборотъ ни партійное пренебреженіе литераторовъ, ни оппозиція,—одна эта вѣра, во всякомъ случаѣ, имѣетъ извѣстную цѣнность, правильна она или нѣтъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, все равно.

Кто болѣе интимно знаетъ Юма и его сочиненія, тотъ, при всемъ прочемъ, долженъ будетъ согласиться, что и въ этомъ случаѣ не отсутствовало традиціонное пристрастіе всѣхъ историковъ къ занятіямъ обыкновеннымъ

теченіємъ историческихъ дѣлъ. Да и можно ли ожидать противоположнаго тамъ, гдѣ событія уже сами по себѣ, т. е. вообще вся исторія, оказываются такъ привлекательными для пониманія и чувства автора, что побуждаютъ его заниматься даже спеціальными вопросами. Въ общечеловѣческомъ смыслѣ здѣсь въ основѣ всегда обнаруживается что-то вродѣ эпическаго и драматическаго интереса, но, вѣдь, именно такое-то симпатическое участіе и должно было бы отойти на задній планъ и, наконецъ, вовсе исчезнуть, разъ появилось бы и преградило ему путь сознаніе накопившейся и заглушающей всякое участіе политической дрянности.

Можно возразить, что, вѣдь, остается еще въ запасѣ исторія культуры. Да, если бы только она не захотѣла быть исторіей цивилизаціи, т. е. исторіей политической гражданственности. Новѣйшій примѣръ такого отсталаго направленія, хоть и окрашеннаго радикальнымъ либерализмомъ, представилъ Бокль своимъ двухтомнымъ введеніемъ въ исторію цивилизаціи Англіи. Написанію исторіи цивилизаціи, и даже окончанію изслѣдованій объ общемировой цивилизаціи, помѣшали переутомленіе и послѣдовавшая за нимъ смерть автора. Тѣмъ не менѣе, основныя идеи у Бокля достаточно подробно развиты, а слишкомъ богатый матерьялъ довольно критически подобранныхъ, но чрезмѣрно частыхъ цитатъ для приводимыхъ доказательствъ болѣе, чѣмъ достаточенъ. По его мнѣнію, главнымъ двигателемъ исторіи должно быть научное просвѣщеніе, и хотя самъ онъ вѣритъ еще въ безсмертіе, но ему представляется особенно важнымъ разложеніе вѣры, имѣвшее мѣсто въ новѣйшихъ вѣкахъ. Отсюда вліяніе на политику просвѣщенія въ дѣлѣ религіи кажется ему главнымъ рычагомъ культуры. Относительно политики Бокль не только допускаетъ наивно, будто она не имѣетъ никакой морали, которая-де связываетъ только отдѣльныя личности, а не ихъ группы, но полагаетъ даже, будто бы въ политикѣ, по самой уже сущности дѣла, не можетъ быть и рѣчи о какихъ бы то ни было счетахъ съ моралью.

Только тамъ, гдѣ Бокль отрицательно относится къ правительствамъ, достигаетъ онъ правильныхъ объясненій и вѣрныхъ результатовъ. Важнѣйшимъ примѣромъ этого служитъ его мѣткая критика вліянія на литературу Людовика XIV. По справедливости отвергаетъ историкъ культуры всякое государственное и придворное занятіе, благодаря которому писатель унижается до степени болѣе или менѣе офиціознаго государственнаго автора. Уже академизированіе въ подобныхъ вещахъ внушаетъ ему, какъ и слѣдуетъ, отвращеніе. И дѣйствительно, привлеченіе ко двору или даже только академическое вовлеченіе въ сферу государства умственныхъ и литературныхъ теченій, особенно же беллетристики, оказывается политической язвой: оно дѣйствуетъ именно какъ язва на охваченную имъ область. Раньше или позже такія придворныя и государственныя литературы обнаруживаютъ всю свою пустоту и хилость.

Судьба французской придворной литературы уже исполнилась. Гдѣ и что теперь ея, такъ называемые, великіе трагики? Въ трагикомическомъ смыслѣ они сами были мусоромъ и обломками не только мертваго прошлаго, но даже такого прошлаго, которое вовсе и не жило въ серьезномъ смыслѣ слова. Что у французовъ уже давно закончено, то у нѣмцевъ еще должно быть надлежащимъ образомъ выполнено. И у нѣмцевъ литература, объявленная классическою, была придворной, да притомъ еще при малыхъ дворахъ. Судъ надъ нею въ совершенно достаточной мѣрѣ выполненъ моими изслѣдованіями о Шиллерѣ и Гете („Der Schillerer“, Personalist, нумера 136—140, 142, 145, 147, 148, 151—153, 161, 163, 164; „Goethe-Koethe“, нумера 169—172). Въ настоящемъ же разсужденіи нужно указать на то, что политика, какою-бы неполитической она ни прикидывалась, всюду и всегда проявляла себя въ литературѣ отравой, и особенно это было въ литературѣ національной.

Гдѣ бы мы ни наблюдали фактическую политику самыхъ различныхъ эпохъ, всюду находимъ мы, что не только она сама была дурнымъ элементомъ; даже все, что вовлекалось въ политику или только соприкасалось съ нею, подвергалось порчѣ или, по меньшей мѣрѣ, измѣнялось къ худшему. Отвратительное впечатлѣніе, которое производитъ такое положеніе дѣла, только тогда достигнетъ полной своей мѣры, когда мы критически прослѣдимъ современныя политическія теченія вплоть до ихъ главныхъ спеціальныхъ формъ и убѣдимся, что вмѣстѣ съ общей политикой ни одно изъ ея частныхъ развѣтвленій не свободно отъ значительной дозы хищничества и несправедливости. Нѣкоторыя частныя формы политики обнаруживаютъ полную мѣру низости, заложенной уже въ самой вещи, но воплощающейся осязательнымъ образомъ только въ этихъ отдѣльныхъ формахъ.

На внѣшнюю политику, какъ на наиболѣе разнузданную и потому наиболѣе характерную вѣтвь политики вообще, мы уже достаточно обращали вниманіе, хотя бы лишь вскользь. Здѣсь обманъ и разбой прямо бросаются въ глаза. Римское государство, ограбившее свободу всего доступнаго въ тѣ времена міра, еще и нынѣ служитъ классическимъ образцомъ политики господства. Новые народы прибавили къ этому только свою отвратительную колониальную политику. Въ послѣднемъ пунктѣ, въ дурномъ обращеніи съ болѣе слабыми расами они превзошли все, что когда-либо было. Ихъ хищная алчность создала въ этомъ направленіи такіе памятники, которые заставятъ еще долго жить память о позорныхъ и безстыдныхъ дѣяніяхъ. Индія британскаго царства стала для міра классическимъ, главнымъ примѣромъ гнусности подобнаго рода. Разрушить собственную индустрію народовъ, чтобы освободить мѣсто для англійскихъ товаровъ, а затѣмъ вскормить въ захваченныхъ ими странахъ набобовъ, чтобы послѣдніе могли возвратиться домой въ свои разбойничьи логовища упитанные награбленнымъ богатствомъ,

—таковъ образцовый примѣръ, данный Англіей, примѣръ, которому прочіе народы болѣе или менѣе подражали или собираются подражать.

Какъ возникли всѣ міровыя царства? Конечно, только при помощи грабежа со стороны завоевателей, путемъ ограбленія свободы, источниковъ существованія и имущества другихъ народовъ! Этой темой, исчерпанной нами уже почти до тривіальности, мы не станемъ опять заниматься подробно, но, конечно, при всякомъ удобномъ случаѣ будемъ настойчиво напоминать объ истинѣ, связанной съ этою темой. Слишкомъ привыкли всѣ жить среди все расширяющихся міровыхъ царствъ и колоссальныхъ государствъ, чтобы не являлось повода вновь и вновь проанализировать то безобразіе, которое прямо лѣзетъ въ глаза въ сотняхъ и тысячахъ примѣровъ, и поучиться оцѣнивать это безобразіе во всѣхъ его отвратительныхъ чертахъ.

Что представляютъ собою подобныя колоссальныя царства, какъ не признакъ слабости угнетенной ими части міра? Человѣчество кажется невыразимо ничтожнымъ и обиженнымъ природою, когда взвѣсишь, что оно повсюду было добычей такихъ политическихъ плезіозавровъ. Его единственная надежда должна состоять въ томъ, что оно, переживъ такъ называемыхъ допотопныхъ чудовищъ, такъ же оставитъ за собой и государственныхъ монстровъ и погребетъ ихъ подъ ихъ же развалинами, а остатки отъ разрушенія превратитъ когда-нибудь въ плодородную почву. Мы уже и теперь можемъ найти нравственное утѣшеніе въ чудовищной и слабой конституціи этихъ монстровъ, которая уже довольно часто трещитъ по всѣмъ швамъ и сама невольно возвѣщаетъ о своемъ будущемъ распаденіи.

7. Схема гоббсовскаго Левіаѳана пока еще, однако, охватываетъ всѣхъ и вся. Нельзя привести ни одной отдѣльной политической уродливости, чтобы не вспомнить объ этомъ вредномъ чудовищѣ. Наипростѣйшія съ виду стороны и противоположности хозяйственной политики остаются непонятными, если не принять въ расчетъ указаннаго колоссальнаго уродства, хищно простирающаго свое тлетворное вліяніе на весь міръ. Вѣдь, какой невинной, на примѣръ, представляется въ нѣкоторыхъ доктринахъ и системахъ, такъ называемая, покровительственная система съ ея протекціонистскими и мнимонаціональными пошлинами! Слишкомъ благодушныя ученія думали даже найти въ системѣ пошлинъ орудіе національной ассоціаціи и сближенія человѣка съ человѣкомъ во взаимномъ общеніи. Подъ факты подводились принципы, съ которыми истинныя причины того, что было, въ дѣйствительности не имѣютъ ничего общаго. Подати въ прямомъ смыслѣ относятся къ обычному фискализму; но запретительныя и покровительственныя пошлины имѣютъ не столько податныя цѣли, сколько, скорѣе, цѣль устранить конкуренцію. Онѣ должны помѣшать конкуренціи индустріи другихъ странъ, для того, чтобы представители промышленности своей страны могли назначить для публики болѣе высокія цѣны и хозяйничать болѣе выгодно для наполненія своихъ

кармановъ. Взращиваніе или, лучше сказать, искусственное вскармливаніе національной индустріи—нарочно придуманный предлогъ, чтобы обфлитъ грабительство въ области пошлинъ. А гдѣ, кромѣ представителей индустріи, еще и землевладѣльцы (преимущественно магнаты) стремятся охранить себя отъ иностранной конкуренціи пошлинами на хлѣбъ и на скотъ, тамъ грабительская политика таможенъ очевидна.

Оглядываясь на исторію, можно сказать вообще, что вмѣшательство политики въ хозяйственныя дѣла, какъ на практикѣ, такъ и въ теоріи, всегда вносило порчу. Самъ Адамъ Смитъ, столь отрицательно относившійся вообще къ политикѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоже впадалъ въ заблужденіе. Съ точки зрѣнія политики хотѣлъ онъ, на примѣръ, оставить въ силѣ монопольные билли Кромвелля о мореплаваніи, тогда какъ изъ чисто хозяйственныхъ соображеній онъ не могъ бы оправдать ихъ съ точки зрѣнія своей собственной системы.

На дверяхъ истиннаго ученія о народномъ хозяйствѣ слѣдовало бы сдѣлать надпись: сюда не допускается политика! Естественно, это нужно понимать только въ положительномъ смыслѣ: чтобы очистить ученіе о народномъ хозяйствѣ отъ политическаго извращенія, прежде всего нужно указать на то, что по большей части оно было именно замаскированной политикой, но не теоретической истиной. Мнѣ было довольно трудно и для отдѣльныхъ частей понадобился рядъ лѣтъ, чтобы справиться съ грудой политическихъ софизмовъ, сдѣлавшихъ эту отрасль знанія сомнительной и неузнаваемой почти до полного исчезновенія ея истинной сущности. Политическая или, лучше сказать, антиполитическая критика, съ которой я давно уже выступилъ (хотя, вначалѣ, не въ полной мѣрѣ), оказала мнѣ рѣшительныя услуги: она позволила мнѣ, наконецъ, распознать всюду хозяйственное хищничество въ самыхъ различныхъ его одѣянїяхъ и сорвать съ него маску. У теоретиковъ можно найти иногда добрую вѣру въ то, что на практикѣ ни на волосъ такой вѣры не внушаетъ. Противъ такой вѣры и нужно быть больше всего насторожѣ. Она опаснѣе какихъ бы то ни было коварныхъ доктринъ, по повадкамъ и аллюрамъ которыхъ, все-таки, легче узнать, откуда онѣ родомъ.

8. Если хозяйственная политика является областью господствующаго грабежа, лжи и обмана, то что же можно сказать о финансовой политикѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. попросту о государственныхъ финансахъ? Имѣютъ ли финансы этимологическую связь съ *finesse*, съ тонкимъ обманомъ,—этотъ вопросъ можно оставить въ покоѣ. Историческіе факты и безъ того вышли достаточно знаменательными. Въ нѣкоторыхъ особенно уродливыхъ формахъ все взиманіе податей имѣло даже видъ форменнаго систематическаго грабежа. Хищничество здѣсь несомнѣнно имѣло мѣсто въ многочисленныхъ и многообразныхъ видахъ. Но чего не знали или, по крайней мѣрѣ, не

признавали, это—неизбѣжной примѣси такого милаго качества во всѣ политическія дѣла, въ особенно же сильной степени — во всѣ специфически-финансовыя дѣла.

Стоитъ только произнести слово „деньги“ и противопоставить ему натуральныя цѣнности, чтобы тотчасъ же схватить нервъ всего дурного хозяйничанья. Въ сочиненіи „Оружіе, капиталъ, трудъ“ я уже указалъ на слѣдствія изъ той формы теоріи денегъ, которая создана мною. Это—теорія антиконвенціонализма и, вмѣстѣ съ тѣмъ, теорія антигосударственная; эта теорія болѣе, чѣмъ какая-либо другая, раскрываетъ въ дѣйствіяхъ историческаго государства дѣйствія фальшиваго монетчика. Но кромѣ того, нужно взвѣсить еще одно обстоятельство, а именно, что натуральное владѣніе, въ противоположность владѣнію деньгами, не только преобладало прежде, но и нынѣ образуетъ широкую основу всѣхъ хозяйственныхъ дѣлъ. Привнесеніе чисто-денежныхъ отношеній, правда, стало болѣе значительнымъ, но деньги отнюдь не могутъ замѣнить всего. Податное обложеніе уже и теперь, даже въ самыхъ отсталыхъ странахъ, вродѣ Россіи, всѣ цѣнности трактуетъ такъ, какъ если бы это были деньги; оно выжимаетъ деньги изъ тѣхъ, кто обладаетъ только натуральными цѣнностями, производя расчеты по ихъ измышленной денежной цѣнности и не заботясь о томъ, изъ чего такіе люди должны создавать деньги или откуда ихъ брать. Именно такое поведеніе-то и примѣчательно.

Этимъ, конечно, не сказано, что прежнія обложенія натуральными повинностями уже потому только, что не требовали денегъ, были справедливыми или хорошими. Хищничество равнымъ образомъ принимало тамъ свое участіе; но нынѣшнее исключительное выжиманіе денегъ, все-таки, гораздо болѣе безобразно. Сила преимущественно денежныхъ классовъ стала въ еще болѣе благопріятныя условія и рѣшительнымъ образомъ возросла. Натуральное владѣніе вынуждено одолжаться у профессионально-денежныхъ сословій, часто для того только, чтобы уплатить налоги. Примѣромъ наиболѣе уродливаго изъ всѣхъ налоговъ служитъ налогъ на наслѣдства; онъ ложится на натуральныя цѣнности, причемъ не ограничивается даже текущими годовыми доходами, но распространяется и на основныя цѣнности. Этотъ налогъ устроенъ такъ, какъ будто бы землевладѣніе заключалось въ деньгахъ или могло быть перечеканено въ деньги. Его жадность по своей бессмысленности смахиваетъ на желаніе обезпечить бумажныя деньги землей и почвой. Государство и общины всегда приступаютъ съ своими требованіями денегъ даже тамъ, гдѣ въ дѣйствительности не имѣется никакой денежной подкладки; они облагаютъ даже основныя цѣнности, имѣющія значеніе болѣе, чѣмъ только для одной человѣческой жизни, гдѣ въ самомъ благопріятномъ случаѣ только часть текущихъ годовыхъ доходовъ съ этихъ цѣнностей можетъ быть обращена въ деньги путемъ продажи.

Денежный фискъ нужно считать поэтому новымъ увеличеніемъ государственныхъ притязаній. Именно на этой формѣ обложенія ясно видно, какое значеніе имѣлъ и имѣетъ вообще фискъ. Исторически обложеніе почти нигдѣ не основывалось на добровольной инициативѣ, путемъ которой самъ народъ упорядочивалъ бы сборы на общественныя надобности; наложеніе и выколочиваніе податей является одностороннимъ принужденіемъ, т. е. присвоеніемъ, которое въ извѣстныхъ случаяхъ и формахъ принимало характеръ прямого грабежа. Прикрашивающія государственныя теоріи не измѣнили тутъ ничего, а игрушечное конституціонное одѣяніе не внесло въ это принужденіе никакихъ важныхъ и существенныхъ измѣненій. Налоговая политика была и остается совокупностью самыхъ утонченныхъ пріемовъ обирая, благодаря которымъ одна часть населенія взваливаетъ на другую издержки на свое содержаніе, часто даже самыя произвольныя роскошныя свои траты. Если бы не существовало хищничества въ политикѣ и если бы оно вмѣстѣ съ помогающимъ ему неразуміемъ не господствовало надъ большинствомъ, то отношенія и положеніе дѣлъ въ смыслѣ взносовъ отдѣльныхъ лицъ на общественныя надобности, конечно, устроились бы иначе и въ главныхъ частяхъ своихъ были бы лучше. Но финансовая политика превратилась въ универсальный міровой бичъ; финансовый грабежъ сдѣлалъ возможными разбойническія предпріятія въ большомъ стилѣ, т. е. прежде всего войны и колониальныя экспедиціи съ цѣлью вымогательства.

Хищничество проявляется также и въ податной инквизиціи. Гдѣ должны быть изслѣдованы доходы или платежныя силы, тамъ инквизиторскій характеръ выступаетъ наиболѣе ясно. Одна теорія, стремившаяся, по видимому, къ правильному и справедливому обложенію и распредѣленію налоговъ, относилась благосклонно къ подоходному налогу. Нѣкоторые изъ ея защитниковъ дѣйствительно вѣрили, что такой способъ обложенія, при замѣнѣ имъ всѣхъ другихъ, могъ бы принести подлинное уравненіе. Государство наилучшимъ образомъ приняло въ расчетъ эту рекомендацію, но только въ томъ смыслѣ, что ко всѣмъ прочимъ налогамъ прибавило еще подоходный! Такимъ образомъ, хорошо задуманное теоретически, направленіе это принесло дурные плоды.

Однако, указанное направленіе не было вполне надежнымъ. Лучше было бы на издержки брать съ издержекъ же, т. е. на общественныя потребности брать съ частныхъ потребностей. Личность потребляетъ и государство потребляетъ; то и другое—родственныя и, кромѣ того, соизмѣримыя вещи. Кто много тратитъ на себя, тотъ можетъ и долженъ соотвѣтственно много платить и на общественныя потребности. Образъ жизни, и притомъ не только роскошный, виденъ снаружи и можетъ быть констатированъ безъ всякой инквизиціи. И потому, если бы было уничтожено хищничество, тогда стоило бы этотъ принципъ потребленія положить въ основу

измѣренія доходовъ и такимъ путемъ замѣнить подходящий налогъ чѣмъ-нибудь болѣе правильнымъ. Конечно, во всей области современныхъ отношеній нигдѣ нельзя рассчитывать на что-нибудь правильное. Сначала политика должна быть замѣнена чѣмъ-нибудь, не имѣющимъ хищныхъ задатковъ, а потомъ уже можетъ быть достигнуто искорененіе хотя бы самыхъ крупныхъ золъ.

9. Еще хуже почти, чѣмъ съ государственной политикой, обстоитъ дѣло съ политикой партій, что и обнаруживается прежде всего при выборахъ. Общество распадается при этомъ на активную и пассивную части. Одни занимаются выборной работой, другіе оказываются „обработанными“. Какъ показала уже англійская традиція, выборная работа требуетъ денегъ, не мало денегъ! Дороговизна такъ называемыхъ выборовъ, аналогіи которымъ существуютъ и въ другихъ странахъ, выдаетъ весь характеръ дѣла или, лучше сказать, обработыванія. Кружки дѣльцовъ различныхъ партій враждуютъ другъ съ другомъ, и притомъ не только внѣ своей партіи, но и по самому близкому сосѣдству, слѣдуя личному самолюбію и личной алчности.

Эта, такъ называемая, выборная кампанія является, вмѣстѣ съ тѣмъ, школой самага неприкрытаго безстыдства, если не прямо еврейской наглости. Самые ограниченные, узко-личные интересы помогаютъ другъ другу въ клеветѣ и опороченіи. Самое замѣчательное здѣсь то, что различіе между партіями въ этомъ отношеніи едва ощутимо. Незначительное различіе въ ту или другую сторону, при всюду господствующемъ неприличіи и неестественности, конечно, не составляетъ важной разницы. При этомъ мы еще не касаемся тѣхъ областей, гдѣ выборы вовсе не являются собственно выборами, а только полемъ дѣйствія унаслѣдованныхъ вліяній, какъ часто бываетъ это въ деревнѣ, или укоренившася господства партій, когда, можно сказать, отдается просто только приказъ, кого выбирать. Такое устраненіе конкуренціи, превращающее выборное дѣло въ иронію надъ собою, особенно обнаруживается у партій капиталъ-демагогіи, т. е. у партіи социалдемократической и у подобныхъ ей уродцевъ. Когда еще эти круги были болѣе наивными, въ собственныхъ рядахъ партіи родилась идея о томъ, что массы должны быть обучены такъ, чтобы онѣ послушно подавали бюллетени даже за человѣка, снятаго съ висѣлицы! И это должно было послужить къ славѣ превосходной партійной дисциплины, по которой хоръ слѣдуетъ командѣ партійныхъ вождей.

Выборные маневры и происки служатъ зеркаломъ прочей общественной и политической испорченности. Иногда, при случаѣ, основываются даже газеты для временныхъ чисто-выборныхъ цѣлей и поддерживаются, пока не кончится дѣло. Конечно, несмотря на такую единственную скрытую цѣль, все это кривлянье лицемѣрно прикидывается такъ, какъ будто бы дѣло шло

о постоянной печатной работѣ на общую пользу или даже о принципахъ. Заполучить такъ называемый мандатъ, т. е. роль въ парламентскомъ театрѣ, и притомъ, большею частью, только роль статиста,—вотъ здѣсь единственная дѣйствительная цѣль, единственная не-ложь.

О парламентарной политикѣ едва ли стоитъ здѣсь особенно говорить. По нашему мнѣнію, она служитъ на первомъ планѣ частнымъ интересамъ. Ея специальное хищничество проявляется въ навязываніи или защитѣ бюджетныхъ позицій, которыя позволяютъ располагать деньгами для частныхъ цѣлей. Не только классы и сословія дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ; и отдѣльные частные дѣльцы или сами, или чрезъ заинтересованныхъ товарищей прибѣгаютъ къ тому же подъ всякими предлогами, напримѣръ подъ предлогомъ какого-нибудь ничтожнѣйшаго и нелѣпнѣйшаго изслѣдованія, ради вспоможенія отъ государства, денегъ на путевые расходы и т. п. Такимъ образомъ и государство, и общество въ политическомъ отношеніи артистически надуваются. Все же орудованіе бюджетомъ въ комиссіяхъ и въ общихъ собраніяхъ можно здѣсь оставить безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія, какъ вещь подразумеваемую, тривиальную: мы говоримъ именно о податномъ грабительствѣ, чтобы не сказать, о реквизиціяхъ, съ помощью которыхъ одна партія прислуживается къ другой. По крайней мѣрѣ въ рамкахъ нашего анализа это является какъ бы общимъ мѣстомъ, чѣмъ-то твердо установленнымъ, простымъ слѣдствіемъ изъ преобладающаго характера всей прочей политики.

Такой дурной характеръ всей традиціонной политики отличаетъ не только обычныя традиціи консерватизма, но и революціонныя движенія и начинанія. И если бы гдѣ-нибудь дѣло дошло до дѣйствительной, полной революціи, то и тамъ указанный характеръ выступилъ бы ясно, даже, быть можетъ, въ чертахъ болѣе грубыхъ, чѣмъ гдѣ-либо. Этотъ характеръ коренится въ естественныхъ культурныхъ качествахъ народовъ, отдѣльныхъ людей и государствъ. Разъ элементы и атомы ничего не стоятъ, перестали соотвѣтствовать своей цѣли и стали даже противными жизни, то и сложенные изъ нихъ политическія формы не могутъ имѣть никакой цѣнности. Національная и государственная традиція оказывалась до сихъ поръ столь могущественной, что умѣла овладѣть даже своей собственной противоположностью—революціей, хотя бы послѣдняя была одарена самыми идеальными задатками (или только казалась такою). Франція 1793 года со своимъ могучимъ революціоннымъ подъемомъ только подтвердила указанную сущность дѣла, а Россія съ 1905 года собирается снова подтвердить ее. Безпутства политики *ancien régime*'а только смѣнились соотвѣтствующими безпутствами революціи. Въ обоихъ формахъ политики—въ наследственно-реакціонной и въ революціонной—дѣйствовали и дѣйствуютъ тѣ же дурныя побужденія и аналогичныя формы хищничества.

Точно также можно сказать, что если отдѣльная личность ведетъ въ своихъ интересахъ частную политику, то такое поведеніе отвѣчаетъ дурному характеру всей вообще политики. Индивидуумъ встрѣчаетъ при этомъ только больше препятствій, чѣмъ абсолютная коллективная власть, не ограниченная никакой формальной юстиціей, т. е. даже полу-правомъ, а наоборотъ, еще усиленная ею въ отдѣльныхъ своихъ органахъ. Такая власть можетъ бояться только противодѣйствія со стороны другихъ подобныхъ же коллективныхъ силъ, тогда какъ отдѣльная личность должна считаться, кромѣ частной мести и вообще частныхъ противодѣйствій, съ такими вещами, какъ общая юстиція, и сообразовать свои поступки съ этою формальной юстиціей. Какими средствами личность это сдѣлаетъ, уклонится ли она отъ юстиціи и обойдетъ законы, или будетъ дѣйствовать путемъ закупленнаго адвокатскаго, а то и прямо судейскаго вліянія, — это зависитъ отъ болѣе или менѣе дурного характера личности и отъ обстоятельствъ. И лицемѣрныя ссылки на господствующую мораль также относятся къ числу орудій такой индивидуальной частной политики.

Могутъ возразить, что государства, вѣдь, связаны между собою еще такъ называемымъ международнымъ правомъ, т. е. какъ бы нѣкоторой обычной международной моралью. Вѣрно; но эта малая доля права еще меньше значитъ, чѣмъ *usus* между отдѣльными личностями. Международное право есть, главнымъ образомъ, осадокъ отъ насильственныхъ дѣйствій, которыя постольку и до тѣхъ поръ уважаютъ другъ друга, пока не бывають замѣнены новыми международными насиліями. А тогда эти послѣднія насилія и плоды ихъ получаютъ силу новаго международного права для дальнѣйшей исторіи.

Насчетъ внутренняго, такъ называемаго, государственнаго права дѣло обстоитъ такъ же. Увѣнчавшіяся успѣхомъ и достигнутыя происками или вынужденныя измѣненія, какъ реакціонныя, такъ и революціонныя, всегда получаютъ силу права, но равнымъ образомъ только до слѣдующаго момента, т. е. до наступленія другихъ соотношеній силъ. Механика насилія до сихъ поръ была исходнымъ пунктомъ для всего остального. Она почти исключительно одна закладывала фундаментъ, а надстроенное зданіе выходило затѣмъ такого же сорта, какъ она сама. Если тамъ и сямъ отдѣльныя идеи, соприкасавшіяся съ дѣйствительнымъ правомъ, были въ состояніи получить нѣкоторое значеніе, такъ это были лишь исключенія, еще сильнѣе освѣщавшія контрастъ, въ которомъ находилось съ ними общее правило. Тѣмъ не менѣе, эти незначительные порывы къ лучшему, эти примѣси лучшаго указываютъ путь, слѣдующему міръ выйдетъ изъ дурной политической всеобщей традиціи и добьется дѣйствительнаго права. Такъ называемое международное право и внутренняя формальная юриспруденція имѣютъ для такой цѣли лишь отрицательное значеніе. Они учатъ тому, что ни въ какомъ случаѣ помочь не можетъ.

VII.

ХОЛОПСТВО И ЮСТИЦІЯ.

1. Хищничество есть нѣчто первоначальное и положительное уже потому, что связано съ опредѣленнымъ направлениемъ эгоизма. Оно также— нѣчто активное, тогда какъ холопство, по крайней мѣрѣ при своемъ возникновеніи, должно быть сначала еще создано господствомъ. Тѣмъ не менѣе, и холопство можетъ быть связано съ хищничествомъ, но только не прямо. Гдѣ выступаетъ на сцену холопъ, чтобы добиться выгодъ черезъ посредство представителей власти, тамъ онъ и самъ можетъ быть отравленъ хищнической алчностью. Однако, мы не имѣемъ никакого повода заниматься здѣсь отдѣльнымъ анализомъ холопства въ смыслѣ различныхъ причинъ его возникновенія. Мы должны позаботиться лишь о томъ, чтобы подчеркнутая въ заглавіяхъ нашихъ отдѣловъ параллель стала достаточно понятной. Какъ хищничество относится къ политикѣ, такъ холопство относится къ юстиціи. Политика при этомъ— нѣчто активное, тогда какъ юстиція, по крайней мѣрѣ исторически, была преимущественно чѣмъ-то пассивнымъ, состояла на службѣ у власти и большею частью такою осталась и теперь. Разумѣется, мы не беремъ въ расчетъ исключительныхъ явленій, будутъ ли это болѣе значительныя области явленій или только индивидуальныя явленія.

Такъ именно, какъ мы понимаемъ указанную здѣсь зависимость, она— безспорный фактъ. Никакая юрисдикція никогда не была независимой отъ господствующей власти, которою она была введена и отъ которой она получаетъ силу, потребную для своего осуществленія. Даже тамъ, гдѣ эта власть была до нѣкоторой степени народною волей, или только казалась такою, какъ въ лучшія первыя времена Рима,—все-таки, еще многого не хватало, чтобы юридическая практика получила силу, опирающуюся по существу на общее правосознаніе. Преторъ представлялъ собою главенствующую власть государства даже въ частномъ правѣ и долженъ былъ во всякомъ отдѣльномъ случаѣ правонарушенія впередъ назначать гражданскаго судью; въ теченіе собственно формальнаго процесса преторъ даже напередъ предписывалъ кратко руководящую нить приговора, такъ что судья оставалось почти одно только подтвержденіе фактовъ.

Если бы политическій строй былъ болѣе свободнымъ и было больше общественнаго равенства, то указанныя формы юридической практики не вызвали бы противъ себя никакихъ возраженій; ибо, вѣдь, какимъ-нибудь образомъ должна же быть организована и введена въ силу суверенная, руководящаяся правомъ, воля, если бы даже она исходила отъ самого общества. Выходитъ нѣкоторая разница, возвышается ли надъ отдѣльною личностью толпа и навязываетъ ей установленную ею самой юрисдикцію только

потому, что она толпа и обладает, значить, большею силой, или же притязаніе на судебную власть заявляется во имя и ради общеобязательнаго общаго права. Родовое, т. е. для всего рода обязательное, есть не то, чѣмъ является голая численность и чистая коллективность. Ссылка на такую обязательность, стоящую выше индивидуума, и есть послѣднее основаніе всякаго подлинно-правового дѣйствія, исходитъ ли это дѣйствіе изъ самопомощи отдѣльной личности или совершается черезъ посредство органовъ, общественно-согласованныхъ, такъ сказать, въ интересахъ каждаго индивидуума.

Въ исторической дѣйствительности, какъ показали протекшія тысячелѣтія, имѣло силу нѣчто прямо противоположное указанной глубоко заложеной сущности дѣла; и это значить, что дѣйствительное, свободно-рожденное право еще нигдѣ не появлялось. Въ крайнемъ случаѣ, только въ самопомощи индивидуумовъ можетъ встрѣчаться приближеніе къ такому праву. Въ остальномъ же такъ называемое осуществленіе права исходило всегда отъ политической власти и притомъ, по большей части, отъ власти хищно-политической. Историческая форма почти всей юстиціи отвѣчаетъ указанной сущности дѣла. Гдѣ политическая исполнительная власть была до извѣстной степени нейтральной и не имѣла повода вмѣшиваться и командовать, тамъ выборные и назначенные судьи еще имѣли свободу. Плохо только, что эта не затронутая господствующей властью функція могла сбиваться съ дороги истинной справедливости по инымъ соображеніямъ и въ иныхъ интересахъ; она и должна была такъ поступать, поскольку вкоренившіяся чиновничьи привычки политическаго оппортунизма притупили ея чуткость къ отклоненіямъ отъ справедливости. Мы здѣсь не говоримъ еще, собственно, о послабленіяхъ въ области права, но вообще о широко распространенномъ извращеніи и порчѣ правового чутья, неизбѣжныхъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Гдѣ механика насилія рѣшаетъ все и устройство юстиціи въ частности, тамъ не можетъ быть и рѣчи о фундаментальной, абсолютной справедливости.

2. Въ отдѣльныхъ направленіяхъ были созданы своего рода защита и полу-право, а именно: остатокъ института присяжныхъ судей стали понимать, какъ коррективъ къ чиновничьей юстиціи и возобновили этотъ институтъ въ такомъ именно его качествѣ. Но тутъ-то и было признано, что за дѣла творила въ уголовномъ правѣ чиновничья юстиція! Полу-исключеніе, такимъ образомъ, только подтвердило правило. Впрочемъ, реакціонныя стремленія власть-имущихъ замѣтно направлены уже къ тому, чтобы вновь устранить и этотъ частичный отголосокъ полу-независимой юстиціи и замѣнить его судомъ, смѣшаннымъ изъ чиновниковъ и изъ такъ называемыхъ присяжныхъ (Schöffen), причемъ перевѣсъ получаетъ, естественно, юридическій интеллектуализмъ.

Но еще другое, болѣе значительное обстоятельство грозитъ ослабить возобновленный судъ присяжныхъ уже по чисто хозяйственнымъ основаніямъ. Неоплачиваемое отягощеніе въ теченіе мѣсяца функціями присяжнаго судьи при нынѣшней хозяйственной жизни будетъ становиться все болѣе и болѣе тяжелымъ. Быть оторваннымъ, безъ возмѣщенія убытковъ, отъ своей профессиональной дѣятельности, чтобы безвозмездно выполнять обязанности судьи совмѣстно съ получающими жалованіе государственными чиновниками,—это всегда будетъ ощущаться, какъ жертва несправедливому притязанію. И потому, если здѣсь не появятся помощь и возмѣщеніе, то дни этой, въ видѣ исключенія не вполнѣ отъ власти зависящей, юстиціи сочтены; и будетъ ли отпрыскъ лучшихъ старыхъ учрежденій устраненъ ко-свенно, вслѣдствіе хозяйственнаго упущенія, или прямо въ интересахъ политическаго насилія, это безразлично. Въ утѣшеніе себѣ можно сказать, что судъ присяжныхъ не имѣлъ слишкомъ большого вѣса: онъ всегда оставался крайне ограниченнымъ въ своихъ правахъ; кромѣ того, онъ былъ лишенъ очень важнаго, часто рѣшающаго, права опредѣлять мѣру наказанія; онъ даже былъ принципиально стѣсненъ и урѣзанъ въ томъ смыслѣ, что инициатива постановки вопросовъ принадлежала коронному суду.

Если представить себѣ принципъ суда присяжныхъ обобщеннымъ, то даже при введеніи платы за эту функцію, еще вовсе нельзя будетъ угадать, какъ слѣдуетъ провести здѣсь границу квалификаціи. Распространеніе принципа на народную массу при надвигающейся гнилости массъ было бы подлинною смертью всякой дѣйствительной справедливости. Партиійная юстиція, примѣненная на практикѣ, на примѣръ, присяжными изъ рабочихъ, была бы наихудшимъ родомъ классовой юстиціи. На этомъ пути нѣтъ выхода, а наоборотъ, имѣются только невѣрные пути. Въ лицѣ социалдемократической, такъ называемой, юстиціи достигнуто было бы наивысшее изъ мыслимыхъ золь, и зло вмѣшательства исторической государственной несправедливости въ судоговореніе было бы превзойдено въ сотни разъ. Дикости, которыя получились бы отъ такой партиійной, классовой и демагогической юстиціи, оставили бы далеко за собою и качественно, и количественно все, что бывало неизменнаго въ исторіи.

Масса и безъ того была пьедесталомъ для холопства, стоявшаго ступенью выше. Что же вышло бы, если бы она въ томъ видѣ и съ той подготовкой, какіе дала ей исторія, стала играть еще активную роль въ видѣ своры судей, состоящихъ на жалованіи! Состояніе Аѳинъ во времена Сократа было бы далеко превзойдено въ смыслѣ испорченности и фривольности; ибо тогдашняя судейская чернь была гражданской; кромѣ нея, существовала еще масса рабовъ, работавшихъ безъ всякихъ частныхъ или публичныхъ правъ, тогда какъ теперя для судебныхъ функцій пришлось бы считаться со всею пролетарскою массой. Безъ согласованія съ принципомъ рас-пролетаризаціи,

т. е. безъ предпосылки личной самостоятельности, нельзя обобщать функцію присяжныхъ, если не хотятъ накликать опасности и внести въ юстицію совершенно безвыходный хаосъ.

Вообще, въ настоящее время умѣстенъ вопросъ, нельзя ли вновь уравновѣсить слѣдствія раздѣленія труда и функцій, поскольку они заключаются въ образованіи особеннаго класса ученыхъ юристовъ. Всякое образование и выдѣленіе специальныхъ функцій имѣетъ, конечно, ту выгоду, что создаетъ или концентрируетъ въ распоряженіи немногихъ особенныя познанія и умѣнія; но оно имѣетъ, вмѣстѣ, и тотъ фактической недостатокъ, что отучаетъ, чтобы не сказать,—освобождаетъ остальную массу почти отъ всякаго разумѣнія такого рода вопросовъ. Въ первоначальныхъ, болѣе простыхъ состояніяхъ было шире распространено нѣчто такое, что, во всякомъ случаѣ, можно было бы назвать правовымъ сознаниемъ; только усложненіе жизни и сношеній и конституированіе сословнаго господства привели къ тому, что выдѣлилась особая профессія, которая стала притязать на монополию юридическихъ знаній. Въ древнемъ Римѣ патриціанскіе элементы приумножали въ своихъ семьяхъ знаніе юридическихъ обычаевъ и формуль, какъ нѣкоторую тайну, и къ тому же претендовали на роль авторитетныхъ лицъ, дающихъ обязательныя отвѣты, т. е. компетентныя юридическія справки.

Если уже при обычномъ раздѣленіи труда ослабленіе или исчезновеніе прежде бывшихъ общими умѣній иногда, при особыхъ обстоятельствахъ, ощущается какъ несчастье, то несравненно больше чувствуется то же самое въ сферѣ существенныхъ функцій, которыя, строго говоря, должны быть неотчуждаемы. Какъ только образовалась специальность булочниковъ, семьямъ, по крайней мѣрѣ въ городахъ, не стало выгоднымъ печь хлѣбъ дома, и даже въ деревнѣ исчезаютъ въ семьяхъ слабые остатки этого знанія. Но вотъ происходитъ стачка булочниковъ, и недостатокъ обнаруживается! Даже плохое знаніе ремесла даетъ иногда возможность отдѣльной личности вернуться, до извѣстной степени, къ первоначальному состоянію и умѣть самой позаботиться о себѣ. И что при обыкновенномъ техническомъ раздѣленіи труда по правилу необходимо, а при нормальныхъ обстоятельствахъ—вполнѣ сносно, то можетъ стать совершенно не-сноснымъ, если вообразить, что оно распространяется на существенныя атрибуты полнаго человѣка. Сюда относится прежде всего вооруженная оборона, которая никогда не можетъ быть вполнѣ перенесена на другого безъ сохраненія за собою возможности личной самозащиты; въ противномъ случаѣ, здѣсь всегда получается состояніе раба, какъ неизбѣжное слѣдствіе. Но сюда же относится и попеченіе о собственномъ и общественномъ правѣ; слѣдовательно, необходима та мѣра разумѣнія и познаній, которая требуется для осуществленія своихъ притязаній или для самозащиты отъ чужихъ притязаній.

Усложнившіяся сношенія, повидимому, дѣлаютъ невозможнымъ такое вооруженіе знаніемъ отдѣльной личности; однако, сложности касаются только особыхъ областей права; но даже и внутри этихъ областей всякая личность можетъ освоиться съ технической стороной дѣла по меньшей мѣрѣ такъ же хорошо, а часто даже лучше, чѣмъ ученый и занимающій чиновную должность юристъ. То преимущество, которымъ обладаетъ послѣдній, относится вовсе не къ техническимъ разнообразіямъ, для которыхъ онъ самъ всегда беретъ себѣ въ помощь такъ называемыхъ свѣдущихъ въ дѣлѣ людей; оно относится лишь къ традиціи ученія о правѣ, которое стало чуждо общему сознанію и выродилось въ часто совершенно запутанную, крючкотворную систему, бѣдную дѣйствительно солиднымъ матерьяломъ. Несмотря на это, до сихъ поръ еще нельзя угадать, какъ будетъ перейдена вредная пропасть, вырытая съ теченіемъ времени между ученой юриспруденціей, съ одной стороны, и искусственно созданнымъ невѣжествомъ публики, съ другой, безъ предварительныхъ глубокихъ измѣненій въ обществѣ и въ его духовномъ состояніи.

3. Поэтому, если смотрѣть на ученое юридическое сословіе, какъ на предварительную социальную необходимость, то является лишь вопросъ, насколько хорошо отвѣчаютъ главной цѣли тѣ коррективы, которые созданы противъ его политической зависимости и противъ его неправильныхъ поступковъ. Гдѣ существуетъ несмѣняемость судей, т. е. исключенъ противъ воли судьи осуществляемый переводъ съ мѣста на мѣсто, тамъ, какъ будто бы, существуетъ и нѣкоторое ручательство за извѣстную мѣру независимости. Однако, вѣдь, пока не исключены еще повышенія на лучшія мѣста, а также перемѣщенія на высшіе лучше оплачиваемые посты; исключеніе всего этого представило бы свои практическія трудности и вовсе не отвѣчаетъ намѣреніямъ политическихъ властей. И теперь неперемѣщаемость противъ воли и несмѣняемость, конечно, служатъ защитой правомѣрно-настроеннаго судьи только противъ косвеннаго давленія правительства, причемъ, конечно, остается въ силѣ возможность дисциплинарнаго устраненія должностныхъ лицъ, а оно должно примѣняться по отношенію къ чиновникамъ; но указанная несмѣняемость вовсе не спасаетъ публику противъ такихъ судей которые сами склонны угождать желаніямъ правительства или партіи.

Сюда присоединяется еще, что въ уголовныхъ дѣлахъ судья вовсе не является хозяиномъ преслѣдованія по суду. Судья только тогда можетъ что-нибудь сдѣлать, когда ему препроводитъ дѣло совершенно зависимый представитель политическаго управленія — прокуроръ; этотъ произвольно смѣняемый чиновникъ вѣдомства юстиціи, который въ особыхъ случаяхъ обязанъ даже прямо слѣдовать указаніямъ своего министра насчетъ вмѣшательства или невмѣшательства въ дѣло, въ остальныхъ же случаяхъ можетъ

лично и совершенно произвольно рѣшать, назначить или не назначить производство дознанія. И совершенно не во власти судьи потребовать къ своему столу виновнаго, котораго пожелаетъ вырвать изъ рукъ его политическая власть. Что же въ такихъ случаяхъ можетъ сдѣлать несмѣняемый судья или даже присяжный судъ тамъ, гдѣ оба они не въ состояніи по собственной инициативѣ привлечь къ суду преступника?

Какъ дурно выполняется юстиція, пришедшая въ упадокъ въ особенности со времени средневѣковья и поповскаго режима, объ этомъ свидѣлствуютъ попытки контроля, которыми думали помочь дѣлу. Сюда относится замѣна тайнаго письменнаго производства устнымъ гласнымъ производствомъ въ главной части процесса. При этомъ формальное предварительное разслѣдованіе, а также и всѣ дальнѣйшія предварительныя стадіи до дачи публичныхъ свидѣтельскихъ показаній остаются еще инквизиторской тайной и отягощены стародавней, сверхмѣрной перепиской, тогда какъ въ рѣшающей части процесса письменное закрѣпленіе сведено къ слишкомъ малымъ размѣрамъ.

Во времена, когда народъ еще почти не умѣлъ читать и писать, любили чисто актовую юстицію, принципъ которой состоялъ въ слѣдующемъ: то, чего нѣтъ въ актахъ, судья признаетъ несуществующимъ. И вотъ теперь, когда чтеніе и письмо весьма широко распространены, а въ наиболѣе образованныхъ странахъ сдѣлались даже совершенно общимъ явленіемъ, культивируютъ странный смѣшанный режимъ съ его почти вполнѣ изустнымъ заключеніемъ процесса, удобнымъ для всякихъ неопредѣленностей и для затемненія сущности дѣла, которую характеризуютъ лишь въ бѣглыхъ выраженіяхъ. Для чего же служатъ обширнѣйшіе слѣдственные акты, если они принципиально не должны служить руководствомъ для постановляющаго приговоръ судьи? Уже по однимъ этимъ противорѣчіямъ процесса, полного странностей и непримиримыхъ вещей, видно, что даже введеніе устности и публичности въ качествѣ контрольнаго средства было только полумѣрой. Гдѣ необходима была бы для контроля извѣстная мѣра письменнаго производства, тамъ ея теперь большею частью не хватаетъ; а гдѣ письменное производство, какъ, на примѣръ, въ предварительныхъ стадіяхъ, должно было бы служить лишь вспомогательнымъ средствомъ для подготовительныхъ сношеній между чиновниками и для достиженія первыхъ точекъ опоры, тамъ имъ роскошествуютъ по старой актовой и протокольной манерѣ.

Итакъ, принципиально отвергнутая старая инквизиція съ ея безконтрольною таинственностью, еще налицо въ весьма значительной мѣрѣ и составляетъ сильный контрастъ съ привитою къ ней публичностью. Но и эта публичность теряетъ въ силѣ контроля при современномъ состояніи печати, такъ какъ всѣми ея выгодами пользуются партіи или инныя котеріи. Запутанныя жизненныя отношенія возбуждаютъ въ публикѣ лишь малое уча-

стіе, даже если дѣло идетъ о важнѣйшихъ обстоятельствахъ. Партіійные отчеты, замалчиваніе или искажающая окраска — вотъ въ чемъ довольно часто оказывается весь итогъ прославленной публичности. Такимъ образомъ и соціально все содѣйствуетъ тому, чтобы даже незначительный контроль надъ юстиціей, дѣйствительно существующій, сдѣлался двусмысленнымъ или случайнымъ.

4. О частномъ правѣ и гражданскомъ процессѣ, который уже по названію своему долженъ быть публичнымъ, такъ называемое общественное мнѣніе, по общему правилу, заботится весьма мало. Сама публика, которая въ отдѣльныхъ случаяхъ, т. е. въ каждой отдѣльной своей личности является здѣсь дѣйствительно заинтересованной матерьяльно и на довольно продолжительное время,—эта публика оказывается практически и фактически еще въ большемъ убыткѣ, нежели въ какихъ-либо уголовныхъ дѣлахъ, хотя въ нихъ она, большею частью, участвуетъ только косвенно и можетъ имѣть къ нимъ только общій интересъ. Въ дѣлахъ гражданского права и безправія, за исключеніемъ пустяковыхъ дѣлъ, она предоставлена не только монополіи, но прямо принудительному и исключительному праву адвокатуры и ея полной опеки. Адвокатское принужденіе есть одно изъ наихудшихъ золъ. Если принять еще въ расчетъ сильное оеврееніе адвокатскаго сословія, которое близко къ тому, чтобы перейти почти въ исключительное владѣніе крещенаго и некрещенаго еврейства, то можно будетъ оцѣнить, какъ охраняются частные интересы и интересы собственности и на какіе приемы юридической защиты они могутъ рассчитывать. Но и безъ адвокатскаго принужденія всегда существовала бы необходимость въ запутанныхъ случаяхъ приглашать спеціально образованныхъ адвокатовъ. Сюда присоединяется еще, что эти адвокаты должны пройти государственный курсъ университетскихъ занятій и судебной практики, а также сдать государственные экзамены. То, что неумѣстно называютъ свободой адвокатуры, есть не больше, какъ возможность гдѣ-нибудь, когда выполнены всѣ необходимыя условія, открыть, такъ сказать, адвокатскую лавочку.

Относительно врачебной профессіи свободная конкуренція открыта, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку каждый, даже не называющій себя врачомъ, можетъ представить себя публикѣ въ качествѣ человека, умѣющаго лѣчить, безъ предварительныхъ условій, поставленныхъ ему здѣсь со стороны государства. Тѣмъ не менѣе; медицинское принужденіе тоже существуетъ; на примѣръ, таковымъ является принудительное оспопрививаніе. Поэтому контрастъ по сравненію съ преимущественно частно правовымъ адвокатскимъ принужденіемъ не такъ великъ, какъ кажется съ перваго взгляда. Было бы, слѣдовательно, значительнымъ успѣхомъ при господствующихъ обстоятельствахъ, если бы монополія адвокатуры была уничтожена вмѣстѣ съ монополіей врачей. Къ счастью, чего-нибудь вродѣ такъ называемаго

предохранительнаго оспопрививанія въ судебныхъ дѣлахъ не имѣется. Нотариатъ же, какъ отрасль вольной юридической практики, могъ бы исчезнуть, причемъ его функціи могли бы быть переданы, безъ всякихъ исключеній, судамъ, довѣріе къ которымъ публики было бы далеко лучше гарантировано.

Вообще, суды всегда являются сравнительно лучшимъ прибѣжищемъ для публики, чѣмъ привилегированный ремесленный классъ, вродѣ адвокатскаго. Даже при правительственномъ абсолютизмѣ было относительнымъ преимуществомъ, что, на примѣръ, жалобы и дальнѣйшія процессуальныя бумаги принимались прямо судами, т. е. могли направляться путемъ личной подачи въ судъ тяжущимися сторонами. Въ парламентскую эру адвокаты, само собою разумѣется, настояли, чтобы этотъ ущербъ ихъ ремеслу былъ уничтоженъ. Въ противномъ случаѣ, ихъ принудительное и исключительное право, которое во всей полнотѣ осуществилось также по винѣ конституціонной эры, получило бы, въ смыслѣ выдержки принципа, сомнительную трещину. Безъ обязательства имѣть адвоката сохранялась возможность, въ случаѣ необходимости, вести процессъ самому, собственными личными усиліями, т. е. прямо въ судѣ. Такимъ обстоятельствомъ, между прочимъ, смогъ еще воспользоваться я самъ въ процессѣ съ моей запиской, который я велъ противъ Бисмарка-Вагенера; въ то время полное адвокатское принужденіе во всемъ его великолѣпіи еще не было протиснуто адвокатами и евреями сквозь парламентскіе дебаты.

На адвокатское принужденіе я потому указалъ здѣсь съ такою особенной настойчивостью, что оно служитъ главнымъ доказательствомъ той вынужденно-рабской роли, которую публика играла и во многихъ другихъ отношеніяхъ своихъ къ сословію юристовъ. И потому при изслѣдованіи общихъ правосостояній въ вопросъ входятъ не только холопство, стоящее на высшихъ ступеняхъ, и соотвѣтственныя ему учрежденія или сословія, но и то обстоятельство, что народы и народъ могли или должны были допустить самыя унижительныя принудительныя учрежденія. При обсужденіи всего, что касается юристовъ и связаннаго съ ними полу-права, указанное обстоятельство нужно принимать въ расчетъ.

Вообще наша критика юриспруденціи нимало не задается здѣсь цѣлью быть общею; она имѣетъ лишь спеціальную цѣль—коснуться социальнаго холопства въ существующемъ положеніи вещей въ нѣкоторыхъ существенныхъ его чертахъ и выставить его на показъ. Однако, часть нынѣшняго состоянія коренится въ отдаленнѣйшихъ фактахъ прошлаго. Въ особенности холопство, поскольку оно дѣйствительно присуще сословію юристовъ, объясняется отчасти уже какъ наслѣдіе византизма въ собственномъ, исторически-правовомъ, смыслѣ этого слова; а потому мы должны припомнить дальше нѣкоторыя историческія обстоятельства.

Относительно выводовъ изъ исторіи права, касающихся собственно

теории и практики права, не нужно забывать, насколько это очень скудное полу-право всегда само собою напоминает о томъ, по чьей милости оно существуетъ. Его слабое дыханіе тотчасъ же прекращается, какъ только политика признаетъ за лучшее, объявивъ чрезвычайную охрану, замѣнить обыкновенные суды, такъ сказать, инстанціями поля сраженія и войны. Тогда подъ режимомъ самыхъ суровыхъ военно-полевыхъ судовъ (*Standgericht'овъ*), оканчивающихъ процессъ быстро, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, выясняется вполнѣ, гдѣ прекращается наша прославленная культурная юрисдикція, и въ какой степени такъ называемое правовое состояніе оказывается почти ничѣмъ инымъ, какъ вещью, допущенною въ извѣстныхъ границахъ политикой насилія и хищничества; эта политика позволяетъ свободно играть въ полу-право въ тѣхъ областяхъ, гдѣ она не ожидаетъ какихъ-либо серьезныхъ столкновеній, и до тѣхъ только поръ, пока ея собственное существованіе не окажется подъ вопросомъ. Въ большомъ масштабѣ вновь осуществила это поучительное направленіе политики русская дѣйствительность 1906 года. При такихъ дѣянїяхъ и корчахъ прежде болѣе прикрытаго насильственнаго режима вполнѣ обнаруживается зависимый характеръ особаго сословія юристовъ. Оно оказывается ничего не стоящею видимостью, какъ только на сцену выступили *ultimaе rationes*, какъ только дѣло вступило на почву послѣднихъ аргументовъ и пушечныхъ жерлъ.

5. Если бы традиціонный духъ политики былъ и могъ быть лучше, то и дѣятельность юриспруденціи могла бы имѣть болѣе благотворный характеръ. Даже неблагопрїятная традиція историческаго права не помѣшала бы этому. Историческое право должно было увеличить зло потому, что на почвѣ холопства возникшая юридическая ученость какъ нельзя лучше была приложена къ разбойничьей политикѣ. Библия юристовъ, *Corpus juris*, есть византійское произведеніе шестого вѣка,—и это знаменательно. Юстиніанъ повелѣлъ сдѣлать черезъ своихъ чиновниковъ извлеченія изъ сочиненій римскихъ юристовъ, что и составило фрагменты такъ называемыхъ пандектъ. Изъ очень поверхностнаго учебника Гая велѣлъ онъ выточить нѣчто еще болѣе поверхностное: такъ называемыя институціи и собраніе императорскихъ указовъ вмѣстѣ съ новеллами византійскаго фасона образовали извѣстные намъ останки прославленнаго корпуса права.

Но этому „корпусу“ не хватало только одного, и притомъ главнаго,—души! Ученые византійской эпохи были уже до такой степени неспособны и лишены сужденія, что не въ состоянїи были понимать и оцѣнить сравнительно лучшее въ литературѣ римскихъ юристовъ. Въ лучшемъ случаѣ они были поэтому компиляторами, но ихъ извлеченія и отрывки, которые они сшивали для практическихъ цѣлей или портили измѣненіями и вставками, строго говоря, производятъ впечатлѣніе только похоронъ подлинной римской юридической литературы. Правда, эти компиляторы сохранили память о ней

и даже безсвязные образчики ея, но они же были и виновны въ томъ, что оригинальныя сочиненія утерялись, при поверхностномъ византійско-холопскомъ пониманіи дѣла думали, что можно удовольствоваться похожей на мозаику радакцей пандектъ, и отстранились, по легкомысленному невѣжеству, отъ первоначальныхъ твореній римскихъ авторовъ, какъ отъ вещей, ставшихъ излишними.

Если бы держались древне-римской юридической литературы, то развитие теории въ новѣйшія времена, а именно, разумѣніе римскаго способа пониманія права и римской правовой логики получило бы значительный толчекъ впередъ. Вѣдь, могло же еще въ 19-мъ столѣтіи простое издание въ свѣтъ Гая, этого очень второстепеннаго учебника временъ императоровъ, стать поводомъ для разныхъ толкованій и послужить существенной опорой для исторической школы права, основанной впервые Гуго и затѣмъ представленной въ лицѣ Савиньи! Однако несмотря на все это, и объ упомянутой подлинно-римской культурѣ права мы не можемъ быть слишкомъ высокаго мнѣнія. Она принадлежала преимущественно къ первымъ вѣкамъ имперіи и дышала уже духомъ ограниченія теории областью частнаго права, такъ какъ отъ публичнаго права, послѣ того какъ установился цезаризмъ, въ сущности, не осталось ничего, на мѣсто публичнаго права стало даже нѣчто похуже, чѣмъ ничего. Что же могли тутъ подѣлать Папиніанъ, Паулусъ, Ульпанъ и другіе авторы такой же или приблизительно такой же виртуозности, кромѣ анализа отношеній частнаго права!

Уже давно возня съ гражданскимъ процессомъ была единственнымъ идейнымъ и активнымъ остаткомъ римскаго міроваго дѣла. Рядъ столѣтій сплошь копались сначала въ двѣнадцать таблицъ, комментировали ихъ и, присоединивъ къ нимъ преторскій эдиктъ и узусъ, дальше развивающій ихъ формулы, образовали нѣчто вродѣ всеобъемлющей правовой доктрины. Добрались до формулированія *generalia*, а затѣмъ такъ называемыхъ *prota*, т. е. принципиальныхъ общихъ положеній, хотя и въ несовершенной, нескладной формѣ; теоретически анализируя, разработали, такъ называемое нынѣ, личное право, затѣмъ имущественное право и особенно учение о собственности, а далѣе, съ особой виртуозностью, право по обязательствамъ. Но въ семейственное и наслѣдственное право вмѣшалось постепенное разложеніе национально-римскихъ учреждений и сильно нарушило правильные выводы слѣдствій, такъ что подъ конецъ суммарное византійское приведеніе въ порядокъ старыхъ теорій наслѣдованія практическимъ законодательствомъ могло сойти даже за заслугу и спасеніе отъ сумятицы, къ которой привело постепенное разложеніе старо-римскихъ принциповъ.

Теперь взвѣсимъ ходъ средневѣковаго и новѣйшаго освѣженія этихъ традицій. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи ихъ нашли и принялись изучать въ Болоньѣ. Примыкавшая сюда глоссаторская школа ограничилась только раб-

ской передачей и глоссами. Диктованныя сообщенія изъ текстовъ и объясненія къ текстамъ *Corpus' a juris* сдѣлались методомъ преподаванія. Дальше слѣдовала нѣсколько болѣе свѣжая французская школа юристовъ шестнадцатаго столѣтія. Однако, даже знаменитости вродѣ Куяція могли такъ схоластически поддаться вліянію ложной словесной юристики, что ухитрились не понять филологическаго смысла словъ „*quindecim pedes ab terra altius*“ и комично учили, что это значитъ: отрѣзать все, свѣшивающееся съ пятнадцати-футовой высоты въ направленіи къ вершинѣ. Подобная вещь была плодомъ двойкой ограниченности. Прежде всего здѣсь не хватало пониманія латыни; сравнительная степень *altius* ввела въ обманъ, несмотря на то, что сама она была употреблена римлянами такъ мѣтко и такъ правильно. „Считая отъ земли до высоты въ пятнадцать футъ, можно отрѣзать все, что свѣшивается отъ сосѣда“. Значитъ, профессоръ права оказался здѣсь, во первыхъ, безсиленъ со своей латынью, а во-вторыхъ, показалъ себя и практически совершенно несвѣдущимъ, даже невмѣняемымъ въ смыслѣ пониманія самыхъ простыхъ отношеній собственности между сосѣдями.

Подобная вещь не является только курьезнымъ отдѣльнымъ случаемъ; можно было бы всегда указать для нея аналогіи даже вплоть до нашего времени съ его частыми примѣрами дряннаго законодательства, хоть и не въ такой рѣзко бросающейся въ глаза формѣ. Если такими вещами не особенно занимаютъ, такъ это объяснимо отчасти тщеславіемъ касты юристовъ; каста эта, конечно, должна согласиться, что въ прошломъ, въ отдаленныя отъ ея времени столѣтія, бывали въ исторіи явныя глупости; но она охотно оставляетъ въ сторонѣ или старается ослабить впечатлѣніе отъ характерныхъ вещей изъ непосредственной современности.

6. Что касается самаго новаго времени, въ особенности перехода отъ восемнадцатаго къ девятнадцатому вѣку и этого послѣдняго, то должна быть отмѣчена историческая школа, начатая геттингенскимъ профессоромъ Гуго, затѣмъ основанная одновременно спеціальными изслѣдованіями Савиньи и бывшая предметомъ совершенно особенныхъ заботъ въ Берлинѣ. Эта школа сошла съ дороги такъ называемой практики обычнаго права. Она намѣтила небезполезный боковой путь, на которомъ получилось кое-что для восстановленія древне-римскихъ правовыхъ отношеній и теорій права. Съ этимъ вмѣстѣ было тотчасъ же разложено полученное отъ среднихъ вѣковъ смѣшеніе ученій *corpus' a juris* съ національными обычаями и правами тѣхъ позднѣйшихъ народовъ, которые внѣшне и политически овладѣли ходомъ историческихъ дѣлъ. Для того времени и для будущихъ временъ зла въ этомъ не было. Наоборотъ, можно радоваться, что половинчатымъ формамъ былъ нанесенъ ударъ и что грубость и нескладность бѣднаго теоріей національнаго права стали вполне очевидными.

Савиньи, долгое время профессоръ пандектнаго права въ Берлинѣ, а

затѣмъ прусскій министръ законодательства много сдѣлалъ для просвѣиванія прежнихъ, еще хаотически-нагроможденныхъ матерьяловъ своими подробными спеціальными изслѣдованіями, а именно, своей исторіей римскаго права въ средніе вѣка, причемъ, кстати замѣтитъ, бросилъ не мало свѣта и на исторію эгоистически-цеховой жизни университетовъ и юридическихъ факультетовъ, начиная съ болонскаго. Но кромѣ того, Савиньи защищалъ все рѣшительно-принципіальное и въ особенности боролся противъ легковѣсности и дрянности новѣйшаго способа изготавлять своды законовъ. Если даже его ближайшимъ главнымъ мотивомъ былъ ясно выраженный консерватизмъ,—чтобы не сказать, реакціонность,—то, все-таки, по внутреннимъ, чисто научнымъ основаніямъ онъ былъ правъ, когда утверждалъ, что нашему времени не хватаетъ формальной способности къ солидному законодательству. Другого смысла, дѣйствительно, не имѣло его знаменитое сочиненіе о недостаткѣ профессионализма. Въ берлинскомъ профессорѣ права возставало противъ скороспѣлыхъ кодификацій и кодификаціонныхъ проектовъ просто его формальное званіе юриста, уже нѣсколько возвышенное обновленнымъ и болѣе глубокимъ изученіемъ остатковъ классической римской теоріи. И по нашему убѣжденію, дальнѣйшіе факты, вплоть до нашего двадцатаго столѣтія, только оправдывали вполнѣ такое отношеніе Савиньи къ дѣлу.

Новѣйшія дрянныя кодификаціи еще хуже, чѣмъ прежнія, подвергшіяся критикѣ Савиньи; онѣ обнаружили не только въ формѣ, но и въ содержаніи недостатокъ способности къ гармоническому, консеквентному законодательству и даже вообще къ основательной и абсолютной наукѣ права. Но если Савиньи думалъ, что болѣе долгое критическое изученіе источниковъ римскаго права въ его духѣ ведетъ или можетъ привести къ появленію лучшихъ способностей къ законодательству, то въ этомъ пунктѣ ходъ вещей оказался противъ него. Съ тѣхъ поръ какъ потеряла свои краски историческая школа и одновременно выступило на сцену оеврееніе юридическихъ факультетовъ, поверхностность и легкомысліе выросли до невѣроятныхъ размѣровъ, такъ что теперь о какойнибудь обработанной теоріи, даже въ скромныхъ рамкахъ гражданскаго права, не можетъ быть и рѣчи. Теперь законодательство по содержанію и стилю, можно сказать, вполнѣ вырядилось въ салопъ и вынуждено, все вновь и вновь передѣлывать наиболее изгаженные мѣста своего собственнаго дрянного произведенія, т. е. ставить на немъ все новыя нескладныя заплаты и такимъ образомъ обезобразить его до конца. Все не въ пору, все не къ мѣсту; даже гдѣ объ этомъ стараются, самый способъ выраженія оказывается неряшливымъ и неподходящимъ. Иногда парламентское коверканье законовъ не умѣетъ даже сказать, что собственно оно само-то хотѣло бы постановить или выразить. Подобное же очень часто бывало даже съ законами о налогахъ, такъ что на помощь должны были приходиться, вовсе не по своему вѣдомству, исполнительныя постановленія

административныхъ учреждений, чтобы исправить наиболее неподходящія вещи и наиболее грубые промахи.

О такихъ чудовищныхъ вещахъ Савиньи еще не могъ думать; ибо его критика имѣла въ виду только прусское право и въ особенности Code Napoléon. Въ этой области можно было найти еще сравнительно гораздо большую солидность и больше доброй воли, нежели во введенномъ бисмарковской эрой гражданскомъ сводѣ законовъ для Германіи, которому предшествовали наиболее дурные въ дѣловомъ и формальномъ отношеніи порядки судопроизводства. Однако полная критика не является здѣсь нашей задачей. Наша тема—зависимость, даже холопство юстиціи, и въ этомъ смыслѣ даже наиболее научно удавшаяся романская формальная юриспруденція оказывается вовсе не слишкомъ благопріятной хотя бы только для теоретической свободы и самостоятельности.

Къ чему, въ концѣ концовъ, пришелъ Савиньи въ смыслѣ системы? Несмотря на всю свою критику, онъ предпринялъ многотомную систему общаго римскаго права, но не далеко ушелъ отъ общей части, лучше сказать, просто завязъ въ спеціальномъ облигаціонномъ правѣ. Впрочемъ, это не особенно и удивительно. Пандекты, которые по названію своему должны содержать все, оказываются фрагментами, т. е. осколками и большею частью не помогаютъ именно тамъ, гдѣ спрашиваютъ о болѣе глубокомъ изслѣдованіи древне-римскихъ національныхъ отношеній и принциповъ. И потому дѣло Савиньи осталось также отрывкомъ, и вся фаза подъема, представленная имъ и исторической школой права, должна быть рассматриваема уже какъ явленіе прошлаго; она оставила мало слѣдовъ не только практическихъ, но и теоретическихъ. Да и какъ же можно было, опираясь просто на осколки римской юриспруденціи, при полномъ почти подчиненіи ея авторитету, т. е. съ однимъ классическимъ пуризмомъ дойти до суверенной точки зрѣнія, съ которой можно было бы рѣшать вопросъ не о фрагментахъ, а о непосредственной правовой логикѣ, о фактическомъ пониманіи цѣнности или негодности теорій, обычаевъ и законовъ!

7. Только спустя полстолѣтіе со времени моего первоначальнаго изученія права, пришелъ я къ мысли непосредственно и близко ознакомиться съ геттингенцемъ Гуго по всѣмъ различнымъ его сочиненіямъ; меня побуждали къ этому желаніе пополнить свое сужденіе объ исторической школѣ и односторонность спеціальной школьной традиціи, называвшей Гуго только мимоходомъ, но не выдѣлявшей его. Не мало было мое удивленіе, когда я нашелъ, что Гуго былъ, очевидно, несоразмѣрно отодвинутъ на задній планъ и приниженъ. Его различные учебники, охватывавшіе даже естественное право, составляли вмѣстѣ полный курсъ гражданскаго права. Наиболее извѣстной, по крайней мѣрѣ по заглавію, была его исторія римскаго права. Въ теченіе двѣнадцати изданій онъ продолжалъ дополнять ее; и вообще, его

учебныя руководства въ различныхъ изданіяхъ можно было считать почти новыми работами, причѣмъ, однако, прежнія изданія сохраняли свое самостоятельное значеніе. Самъ онъ, такимъ образомъ, считалъ за собою, не безъ права на то, сорокъ учебниковъ, свидѣтельствовавшихъ о его до глубокой старости живомъ и добросовѣстномъ рвеніи къ дѣлу.

Подъ конецъ онъ самъ жаловался на пренебреженіе, однако не указывалъ на его причину. Между тѣмъ, именно Савиньи съ его школой появился въ то время въ Берлинѣ; и тамъ, какъ я самъ могъ убѣдиться во время моего студенчества въ срединѣ пятидесятихъ годовъ, имя покойнаго геттингенскаго профессора при случаѣ упоминалось, правда, какъ имя перваго основателя исторической школы, но больше, о немъ ничѣмъ не проговаривались. Тогда это мнѣ еще не бросалось въ глаза. Но потомъ я научился лучше распознавать ученое соперничество и его приемы. Подъ конецъ, я совершенно пересталъ сомнѣваться въ томъ, что если здѣсь не играли роли личныя свойства и самолюбіе Савиньи, то, во всякомъ случаѣ, отношеніе его ближайшихъ, прямыхъ и косвенныхъ учениковъ и приверженцевъ привело къ тому, что первый и главный основатель исторической школы права былъ устраненъ съ горизонта новѣйшаго поколѣнія. Основатели совершенно новыхъ направленій уже сами по себѣ не могутъ быть столь незначительными, чтобы, будучи однажды признанными, потомъ навсегда исчезнуть съ горизонта къ пользѣ ближайшихъ продолжателей ихъ дѣла. Въ случаѣ съ Гуго это тѣмъ болѣе не такъ, что одинъ только онъ и былъ представителемъ законченной системы, тогда какъ Савиньи въ заключеніе просто увязъ со своею манерой во фрагментахъ.

Солидными были обѣ натуры, каждая на свой ладъ. Въ сильной степени консервативный Савиньи былъ въ своей сферѣ нѣсколько болѣе твердъ въ сужденіяхъ, такъ какъ работалъ въ болѣе тѣсной области; онъ былъ рѣшительно анти-революціоннаго образа мыслей, слѣдуя, по возможности, общей исторической традиціи. Между тѣмъ, Гуго, хотя и не очень сильно, но, все-таки, былъ подъ вліяніемъ естественно-правового направленія восемнадцатаго вѣка. Быть можетъ, послѣднее-то обстоятельство и было причиной, почему консервативно-историческое направленіе оставило его въ сторонѣ. Недавно я даже въ специальныхъ лексиконахъ могъ видѣть, какъ мало его знаютъ или желаютъ знать. Даже вещи внѣшняго характера, вродѣ точнаго списка его сочиненій, пренебрегаются, и нуженъ трудъ, чтобы отыскать ихъ слѣды и собрать ихъ вмѣстѣ, такъ какъ и большія бібліотеки удѣляютъ не слишкомъ много пристальнаго вниманія этому юристу.

Всѣ такія обстоятельства тѣмъ болѣе интересны, что Гуго былъ профессоромъ *par excellence*, конечно, въ хорошемъ смыслѣ слова. Онъ старался дѣйствительно о чемъ-то такомъ, чему можно было бы учить, о чемъ то связаномъ и широко въ исторіи и въ системѣ. Онъ вѣрилъ въ свое дѣло и по-

свящалъ ему въ теченіе всей своей жизни всѣ силы. Его критическія способности были, конечно, не вездѣ и не во всѣхъ направленіяхъ достаточными; но онъ, все-таки, сумѣлъ въ развитіи древне-римскихъ теорій отыскать различіе въ исходныхъ пунктахъ и позиціяхъ, поскольку вообще здѣсь можно было установить что-нибудь твердо. Вообще, возвратъ къ древне-римскому праву и его исторіи былъ достойнымъ признательности шагомъ впередъ по сравненію съ прежней совершенно рабской манерой пользоваться византійской библіей права.

Къ содержанію нашего сочиненія о соціальномъ спасеніи вполнѣ относится взглядъ на состояніе юриспруденціи; но мы ушли бы слишкомъ далеко отъ темы, если бы захотѣли болѣе подробно изложить преобладающую долю участія Гуго въ установленіи исторической точки зрѣнія въ ученіи о правѣ. Наоборотъ, одна изъ его слабыхъ сторонъ вполнѣ относится къ нашей темѣ. При всей своей историчности, Гуго былъ не особенно тактиченъ по отношенію къ безусловному значенію принципа собственности и даже по отношенію къ абсолютному значенію брака. Изъ высказаннаго имъ по этому поводу можно замѣтить, что ему не хватало здѣсь, такъ сказать, математически твердаго убѣжденія. Изъ естественнаго права, которое само было въ этомъ пунктѣ не твердо, такого убѣжденія онъ почерпнуть не могъ; а исключительно положительная юриспруденція древне-римскихъ юристовъ не была въ состояніи дать въ этомъ направленіи чего-нибудь дедуктивно установленнаго. Институты вродѣ собственности и брака предполагались какъ бы данными, и уже изъ такого предположенія выводились слѣдствія. О причинахъ возникновенія и первоосновахъ этихъ институтовъ римскіе юристы не заботились; даже просто въ опредѣленіяхъ того, что было дано, они оказывались довольно часто слабыми и неловкими. Какъ же могъ тотъ, кто ихъ уровень считалъ высокимъ, добратся до твердой логики вещей и до основаній!

8. Если у Савиньи нельзя отыскать подобной нетвердости, то причиной этого былъ его консерватизмъ, но не вліяніе анализа древне-римской юриспруденціи. Послѣдняя, какъ сказано, держалась нейтрально, такъ какъ она не занималась послѣдними причинами правовыхъ институтовъ, т. е. не занималась дедукціями собственности и брака изъ ихъ первопричинъ. Даже въ своихъ обобщеніяхъ она, въ сущности, не вышла за предѣлы рецептивнаго отношенія, принимающаго вещи просто какъ онѣ есть. Савиньи же считалъ даже важнымъ правильно воспроизвести эту манеру по источникамъ. Такъ, на примѣръ, онъ старался вновь установить въ точномъ смыслѣ римскихъ юристовъ значеніе выраженій *jus civile*, *jus gentium* и *jus naturale*. *Jus civile* есть національное право въ томъ видѣ, въ какомъ оно выросло изъ особенныхъ прирожденныхъ свойствъ римскаго народа, въ отличіе отъ права другихъ народовъ. Въ противоположность этому *jus gentium* представляетъ собою не то, что мы теперь называемъ международнымъ правомъ,

но то частное право, которое остается въ видѣ абстрактнаго обобщенія, если мы отвлечемся отъ различій въ правахъ разнообразныхъ племенъ и обратимъ внимание только на нѣчто общее имъ всѣмъ. Оба эти понятія могутъ быть удержаны и всегда могутъ быть примѣнены тамъ, гдѣ имѣются еще налицо ясно выраженные національныя свойства, которыя противоплагаются отвлеченному международному частному праву.

Что касается третьей категоріи, *jus naturale* римскихъ юристовъ, то она также была принята Савиньи и правильно зарегистрирована; но какъ была она смутной, такою осталась она и въ рукахъ пуристовъ; и еще того меньше могла примкнуть къ ней критика. Естественнымъ правомъ, по мнѣнію римскихъ юристовъ, должно быть такое, которому природа научила всѣхъ животныхъ. Природа, вообще, не учитъ никакому праву, развѣ только мы захотимъ считать орудіемъ природы человѣческой мозгъ съ его значеніемъ и дѣятельностью въ сферѣ образованія нравственности и права. Но понимать всѣ акты животной жизни какъ право, значитъ уже заставить понятие о правѣ расплыться въ полную неопредѣленность. Самъ Савиньи имѣлъ о правѣ только очень смутныя, чтобы не сказать,—туманныя представленія. Онъ выражался о немъ не прямо, съ убѣжденіемъ, но только съ помощью сравненій. Любимымъ у него было сравненіе съ языкомъ. Подобно языку, право, по его мнѣнію, должно быть чѣмъ-то, возникшимъ путемъ положительнаго процесса, чѣмъ-то, обусловленнымъ фактической принудительностью историческаго хода вещей; и поэтому въ правѣ можно дѣлать измѣненія только постепенно и понемногу. Но, вѣдь, происхожденіе и развитіе языка является не меньшей естественно-научной и культурной проблемой, чѣмъ образование права. Итакъ, этой метафорой не достигается ничего серьезнаго. Римскіе же юристы своимъ естественнымъ правомъ едва ли имѣли въ виду выразить что-нибудь важное, кромѣ отношенія двухъ половъ; да и здѣсь, вѣдь, не должно было смѣшивать человѣчески-нравственной формы отношеній съ животною безразличностью.

Заблужденіе состоитъ въ томъ, что на опредѣленно выраженные учрежденія чѣмъ-либо выдающихся народовъ не смотрятъ, какъ на болѣе совершенное свидѣтельство подлинной и естественной человѣчности. Въ учрежденіяхъ могутъ, конечно, воплотиться крайніе взгляды, какъ, на примѣръ, въ римсечь агнатовъ (позднѣе, впрочемъ, исчезнувшіе); но отсюда отнюдь нельзя было выводить то полное разложеніе, которое наступило подъ конецъ и нивелировало все. Савиньи нимало не обезпокоился такимъ ходомъ вещей, но держался по отношенію къ браку просто средневѣковой религиозной традиціи, причемъ въ области протестантскаго законодательства защищалъ необходимость затрудненія разводовъ. Въ его собственной семьѣ получило даже перевѣсъ, благодаря женѣ, католическое воспитаніе. При наличности подобныхъ вещей, разумѣется, нельзя было ожидать въ указанномъ пунктѣ

сколько-нибудь естественной и глубокой критики. Въ сопоставленіи съ этимъ неувѣренность Гуго, нѣсколько скептическая по отношенію ко всему институту, кажется даже, скорѣе, преимуществомъ. Въ общемъ итогъ отъ обоихъ направленій остается только то, что какъ естественно-правовыя, такъ и историческія традиціи всякаго рода до сихъ поръ не помогали и вообще не принесли съ собою ничего достаточно надежнаго; если онѣ что и укрѣпили, такъ только развѣ ограниченное реакціонерство.

Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ собственностью, если спрашивать тамъ объ абсолютныхъ принципахъ. Формальная юриспруденція уже у римлянъ обходилась помощью *usucapio* или, позднѣе, просто помощью давности владѣнія. Такого рода юриспруденція остерегалась даже въ теоріи задавать вопросъ о первоначальномъ происхожденіи собственности. Она, скорѣе, направляла всѣ усилія къ тому, чтобы обойти этотъ вопросъ. И дѣйствительно, среди продуктовъ хищнической политики, которые должны были считаться справедливою собственностью, для юристовъ, какъ послушныхъ слугителей того, что однажды было установлено, другого выхода не оставалось. Но здѣсь и завязывается узелъ, здѣсь и обнаруживается, въ какой степени одна юриспруденція, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, создаетъ лишь полу-право, оставляя въ покоѣ другую половину права. А гдѣ, какъ у Савиньи, подъ правомъ понималось расширеніе господства (что было уже болѣе римскимъ, чѣмъ сами римляне и, во всякомъ случаѣ, не особенно вязалось съ любимымъ сравненіемъ съ языкомъ), тамъ специфическое понятіе права было утрачено и оставалась одна только голая фактичность, предъ которой должно было преклоняться!

9. Исторически-позитивное отношеніе къ праву было хоть и недостаточнымъ, но въ тѣсной области своихъ спеціальныхъ изслѣдованій и при солидности ихъ—несомнѣнно цѣннымъ. Поэтому Гуго и Савиньи въ своемъ направленіи работали не даромъ. Наоборотъ, философастрія, противопоставившая себя этому направленію въ 19-мъ вѣкѣ, оказалась совершенно невмѣняемой. Уже то не было хорошо, что Гуго немного затронулъ кантовскую естественно-правовую премудрость и кое-гдѣ поневолѣ оказался подъ ея вліяніемъ. Философствующимъ, по большей части, не хватаетъ положительныхъ спеціальныхъ знаній, которыя они и стараются замѣнить необдуманымъ примѣненіемъ своихъ категорій; при этомъ, почти безъ исключеній, они только искажаютъ эти знанія. Кантъ не имѣлъ даже яснаго понятія о римскомъ *jus in re*. Онъ игралъ многочисленными комбинаціями словечекъ „лично“ и „вещественно“ прямо такъ, какъ будто бы дѣло шло объ исчерпываніи всѣхъ чисто внѣшнихъ сопоставленій.

Совершенно худо, однако, дѣло стало въ девятнадцатомъ вѣкѣ, поскольку оно прикрывалось Гегелемъ. Тамъ надо было за какую угодно цѣну выпустить что-нибудь наперекоръ исторической школѣ права. Самъ Гегель

сфабриковалъ безсодержательную книгу, которая должна была представлять приблизительно матерьялъ естественнаго права и философіи права. Правда, мнимая діалектика, царившая тамъ, не выставляла слишкомъ ужъ наружу отдѣльныхъ костей своего скелета, такъ какъ это было бы для нея слишкомъ невыгодно—а она вѣрила въ себя еще слишкомъ мало; однако подъ сурдинку эту антилогическую путаницу тамъ пускали въ дѣло. Это была приправа, надъ которой долженъ смѣяться тотъ, кто однажды разглядѣлъ способъ ея приготовления. Тѣмъ не менѣе, бессмыслица въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ въ теченіе всего столѣтія и до нашихъ дней постоянно находила для себя любителей; эти любители жаждали какъ-нибудь, по-университетской или не по-университетской манерѣ во что бы то ни стало создать философское направленіе въ противоположность историческому.

Уже съ самаго начала къ этому пекущемуся о философіи противоположенію примѣшался антинаціональный еврейскій интересъ. Если даже теоріи Савиньи поддерживали исключительно римскій націонализмъ, то, все-таки, этотъ націонализмъ не былъ націонализмомъ, вылинявшимъ въ общее мѣсто и потому подходящимъ только для самой низшей, самой плохой ступени человѣчности, такъ сказать, только для животной ея формы; націонализмъ послѣдняго сорта нельзя было бы восхвалять съ точки зрѣнія классицизма. Евреямъ же нравился, и нравится именно такой „націонализмъ“, ибо за ширмой самыхъ обиденныхъ, чтобы не сказать—самыхъ низменныхъ, человѣческихъ правъ евреи хотятъ спрятаться сами: они замышляютъ такимъ манеромъ всюду контрабандой пролѣзть въ міръ со своими націоналистическими ухватками и барышничествомъ.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ я, по своему тогдашнему еще юношескому невѣдѣнію, беспокоился и о такихъ литературныхъ продуктахъ, о которыхъ, если бы не это обстоятельство, я теперь бы даже не упомянулъ. Такъ, я изучалъ сочиненія извѣстнаго Ганса, который изрекъ *) нѣкоторое количество томовъ о мнимомъ всемірно-историческомъ правѣ наслѣдованія; при этомъ онъ такъ долго сервировалъ нелѣпую гегелевскую капусту, пока самъ не задохнулся въ попыткахъ соорудить и огегельянить что-нибудь изъ средневѣковыхъ кочерыжекъ. Тутъ ужъ онъ прямо признался, что гегелевская діалектика отказывается служить (крещеный еврей этотъ былъ, между тѣмъ, ординарнымъ профессоромъ на юридическомъ факультетѣ въ Берлинѣ), а затѣмъ, по-еврейски обдѣлывая гешефтъ, приспособился къ необходимому *modus vivendi* съ своими историческими, а не діалектическими учеными коллегами.

Какъ философасть, онъ уже достаточно скомпрометировалъ себя своимъ

*) Непереводаемая игра словъ: *Gans* по-нѣм. значитъ „гусь“, *hingeschnattert hat* = „прогоготалъ“.

кривляньемъ, напустивъ диалектическаго туману, на примѣръ, въ положеніе Савиньи о томъ, что владѣніе, въ противоположность собственности, есть просто фактъ, г. Гансъ, наоборотъ, утверждалъ, что простое владѣніе есть уже право. Подобная вещь была полнѣйшимъ смѣшеніемъ понятій, ибо римскій интердиктъ не охранялъ ни отъ чего, кромѣ насилія, которымъ могло быть нарушено временное фактическое владѣніе, каковое насиліе онъ и исключалъ. Здѣсь рѣшающимъ было, по существу, *vim fieri veto*. Преторъ предписывалъ миръ, т. е. предписывалъ удерживаться отъ насильственныхъ дѣйствій и такимъ образомъ устранялъ всякое нарушение бывшаго налицо факта владѣнія. Этимъ онъ официально, со стороны правительства, отмѣчалъ такое нарушение какъ криминалъ, все равно былъ ли здѣсь правъ или не правъ тотъ, кто къ тому времени фактически владѣлъ вещью, т. е., на примѣръ, участкомъ земли.

Конечно, и Савиньи въ своемъ отдѣльномъ обширномъ изслѣдованіи о владѣніи не смогъ вполне устранить, съ своей точки зрѣнія, того хаоса понятій о естественномъ и о гражданскомъ владѣніи, который царствовалъ въ этой области у римскихъ юристовъ, не смогъ потому, что стремился просто только возстановить старую теорію, т. е. очистить ее отъ искаженій позднѣйшихъ и новѣйшихъ вѣковъ. Тѣмъ не менѣе, его работа стоитъ несравнимо высоко надъ невѣжественной поверхностностью философовъ, которая противопоставилась ей какъ нѣкая Гансова (т. е. гусиная) мудрость. Вообще съ тѣхъ поръ становилось все болѣе и болѣе яснымъ,— и я изъ всего изслѣдованія исторіи самыхъ различныхъ литературъ могъ вполне въ этомъ убѣдиться,—что вмѣшательство такъ называемой философіи въ положительное специальное знаніе, да и во всякое солидное установленіе фактовъ, всегда приносило вредъ. Причина здѣсь можетъ быть только въ томъ, что совершенно не было настоящаго мышленія; вмѣсто мышленія было только коверканіе и затемненіе фактовъ добросовѣстнаго изслѣдованія. Наоборотъ, настоящее мышленіе старается, чтобы заблужденіямъ фантази были поставлены еще большія препятствія, чѣмъ это могутъ сдѣлать голые факты specialнаго знанія сами по себѣ безъ общаго логическаго ориентированія.

10. Философы не одни вредили исторической фактичности. Другого рода ученые гады были еще болѣе зловредны, такъ какъ ихъ назначеніе заключалось прямо въ томъ, чтобы, прикидываясь послѣдователями историческаго направленія, извратить самую сущность этого направленія. Наиболѣе слабый пунктъ у Савиньи послужилъ имъ точкой опоры. Этотъ ученый въ своихъ личныхъ воззрѣніяхъ сохранилъ многое изъ традиціи средневѣковаго религіонизма, который, однако же, лишь въ слабой степени повліялъ на его собственное изслѣдованіе предмета. Но скоро отыскался дѣлецъ-еврей, который сталъ спекулировать новымъ направленіемъ и подѣ

его флагомъ обдѣлывать по-еврейски такъ называемую философію права. Онъ былъ сдѣланъ въ послѣдствіи,—притомъ не безъ вины самого Савиньи,— профессоромъ на юридическомъ факультетѣ въ Берлинѣ. Сначала онъ назывался Шлезингеромъ, а при крещеніи получилъ фамилію Шталя. Выразительность его восточной фізіономіи позволила бы отличить его среди милліоновъ. Не менѣе выразительнымъ и, кромѣ того, отвратительнымъ по неряшливости стиля было внесеніе имъ религіознаго еврейско-христовскаго элемента въ такъ называемую философію права, гдѣ онъ и скомпилировалъ право для консервативныхъ рыцарей креста. А эти послѣдніе сдѣлали его своимъ главнымъ политическимъ вожакомъ.

Изъ этого примѣра видно, что, гдѣ не можетъ держаться и натывается на противодѣйствіе обезображивающее вліяніе философовъ, тамъ есть еще возможность внести такое же вліяніе со стороны религіонистовъ. Отецъ упомянутаго Шлезингера-Шталя былъ торговецъ скотомъ и торговалъ своимъ товаромъ среди консервативныхъ жителей южной Германіи. Сынъ орудовалъ другими товарами среди прусскихъ консерваторовъ. Сынъ былъ, такъ сказать, представителемъ господъ extra-по-христіански кривляющагося еврейскаго типа; эти господа отлично проникаютъ туда, куда прочему еврейству двери закрыты. Шлезингеръ-сынъ усердствовалъ, кстати, еще и противъ смѣшанныхъ браковъ—удивительно комичная вещь у того, кто былъ обязанъ своимъ профессорскимъ положеніемъ снисходительности Савиньи, который самъ жилъ въ смѣшанномъ бракѣ!

Чтобы привести здѣсь на пробу принципъ изъ шлезингеръ-шталевской философіи права, можно указать, что новый, полный еврейскаго бога, христіанинъ, въ противоположность Гегелю, особенно напиралъ на фразу: не философія—цѣль Бога, а Богъ—цѣль философіи, разумѣется,—его, шлезингеровской, философіи. Вотъ какая вещь стала суррогатомъ дѣйствительнаго мышленія и послѣдовала въ берлинскомъ университетѣ за гегельянствомъ для вящаго извращенія науки. Итакъ, зданіе исторической школы права въ духѣ Савиньи открыло, такъ сказать, лазейку евреямъ; это обстоятельство не въ очень—то хорошемъ свѣтѣ показало вообще историческую школу. Правда, шлезингеровщина, съ теченіемъ научныхъ дѣлъ, довольно скоро прошла, и теперь даже въ консервативныхъ кругахъ можно найти развѣ только слабые ея отголоски. Однако въ свое время она, въ нѣкоторой степени, загрязнила историческую школу; и было бы много лучше, если бы школа эта осталась незатронутой подобными послѣдователями, совершенно не подходящими къ ея духу. Но именно тутъ-то и было ея слабое незащищенное мѣсто, причемъ этой слабостью отличалась личность самаго Савиньи. Къ такому человѣку, какъ Гуго, конечно, не пристало бы что-нибудь вродѣ шлезингеровскаго іудо-христовства.

11. Если теперь мы посмотримъ, какъ обезобразилась юридическая

ученость, противопоставляя себя историческому направлению или, подчасъ, подмѣшивая къ себѣ его обрывки, то натолкнемся на вѣдуниверситетскія, но испорченныя университетской выучкой персоны и на ихъ уродливыя литературныя произведенія. Позднѣе, на примѣръ, за эту ложную область очень неловко ухватился еврей Лассаль*). Цѣлые томы исписываетъ онъ о такъ называемыхъ пріобрѣтенныхъ правахъ, вездѣ гегельянствуетъ, хотя еще скудно и слабо, и не добирается ни до единой мысли, которая была бы дѣйствительно корректной съ точки зрѣнія юриста или, хотя бы, только выдѣлялась своею новизной. Во всякомъ случаѣ, нельзя же, вѣдь, считать за новостъ ту тривиальную мысль, что не должно быть никакого права на обирание личности и ея рабочей силы. Это социалистическое общее мѣсто вовсе не вязалось даже съ лассалевской дедукціей, претендовавшей на юридичность. Такъ называемыя пріобрѣтенныя права, *jura quaesita*, имѣютъ свой смыслъ только въ противоположеніи простымъ возможностямъ, которыя не сдѣлались еще чѣмъ-то дѣйствительнымъ и даннымъ, не сдѣлались непосредственными атрибутами и вооруженіемъ отдѣльной личности и потому какъ бы не воплотились еще въ ея собственность, въ составныя части того, что находится въ ея распоряженіи.

Когда задумываются измѣненія въ законодательствѣ, на первомъ планѣ должны быть поставлены пріобрѣтенныя права отдѣльной личности. Имѣть въ виду общія правовыя учрежденія, какъ, на примѣръ, дѣйствующее право наслѣдованія, обыкновенно здѣсь не слѣдуетъ, такъ какъ иначе измѣненія въ законодательствѣ раздвинулись бы слишкомъ широко. Во времена, когда тамъ и сямъ еще вѣрили въ социалистическія сильно дѣйствующія средства, конечно, естественно было со стороны юриспруденціи заняться съ точки зрѣнія общественныхъ вопросовъ темой о пріобрѣтенныхъ правахъ, которой обыкновенно занимались юристы-государственники. Упомянутый же Лассаль собиралъ преимущественно всякіе лоскутки романской юриспруденціи, которые онъ извлекъ во время своихъ занятій ею отъ первыхъ встрѣчныхъ, еще бывшихъ въ ходу профессоровъ. Такъ воображалъ онъ парадировать, но ничего такого изъ его широкоувѣщательнаго книгописанія не вышло. Подходилъ или нѣтъ къ предмету набранный имъ хламъ,—все равно, его надо было выставить на показъ, ибо онъ долженъ былъ свидѣтельствовать о томъ что и еврей разодѣтъ въ надлежащую ученость. Мы, съ нашей стороны, конечно, сразу же увидѣли здѣсь только примѣръ вывороченнаго на изнанку и сбившагося съ пути юридическаго лжеобразования. Если даже оставить въ сторонѣ примѣшанную сюда гегелевщину, то уже одни историческіе рефлексы выглядятъ рѣдкостнымъ образомъ. Это были просто кривлянья.

*) Дюрингъ пишетъ *Lassal*, а не *Lassale*, какъ передѣлалъ свою фамилію Лассаль съ еврейскаго на французскій ладъ.

И здѣсь Лассаль не обнаружилъ ни малѣйшаго пониманія неискаженной фактичности и подлиннаго историческаго метода.

То аляповатое гегельянство *), Лассаля, которое знакомо публикѣ большею частью по его демагогическимъ агитаціоннымъ сочиненіямъ, сопровождалось, все-таки, нѣкоторой оригинальностью, такъ какъ онъ пытался отмежевать для себя въ экономической области популярныя направленія и дать общедоступное ихъ изложеніе. Но въ книгахъ съ претензіями на юридическое содержаніе нельзя найти слѣдовъ даже и такого, все же характернаго, отпечатка. Гегельянство и грубость стилия отнюдь не могли здѣсь найти такого широкаго примѣненія, какъ въ памфлетахъ, касавшихся ученія о народномъ хозяйствѣ. Все это мертворожденное предпріятіе съ объемистымъ и неуклюжимъ сочиненіемъ, которое вовсе не излагало своей темы о пріобрѣтенныхъ правахъ, а цѣлило мимо нея, приведено здѣсь только для примѣра и доказательства: оно показываетъ, какія незванья и уродливыя примѣси угрожаютъ, въ особенности съ еврейской стороны, такой сравнительно недурной традиціи, какъ историческая школа права.

Кого удивить, что мы назвали здѣсь Лассаля, а не Маркса, тотъ пусть вспомнить, что именно Лассаль могъ указать у себя на нѣкоторое, хоть и плохое, юридическое образованіе, тогда какъ Марксъ въ теченіе всей своей жизни оставался безъ всякаго слѣда такого образованія и все время жевалъ одну только экономію и капиталъ. Оба были по существу (хоть и въ очень разной степени) евреями и гегельянцами и сходились нѣсколько только въ этомъ; но такое обстоятельство еще не дѣлаетъ ихъ какъ бы парой нераздѣлимыхъ близнецовъ. Наоборотъ, со стороны Маркса имѣлась налицо злобная ревность и вражда къ болѣе молодому и болѣе практичному демагогу,—вражда, продолжавшаяся и по смерти Лассаля. Въ Лассалѣ, который былъ расовымъ евреемъ, гораздо менѣе проявлялся еврей; даже наоборотъ, Лассаль самъ, при случаѣ, обращался противъ слишкомъ сильно выступающаго еврейскаго характера дѣятельности. А Марксъ хоть былъ и крещенъ, но вель свои дѣла и агитаціи совершенно по манерѣ *alliance israélite*, съ замаскированнымъ паролемъ: евреи всѣхъ странъ, соединяйтесь!—ибо, вѣдь, это и есть собственно настоящій смыслъ фразы манифеста 1848 года: „рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Этотъ истинный смыслъ фразы, интересной повсюду только для большинства еврейства, въ теченіе болѣе, чѣмъ полустолѣтія, раскрывался все больше и больше. Хотя Лассаль лично былъ, по меньшей мѣрѣ, столь же тщеславенъ, какъ и Марксъ, все же, онъ только неволью и отнюдь не принципиально агитировалъ въ интересахъ еврейства. И докторальный тонъ тоже не шелъ къ нему, тогда какъ, наоборотъ, Марксъ въ профессорской ро-

*) Непереводаемая игра созвучій: *Hegel-und Flegelthum*.

скоши цитатъ самага дурного тона и въ ссылкахъ на университетскіе авторитеты искалъ свою силу и свою опору. Второй изъ названныхъ былъ нѣсколько старше возрастомъ, но пережилъ перваго. По первымъ, совершенно неуклюжимъ произведеніямъ Маркса Лассаль могъ, конечно, усвоить себѣ и тоньше обработать то ложное положеніе, что капиталъ есть, будто бы, историческая категория, т. е. когда-нибудь долженъ исчезнуть. Такие абсурдные выводы, возможные въ области новогегелевской диалектики, однако, еще не заставляютъ обратить вниманіе на какую-нибудь существенную общность идей у обоихъ или поднять сколько-нибудь серьезный вопросъ о плагиатѣ.

Лассаль съ его ложной манерой является поэтому менѣе ограниченнымъ конкурентомъ, но не подражателемъ Маркса. Совершенно осуждая его юридическое убожество, мы по справедливости должны были указать на относительное, преимущество его передъ Марксомъ, который былъ исключительно только капиталъ демагогомъ. Если развитіе социалдемократической партіи шло почти исключительно въ духѣ пережившаго своего соперника Маркса, такъ это понятно: не было еще одного еврея, который бы противорѣчилъ и работалъ наперекоръ другому еврею. Берлинъ и прусская социалдемократія отнюдь не попали бы въ руки марксистовъ, если бы Лассаль, болѣе ловкій демагогъ, не кончилъ своихъ дней такъ позорно и преждевременно на легкомысленно затѣянной дуэли. Впрочемъ, здѣсь мы заняты не этими второстепенными обстоятельствами, но тою границей, гдѣ юридическая область на самомъ дѣлѣ соприкасается съ фундаментальными социальными вопросами.

12. Въ этой главѣ мы почти исключительно сосредоточили наше вниманіе на частномъ правѣ. Два основанія побуждаютъ къ такому концентрированію вниманія. Во-первыхъ, теорія частнаго права есть единственная теорія, которая въ области юриспруденціи можетъ, до извѣстной степени, считаться научной: по сравненію съ частнымъ правомъ другія вѣтви права теоретически всегда были оформлены весьма несовершенно. Римская традиція въ этомъ послѣднемъ отношеніи не сдѣлала ровно ничего такого, что имѣло бы какое-нибудь полезное примѣненіе у новыхъ народовъ. Второе основаніе, по которому мы имѣли въ виду преимущественно частное право, это—фундаментальное значеніе его главныхъ институтовъ, т. е. собственности и брака, для общественнаго строя.

Семь вѣковъ изученія посвящены были романской традиціи, со времени ея начала въ Болоньѣ, самыми разнообразными культурными народами, въ особенности итальянцами, французами и въ меньшей степени—нѣмцами. Что же, въ концѣ концовъ, вышло изъ этого, если даже смотрѣть съ точки зрѣнія новѣйшаго нѣмецкаго обновленія штудій и изслѣдованія? Немножко больше филологическаго и антикварнаго знанія древне-римскихъ источниковъ права и области ихъ приложенія! Это—маловато для слишкомъ долгаго путе-

шествiя отъ Болоньи до Берлина, отъ глоссаторовъ до настоящихъ историковъ—комментаторовъ и пуристовъ—возстановителей неподдѣльно-римскихъ элементовъ права.

Какъ объяснить такую, сравнительно, большую бесплодность? Мы имѣемъ для этого только одно объясненiе, приведенное уже въ заглавiи нашего настоящаго отдѣла. Слово холопство, конечно, слишкомъ сильно для только теоретической зависимости; въ развитiи нашей темы оно и принимается въ иномъ значенiи. Оно должно было подчеркнуть физиономiю того характернаго рода зависимости, который съ необходимостью слѣдуетъ изъ подчиненiя юстиции политикѣ, и притомъ дурной, даже разбойничьей политикѣ. И надо помнить, что одинъ родъ зависимости способствуетъ другому при помощи образующихся отъ него привычекъ. Вотъ почему и зависимость отъ авторитета римскихъ доктринъ произошла, въ нѣкоторой степени, отъ внѣшней, такъ называемой, рецепци римскаго права и отъ общественно-обязательной силы, приданной буквальному смыслу правовой библии. Представленiе, что всякое болѣе тонкое пониманiе права воплощается въ *corpus'ŷ juris*, несмотря на явное преувеличенiе, несомнѣнно содержало въ себѣ долю истины, если взвѣсить контрастъ римскаго права съ неуклюжимъ по формѣ и варварскимъ по содержанiю правовымъ мышленiемъ болѣе неразвитыхъ народовъ; и хотя византiйская стряпня, конечно, никуда не годилась, и она не могла, все-таки, опустошить въ пандектахъ всего, такъ чтобы не осталось и слѣда отголосковъ лучшаго духа.

Эти отголоски приобрѣли бы большее влiянiе, если бы ихъ восприняли независимые умы, обладателями которыхъ были бы мыслители въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но въ той формѣ, какую дѣйствительно приняла теорiя, она до конца не вышла изъ рамокъ простой передачи по авторитету указанныхъ отголосковъ. Мы не безъ умысла указали на этапы историческаго изученiя права и соотвѣтственнаго ему *soi disant* изслѣдованiя. Эти литературныя памятники и особенно наше критическое пониманiе ихъ должны были установить, чего не достаетъ этимъ памятникамъ, въ чемъ состоитъ ихъ двойной недостатокъ. Первый недостатокъ ихъ тотъ, что укоренившаяся и въ теченiе ряда столѣтiй не исчезнувшая зависимость помѣшала серьезно занять точку зрѣнiя, стоящую выше римской правовой традици, т. е. помѣшала сдѣлать методы и понятiя древне-римскихъ юристовъ, считаемыхъ классическими, предметомъ независимаго изслѣдованiя, свободнаго отъ всякихъ ссылокъ на авторитеты. Второй недостатокъ—тотъ, что было упущено занятiе сколько-нибудь рѣшительной позици по отношенiю къ основнымъ социальнымъ вопросамъ. Что же можно было сдѣлать при такомъ положенiи вещей? Съ простымъ авторитетомъ положительнаго ученiя о правѣ, которое не доказывало правомочности важнѣйшихъ правовыхъ институтовъ, но просто

предполагало ихъ данными, ровно ничего нельзя было начать въ указанномъ направленіи.

Такимъ образомъ въ юридической области все должно было остаться, въ сущности, по старому, и даже лучшіе юристы не могли въ своемъ мышленіи подняться выше простого примыканія къ традиціи. Между тѣмъ именно въ области частнаго права въ высшей степени необходимо было рѣшительное, абсолютно - радикальное движеніе противъ quasi - радикальной нелѣпости, воображающей, что можно на скорую руку покончить съ фундаментальными учрежденіями всякаго болѣе высоко развитаго общества, рассчитывая на скотскую нивеллировку въ будущемъ общественномъ варварствѣ и угождая самымъ безпутнымъ вождедѣніямъ.

Съ своей стороны, я положилъ начало эмансипаторскому направленію, изслѣдуя, въ противоположность традиціи по авторитету, главнѣйшіе римскіе правовые институты въ тѣхъ составныхъ частяхъ ихъ, которыя даже не доходили до полнаго сознанія древнихъ классическихъ юристовъ. Послѣдніе до такой степени привыкли къ своей традиціи, восходившей къ самымъ древнимъ временамъ, что не ощущали въ себѣ никакого противорѣчія этой традиціи и потому не находили повода особенно отгнѣять характерныя черты стараго римскаго права. Мы же, люди новаго времени, имѣемъ всѣ поводы сопоставить первоначальныя формы, исходившія отъ сравнительно хорошо одаренныхъ народовъ, съ нашими стремленіями и посмотрѣть, въ какія формы отливалась высшая человѣчность и въ какихъ формахъ она еще лучше можетъ вылиться въ будущемъ. Бракъ еще больше, чѣмъ собственность, можетъ послужить особенно поучительнымъ примѣромъ для рѣшенія подобнаго рода вопросовъ. Бракъ у древнихъ римлянъ менѣе всего былъ институтомъ, имѣвшимъ въ виду равенство въ правахъ половъ. Мужчины разграничивали сферы дѣйствія только между собою; женщина была первоначально и оставалась большею частью и послѣ того, въ сущности, пассивной: по крайней мѣрѣ, это было такъ, пока специфически-римская семья стояла твердо и сохраняла свое значеніе, хоть женщина и была тамъ вооружена разными частными правами и защищена добрыми нравами. Въ сравненіи съ этимъ, пониманіе брака, проникшее въ современное право, является до извѣстной степени противоположнымъ; при строгомъ изслѣдованіи оно оказывается даже неестественнымъ, а потому полнымъ всяческой неувѣренности, чтобы не сказать, — прямо несостоятельнымъ.

Если бы Савиньи, вмѣсто того, чтобы ходить на помочахъ средневѣкового пониманія брака, лучше понялъ духъ древнеримскаго института, онъ не сталъ бы стараться затруднить разводъ. Да и въ своемъ отношеніи къ собственности могъ бы онъ поглубже вникнуть въ причины ея возникновенія, если бы, разумѣется, критика его сумѣла подняться выше древнеримскаго анализа. Древнеримскіе юристы были связаны тѣмъ, что имъ надо

было оставить въ силѣ собственность на рабовъ, а также и многое другое. Вообще, хищничество, обнаруженное въ завоеваніи міра и въ разномъ лихоимствѣ, было помѣхой дѣйствительной свободѣ въ формулированіи теоріи. Но потому-то и пріобрѣтаетъ нѣкоторое значеніе тотъ фактъ, что римляне вначалѣ достигли относительно хорошихъ правовыхъ институтовъ, а кромѣ такого чисто дѣлового успѣха, создали еще теоріи права, выдающіяся по формѣ. Мы, стремясь нынѣ выйти изъ царства механики насилія, характеризовавшей до сихъ поръ исторію, имѣемъ всѣ поводы взвѣсить заразъ и преимущества, и недостатки римскаго права.

Уже одна юриспруденція, если она возродится, можетъ сдѣлать въ своей болѣе тѣсной области кое-что для истиннаго соціального уравненія и соціальной гармонизаціи. Во всякомъ случаѣ, она должна такъ эмансипировать себя, чтобы отпала всякая традиціонная зависимость; она должна позаботиться о томъ, чтобы съ своей стороны помочь созиданію дѣйствительнаго права. Такая помощь, разумѣется, мыслима въ томъ лишь случаѣ, если напередъ уже будетъ принята высшая точка зрѣнія, т. е. если будутъ имѣть въ виду право, стоящее выше законодательства, и даже не только это право, но и право, стоящее выше историческихъ фактовъ. Прежде чѣмъ, однако, мы подойдемъ ближе къ этой перспективѣ и къ нашимъ собственнымъ выводамъ, мы должны еще рассмотретьъ болѣе общія состоянія и отношенія, которыхъ смыслъ весьма важенъ не только самъ по себѣ, но и по своей интимной связи съ индивидуальными частными отношеніями, съ ихъ верховнымъ значеніемъ.

VIII.

ЛИЦЕМѢРІЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

1. Слово и понятіе право,—римское *jus*,—уже въ римскія времена имѣло слишкомъ нейтральный смыслъ; подъ нимъ часто безъ дальнѣйшихъ разговоровъ можно разумѣть и безправіе. И потому, если при обычномъ употребленіи слова называютъ кратко правомъ объективныя состоянія, относящіяся и къ праву, и къ безправію, то тутъ упускается изъ виду необходимое противоположеніе. Конечно, противоположность праву принадлежитъ къ той же области знанія, какъ и самое право. Но если бы всѣ уже не привыкли такъ къ одностороннему способу выраженія и если бы не притупилось такъ значительно чутье къ различіямъ, то производилъ бы комическое впечатлѣніе весь обычай говорить только о правѣ тамъ, гдѣ сильный перевѣсъ имѣется именно на сторонѣ безправія.

Нужно не только остерегаться обмана со стороны по-неволѣ слишкомъ абстрактнаго способа пониманія и обозначенія понятія; въ указанномъ упо-

требленіи слова и понятія скрывается еще иногда значительная доля вреднаго лицемѣрія. Это случилось въ особенности съ такъ называемымъ международнымъ правомъ, понимая подъ нимъ правовыя отношенія новѣйшихъ народовъ. Къ древнимъ противорѣчіямъ прибавились здѣсь еще религіозныя противорѣчія изъ временъ среднихъ вѣковъ и, въ особенности, христіанскія противорѣчія. Лицемѣрная игра въ филантропію дополнила собою въ недавнее время это политическое лицемѣріе. Такъ называемое гуманизированіе права войны стало сбивающимъ съ толку лозунгомъ, въ особенности со времени Женевской Конвенціи 1864 года. Отсюда, именно, произошла та ложная видимость, по которой выходитъ, что можно, будто бы, затронуть основное зло парой-другой ограниченій второстепенныхъ золь. Нѣсколько большее урегулированіе нѣкоторыхъ послѣдствій военныхъ ужасовъ—вотъ что только и получилось; но никакого иного эффекта не вышло изъ всѣхъ этихъ условій насчетъ пощады раненыхъ и больныхъ. Въ свое время, вскорѣ послѣ первыхъ серьезныхъ испытаній на войнѣ этого новаго quasi-права, я изслѣдовалъ подробно, какъ спеціалистъ дѣла, не только Женевскую Конвенцію съ ея предшествовавшей исторіей и вліяніемъ, но параллельно также и вспомогательныя къ ней добровольныя общества и ихъ отношеніе къ дѣлу; притомъ я изслѣдовалъ критически, т. е. подробнѣйшимъ образомъ, какъ мотивы, такъ и характеръ той и другихъ.

Въ тѣ времена, во всякомъ случаѣ, еще можно было вѣрить и предполагать, что ужъ если не государства вообще, то хоть тѣ элементы и личности, что особенно старались выдвинуться при конституированіи упомянутыхъ правъ на пощаду и вспомогательныхъ учрежденій, хоть эти-то элементы, говорю я, руководились мотивами истинной гуманности, достойными такого имени. Нѣсколько осмотрѣвшись въ общемъ состояніи такъ называемаго международного права и права войны, я увидѣлъ, что такое предположеніе сразу получило у меня нѣсколько пробоинъ во многихъ мѣстахъ, такъ что позднѣе, послѣ ряда дальнѣйшихъ опытовъ, я пришелъ въ главномъ къ противоположнымъ выводамъ.

Эгоистическіе интересы, какъ, на примѣръ, экстраординарныя выгоды врачей и тому подобнаго персонала, уже въ доктринахъ гуманности у женевцевъ оказывались преобладающими реальными побужденіями. И такой итогъ моихъ историческихъ и систематическихъ правовыхъ изслѣдованій не могъ меня особенно удивить. Вѣдь и все-то международное право и право войны не было собственно ничѣмъ инымъ, какъ такой формулировкой права насилія, въ которой преобладало вліяніе безправія, какъ въ обычаяхъ, такъ и въ заключеніяхъ мира, и въ иныхъ договорахъ! Какую же, сколько-нибудь значительную помощь могло оказать при такихъ обстоятельствахъ немножко меньшее пренебреженіе къ раненымъ, посредствомъ котораго хотѣли бороться съ жестокостями войны, возросшими съ развитіемъ новѣйшей тех-

ники вооруженій? Въ главномъ пунктѣ дѣла остались такими, какими были раньше; единственная польза, которую принесло констатированіе дурного положенія вещей, состоитъ въ слѣдующемъ: стали рѣшать специально, на основаніи особыхъ опытовъ, то, что не могло быть принято безъ усилій, а ргоп, или, по крайней мѣрѣ, не могло быть принято съ полною увѣренностью.

Филантропія знатоку человѣческой природы всегда должна была казаться подозрительной; но при такихъ новѣйшихъ особыхъ обстоятельствахъ дѣло было уже не въ подозрѣніи, а въ томъ, чтобы замѣнить подозрѣніе увѣренностью въ томъ или иномъ смыслѣ. Какъ мы подробно покажемъ далѣе, лживость мотивовъ, прикрывающихся словомъ „гуманность“, можетъ быть не только обнаружена, но и понята съ полнѣйшею ясностью. Должно сдѣлать ясно виднымъ все, что отклоняется отъ дѣйствительнаго права и подсовываетъ на его мѣсто плохо мотивированный суррогатъ; все подобное должно быть надлежащимъ образомъ заклеено, чтобы ложная видимость не мѣшала проведенію серьезныхъ и рѣшительныхъ мѣръ.

Политическое лицемеріе широко распространено и принимаетъ много различныя формы. Одинъ изъ его главныхъ приемовъ состоитъ въ томъ, чтобы ссылкой на что-нибудь общее, на примѣръ на отечество или человѣчество, прикрыть эгоистическіе, вовсе не общіе мотивы. Если ссылаются на гуманность или международность, то отсюда еще нимало не слѣдуетъ, что такія точки зрѣнія дѣйствительно положены въ основу. Въ дѣлахъ такъ называемаго международнаго права надо всегда принимать въ расчетъ, что вѣрный методъ долженъ принципиально не отдѣлять поведенія народовъ отъ поведенія отдѣльныхъ личностей. Обсужденіе поступковъ въ обоихъ случаяхъ должно слѣдовать однимъ и тѣмъ же принципамъ. Коллективности суть только совокупности отдѣльныхъ личностей и, кромѣ того, бываютъ и представлены отдѣльными лицами, а потому не можетъ быть никакого сомнѣнія насчетъ чисто личной отвѣтственности за каждое дѣло. На основаніи подобнаго же принципа и вообще должно быть оцѣниваемо и обсуждаемо моральное достоинство совокупностей и группъ.

Итакъ, если такъ называемое международное право, по большей части, оказывается международнымъ безправіемъ, то уже отсюда видно, каковъ былъ до сихъ поръ, въ среднемъ, духъ человѣческой природы. Гдѣ не было налицо юридическаго принужденія и гдѣ поэтому природа человѣка могла дѣйствовать такъ же, какъ въ нецивилизованномъ состояніи,—т. е. считаться только съ силой врага, но не съ какимъ-либо дѣйствительнымъ правомъ,—тамъ эта природа показала, выше какого уровня она не могла до сей поры подняться. Именно въ международномъ правѣ человѣческая натура больше всего обнаружила сверхъ-животное, которое мы и неоднократно отмѣчали въ ней.

2. Политическая географія, особенно если ее разсмотрѣть и сравнить по различнымъ эпохамъ, является свидѣтельствомъ наличности указанной существенной составной части въ такъ называемомъ международномъ правѣ. Откуда и какъ возникли всѣ границы странъ, которыя подъ конецъ образовали нынѣшній status quo различныхъ владѣній и царствъ? Изъ частью прямого, частью унаслѣдованнаго насилія! Накопленіе насильственныхъ дѣяній, какъ учить вся исторія, дало начало большимъ централизаціямъ, которыми думаетъ гордиться наша культура, не понимающая самое себя! Племена насильственно присоединялись другъ къ другу, и провинціи по частямъ пристегивались къ провинціямъ. Самые разнородные элементы вынуждены бывали жить рядомъ, и все это было плодомъ многоразличныхъ войнъ, которыхъ результаты все снова и снова приводили къ новымъ вооруженнымъ ссорамъ и къ разрѣшеніямъ ихъ съ помощью оружія.

Порабощенія народовъ рано или поздно несомнѣнно отмѣщаются. Своего рода міровая революціонная эра столѣтіе тому назадъ сдѣлала общими тенденціи къ распаденію и оживила порывы къ возстанію до нѣкоторой степени даже во внѣ-европейскихъ и колониальныхъ странахъ. Но международное право отъ этого не улучшилось. Одна форма варварства часто только уступаетъ здѣсь мѣсто другой, иногда худшей, формѣ. Къ прежнимъ безпутствамъ прибавляются еще безпутства возстаній, а гдѣ возстанія подавляются, тамъ выступаютъ на сцену репрессалии и обостреніе рабства. Плодъ первоначальной несправедливости не можетъ быть хорошимъ; распложеніе рабовъ создаетъ такія состоянія и такія свойства населенія, изъ которыхъ выходъ къ свободѣ дѣлается все болѣе труднымъ и, въ свою очередь, ведетъ къ самымъ грубымъ звѣрствамъ.

Если династическія вожделѣнія и войны были уже большимъ зломъ, то зло можетъ стать еще болѣе интенсивнымъ, если сами народы дѣйствительно и активно будутъ нападать другъ на друга съ ихъ національной взаимной ненавистью и скрывающейся подъ нею жаждой господства и грабежа. Вообще, войнъ, уже по самой сущности ихъ, нельзя гуманизировать. Онѣ являются напередъ уже чѣмъ-то анти-гуманнымъ, если только слово гуманный понимать въ смыслѣ болѣе благороднаго выраженія чело-вѣчности. Если же, взглянуть на звѣриную подоплеку чело-вѣческой природы, то худшими изъ всѣхъ окажутся собственно народныя войны, т. е. такія, въ которыхъ активно заинтересовано само населеніе, а не преимущественно его господа. Итакъ, чтобы отмѣтить только важнѣйшій пунктъ, нужно сказать: разъ цѣлью служитъ заполученіе возможности увеличить и расширить жизненные удобства, т. е. разъ дѣло идетъ о порабощеніи или истребленіи другихъ народностей въ пользу собственнаго національнаго племени, это варварство возрастаетъ въ высочайшей степени и превосходитъ жестокостью старья, просто династическія войны.

Конечно, національныя стремленія такого дурного рода рѣдко бываютъ всеобщими, такъ чтобы ими были охвачены всѣ слои и элементы. Обыкновенно здѣсь участвуютъ особые классы и сословія, непосредственно и преимущественно заинтересованные въ обираниі. А отъ этихъ слоевъ дурная соціальная тенденція переносится дальше и подъ девизомъ патриотизма можетъ даже искусственно вызвать значительное сочувствіе въ массахъ. Тогда получаютъ самыя отвратительныя, сами себѣ наперекоръ дѣйствующія грубѣйшія движенія. Уже и безъ того толпа носитъ въ себѣ склонности къ грубости. А на почвѣ, а отчасти и изъ почвы массъ вырастаютъ всѣ классы и сословія, которые нѣсколько отличаются отъ своей подосновы только родомъ специфическихъ интересовъ и соотвѣтствующей утонченностью.

Итакъ, если торговыя и индустріальныя вождедѣнія (о милитаристскихъ сословныхъ интересахъ съ ихъ само собою понятною тенденціей мы вновь говорить не будемъ), т. е. если хозяйственно - себялюбивыя стремленія стараются паразитически и насильственно сѣсть на шею другимъ народамъ и завоевать рынки, то войны, возникающія отсюда, выходятъ самыми отвратительными изъ всѣхъ войнъ. Но на такой путь и становится все больше и больше современный *soi-disant* культурный ходъ вещей. Къ традиціямъ и остаткамъ прежняго зла присоединяется еще грабежъ новаго фасона, который на своей цинической наглости осмѣливается еще ставить штемпель патриотической доблести! Въ такомъ-то экономически-преступномъ направленіи мы обрѣтаемъ чудесныя надежды на исправленіе и расширеніе нынѣшняго международнаго права въ нѣчто еще болѣе прекрасное, въ еще болѣе пріятныя состоянія!

Гдѣ частное владѣніе сочетается съ порабощеніемъ народовъ, тамъ наиболѣе ясно обнаруживается глубоко заложенная общая причина дурного состоянія права, обнимающаго обѣ области. Я здѣсь только мимоходомъ напомню тему о насильственной и хищнической собственности, много разъ трактованную въ моихъ сочиненіяхъ и ставшую почти тривиальной. Гдѣ, какъ въ главныхъ историческихъ случаяхъ, феодально-династическое завоеваніе было въ то же время и частнымъ присвоеніемъ земли и людей со стороны рыцарей, тамъ можно воочію убѣдиться, до какой степени такъ называемое международное право и право, которое должно было дѣйствовать внутри государства, оказываются ничѣмъ инымъ, какъ коллективнымъ дѣлежомъ награбленной разбоемъ добычи.

Не только норманны, т. е. не только вожаки рыцарскихъ бандъ типа Вильгельма Завоевателя, но и другія племена въ указанномъ пунктѣ насажденія международнаго права совершили исторически примѣчательнѣйшія вещи. Нѣмецкіе рыцари должны быть, къ сожалѣнію, вновь здѣсь упомянуты: они воздвигли себѣ памятники, которые и теперь еще, послѣ ряда вѣковъ, вызываютъ Немезиду, какъ, на примѣръ, въ балтійскихъ провинціяхъ. И вся

эта борьба за области, гдѣ пограничныя области, прежде занятыя другими народностями, постепенно занимались рыцарями креста и присвоивались частными лицами въ видѣ земельной собственности вмѣстѣ съ закрѣпощеннымъ населеніемъ,—вся эта борьба является краснорѣчивымъ примѣромъ того, какъ возникало одновременно и международное, и частное право. Прусскія остзейскія провинціи были не единственнымъ случаемъ и ареной, гдѣ оружіемъ былъ основанъ соціальный строй подобнаго рода; это только ближайшее напоминаніе общихъ типичныхъ историческихъ процессовъ, продолжающихся до сегодня. Самымъ близкимъ примѣромъ могла бы служить собственно почва подъ нашими ногами, но въ Бранденбургской области образованіе большого города парализовало много изъ прежняго рыцарскаго и христіанскаго вліянія, такъ что соціальныя слѣдствія нѣмецко-феодальной государственной и частной оккупации здѣсь были позднѣе ослаблены.

3. Нѣтъ необходимости изслѣдовать такъ называемое международное право еще и въ договорныхъ уловкахъ, благодаря которымъ открывается или сохраняется возможность косвеннаго ограбленія. Сверхъ того, такъ называемая автономная таможенная и прочая хозяйственная политика тоже не мало помогаетъ международному угнетенію и обману. Но эти таможенные фокусы образуютъ слишкомъ спеціальную область, чтобы стоило особо говорить о нихъ здѣсь, гдѣ имѣются въ виду общія, наиболѣе характерныя черты народнаго безправія въ его цѣломъ. Кромѣ того, на первомъ планѣ здѣсь всегда стоятъ соціальные классовые интересы, такъ какъ сами по себѣ населенія областей, въ ихъ совокупности, остереглись бы ставить препятствія взаимнымъ заграничнымъ сношеніямъ, затруднять и удорожать выше естественной мѣры и безъ того трудное при большихъ разстояніяхъ снабженіе товарами.

Если не считать нѣкоторыхъ союзовъ по взаимнымъ сношеніямъ, вродѣ международныхъ почтовыхъ конвенцій, то въ такъ называемомъ международномъ правѣ окажется мало чего полезнаго; лучше сказать, тамъ окажутся только обычаи и постановленія, которые служатъ для загородокъ и для взаимнаго ограниченія. То, что въ противоположность праву войны называютъ правомъ мира, не только стояло всегда на второмъ планѣ, но содержитъ преимущественно лишь враждебныя взаимныя ограниченія, а именно, тѣ, которыя и безъ войны служатъ своекорыстнымъ интересамъ націй. Сюда относится прежде всего взаимная конкуренція народовъ въ торговлѣ и если она гарантируетъ себѣ гдѣ-нибудь открытыя двери и открытыя порты, то дѣлаетъ это большею частью на счетъ кого-нибудь третьяго, который и долженъ платиться, какъ объектъ болѣе слабый. Вообще, алчность къ грабежу и раздѣлу владѣній ослабѣвшихъ народностей является характернымъ свойствомъ государственной и національной справедливости. Она выглядитъ въ новѣйшія времена почти еще хуже, чѣмъ грабежъ колоній и нѣкоторое порабощеніе аборигеновъ колониальныхъ областей.

Нападать на слабые народы, вырывать, такъ сказать, куски изъ ихъ тѣла, частью тѣснить, частью уничтожать тѣ племена, которыя возстаютъ противъ „чужестранныхъ дьяволовъ“,—вотъ отдѣльныя черты, выдающія весь тотъ духъ, который до сихъ поръ жилъ главнымъ образомъ въ международномъ правѣ. Поэтому нужно соблюдать большую осторожность въ признаніи кажущихся улучшеній въ этой области, по крайней мѣрѣ что касается мотивовъ. Напримѣръ, собственно выжиганія и извѣстные грабежи городовъ не принадлежатъ уже больше къ обычаямъ международного права культурныхъ странъ. Однако, вѣдь, реквизиціи и сравнительно урегулированныя, на деньги переведенныя контрибуціи не только достаточно замѣняютъ прежнее зло, но въ нѣкоторомъ смыслѣ являются даже болѣе сильными средствами вымогательства. Итакъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи различія здѣсь оказываются лишь формальными.

Въ самомъ благопріятномъ случаѣ отдѣльный солдатъ болѣе держится въ границахъ дисциплины; но за то, что онъ уходитъ съ пустыми руками, получаетъ военный фискъ, ибо оплачивается каждая болѣе или менѣе продолжительная остановка на мѣстѣ. Да и здѣсь даже нельзя принимать вещи въ буквальномъ ихъ смыслѣ и, напримѣръ, предполагать, что и на дѣлѣ все случается такъ, какъ должно было случиться по предписаніямъ или какъ предполагалось по конвенціональнымъ объявленіямъ и положеніямъ. Даже въ самыхъ дисциплинированныхъ арміяхъ бываетъ слишкомъ много отдѣльныхъ элементовъ, которые частнымъ образомъ воруютъ и грабятъ, гдѣ только представится имъ удобный случай схватить что-нибудь и тайно утащить съ собою. Война въ пониманіи массъ всегда остается войною. Если ужъ первый Бонапартъ на указанія слишкомъ отвратительныхъ жестокостей войны отвѣчалъ: *c'est la guerre*,—то наивность массоваго человѣка не безъ основанія часто идетъ еще дальше и полагаетъ, что въ дѣлахъ, гдѣ народы рѣжутъ другъ другу шеи, нѣкоторая прибавка воровства и разбоя не составляетъ значительной разницы.

4. Въ одномъ единственномъ пунктѣ имѣется несомнѣнное измѣненіе къ лучшему; но оно вышло не изъ права войны, а навязано этому праву общимъ состояніемъ нравственности и права. Указанное несомнѣнно ясное улучшеніе состоитъ въ томъ, что, въ противоположность древнимъ, плѣнныхъ уже не продаютъ въ рабство. Этотъ богатый источникъ дохода питалъ, напримѣръ, и перваго галльскаго Цезаря въ весьма изобильномъ размѣрѣ, отвѣчавшемъ его колоссальнымъ личнымъ долгамъ. Такой доходъ, наконецъ-то, совершенно изсякъ. Но случилось это не потому, что война сама по себѣ гуманизировалась, но потому, главнымъ образомъ, что послѣ уничтоженія рабства уже не стало возможности продажи въ рабство.

Однако нельзя ставить въ счетъ добровольному гуманному стремленію или религіознымъ вліяніямъ даже и этой заслуги уничтоженія настоящаго

полнаго рабства, при которомъ личность, какъ таковая, по произволу продавалась, наслѣдовалась или какъ-нибудь иначе передавалась въ собственность, подобно всякой вещи, а не только какъ въ средніе вѣка—вмѣстѣ съ землей. Экономическія отношенія уже въ древности оформились такъ, что личныя освобожденія на волю, какъ выгодныя, увеличивались въ числѣ и были даже частыми. Отъ самостоятельнаго распоряженія *rescilium*'омъ, т. е. частью состоянія, специально отдѣленной къ формальному отпущенію на волю былъ лишь одинъ шагъ. Довольно часто было въ интересахъ самого господина, вмѣсто того, чтобы содержать раба, и безъ того ставшаго самостоятельнымъ, сдѣлаться патрономъ вольноотпущенника. Такимъ путемъ господинъ могъ еще больше обязать вольноотпущенника, сдѣлавъ его смѣлѣе и надежнѣе въ порученныхъ ему дѣлахъ.

Конечно, не одно указанное нами обстоятельство было причиной того, что рабство постепенно уменьшалось и, подъ конецъ, сведено было въ романскихъ странахъ къ незначительнымъ остаткамъ. Но мы излишне высоко оцѣнили бы проявившуюся въ исторіи человѣческую природу, если бы стали придавать особенно большое значеніе прочимъ поводамъ и мотивамъ формальнаго уничтоженія рабства. Противъ подобной попытки говорить тотъ фактъ, что на мѣсто устраненнаго рабства античной формы средневѣковыми народами были установлены иные виды владѣнія людьми и, въ особенности,—крѣпостная зависимость. Форма права или, точнѣе, безправія была здѣсь менѣе выраженной, а потому и менѣе ясной; но этотъ смутный туманъ въ области рабства съ его формальной неопредѣленностью былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе живучимъ бременемъ для человѣчества, нежели отказъ во всякихъ правахъ и юридическое уничтоженіе личности. Чѣмъ болѣе институтъ жестокъ, чѣмъ болѣе онъ противенъ праву, тѣмъ болѣе можно, при естественномъ развитіи другихъ факторовъ, рассчитывать на его саморазложеніе. Стремленіе несвободныхъ людей къ свободѣ должно выходить тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ сильнѣе контрастъ между двумя состояніями—несвободнымъ и свободнымъ.

Итакъ, пусть не подсовываютъ слишкомъ поспѣшно гуманныхъ мотивовъ. Даже новое время, несмотря на все афишированіе свободы и всѣ провозглашенныя права человѣка, соорудило себѣ предательскій памятникъ въ видѣ самаго форменнаго рабства, а именно,—рабства негровъ въ южныхъ штатахъ сѣверо-американской республики. Позоръ, державшійся въ теченіе ряда поколѣній, правда, подъ конецъ долженъ былъ очистить мѣсто режиму свободы, по крайней мѣрѣ по формѣ; но и этотъ режимъ оказывается довольно неустойчивымъ. Онъ весьма естественно принимаетъ форму все болѣе обостряющейся расовой борьбы съ взрывами, при случаѣ, настоящихъ сраженій и взаимной рѣзни. Лучше всего здѣсь то, что вся эта прославленная свобода была введена гораздо менѣе подъ вліяніемъ гуманныхъ мотивовъ,

чѣмъ подѣ давленіемъ эгоизма сѣверныхъ штатовъ. По чисто экономическимъ основаніямъ та область, гдѣ хозяйство велось съ помощью свободнаго труда, не могла дальше терпѣть конкуренціи группы провинцій рабовладѣльческихъ.

Если бы черныхъ оставили въ покоѣ на ихъ родинѣ, вмѣсто того, чтобы ловить въ Африкѣ, какъ дикихъ звѣрей на охотѣ, и увозить въ американскія хлопчатобумажныя провинціи, то отнюдь не возникла бы та неестественная племенная мѣшанина, которая теперь стала проклятіемъ для обѣихъ сторонъ, не существовало бы унаслѣдованнаго необозримаго зла. Но, повидимому, собираются сдѣлать еще кое-что побольше въ томъ же родѣ, хоть и нѣсколько иного фасона. Не дѣлаютъ рабовъ въ своей собственной странѣ, зато, вступивъ въ испанское наслѣдство на Филиппинахъ, коренное населеніе превращаютъ въ политическихъ рабовъ. О европейскихъ приемахъ въ различныхъ частяхъ Африки едва ли стоитъ здѣсь отдѣльно упоминать. Въ конечномъ итогѣ они прямо свидѣтельствуютъ о томъ, что говорить въ подобнаго рода вещахъ о дѣйствительной гуманности было бы не только скороспѣлостью, но и полнѣйшею ложью.

Уже во время сѣверо-американской войны сецессіонистовъ съ уніонистами европейскія міровыя державы, въ особенности правительство Луи, были очень склонны помогать отдѣленію южныхъ штатовъ и сохраненію рабства. Поэтому было бы суетнымъ тщеславіемъ, взирая на такое поведеніе и вообще на подобныя опыты, говорить еще о какой-то гуманности. Если судьба раненыхъ на войнѣ, благодаря Женевской Конвенціи 1864 года, стала нѣсколько лучше, то, вѣдь, державы, вошедшія въ этотъ союзъ, не имѣли здѣсь никакихъ другихъ мотивовъ, кромѣ собственной выгоды. А какъ вела себя и какую форму приняла при этомъ филантропія, это мы разъяснимъ сейчасъ.

Гуманность вообще можно оставить въ покоѣ, если на первомъ мѣстѣ пріобрѣтаетъ силу дѣйствительное право. Но какъ же можетъ имѣть мѣсто подлинное право, разъ въ колоніяхъ остается принципіальнымъ правиломъ косвенное порабощеніе цвѣтныхъ коренныхъ жителей? Въ концѣ концовъ это произведетъ такое же смѣшеніе племенъ и такія же ненормальныя состоянія, какія укоренились въ сѣверо-американскихъ южныхъ штатахъ. Различіе только въ томъ, что американцы пересадили цвѣтныхъ на свою собственную родину и такимъ образомъ внесли зло въ свой собственный домъ, а другіе народы, наоборотъ, устраиваютъ себѣ Эльдorado внѣ своихъ странъ, втираясь между цвѣтными и пересаживая на ихъ почву бѣлыхъ господъ. Но должно наступить время, когда это смѣшеніе и это зло принесутъ свой плодъ, т. е. повлекутъ за собой войну расъ въ ея полной серьезности. Итакъ, прочь лживую гуманность, которою будто бы дышетъ всюду наша культура, тогда какъ на дѣлѣ ея дыханіе—ядовитое дыханіе!

5. Филантропическія старанія создать для раненыхъ въ сраженіяхъ лучшую помощь, чѣмъ совершенно недостаточная забота о нихъ правительствъ, были переоцѣнены и фальшивый смыслъ ихъ былъ оставленъ во всей своей силѣ. Одинъ женевскій врачъ, по имени Дюнанъ, въ битвѣ при Сольферино былъ военно-полевымъ хирургомъ. Его сочиненіе „Un souvenir de solférino“ (1862) было написано въ такомъ технически-утонченномъ сантиментальномъ духѣ, что слабонервному человѣку стало бы отъ него дурно. Его умилительныя картины были намалеваны самыми густыми красками; но онъ не ошибся въ расчетѣ на извѣстный родъ публики, спекулируя на ея самое непосредственное чувство состраданія. Его сочиненіемъ воспользовались, чтобы произвести шумъ въ публикѣ и побудить ее снабдить всякими средствами нарождающіяся общества помощи раненымъ и предоставить имъ матерьялы для лѣченія и ухода. Въ особенности послѣднее наилучшимъ образомъ принималось со стороны государствъ; ибо разъ дочери и жены въ семействахъ щипали корпію и доставляли все прочее для ухода за ранеными, то для государства это было ничего нестоющимъ ему прибавочнымъ обложеніемъ, которое въ иномъ случаѣ обременило бы военный бюджетъ и которое добровольными приношеніями создавало то, что нужно было бы взять изъ фонда общихъ принудительныхъ налоговъ.

Упомянутый Дюнанъ не имѣлъ прямой связи съ собственно Женевской Конвенціей, которая, такъ сказать, устанавливала права раненыхъ. Онъ въ своемъ сочиненіи ограничился тѣмъ, что иллюстрировалъ недостаточность врачебной помощи во время сраженія и особенно послѣ сраженія всякими пестрыми картинами, рассчитанными на чувствительность читателя. Возникновеніе позднѣе добровольныхъ обществъ помощи можетъ отчасти быть отнесено на счетъ этого литературнаго толчка. Но что же получилось въ итогъ всей этой инициативы, если разумно посмотрѣть на дѣло? Если оставить въ сторонѣ искусственное возбужденіе чувства, инициатива эта только установила, что убійственное дѣйствіе технически усовершенствованнаго оружія давало столько раненыхъ, что прежней мѣрой хирургической и иной помощи обойтись было уже нельзя. Желаніе помочь дѣлу было весьма естественно у врача, который такимъ образомъ соблюдалъ интересы своего сословія. Но чего напрасно было бы искать у него, это—хоть одного слова противъ невѣжественнаго и безсовѣстнаго пренебреженія, которое прежде всего слѣдовало поставить на счетъ правительствамъ и военнымъ инстанціямъ. Еще менѣе выразилъ онъ хотя бы отдаленный, самый мягкій протестъ противъ причинъ ужасовъ, которые онъ переложилъ на свою чувствительную музыку. Скорѣе, вмѣсто того, чтобы выступить рѣзко противъ войны, онъ, при всей своей сантиментальности, былъ ея послушнымъ слугой. Все его вмѣшательство въ дѣло и его манера выдають только мастера по части чувствительности и состраданія, т. е. разновидность, которая вовсе не заслуживаетъ того, чтобы ея искусственное воодушевленіе принимали въ серъезъ.

Раненые оставались три дня безъ помощи на полѣ сраженія. Нѣкоторые умирали въ лихорадкѣ и судорогахъ, между тѣмъ какъ своевременная помощь могла бы ихъ спасти. Другимъ приходилось ампутировать члены, что не было бы неизбѣжнымъ при своевременной помощи. Но кто же можетъ удивляться такимъ вещамъ? Конечно, не тотъ, кто хоть сколько-нибудь знаетъ духъ войны! Тотъ, кто приноситъ въ жертву столько жизней въ самомъ сраженіи, неособенно станетъ заботиться о прибавочныхъ косвенныхъ потеряхъ, вродѣ смерти раненыхъ или ухудшенія ихъ здоровья. Все идетъ въ одинъ счетъ потерь, и считается второстепеннымъ обстоятельствомъ, произошла ли смерть прямо въ сраженіи, или вслѣдствіе упущенія. Конечно, считаютъ болѣе выгоднымъ обойтись меньшими потерями въ людяхъ и ограничить инвалидность, нуждающуюся въ пенсіонахъ. Поэтому если тутъ дѣлается что-нибудь для уменьшенія и смягченія зла, то государства принимаютъ подобныя вещи наилучшимъ образомъ. Но еще долго такое отношеніе не будетъ гуманностью; оно долго еще будетъ простымъ выгоднымъ расчетомъ.

6. Женевскіе *soi-disant* филантропы были впослѣдствіи тѣми, кто вмѣсто Дюнановскихъ картинъ несчастія дали проэктъ права, изымающаго раненыхъ отъ непріятельскихъ дѣйствій, и нейтрализовали ихъ, какъ гласитъ ново-созданное, но юридически недостаточно правильное выраженіе. И госпитали, и амбулаторіи, и транспорты раненыхъ были также подкрѣплены этимъ новымъ, несомнѣнно весьма смутнымъ понятіемъ о нейтралитетѣ раненыхъ передъ лицомъ непріятельскихъ дѣйствій.

На основаніи упомянутаго проекта и осуществилась въ 1864 году Конвенція правительствъ. Такъ какъ она, даже послѣ крайне незначительныхъ измѣненій 1906 года и послѣ полнаго распространенія и на морскую войну удержала почти всецѣло излюбленныя филантропами неопредѣленности понятій, то нечего удивляться, что ея практическое примѣненіе не отличается ни твердостью, ни надежностью. Что слово нейтралитетъ употреблено неумѣстно, это, конечно, не много значитъ для дѣла или, лучше сказать, для вреда дѣлу. Достаточно, если только всегда извѣстно, въ чемъ состоитъ пощада или покровительство раненымъ и необходимому вспомогательному и врачебному матерьялу, и въ чемъ выражается безпрепятственный безопасный пропускъ врачей и больничнаго персонала.

О врачахъ позаботились даже отмѣнно хорошо; имъ надлежащимъ образомъ должно выдаваться жалованіе, когда бы и гдѣ бы они ни исполняли своей службы въ непріятельской области. Но, за исключеніемъ этого дѣлового фундаментальнаго пункта, постановленія Женевской Конвенціи оказываются поистинѣ не слишкомъ опредѣленными, т. е. ихъ нелегко понять, и потому при практическомъ примѣненіи они подвергаются всякимъ уклончивымъ толкованіямъ въ еще большей степени, чѣмъ это бываетъ съ зако-

нами, уже заранѣе нѣсколько редижированными юридически. То, что думали устранить филантропы съ ихъ туманностью уже въ самомъ проектѣ, осталось въ силѣ, несмотря на всякія отступленія. Насъ здѣсь не столько касается содержаніе Конвенціи, сколько ея общій характеръ, поскольку онъ связанъ съ главною темой настоящаго отдѣла. Прежде всего надо изслѣдовать нѣсколько такъ называемую филантропію насчетъ ея подлинной сути или, если выбрать болѣе сильное выраженіе, насчетъ ея безтолковости и даже ея виновности.

Дружелюбіемъ къ человѣку называется эта вещь; въ основѣ же она—ничто иное, какъ замаскированная метаморфоза христіанской *charité*. Послѣдняя является весьма двусмысленнымъ понятіемъ. Изъ естественнаго человѣческаго дружелюбія и мягкости тутъ собственно нѣтъ ни одной черты. Только нѣкоторое состраданіе къ бѣднымъ, чтобы не сказать,—къ жалкимъ—вотъ ея слишкомъ обманчивая характерная черта. Женевскіе конвенціоналисты выбрали даже своимъ символомъ красный крестъ на бѣломъ полѣ. Но бѣлый цвѣтъ невинности и красный цвѣтъ крови неособенно подходятъ другъ къ другу. А крестъ и совсѣмъ не является знакомъ, имѣющимъ смыслъ и значеніе для всѣхъ народовъ. Мнимая филантропія выдала здѣсь, до чего она погружена въ христіанство и привержена къ нему.

Чѣмъ вообще должно быть дружелюбіе къ людямъ? Такой вопросъ здѣсь умѣстенъ, ибо притворство, исходитъ оно изъ Палестины или нѣтъ, не должно больше удовлетворять лучшей части человѣчества. Кромѣ естественно установившихся отношеній, ограничивающихся семьей, и взаимностей, происходящихъ изъ товарищескихъ сношеній при выполненіи обязанностей, не существуетъ вообще никакихъ иныхъ симпатій между людьми. Естественное состраданіе есть, въ сущности, мгновенное побужденіе; и только глубже проникающій разумъ является силой, конечно опирающейся на такое побужденіе, но ставящей человѣка выше простаго побужденія,—силой, которая можетъ создать нѣчто высшее, болѣе продолжительное и надежное въ направленіи того же самаго чувства, но безъ его ограниченности и слабости. А у филантроповъ и живописцевъ чувствительныхъ картинъ именно случайность и односторонность ощущенія служатъ орудіемъ, при помощи котораго они могутъ меньше работать сами, но зато хорошо обрабатывать другихъ. Итакъ, если проанализировать строго и не считаясь съ условностями, то филантропія расплывается не только въ ничто,—это было бы еще невинно,—но меньше, чѣмъ въ ничто, т. е. въ нѣчто отрицательное, такъ какъ она остается ниже уровня области разума и дѣйствительнаго права, вовсе не заботится объ этихъ истинныхъ помощникахъ рода человѣческаго, а при случаѣ обращается даже противъ нихъ.

Кромѣ того, и мѣсто возникновенія Конвенціи здѣсь безразлично. Женева въ своей исторіи показала себя во многомъ весьма противной.

Такъ называемый реформаторъ Кальвинъ, убійца Сервета, своею темною низостью не мало виновать въ той лицемѣрной строгости, которая отпечатлѣлась, какъ характерная черта, на женевскомъ населеніи. Религіонизмъ въ новое время, конечно, смѣшался съ политически-свободными аллюрами; но даже характеръ Руссо свидѣтельствовалъ о томъ, что изъ женевского наслѣдія многое было на самомъ дѣлѣ неприемлемо и даже несимпатично. Прикидывавшійся фанатикомъ, но лицемѣрный Кальвинъ былъ главнымъ виновникомъ того фасона религіи и духовной жизни, который утвердился въ Женевѣ; по крайней мѣрѣ онъ далъ ему особенно рѣзкое выраженіе. Этотъ Кальвинъ при всей своей мнимой святости, былъ, должно быть, еще и педерастомъ. Его ядовитая злоба противъ испанца Сервета, открывшаго кровообращеніе, зашла такъ далеко, что онъ не только велѣлъ осудить на сожженіе этого изслѣдователя, бѣжавшаго въ Женеву отъ инквизиціи, но еще особо позаботился, чтобы пытка на кострѣ была увеличена тѣмъ, что костеръ былъ сложенъ изъ свѣжаго, зеленаго дерева. Послѣднимъ зрѣлищемъ онъ, кромѣ того, должно быть, тайно любовался самъ, наблюдая его собственными глазами.

Противно указывать, по необходимости, на подобныя пошлыя детали. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, на какой почвѣ выросъ женевскій филантропическій цвѣтокъ. Безспорная здѣсь примѣсь фальши и лицемѣрія слишкомъ хорошо объясняется историческимъ прошлымъ и духовной атмосферой города. Однако и женевское лицемѣріе есть только особый типъ болѣе общей, христіански окрашенной лицемѣрности. Если послѣдняя такъ модернизировала себя въ новое время, что прикинулась гуманной, то, вѣдь, примѣшиваніе кажущейся гуманности, какъ и подсовываніе слова филантропія, прямо относятся къ составнымъ частямъ всего этого орудія лжи и обмана.

Мы здѣсь, разумѣется, анализируемъ только среду женевскихъ *soi-disant* филантроповъ, которые занимались подготовкой Конвенціи, но не фактъ самаго договора государствъ. Этотъ послѣдній, совершенно независимо отъ мотивовъ инициативы, которые въ конечномъ счетѣ значенія не имѣютъ, все же, принесъ съ собою нѣсколько выгодныхъ постановленій, хотя постановленія эти, опять-таки, не нужно ни переоцѣнивать, ни толковать въ смыслѣ гуманности. Взаимно согласились на нѣкоторыя исключенія въ области враждебныхъ дѣйствій. Ввели пощаду раненыхъ и мѣсть ихъ лѣченія, такъ же, какъ своего рода иммунитетъ врачей и всего связаннаго съ ихъ дѣятельностью. При всемъ томъ, однако, не сдѣлали ничего больше, кромѣ того, что война стала нѣсколько болѣе удобной и была снабжена нѣкоторымъ кажущимся смягченіемъ ея ужасовъ. Но въ общемъ война осталась тѣмъ, что она есть, и нѣсколько ограниченій ея неистовства въ сравненіи съ массой остающихся ужасовъ имѣютъ лишь ничтожное значеніе,

граничащее съ нулемъ. Объявлять это чѣмъ то очень значительнымъ, какъ будто бы наступила эра дѣйствительной гуманности, значило бы поддѣлать существо дѣла и даже скомпрометтировать ту небольшую полезность, которая тутъ имѣется, филантропствующимъ святошествомъ.

7. Женевская Конвенція создала нѣкоторое полу-право въ той области, которая по природѣ своей противна праву. Война не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ того, что Макіавелли называлъ звѣрскимъ способомъ посчитаться другъ съ другомъ; мы еще болѣе рѣзко отгнѣняемъ это, напоминая, что человѣкъ по природѣ и вслѣдствіе культуры можетъ играть роль не только звѣря или сверхъ-животнаго, но и прямо роль сверхъ-звѣря. И потому, если въ такого рода поведеніи появляются отдѣльныя небольшія, выгодныя для обѣихъ сторонъ, послабленія, то надо остерегаться думать тотчасъ же, что сверхъ-звѣрь переродился. Нѣтъ, онъ остается вѣренъ своему типу и только прибавляетъ къ нему нѣкоторую утонченность. Дуэль, очевидно, несравненно больше считается съ уставами, но, вѣдь, ни одинъ рационально мыслящій человѣкъ не станетъ ради этого утверждать, что дуэль изъ грубаго и ограниченно-тупого средства посчитаться другъ съ другомъ превратилась въ гуманный и филантропическій институтъ. Небольшое количество полу-права, которое въ ней воплощено, имѣетъ значеніе только условнаго урегулированія насилія.

Обычай же собственно войны остаются еще неизмѣримо далекими отъ сравнительнаго приличія обычной обстановки дуэли. Рыцарства тутъ не найдешь и слѣда; наоборотъ, скорѣе имѣетъ мѣсто противоположный принципъ, а именно, вмѣсто равенства вооруженія—использованіе всякаго рода фактическихъ преимуществъ въ смыслѣ солнца и вѣтра, а также всякаго выгоднаго мѣстоположенія и просто случая. Подобную форму веденія войны нужно, разумѣется, признать въ ея области просто рациональной и не противорѣчащей дурному духу самаго дѣла, тогда какъ въ обычаяхъ дуэли получается нѣкоторый комизмъ: съ одной стороны, твердо держатся звѣрскаго способа посчитаться другъ съ другомъ, а съ другой—вводятъ до извѣстной степени справедливое урегулированіе и особенно большую заботу о быстрой помощи раненому, при этомъ то обстоятельство, что на дуэли противникъ, приведенный въ неспособность къ дальнѣйшей битвѣ, перестаетъ быть объектомъ дальнѣйшаго нападенія, немного похоже на принципъ, на основаніи котораго раненые на войнѣ не должны быть объектомъ непріятельскихъ дѣйствій.

Если филантропія не представляетъ собою ничего вѣрнаго въ области собственно конвенціоннаго права, то въ качествѣ вспомогательнаго аппарата, основаннаго на добровольности, она принимаетъ, большею частью, еще менѣе хорошаго обѣщающій характеръ. Если бы государства прямо сами позаботились о достаточной помощи, то не имѣли бы никакого смысла общества по-

мощи, которыя позволили пожаловать себя, въ видѣ украшенія, знакомъ Краснаго Креста. Они служатъ только затычками при недостаткѣ государственной помощи. А гдѣ посылкой такихъ группъ и снаряженій занимаются лица и общества изъ нейтральныхъ государствъ, тамъ все оказывается еще болѣе проблематичнымъ; ибо навязчивость лицъ, стоящихъ внѣ воюющихъ сторонъ и прикидывающихся совершенно безкорыстными филантропами, если бы ей дать полную волю, привела бы къ отмѣнному хаосу. Вѣдь, и безъ того всегда нужно глядѣть, чтобы подъ маской добровольной помощи не прокрался шпіонажъ!

Однако же главную характерную черту, которую мы хотимъ здѣсь выдвинуть, нужно искать въ другомъ мѣстѣ. Несомнѣнно достойно уваженія, если семьи и публика для массы сыновей, стоящихъ на полѣ битвы, и для другихъ родственниковъ готовы принести всякія добровольныя жертвы, и государственная система призрѣнія уже привыкла рассчитывать на такія экстренныя добровольныя приношенія. Конечно, было бы лучшимъ порядкомъ, если бы не добросердечіе и способность на жертву давали источникъ и опредѣляли мѣру такихъ добровольныхъ приношеній; лучше было бы, если бы это бремя было переложено инымъ порядкомъ, равномернo и въ видѣ обязательства, на все населеніе, т. е. лежало бы на общемъ налоговомъ фондѣ. Но тогда получилось бы возрастаніе военныхъ штатовъ, а, вѣдь, и безъ того уже необходимо умѣрять ихъ все растущее распуханіе. Расчитанная, поэтому, на свойства нѣкоторой части человѣчества, спекуляція на добровольное даяніе будетъ средствомъ, болѣе легко достигающимъ цѣли.

Кромѣ указанной, весьма понятной, государственной спекуляціи существуетъ еще другая, идущая отъ профессионально заинтересованныхъ элементовъ общества; она-то и пускаетъ полнымъ ходомъ всю добровольность, чтобы не сказать—принуждаетъ къ ней. Всѣ, кто лично на продолжительное время пристраиваются къ снаряженію врачебнаго персонала и къ посылкѣ средствъ для ухода за больными и ранеными или только желаютъ зарекомендовать себя особыми услугами, заинтересованы въ томъ, чтобы добрая воля публики проявилась какъ можно шире. Въ этомъ отношеніи можно было бы говорить о филантропіи профессіи и наживы, а у нѣкоторыхъ лицъ, пожалуй,—даже о филантропіи тщеславія.

Всегда ли доходятъ до соотвѣтствующихъ войсковыхъ частей и идутъ ли на пользу раненыхъ всѣ добровольныя даянія въ видѣ одежды и припасовъ, которые должны служить для особеннаго ухода за ними, объ этомъ имѣется нѣсколько внушающихъ сомнѣніе свѣдѣній изъ самыхъ различныхъ странъ и съ различныхъ театровъ войны. Уже во время войны 1870 года было констатировано, что иногда нѣкоторые элементы вспомогательнаго персонала жили явно роскошно и очевидно не забывали себя въ поѣданіи самыхъ изысканныхъ питательныхъ и лакомыхъ припасовъ. Но оставимъ

въ покоѣ филантропическія наслажденія рыцарей и дѣвъ Краснаго Креста; мы заботимся здѣсь о достаточномъ пониманіи того, что болѣе или менѣе всегда происходитъ, когда публику хотятъ воодушевить или приманить для какой-нибудь цѣли къ пожертвованіямъ.

Какія бы ни дѣлались тутъ дѣла, хорошія или дурныя, получаютъ ли значеніе и распространяются ли въ прессѣ пустые предлоги, или достаточныя причины для такихъ дѣлъ,—для знатока слишкомъ часто ясны пружины мнимо-незаинтересованной дѣловитости, обнаруживаемой при этомъ: все дѣло въ томъ, чтобы сквозь пальцы заправилъ такихъ прекрасныхъ по цѣли учрежденій проходило какъ можно больше цѣнностей и денегъ. Контроль, устанавливаемый для того, чтобы не слишкомъ много изъ этихъ денегъ и цѣнностей прилипало къ пальцамъ, слишкомъ часто бываетъ недостаточнымъ, даже прямо иллюзорнымъ. Кто однажды разглядѣлъ это, тотъ будетъ остерегаться слѣдовать побужденіямъ и призывамъ, афиширующимъ какія-нибудь благодѣтельныя цѣли или иныя *soi-disant* безкорыстныя вещи. Въ нашу еврейскую эпоху и въ виду совершенно оевреенной прессы, въ случаяхъ подобнаго рода умѣстна особенная, даже, по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ, абсолютная сдержанность. Всякій грошъ, данный подъ вліяніемъ такихъ побужденій, умѣренно выражаясь, выброшенъ въ такое мѣсто, гдѣ то, что потомъ случается съ нимъ, или совершенно, или по большей части невозможно проконтролировать.

Я не имѣю намѣренія безъ всякихъ ограниченій полностью приписывать указанное выше соціальное зло добровольной филантропіи на войнѣ. Для меня важно только нѣсколько умѣрить ореоль, которымъ охотно и усиленно окружаются названныя вещи. Кое-какая польза получается, вѣдь, даже отъ рукъ, которыя сами по себѣ не слишкомъ-то полезны. Механизмъ интересовъ, даже себялюбивыхъ и несправедливыхъ, бываетъ иногда полезенъ, и потому, при случаѣ, даже самая неискренняя или ложными мотивами обставляемая филантропія можетъ дать въ результатѣ кое-что хорошее. Но смотря на дѣла не съ внѣшней ихъ стороны, мы должны остерегаться приписывать такимъ дѣйствіямъ особенно высокія и дѣйствительно гуманитарныя свойства.

8. Если бы война возникала только вслѣдствіе такихъ споровъ, при которыхъ добрая вѣра и предполагаемое право были бы дѣйствительно руководящими точками зрѣнія, то прибѣганіе къ силѣ до нѣкоторой степени все же и тогда оставалось бы уклоненіемъ отъ дѣйствительнаго права; но тогда не было бы недостатка въ мѣрѣ и ограниченіи не пріятельскихъ дѣйствій. Кто приходитъ къ необходимости силой настоять на своемъ правѣ, тотъ не можетъ имѣть за предѣлами этого права никакихъ дальнѣйшихъ притязаній, кромѣ развѣ возмѣщенія какого-нибудь экстреннаго вреда, причиненнаго ему врагомъ, и нѣкотораго удовлетворенія за личную обиду. Но

подобнаго рода естественныя требованія остаются далеко позади того, что обычно присвоиваетъ себѣ побѣдитель. Если ему не мѣшаетъ угрожающая вмѣшательствомъ ревность другихъ государствъ, побѣдитель исчерпываетъ свои притязанія во всей достижимой для него мѣрѣ. Самое пріятное для него, если противника можно совершенно ослабить, уничтожить, т. е. уничтожить, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ продолжительнаго угнетенія.

Отчего происходитъ эта безмѣрная тенденція къ рѣшенію споровъ путемъ войны? Просто оттого, что мотивы войны, въ принципѣ и по правилу, оказываются отнюдь не справедливыми, но, какъ мы объяснили выше, въ основномъ своемъ типѣ опредѣляются хищничествомъ и властолюбіемъ. Для подобныхъ вещей, разумѣется, не существуетъ другихъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя опредѣляются игрой силъ. Расширеніе государства, династическаго или республиканскаго—все равно, слѣдовательно также и прямая алчность племенъ къ взаимному угнетенію,—вотъ что является главнымъ побужденіемъ къ войнѣ. Послѣднее представляетъ собою поэтому форму всеобщаго и массоваго бригадажа, другими словами,—организованный коллективный грабежъ. А чтобы видимость получилась иная, на передній планъ выдвигаются немногія правовыя точки зрѣнія, какія можно подыскать къ случаю и то, большею частью, лишь искусственно. Въ новое время рѣдко кто хочетъ прослыть виновникомъ войны и потому старается напередъ уже взвалить на другую сторону ненависть за инициативу, ставя ее въ такое положеніе, что ей приходится объявить войну, т. е. первой выступить въ роли нападающаго или какъ-нибудь иначе, но въ томъ же смыслѣ. Конечно, этотъ новѣйшій обычай говоритъ за то, что война уже много разъ была обезславлена, и что она искренно надоѣла подлиннымъ лучшимъ элементамъ народнымъ, которымъ она менѣе всего выгодна, но которые должны больше всего внести въ нее своей крови и имущества.

Тѣмъ болѣе понятно, что война и почти на войнѣ лишь основанное такъ называемое международное право стремятся окружить себя всяческой лицемѣрной видимостью, особенно же—ореоломъ культурной славы. Первоначально, въ средніе вѣка, напирали прежде всего на религіозную пропаганду, чтобы подъ своего рода покровомъ и подъ предлогомъ спасенія души заниматься главнымъ дѣломъ—грабежомъ и достиженіемъ господства. Въ новѣйшее время на первый планъ выдвигаются представленія о культурѣ и гуманности, которыя и должны помочь оправдать самыя отвратительныя мерзости. Конечно, подлинныхъ понятій о гуманности и культурѣ тутъ не имѣется; вмѣсто нихъ подсовываются двусмысленныя половинчатая понятія, въ которыхъ внѣшности культуры сочетаются съ внутренней низостью.

Ко всему этому не доставало только, чтобы война и ея главное твореніе—такъ называемое международное право—принципіально приняты были подъ крыло *soi-disant* филантропіи. И безъ того всѣ воители несутъ на

устахъ своихъ миръ. По ихъ пониманію, война только средство, чтобы достигнуть мира, и до высшей степени возросшая готовность къ войнѣ имѣеть поэтому задачей предупредительными или дополнительными мѣрами охранять миръ или приводить къ нему войну. Подобнымъ же образомъ и всѣ дряхлые призывы къ разоруженію и мирные аллюры, исходящіе со стороны отдѣльныхъ государствъ, вродѣ Англіи и Россіи, всегда грубѣйшимъ образомъ сами опровергали самихъ себя противоположнымъ на самомъ дѣлѣ поведеніемъ. Внѣшнее поведеніе, значитъ, здѣсь безразлично. Ни въ коемъ случаѣ не отказываются отъ принципа грабежа и господства. Если бы плодами этого принципа можно было воспользоваться безъ риска войны, тогда, конечно, миръ былъ бы пріемлемъ даже для тѣхъ, кто живетъ войною, ибо тогда, не пуская въ ходъ оружія и не рискуя жизнью, можно было бы использовать иные методы грабежа, обогащенія и достиженія власти.

Евреи, сбѣгающіеся на вѣчные мирные конгрессы, прикидываются тоже филантропами. Они не только могутъ обойтись безъ войны, но имѣють даже поводъ смотрѣть на нее, какъ на опаснаго конкуррента ихъ воюющаго пронырничества и барышничества. Слѣдовательно, мотивъ ихъ кажущейся мирной филантропіи въ корнѣ дурень. Должна остаться только одна единственная метода ограбленія и порабощенія народовъ, а именно,—ихъ собственная. Прямое примѣненіе военнаго аппарата есть то, чего евреи никогда не умѣли дѣлать, да и теперь не умѣють. Поэтому они по возможности стремятся исключить вооруженное столкновеніе, чтобы заполучить для своего способа дѣйствій самую широкую монополію въ національномъ и интернаціональномъ смыслѣ.

Теперь видно, какъ нужно во всѣхъ направленіяхъ бороться съ филантропіей и сроднившимся съ нею лицемѣріемъ, о чемъ обыкновенно никто не думаетъ. Интересующій же насъ родъ военной филантропіи имѣеть свойство, кторое мы до сихъ поръ не выдвигали, но которое въ высшей степени характерно. Именно, эти филантропы всегда служатъ только какимъ-нибудь носителямъ власти. Напримѣръ, гвардія Краснаго Креста держится всегда, если не официально, то, во всякомъ случаѣ, официозно, и добровольныя побужденія опасаются дѣйствовать въ какой-либо иной области, кромѣ области, гдѣ имѣеть мѣсто обычная война государствъ. Филантропы стараются только шнырять между ногами власть имущихъ. Имъ даже и въ голову не приходитъ, напримѣръ, направить свое вниманіе также и на гражданскую войну. Это дѣйствительно значило бы ужъ слишкомъ гуманничать! И въ такомъ направленіи весьма предусмотрительно еще не появилось никакихъ женевскихъ затѣй. При кровавыхъ уличныхъ схваткахъ, несравненно превосходящихъ по жестокости сраженія на поляхъ, отбрасываютъ всякую филантропію, не только что филантропію Креста. Если тамъ иногда въ исключительныхъ случаяхъ, и работаютъ добровольными прино-

шеніями созданныя амбулаторіи, то такой родъ помощи раненымъ исходитъ изъ совершенно иныхъ круговъ, чѣмъ изъ тѣхъ, что обыкновенно, такъ сказать, дѣлаютъ филантропію. Тогда дѣйствуютъ элементы, которые изъ помощи раненымъ не дѣлаютъ никакого гешефта и ремесла, но побуждаются честными стремленіями.

Если подвести итогъ всему сказанному, то результатъ окажется далеко неутѣшительнымъ. Гдѣ война и такъ называемое международное право соприкасаются или даже смѣшиваются съ *soi-disant* филантропіей, тамъ эта связь только еще болѣе показываетъ, каковъ духъ обоихъ этихъ родовъ дѣятельности. Смертельная вражда, посягательство на жизнь и вообще все, что необходимо содержитъ въ себѣ война, не мирится съ искреннею и раціональною гуманностью. Если же сюда присоединяется еще своего рода *quasi*-филантропія, то такая мнимая инстанція состраданія должна оказываться двусмысленностью, не заслуживающей откровеннаго довѣрія. Напротивъ, нужно всегда остерегаться, чтобы лицемеріе, которое и безъ того играетъ въ области международного права значительную, если не преобладающую роль, не возрасло еще при помощи мнимо-филантропическихъ затѣй. Война, такъ сказать, взятая полностью подъ материнскую опеку филантропіи, вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ притворнымъ полуправомъ, оказывается не только противорѣчіемъ въ себѣ самой, но возбуждала бы даже веселый комизмъ, если бы привходящее въ нее страданіе не представляло собою столько горькой серіозности.

IX.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЕ ПРАВО.

1. Въ новѣйшія столѣтія идея естественнаго права, которое противоплагали положительному праву и, въ особенности, обычному праву, вліяла почти только какъ идея, сбивающая съ вѣрнаго пути. Представленіе это было, кромѣ того, крайне неопредѣленно и туманно. Нѣкоторый смыслъ и значеніе его заключались не въ томъ, чѣмъ оно было, но въ томъ, что посредствомъ него искалось и не было найдено. Въ фактически существовавшемъ, такъ называемомъ, правѣ видѣли много неудовлетворительныхъ и извращенныхъ положеній и хотѣли противопоставить имъ нѣчто лучшее. Природа и естественность казались наблюдающимъ опорнымъ пунктомъ и вѣрной квалификаціей лучшаго права, къ которому стремились. Но именно въ послѣднемъ направленіи практически жестоко ошибались. Какъ разъ, именно, обращеніе назадъ, къ грубости природы и было ошибкой, которая насколько лишь возможно далеко отклоняла отъ подлиннаго права и отъ всего, чего нужно было искать.

Природа и право такъ мало согласуются другъ съ другомъ, что ихъ надо считать скорѣе прямыми противоположностями. Если бы первоначальная природа человѣка напередъ уже была построена на основѣ права, то послѣднее не заставило бы ждать себя столько тысячелѣтій. Тогда намъ не было бы нужды еще и нынѣ искать его. Естественныя стремленія въ ихъ грубости являются не творцами, но помѣхой и нарушителями дѣйствительнаго права. Только конфликтъ, а иногда и хаосъ, къ которымъ ведутъ беспорядочныя естественныя побужденія, въ полной мѣрѣ указываютъ на необходимость чего-то противоположнаго, упорядоченнаго. Только дѣйствительное право въ состояніи создать гармонію, которой не хватаетъ существовавшей доселѣ природѣ и недостаточной культурѣ. И такъ какъ, кромѣ непосредственныхъ стремленій, существуетъ, въ качествѣ движущей силы, только идейно-мотивированная воля, то въ послѣдней и надо искать вѣрнаго пути къ подлинному, полному праву. Слѣдовательно, нельзя предполагать, чтобы природа могла произвести непосредственно что-либо большее, чѣмъ простую смѣсь права и безправія, т. е. больше, чѣмъ несовершенное полу-право. Она сама должна была быть до нѣкоторой степени исправлена, чтобы дать мѣсто хотя бы только приближенію къ чему-либо болѣе совершенному.

Какой изъ обоихъ элементовъ, безъ которыхъ немыслимо дѣйствительное право, является его важнѣйшею составною частью? Воля или спеціальное воззрѣніе? Даже ближайшаго воззрѣнія можно достигнуть, только имѣя волю, которая указываетъ путь къ нему и дѣлаетъ его потребностью. Какъ ни важно техническое образованіе интеллекта, въ нашемъ вопросѣ оно, съ его спеціальностями, отходить, все-таки, на второй планъ и всегда остается второстепеннымъ обстоятельствомъ. Первоначальнымъ исходнымъ пунктомъ является справедливая воля; она-то имѣнно и возстаетъ при видѣ социальныхъ обидъ и соотвѣтственнаго имъ хаоса. Съ полнымъ сознаниемъ эта воля дѣлается реагирующимъ и, вмѣстѣ, отрицающимъ факторомъ, который отвергаетъ и исключаетъ несправедливость. Тѣмъ не менѣе, она основывается на положительномъ задаткѣ, который располагаетъ къ добру, но въ человѣчествѣ представленъ лишь спорадически и скупо.

Мы употребляемъ выраженіе „дѣйствительное право“, такъ какъ думаемъ не только твердо установить этимъ различіе нашего представленія отъ ошибочныхъ представленій о естественномъ правѣ, но и потому, что наше пониманіе вообще наиболѣе просто изъ всѣхъ, какія здѣсь можно изобрѣсти. Если бы мы сказали „истинное право“, то, конечно, такое названіе также соотвѣтствовало бы мыслящейся подъ нимъ идеѣ; но во всякомъ случаѣ, лучше вмѣсто противоположности въ смыслѣ истинности и неистинности выдвинуть впередъ болѣе широкую и болѣе практическую противоположность реальности и видимости. Согласно съ указаніями, сдѣлан-

ными нами въ предыдущихъ отдѣлахъ, такъ называемое право, — въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ теперь, — по нашему масштабу цѣнностей въ лучшемъ случаѣ оказывается лишь полу-правомъ. Не считая многихъ естественныхъ глупостей, которыя оно включаетъ и размножаетъ, оно большею частью является прямымъ воплощеніемъ безправія. Именно вслѣдствіе этой смѣси полу-права и безправія возникли великія трудности въ социальномъ *statu quo*, изъ-за которыхъ инныя проблемы почти кажутся вообще неразрѣшимыми или, по крайней мѣрѣ, требующими для своего разрѣшенія длинныхъ промежутковъ времени или особенно значительныхъ силъ.

Согласно со всѣмъ сказаннымъ, то, чего мы добиваемся какъ дѣйствительнаго права, есть также и положительное право, и притомъ съ весьма опредѣленными чертами. Это — не абстракція и не фикція, подобно превратному, вводящему въ заблужденіе, измышленному естественному праву, но въ каждомъ нервѣ своемъ — полная реальность. Дѣйствительное право должно, во-первыхъ, наполнить лучшимъ содержаніемъ болѣе тѣсную область собственно юридическаго права, какъ его теперь понимаютъ, и такимъ образомъ реформировать его. Во-вторыхъ, оно должно вывести насъ изъ этой тѣсной области и дать начало побужденіямъ, изъ которыхъ должны возникнуть лойяльные нравы и соотвѣтственное имъ законодательство. Оно должно распространиться и на собственно хозяйственную область, гдѣ до сихъ поръ право-творящія и правомъ созданныя точки зрѣнія меньше всего и даже, строго говоря, вовсе не имѣли значенія.

2. Первое, о чемъ нужно спросить, это — критеріи и принципы, на основаніи которыхъ можно отличить истинное право отъ неистиннаго. Здѣсь прежде всего нужно устранить общенаучный предразсудокъ, который утвердился въ нѣкоторыхъ научныхъ областяхъ и былъ перенесенъ также въ мораль и право, ко вреду ихъ. Этотъ предразсудокъ состоитъ въ предположеніи, что для всей разсматриваемой каждый разъ области, т. е. въ нашемъ случаѣ для области права или, по крайней мѣрѣ, для его вѣтви — уголовного права долженъ существовать одинъ единственный принципъ, изъ котораго можно вывести всѣ отдѣльныя положенія, которому должны, значить, быть подчинены всѣ спеціальныя установленія.

Но скорѣе имѣетъ мѣсто какъ разъ противоположное: всякая подлинная, до нѣкоторой степени правильно конституированная наука, вроде математики или даже болѣе тѣсной ея области — геометріи, свидѣтельствуешь о томъ, что возможно хорошо выдѣлить и особенно отмѣтить, аксіомы и принципы, но ни въ коемъ случаѣ нельзя подвести все подъ одинъ и тотъ же шаблонъ. Послѣднее было бы весьма невыгодно для многообразія формъ. Наипростѣйшіе исходные пункты имѣются повсюду; но они многочисленны, и если даже между ними существуетъ соподчиненіе въ смыслѣ общности, то, все-таки, лишь согласованное конкуррированіе различныхъ

элементовъ можетъ помочь проникновенію въ сложное соотношеніе вещей. Чисто логическіе принципы, правда, общи для всѣхъ областей фактовъ, но они даютъ и обезпечиваютъ что-либо опредѣленное въ смыслѣ дѣйствительности только черезъ посредство особенной, специализированной формы, которую они принимаютъ въ различныхъ реальныхъ случаяхъ ихъ примѣненія. Съ отвлеченнымъ принципомъ тождества, на примѣръ, мало что можно было бы сдѣлать, если бы не приходили къ нему специализированныя исключаящія точки зрѣнія, которыя на дѣлѣ и особо каждый разъ показываютъ, какую форму въ отдѣльныхъ случаяхъ принимаютъ реальныя отрицанія и несовмѣстимости.

Въ соотвѣтствіи со сказаннымъ, и для права мы исходимъ изъ той мысли, что хотя и должны быть найдены принципы, но что главное дѣло не въ принципахъ, а въ специальныхъ теоремахъ, которыя прежде всего будутъ признаны правильными, а затѣмъ уже только могутъ быть снабжены дедуктивными доказательствами, т. е. сведеніемъ къ простѣйшимъ отношеніямъ вещей. Послѣднія основанія могутъ и не быть еще достигнуты, и, однако же, отношеніе вещей можетъ быть вполне яснымъ и тѣмъ обусловить практическую необходимость того или иного поведенія. Если бы пожелали для нравственности и права достигнуть напередъ уже большаго или даже всего въ смыслѣ послѣдняго дедуктивнаго мотивированія, то помогли бы только своего рода правовому нигилизму и при нынѣшнемъ положеніи дѣла только въ исключительныхъ случаяхъ достигли бы абсолютно-обязательныхъ установленій.

Итакъ, если мы, несмотря на сказанное сейчасъ, имѣемъ въ виду нѣкоторыя высшія обобщенія и ставимъ на передній планъ подлинно принципиальныя теории, то этимъ мы вовсе не допускаемъ возможности, чтобы теперь уже для каждой практической правовой необходимости можцо было бы найти аналогичный способъ вывода. Задача, къ которой мы приступаемъ, слишкомъ нова, чтобы въ скоромъ времени и при наличности еще и теперь господствующаго полу-хаоса возможно было ожидать хотя бы только приблизительно полнаго, опредѣленнаго и твердаго рѣшенія всѣхъ главныхъ проблемъ.

Чтобы, съ нашей стороны, установить прежде всего всѣ понятія о собственно справедливости и правѣ между людьми, мы предположимъ, что человѣкъ существуетъ на нашей планетѣ въ единственномъ числѣ или, — что практически сводится къ тому же, — живетъ и дѣйствуетъ въ такой обширной области, что при своей дѣятельности не встрѣчается ни съ какимъ другимъ индивидуумомъ, будь это животное или человѣкъ. О такомъ изолированномъ человѣкѣ можно сказать, что даже при самой дурной волѣ онъ не можетъ совершить такой подлинной несправедливости. Онъ можетъ жить развратно, дѣлать себѣ самому вредъ, разрушать свое здоровье — все это касается лишь

его одного и даже косвенно не вліяетъ на другихъ. Конечно, такой случай— просто измышленіе, однако же, отнюдь не бессмысленное. Онъ долженъ имѣть значеніе математической схемы, и онъ выполняетъ свое назначеніе, показывая, что при правонарушеніяхъ всегда можетъ идти дѣло только объ отношеніяхъ между человѣкомъ или, если желаютъ понимать вопросъ еще болѣе абстрактно,— между нимъ и другимъ живымъ существомъ.

Самыя простыя понятія частнаго права не имѣютъ никакого смысла, если человѣкъ мыслится вполнѣ изолированнымъ, какъ въ нашей схемѣ. При такомъ предположеніи онъ можетъ, въ мѣру своихъ силъ, фактически овладѣть нѣкоторою частью природы; но въ этомъ фактѣ не содержится ровно никакого подлиннаго присвоенія, а еще того менѣе имѣетъ мѣсто дѣйствительная собственность. Даже простое владѣніе еще отнюдь не имѣетъ смысла такого фактическаго господства, посредствомъ котораго другіе исключались бы въ качествѣ не-владѣльцевъ. И остается также совершенно безразличнымъ, насколько далеко этотъ отдѣльно мыслимый человѣкъ распространяетъ свое господство надъ природой. Нѣтъ никого, кто могъ бы его остановить и заявить съ своей стороны притязаніе на распоряженіе нѣкоторой частью природы и для себя. Итакъ, въ каждомъ направленіи обнаруживается, что о правовыхъ понятіяхъ можетъ идти рѣчь лишь постольку, поскольку два индивидуума пожелаютъ создать что-нибудь совмѣстно, въ смыслѣ добра или зла.

3. Второй основной схемой должна быть схема двухъ лицъ, которыя соприкасаются другъ съ другомъ въ своей дѣятельности и вторгаются своими возможными правонарушеніями въ сферы дѣятельности другъ друга. Поскольку эти два человѣка равны между собою, каждый изъ нихъ можетъ предъявить одни и тѣ же притязанія. Если одинъ расширяетъ свое господство надъ природой, то и другой можетъ пожелать того же, и дѣло здѣсь въ томъ, чтобы эти стремленія къ расширенію не скрещивались взаимно и не мѣшали другъ другу. Соблюденіе равенства въ мѣрѣ господства и соотвѣтственное взаимное ограниченіе будетъ здѣсь единственнымъ средствомъ предупредить конфликтъ. Каждый изъ двухъ желаетъ полнаго и исключющаго другого господства надъ нѣкоторой частью природы. Онъ желаетъ видѣть сохраненнымъ фактъ исключительнаго владѣнія и на вторженіе въ его сферу долженъ смотрѣть, какъ на несправедливость, которая прежде всего направлена противъ его личности и его господствующей надъ вещами воли. Но если оба они признаютъ, что ихъ фактическое владѣніе — въ порядкѣ вещей и надолго должно уважаться, то этимъ самымъ они признаютъ взаимно право собственности въ подлинномъ смыслѣ слова. Но не только черезъ такое молчаливое или явно выраженное соглашеніе дѣйствительное, полное и исключительное господство превращается въ право на это господство; уже одно то обстоятельство, что вторженіе въ чужую сферу было бы несправедли-

востью, обуславливаетъ предварительную внутреннюю квалификацію этого отношенія какъ права.

Истинная собственность поэтому слишкомъ фундаментальная вещь, чтобы какая бы то ни была конвенціоналистическая теорія ея происхожденія могла уменьшить ея значеніе. Привходящее сюда соглашеніе не есть произвольная вещь, но вещь необходимая по существу дѣла. Можно было бы даже сказать, что она—по природѣ необходима, если бы подъ природой понималась совокупность обстоятельствъ, ведущихъ къ указанному соглашенію. Я напоминаю здѣсь о томъ, что аналогичная теорія денегъ удалась мнѣ только потому, что я устранилъ обычное конвенціоналистическое представленіе и его произвольность. Какъ никакой хозяйственный процессъ, совершающійся при посредствѣ денегъ, не можетъ быть правильно оцѣненъ, пока функція денегъ не понята въ ея абсолютномъ, такъ сказать, сверхъ-конвенціональномъ значеніи, точно такъ же и всѣ понятія о частномъ правѣ и особенно понятіе о собственности остаются несовершенными, даже неустойчивыми, если не рѣшаются свести эти понятія къ вещественно-логической необходимости, стоящей выше всякаго произвольнаго соглашенія, которое могло быть или не быть.

Итакъ, не отдѣльная личность соглашается лишь признать за другою личностью нѣчто, ей исключительно принадлежащее; существуетъ предварительная фактическая необходимость, только слѣдствіемъ которой является привходящее затѣмъ сюда признаніе собственности. Если теперь мы представимъ себѣ, что схема двухъ лицъ распространена на множество лицъ, то и тогда окажется, что конкуренція въ обладаніи природой можетъ причинить затрудненія лишь постольку, поскольку не имѣется налицо никакого принципа взаимнаго ограниченія. Не мѣшать другъ другу, принявъ напередъ за норму равенство въ притязаніяхъ—такою максимой нельзя уже обойтись тамъ, гдѣ имѣются налицо исторически чрезмѣрно расширившіяся присвоенія и гдѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы слѣдующимъ, такъ сказать, эпигонамъ, уже не находящимъ никакихъ безхозяйныхъ частей природы, несмотря на то, открыть доступъ къ какой-либо ея части, въ особенности же, — къ необходимому участку пахотной земли. Если бы даже вначалѣ, въ моментъ болѣе значительныхъ присвоеній, не имѣла мѣста никакая несправедливость, но лишь одно въ то время невинное расширение владѣнія, то, все-таки, въ послѣдствіи отношеніе было бы измѣнено тѣмъ обстоятельствомъ, что и другіе являются соконкурентами въ пользованіи общими естественными угодыями.

Въ такихъ фундаментальныхъ вещахъ не только одновременно живущія, но и позднѣйшія поколѣнія должно разсматривать, какъ неудобныхъ конкурентовъ. Чисто историческое измѣненіе дѣла пріобрѣтаетъ здѣсь вѣсь. Правда, никто не долженъ быть ограниченъ въ пріобрѣтенныхъ имъ правахъ безъ эквивалента; но съ точки зрѣнія растущей конкуренціи въ обла-

даніи природой и ея хозяйственными благами, нужно задать себѣ вопросъ, въ какой степени можетъ отдѣльная личность удерживать эти блага въ своемъ распоряженіи? Долженъ ли, напримѣръ, земледѣлецъ имѣть во владѣніи лишь столько земли и почвы, сколько онъ можетъ обработать руками своей семьи и при нѣкоторой посторонней помощи? Это очень сложный вопросъ, ибо скотъ, и особенно лошади, необходимыя для сколько-нибудь широкаго веденія хозяйства, должны быть приняты въ расчетъ и потому должны увеличить количество человѣческихъ силъ, при помощи которыхъ можетъ идти надлежащимъ образомъ и достаточно широко сельскохозяйственное производство. Въ этомъ смыслѣ сельское хозяйство обладаетъ весьма понятной тенденціей къ нѣкоторому расширенію, и ограниченіе его простымъ семейнымъ хозяйствованьемъ, съ правильной точки зрѣнія, не можетъ считаться абсолютно нормальнымъ.

4. Рѣшеніе проблемы, кратко охарактеризованной выше, при ближайшемъ разсмотрѣніи кажется какъ бы тупикомъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Поэтому самая постановка задачи должна содержать ошибку, и эту ошибку, къ счастью, можно отыскать. Ссылка на то, что природа, которую не произвелъ человѣкъ, должна быть доступна всѣмъ, имѣетъ пріемлемый смыслъ только для первоначальныхъ состояній, слѣдовательно, и позднѣе только тамъ, гдѣ природа еще безхозяйна. Совершенно не считаясь съ тѣмъ, что однажды бывшая въ хозяйствѣ почва не является уже только природой, но есть отчасти продуктъ улучшающей культуры, уже самая воля человѣка, отграничившаго себѣ собственность, должна уважаться какъ таковая. Только тамъ, гдѣ это отграниченіе, само по себѣ, напередъ уже было несправедливостью, т. е. основывалось на насиліи,—только тамъ оно не можетъ и впоследствии стать подлиннымъ правомъ; самое большое, оно можетъ имѣть силу лишь внѣшне-юридическаго права на основаніи давности и ради порядка.

Получаются непреодолимая трудности, какъ только мы сколько-нибудь приблизимся къ чудовищной мысли о практическомъ пересмотрѣ неправильнаго историческаго образованія собственности. Именно, оказывается, что даже невинное, по нашему предположенію, излишество въ фактическомъ расширеніи землевладѣнія не могло имѣть мѣста безъ иного рода побочныхъ обстоятельствъ, на самомъ-то дѣлѣ заслуживающихъ обвиненія. Для земельного хозяйства нужны человѣческія силы, и простого семейнаго хозяйствованія не далеко хватаетъ. И потому, если нѣтъ налицо, по меньшей мѣрѣ, косвенно зависимыхъ работниковъ, которые, какъ не владѣющіе землей, надолго вынуждены выполнять услуги за плату, то для отдѣльнаго собственника нѣтъ никакой возможности расширить свое земельное хозяйство дальше извѣстныхъ, весьма умѣренныхъ границъ. Да и пользованіе оружіемъ, при помощи котораго данная область удерживается въ исключительномъ владѣ-

ніи, должно остаться крайне ограниченнымъ, пока отдѣльная личность не располагаетъ ничѣмъ, кромѣ своей собственной силы. Только когда ей повинутся другіе, можетъ она утвердить болѣе широкое свое господство.

При разсмотрѣніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ обнаруживается съ полнѣйшею ясностью, что историческое порабощеніе чловѣка чловѣкомъ предшествовало болѣе или менѣе насильственному завладѣнію почвой. Въ нашей указанной выше чисто даулистической схемѣ предполагалась свобода, основанная на равенствѣ. Но если мы представимъ себѣ процессъ противоположный, такъ чтобы одинъ сдѣлалъ другого рабомъ вполнѣ или только отчасти, то въ послѣдствіяхъ такого насилія тотчасъ обнаружится, какъ черезъ господство надъ личностью можетъ быть несправедливо и искусственно расширено господство надъ почвой. А почему многіе порабощаются однимъ, или, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ владѣнія орудіемъ становятся въ зависимость отъ одного, это объясняется отчасти слабостью, отчасти тяготящимъ къ вожаку хищничествомъ примкнувшихъ къ нему элементовъ.

Итакъ, въ то время какъ справедливая собственность есть образованіе, возникающее изъ индивидуально-свободной воли, которая не насилуетъ свободной воли другихъ, хищническая собственность напередъ уже носить на себѣ печать насилія. Поэтому хищническая собственность и принимаетъ обыкновенно форму *pendant'a* къ вооруженному господству, что и доказало въ особенности образованіе феодальной собственности. Отягощенная такою исторической традиціей съ ея непосредственными слѣдствіями, наша современность не сможетъ, однако, выйти изъ хаоса несправедливости и полуправа, предпринявъ устраненіе стараго насилія при помощи новаго насилія. Законодательное раздробленіе большихъ владѣній, кромѣ того, еще укрѣпило бы населеніе въ томъ напередъ уже нездоровомъ представленіи, что государство или вообще публичный режимъ насилія можетъ стать родоначальникомъ и творцомъ нормальной собственности. Публичный порядокъ можетъ хорошо укрѣпить и охранить фундаментальныя права, но онъ не является самъ послѣднимъ основаніемъ, на которое эти права опираются. И потому сдѣлаютъ лучше, если откажутся отъ новыхъ насильственныхъ пріемовъ и поищутъ средствъ, которыя, правда, будутъ косвенно и болѣе медленно вліять на зло, но зато затронутъ самые корни его.

Такъ какъ всякая ложная форма собственности основывается на ненадлежащемъ распоряженіи чловѣческими силами, то и нужно освободить эти чловѣческія силы, т. е. эмансипировать личности,—и тогда основанное на наемномъ трудѣ крупное владѣніе распадается само собою. Разъ сельскохозяйственные рабочіе находятъ себѣ иныя занятія и частью уходятъ изъ сель, тогда какъ остающіеся повышаютъ требованія, финансовая сторона крупнаго хозяйства тотчасъ же затрудняется. При такихъ обстоя-

тельствахъ дѣло, въ концѣ концовъ, должно само собою придти къ тому, что крупные владѣльцы сами будутъ рады раздробить свои имѣнія и отчуждить части ихъ въ пользу крестьянъ. Когда хозяйственные шансы владѣтелей крупныхъ имѣній ухудшаются, это служитъ къ выгодѣ режима умереннаго владѣнія. Всѣ остатки порабощенія, которыхъ въ селахъ еще много, должны быть уничтожены. Кромѣ того, надо позаботиться еще о томъ, чтобы крупное владѣние не избѣгало при помощи искусственныхъ пошлинъ, удорожающихъ его произведенія, заслуженнаго имъ въ течение тысячелѣтнн разрушенія и надлежащей Немезиды. Чѣмъ скорѣе добьются того, что порція крупныхъ владѣльцевъ будетъ оставлена за невозможностью удержать ее и уступлена за умеренную цѣну,—тѣмъ лучше для всего общества.

Такого рода рѣшеніе проблемы—единственное, которое согласуется и съ чисто формальнымъ правомъ. Если бы пожелали идти путемъ законодательнаго принужденія, вмѣсто того, чтобы дать возможность дѣйствовать косвеннымъ хозяйственнымъ слѣдствіямъ, то этимъ открылась бы такая варварская эра отчужденія собственности, которой границъ и крайней дикости совершенно нельзя ни предвидѣть, ни измѣнить. Не только пострадали бы одновременно всякаго рода крупныя имѣнія, но получила бы угрозу всякая, даже самая нормальная собственность. Суверенный произволъ законодательства смѣшалъ бы въ одну кучу всѣ права, и ограбленіе всѣхъ всѣми стало бы господствующимъ режимомъ.

5. Античныя государства и общества подпали разложенію и упадку въ такой мѣрѣ, что въ нихъ утвердились тираннія массъ и цезаризмъ. Коль скоро общество распадается на двѣ враждующія другъ съ другомъ части, изъ коихъ одна по существу лишена владѣнія, а другая главнымъ образомъ отличается владѣніемъ и имуществомъ, то должна потерпѣть неудачу всякая попытка изобресть какое либо разграниченіе правъ и какую-либо систему учреждений, которая могла бы зарыть эту пропасть. Какую бы форму ни придали, на примѣръ, избирательному праву,—сдѣлаютъ ли его вполнѣ общимъ, или ограниченнымъ, или даже различнымъ для различныхъ компетенцій и предметовъ законодательства и потому смѣшаннымъ,—во всѣхъ случаяхъ и та, и другая часть общества будутъ стремиться увеличить свою собственную силу на счетъ силъ противной стороны. Лишенные владѣнія члены общества, какъ они воспитаны историческими традиціями рабства, будутъ воровать и грабить путемъ законодательства, и прежде всего путемъ налоговъ, вездѣ, гдѣ только достигнуть достаточнаго вліянія. Владѣльцы, съ своей стороны, и еще больше въ виду такого опаснаго положенія, будутъ всѣми силами стараться о томъ, чтобы, насколько возможно, снова обезсилить противную сторону, т. е. заковать ее въ старыя или новыя только по формѣ цѣпи. Такимъ образомъ такъ называемое общество превратится въ хаосъ, и, въ концѣ концовъ, внутри или внѣ его найдутся комическіе „спа-

сители“, которые, въ образѣ грубыхъ диктаторовъ или дикихъ, еще не разложившихся племень, создадутъ нѣкоторый внѣшній порядокъ, причемъ всѣ былые остатки свободы пойдутъ къ чорту.

При такомъ ходѣ дѣлъ, какъ предположенный выше, очевидной причиной разрушенія и развращенія общества является недостатокъ законности. Качество массъ, даже если не считать разъяренную выше гнилость ихъ, есть главное обстоятельство, дѣлающее всякій выходъ изъ положенія иллюзорнымъ. Соціально это качество вліяетъ гораздо болѣе разрушительно, нежели себлюбіе особенно богатыхъ владѣніями классовъ и сословій. Всегда стараться только загрэбать и урывать куски, всегда жить только на счетъ тѣхъ, кто что-нибудь имѣетъ, всегда стремиться къ пропитанію и содержанію на счетъ государства—такая коммунистически-безпутная тенденція должна заразить преступностью и безнравственностью всякое учрежденіе, какъ бы хорошо оно само по себѣ ни было. Поэтому съ пролетарствомъ, какъ таковымъ, нельзя связать ничего здравомысленнаго, солиднаго и честнаго. Наоборотъ, пролетализированію долженъ быть положенъ конецъ и его должно уничтожить, если вообще должны появиться какіе-либо виды на лучшій общественный строй. Нынѣшній строй негоденъ; онъ долженъ, если не измѣнится въ противоположномъ смыслѣ, превратиться подъ конецъ въ кучу мусора.

На этомъ основаніи, ревнующей о пролетаріяхъ лже-политикѣ, которая стремится снять съ человѣка послѣднюю рубашку и превратить массы въ нищихъ, я противопоставилъ не только мое выраженіе, но и ясное понятіе о распролетаризаціи. Нужно строить на личности, обладающей умѣренной имущественной самостоятельностью. У нея можно предположить наличность, въ среднемъ, закономѣрнаго чувства порядка, такъ же какъ и наличность склонности къ сбереженію хозяйственныхъ средствъ, т. е. къ бережливому использованію имущества и къ бережливости вообще. У ней прежде всего можно найти или образовать чувство отвѣтственности за наиболѣе продуктивное всякій разъ и наиболѣе полезное приложеніе силъ и средствъ. Въ книгѣ „Оружіе, капиталъ, трудъ“ я освѣтилъ въ различныхъ направленіяхъ противоположность между стремящейся къ захвату капитала демагогіей и моей идеей распролетаризаціи. Особенной же задачей настоящаго сочиненія служить выясненіе той помощи, какую можетъ оказать дѣйствительно правовая мысль тому дѣлу, которое мы назвали соціальнымъ спасеніемъ.

Отрицательно критическіе и до извѣстной степени даже невольнo окрашенные нѣкоторымъ обоснованнымъ соціальнымъ пессимизмомъ отдѣлы нашего сочиненія охарактеризовали жалкое состояніе современнаго общества во всѣхъ такъ называемыхъ культурныхъ странахъ; это состояніе, при дальнѣйшемъ развитіи, ставитъ неразрѣшимыя задачи, влечетъ за собою все большее и большее погруженіе въ хаосъ и уничтоженіе всякаго истиннаго права. Комично въ этихъ дурныхъ состояніяхъ то, что они выдаютъ себя за

охранителей и попечителей будущихъ превосходнѣйшихъ общественныхъ образованій, за что и прославляютъ сами себя. Меня же и прежде, когда я не разсмотрѣлъ еще окончательно ихъ полной испорченности, они нисколько не привлекали. Въ концѣ концовъ, отвращеніе къ нимъ было единственнымъ побужденіемъ, которое удержалось, возросло и опредѣлило оставшійся общій итогъ. Критическое изслѣдованіе истории теоретическаго развитія и практическихъ опытовъ всего социализма давно уже доставило мнѣ матерьялъ, дополненіе и расширеніе котораго въ теченіе уже почти четырехъ десятилѣтій все болѣе и болѣе укрѣпляло меня въ одномъ убѣжденіи, а именно, что безъ правовыхъ, а потому индивидуалистическихъ исходныхъ точекъ зрѣнія нельзя заложить никакого социальнаго фундамента, а тѣмъ болѣе, нельзя построить надежнаго социальнаго зданія.

6. Правовое сознание несоединимо съ холопствомъ, и въ этомъ заключается причина, почему увеличеніе настоящаго, совершенно оголтѣлаго пролетаріата должно вредно вліять на все общество. Конечно, на другомъ концѣ социальной лѣстницы имѣется иное большое зло въ видѣ накопленія колоссальныхъ богатствъ, возникшихъ на почвѣ централистическаго накопленія владѣнія и капитала, и требуемая нами распролетаризація не можетъ сдѣлать значительныхъ успѣховъ, если рядомъ съ нею не будетъ идти освобожденіе общества отъ разжирѣвшихъ богачей. А такъ какъ классъ богачей выросъ подъ защитой вооруженнаго насилия и современнаго милитаризма и можетъ держаться, только опираясь на грубую силу, то извѣстная мѣра уменьшенія милитаризма дѣлается также социальной необходимостью. Сюда присоединяется еще требованіе, чтобы соблюдалась бережливость во всѣхъ публичныхъ функціяхъ, и преимущественно въ военныхъ, съ цѣлью удержать въ общественномъ хозяйствѣ возможно больше избытковъ производства для себя и дать возможность пролетарію отложить значительныя сбереженія и такимъ образомъ, наконецъ, эмансипировать себя и свой классъ въ смыслѣ персонализма.

Распространеніе непосредственнаго реального владѣнія на всѣхъ не только не выполнимо, но было бы даже помѣхой цѣлямъ раздѣленія труда. Поэтому всѣ и каждый не должны и не могутъ быть владѣльцами земли. Наоборотъ, ничто не мѣшаетъ обобщенію косвеннаго владѣнія вещами въ формѣ акцій и прочихъ фондовыхъ бумагъ, въ особенности же въ формѣ денежныхъ цѣнностей. Такимъ образомъ каждый можетъ имѣть въ распоряженіи своемъ извѣстную сумму цѣнностей, которая дѣлаетъ его лично самостоятельнымъ, если даже въ хозяйственной машинѣ ему назначены будутъ подчиненныя функціи. Если кто-нибудь обезпечить себя указаннымъ способомъ на болѣе долгое время, то онъ не можетъ уже болѣе считаться пролетаріемъ, если даже въ теченіе этого времени не получитъ никакой работы. Скорѣе, онъ будетъ относиться къ числу тѣхъ среднихъ существова-

ніи, которыя и сами не являются несвободными, и другихъ не дѣлають такими. Надъ достиженіемъ такого идеала и должно работать общество, уничтожая, съ одной стороны, централистическое, высасывающее соки общества насиліе, а съ другой—обнищаніе пролетаризированныхъ слоевъ.

Централистическое накопленіе силы и капитала соотвѣтствуетъ обира-нію и обнищанію массъ. То и другое причинно связаны и основываются на аналогичной несправедливости. Лишенная владѣнія масса образуетъ пьедесталь для воздвиганія безмѣрной власти, и наоборотъ, однажды созданное насиліе имѣетъ тенденцію расти на счетъ общей свободы и путемъ расширенія всеобщей барщины. Безъ несправедливости и насилій отнюдь не могли бы возникнуть государственныя и хозяйственныя централизаціи, царства индустріи и колоссальныя города, какъ мы имѣемъ ихъ предъ собою теперь. Они на самомъ дѣлѣ объяснимы, только какъ сопринадлежность той хищнической политики и хищнической исторіи, благодаря которымъ большая часть богатства однихъ была основана на обѣднѣніи другихъ.

Разъ будетъ имѣть мѣсто общественный режимъ, гдѣ главный центръ тяжести вліянія перейдетъ въ область экономически умѣренной индивидуальной силы, то даже самое широкое обобщеніе политическихъ правъ, основанное на равенствѣ, какъ, на примѣръ, самое крайнее расширеніе избирательнаго права, не будетъ уже опасно для порядка въ сферѣ собственности. Такъ какъ у всякаго будетъ что охранять и защищать, то онъ не станетъ пользоваться законодательной властью во зло и во вредъ тому принципу, которому онъ обязанъ своей собственной самостоятельностью. Наоборотъ, онъ самъ будетъ думать, какъ бы помочь точнѣйшему проведенію въ жизнь и примѣненію истинной законности. Соціальныя проблемы, которыя иначе были бы неразрѣшимы, при такомъ предположеніи разрѣшаются совершенно просто. Въ частности, были бы устранены фривольность обложенія налогами и налоговая инквизиція. Разумѣется, государственный и общинный бюджеты были бы подчинены совершенно иному, несравненно болѣе дѣйствительному контролю, чѣмъ это было возможно при режимѣ обира-нія и хищничества. Каждый представитель серьезно считался бы съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ приходахъ и расходахъ участвуютъ его деньги и деньги его поручителей, и что общественное хозяйство должно быть устроено на началахъ и по масштабу частнаго хозяйства и держаться въ скромныхъ границахъ. Роскошь государства и общинъ рядомъ съ простыми и солидными частными хозяйствами стала бы правовой и фактической невозможностью. Главное же было бы въ томъ, что всѣ члены общества были бы связаны подлинно законными интересами, а не стремились бы обосновать свое собственное существованіе и свою силу на стѣсненіи и уничтоженіи чужихъ существованій.

7. Уже болѣе солидному, не-соціалистическому, ученію о народномъ хозяйствѣ восемнадцатаго вѣка не чужда была мысль, что при свободномъ об-

щеніи и при правильной оцѣнкѣ отношеній благосостояніе одной части можетъ только помочь благосостоянію другой, т. е. что на появленіе чужого достатка и силы не придется смотрѣть, какъ на нашествіе опаснаго врага. Наоборотъ, обѣ части могли бы тѣмъ больше сдѣлать другъ для друга, чѣмъ успѣшнѣе была бы каждая въ своихъ собственныхъ хозяйственныхъ усиліяхъ. Нельзя оспаривать указаннаго отношенія вещей, но оно требуетъ предварительнаго условія, истинная сущность котораго еще не была раскрыта и формулирована. Именно, съ обѣихъ сторонъ должна быть налицо добрая воля — пользоваться достигнутой экономической или иною властью лишь въ положительномъ смыслѣ, т. е. только для подлиннаго преуспѣянія, а не въ отрицательномъ—къ вреду и угнетенію другой части. На нашемъ точномъ языкѣ и по нашему пониманію это значитъ, что съ той и съ другой стороны должна быть обнаружена правомѣрная воля, а потому не должно привходить никакой жажды хищенія или жажды господства. Тогда каждая часть можетъ смотрѣть на ростъ другой части не только безъ опасенія передъ враждебнымъ перевѣсомъ силы, но прямо съ удовлетвореніемъ, и ожидать, къ тому же, что общеніе съ элементами, болѣе способными къ выполненію общественныхъ функцій, будетъ болѣе плодотворно, нежели общеніе съ элементами, слабыми въ экономическомъ или иномъ отношеніи.

При противоположныхъ же тенденціяхъ все получается въ обратномъ видѣ; предназначенная къ пожранію слабость побуждаетъ тогда къ насильственнымъ дѣйствіямъ; каждый долженъ остерегаться въ чемъ-нибудь оказаться слабѣйшимъ; онъ долженъ смотрѣть на возрастаніе силы другого, какъ на свою собственную гибель, и такимъ образомъ враждебное, вредоносное поведеніе должно становиться тогда нормой, притомъ не только въ политическихъ, но и въ частныхъ взаимоотношеніяхъ. Какъ видно, пропасть, зіяющая между обѣими формами отношеній,—отнюдь не ничтожна. Это—пропасть прямо между правомъ и безправіемъ. Дѣло идетъ о волевомъ стремленіи. По отношенію къ природѣ и въ рамкахъ справедливости личные интересы могутъ проявляться свободно; только несправедливое нанесеніе вреда интересамъ другихъ всегда исключается. Эта чисто позитивная дѣятельность интересовъ не есть эгоизмъ; послѣдній, скорѣе, единственно и исключительно направленъ на несправедливое. Отдѣльно, сама для себя, никакая часть не можетъ оказаться эгоистичной: только при вторженіи въ чужую сферу умѣстна такая квалифікація. На этомъ основаніи наше понятіе объ антиэгоизмѣ не имѣетъ аскетическаго смысла; оно значитъ только, что игръ интересовъ должны быть указаны истинно-законныя границы.

Слово и понятіе „законность“ должны быть понимаемы не просто юридически; они не должны быть понимаемы такъ ограниченно даже тогда, когда на мѣсто недостаточной и бесполезной традиціонной юриспруденціи будетъ введена правильная система. Внѣшне-охранительное право всегда можетъ

относиться только къ вещамъ и отношеніямъ, къ которымъ примѣняется принужденіе исполнительной власти, и тамъ, гдѣ возможны достаточно убѣдительныя доказательства. Корни всякой законности заложены глубже, и простая боязнь передъ юридическими слѣдствіями поведенія мало имѣетъ значенія для нашихъ соціальныхъ цѣлей. Вѣдь, какъ разнообразна и широка область тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя, по существу, лежатъ внѣ области юридическаго возмездія или практически лишь малодоступны для него тамъ, гдѣ ихъ имѣютъ въ виду! Въ послѣднемъ отношеніи поучительнымъ примѣромъ служитъ не только крайне распространенная поддѣлка питательныхъ средствъ, коихъ составленіе трудно или вовсе нельзя контролировать; почти всѣ функціи въ общей системѣ раздѣленія труда доступны какой-нибудь поддѣлкѣ, противъ которой дѣйствительно предохранить могли бы только совѣсть и достоинство производителей.

Итакъ, если нѣтъ морально-закономѣрнаго настроенія, все прочее насколько не поможетъ. Дѣло идетъ о свободной доброй волѣ, и такъ какъ до сихъ поръ стремленіе къ стяжанію обнаружилось гораздо сильнѣе, чѣмъ совѣсть, то дальнѣйшаго улучшенія надо ожидать только отъ моральнаго углубленія и укоренѣнія правового сознанія. Но вовсе не пустякъ — создать такое сознаніе. Какъ учатъ исторія и современность, скорѣе могутъ получить мѣсто религіозныя системы съ ихъ глупостями и предписаніями, нежели проникнетъ куда-нибудь чистая, простая мораль, которая не имѣетъ никакого другого принципа, кромѣ добросовѣстнаго и законнаго отношенія человѣка къ человѣку. Это происходитъ потому, что религіи всегда обращались къ себялюбію или страху человѣка, притомъ даже тамъ, гдѣ къ нимъ кажущимся образомъ или случайно примѣшивалось нѣкоторое количество антиэгоизма. Себялюбивые загробные интересы всегда, вѣдь, оставались преобладающими, приводились ли они въ движеніе посредствомъ приманки, или посредствомъ устрашенія.

Если совѣсть должна стать ручательствомъ справедливаго поведенія, то идейныя побужденія должны будутъ достигнуть большаго вліянія, чѣмъ имѣли его гдѣ-либо религіи. Должно укорениться убѣжденіе, что все благополучіе отдѣльной личности и ея потомства зависитъ на первомъ планѣ отъ правосознанія и отъ его не только внѣшне, но и внутренне добросовѣстной работы. Конечно, справедливо поступать — не все, что нужно въ соціальномъ смыслѣ. Въ этомъ заключается только отрицательная сторона отношеній; но именно она-то и имѣетъ наибольшую важность. Воздерживаться отъ несправедливости, т. е. отъ обидъ, еще не значитъ положительно кому-либо помогать. Но воздержаніе отъ обидъ дѣлаетъ возможнымъ положительное, къ правильному обмѣну услугъ приводящее общеніе, внѣ рамокъ котораго можетъ быть вопросъ объ иной помощи еще такимъ только лицамъ, которыя по слабости не могутъ помочь себѣ сами. Значеніе правовой идеи этимъ не

уменьшается, ибо такая дополнительная помощь больнымъ и слабымъ не является чѣмъ-то нормальнымъ, она имѣетъ смыслъ лишь второстепенной случайности, смыслъ исключенія. Если все идетъ правильно, то соответствующие элементы должны уже сами принять мѣры предосторожности, чтобы не прибѣгать къ чужой поддержкѣ въ случаяхъ неспособности выполнять профессию. Слѣдовательно, въ принципѣ останутся только отдѣльные хозяйственные случаи, которыми нельзя распорядиться напередъ или которые не бывали прежде, и при распространеніи солидныхъ жизненныхъ привычекъ, претензіи на социальную помощь, обезпечиваемую болѣе тѣсными или болѣе широкими кругами, могутъ сдѣлаться уже не слишкомъ значительными.

8. Существенно отрицательнымъ понятіемъ является и то, что ясно мыслится, безъ дальнѣйшихъ разъясненій, подъ именемъ правъ человѣка. Всякій человѣкъ, къ какому бы полу, расѣ и классу онъ ни принадлежалъ, долженъ быть уважаемъ въ своей личной свободѣ и неприкосновенности; эта необходимость именно и получается при посредствѣ нашей, приведенной выше, дуалистической схемы двухъ лицъ, которыя разсматриваются лишь съ точки зрѣнія того, въ чемъ они равны. Различіе половъ влечетъ за собой связи, при которыхъ неравенство получаетъ болѣе вѣсъ, нежели равенство; но и здѣсь требованіе воздерживаться отъ несправедливости, т. е. отъ нанесенія ущерба свободѣ и неприкосновенности остается въ полной силѣ. Особья установленія и обязательства, которыя обусловливаетъ спеціальная правовая институтъ, вродѣ брака, являются отчасти положительными слѣдствіями неравенства; но общихъ притязаній на соблюденіе правъ человѣка это касается столь же мало, какъ мало привхожденіе какого-нибудь спеціального обязательства касается свободы экономическихъ отношеній.

Какого бы неизменнаго рода ни была раса, ея индивидуумы имѣютъ совершенно то же право на уваженіе своего обще-человѣческаго права, какъ если бы она принадлежала къ числу расъ, наиболѣе высоко одаренныхъ. Свобода и жизнь личности—фундаментальныя права; т. е. было бы при всякихъ обстоятельствахъ несправедливымъ даже только уменьшить абсолютную свободу личности или предпринять что-либо противъ ея жизни, если она сама не провинилась вторженіемъ въ чужую область. Личность никоимъ образомъ не должна терпѣть обиды. И потому съ нею не должно случаться чего-либо подобнаго, пока она сама держится въ границахъ своей собственной области, т. е. сама не начинаетъ несправедливаго дѣла. Здѣсь всегда важно отсутствіе преступной инициативы.

Если же нѣкоторый родъ людей,—благодаря ли своему естественному свойству, или благодаря пріобрѣтеннымъ привычкамъ,—походитъ по своимъ задаткамъ на хищное животное, причемъ слѣдствія этого свойства можно рассчитать напередъ, тогда этотъ родъ употребляетъ во зло свое человѣческое право. Онъ самъ не уважаетъ права, и потому не можетъ ожидать,

чтобы ему было воздано иначе, чѣмъ любому преступнику, который, на томъ именно основани, что стоитъ подѣ властью права, совершенно справедливо лишается своей свободы, если посягаетъ на свободу другихъ Барышническія расы, вродѣ еврейской, не могутъ поэтому заявлять притязанія на общее равное человѣческое право безъ самаго непримиримаго противорѣчія. Допустить такую вещь значитъ то же, что провозгласить общее право на обирание, короче, право на несправедливость и окрестить еще это комическое право на преступленіе именемъ человѣческаго права! Такого гуманнаго фасона и оказываются, между тѣмъ, общія и, по большей части, также личныя притязанія евреевъ, коими они обременяютъ всѣ народы, приготавливая имъ гибель.

Кто рѣшается вредить или даже уничтожать другого, тотъ долженъ ожидать, что этотъ другой будетъ надлежащимъ образомъ реагировать на подобное поведеніе. То, что вѣрно для двухъ лицъ, примѣнимо по аналогии къ расамъ и национальностямъ, такъ же, какъ къ сословіямъ, классамъ и вообще къ коллективностямъ. Слѣдовательно (чтобы привести здѣсь только главный примѣръ), поскольку еврейскій народъ работаетъ надъ уничтоженіемъ другихъ народовъ, постольку другіе народы имѣютъ полнѣйшее право охранять свою цѣлость путемъ устранения евреевъ. На тенденции къ уничтоженію слѣдуетъ, разумѣтся, отвѣчать тенденціями къ уничтоженію же. Отдѣльный же еврей во всѣхъ, юридическихъ и не юридическихъ своихъ отношеніяхъ, имѣетъ еще противъ себя подозрѣніе въ желаніи несправедливо вредить другимъ, въ употребленіи дурныхъ средствъ, особенно, — обмана и лжи. Конечно, отдѣльная личность, гдѣ и пока она терпима, можетъ быть наказываема только въ мѣру ея поступковъ. Но такой принципъ не исключаетъ того, чтобы лицо, подозрительное уже по всей расѣ, напередъ было предупреждено, такъ же, какъ всякое другое лицо, подозрительное по извѣстнымъ своимъ качествамъ. Его руководству или его свидѣтельству будутъ давать мало или вовсе не будутъ давать вѣры; кратко выражаясь, не станутъ вѣрить его личному увѣренію, а иногда даже и его клятвенному увѣренію, ни въ какихъ дѣлахъ, гдѣ онъ не можетъ подтвердить такого увѣренія на дѣлѣ.

Скорѣе, чтобы имѣть возможность принять что-либо съ нѣкоторой надежностью, должны будутъ держаться, главнымъ образомъ, объективно устанавливаемыхъ обстоятельствъ и подтвержденій. Довѣрять личности, какъ таковой, всегда вредно, разъ личность имѣетъ противъ себя уже общій расовый задатокъ ненадежности и обманнаго поведенія. Отдѣльная же личность, представляющая въ нѣкоторой мѣрѣ исключеніе, должна, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, подумать, какъ ей добиться признанія этихъ исключительныхъ качествъ путемъ объективныхъ доказательствъ. Предубѣжденіе противъ нея вообще имѣетъ для себя оправданіе. Уступкой является уже и то, что общество вообще связывается съ подозрительными элементами.

9. Если взять дѣло въ цѣломъ, т. е. если понять его какъ общее и коллективное обстоятельство, то единственнымъ выходомъ, посредствомъ котораго можно устранить какъ слѣдуетъ губящую народъ и народы несправедливость со стороны какой нибудь расы, окажется полное удаление самой этой расы. Но такъ какъ мы, на нашей планетѣ, терпимъ вредъ не только вслѣдствіе примѣси хищныхъ элементовъ внутри націй, но и извнѣ, интернационально, то слѣдуетъ позаботиться еще о томъ, чтобы расовый врагъ не организовался в нѣ насъ, и на мѣсто внутренняго вреда для народовъ не появилось какой нибудь вредной инородной инициативы.

Напримѣръ, такъ называемый сіонизмъ стремится создать евреямъ въ старой Палестинѣ новую Палестину. Черезъ это у змѣи, съ которой народы борются у себя самихъ, выросла бы еще голова въ видѣ собственнаго государства. Кромѣ того, такъ какъ большая часть разсѣянныхъ по всему міру евреевъ останется тамъ, гдѣ она есть или гдѣ они совьютъ себѣ гнѣздо, то подарокъ земному шару получился бы отъ этого вдвойнѣ неприятный. Евреи приобрѣли бы для своихъ операций противъ рода человѣческаго еще однимъ убѣжищемъ больше, а именно, свою собственную землю и область исключительнаго господства, т. е. къ прочимъ союзамъ и центрамъ ихъ дѣятельности прибавился бы еще одинъ еврейско-шовинистскій главный центръ съ своей собственной землей. Гнѣздо, разоренное римлянами, было бы вновь построено, и какъ послѣ римскаго разоренія евреи расселились по всему міру, такъ и послѣ возстановленія гнѣзда они тотчасъ позаботились бы о томъ, чтобы больше еще, чѣмъ раньше, осчастливить весь земной шаръ своимъ отродьемъ.

Итакъ, нечего обманывать себя, думая, что евреи захотятъ всѣ вмѣстѣ и надолго водвориться въ границахъ какого-нибудь еврейскаго отечества. Если бы что-либо подобное и могло осуществиться въ умѣренной дозѣ, хотя бы только на время (какъ ни мало вѣроятно даже что-либо приблизительно похожее на это), то искусственно созданный центръ номадовъ опять-таки сталъ бы разсылать доброе количество своихъ людей по всему міру, и міръ отнюдь не былъ бы такимъ образомъ спасенъ отъ несправедливости, которая въ образѣ еврейской расы проникла во всѣ его пазы. И потому, если въ этомъ главномъ пунктѣ должно быть осуществлено дѣйствительное право, то остается лишь единственное, упомянутое уже нами, средство, а именно, отвѣтить уничтоженіемъ на уничтоженіе, разрушеніемъ на разрушеніе. Какую форму приметъ примѣненіе указаннаго средства, косвенно ли хозяйственную, или иную, вродѣ, напримѣръ, постепеннаго отбора негоднаго населенія,—этотъ вопросъ мы, въ нашемъ настоящемъ изложеніи, оставляемъ открытымъ. Настоящее изложеніе не требуетъ отъ насъ ничего, кромѣ доказательства и иллюстрированія въ пользу права лучшихъ народовъ бороться противъ паразитической расы, живущей высасываніемъ ихъ соковъ.

Общія человѣческія права устраненіемъ расъ, одаренныхъ преступными задатками, будутъ оскорблены такъ мало, что, скорѣе, именно такимъ только путемъ эти права и могутъ быть какъ слѣдуетъ защищены. Но права человѣка понимались еще въ другомъ, положительномъ, т. е. болѣе притязательномъ смыслѣ. Не встрѣчать помѣхъ для дѣятельности своихъ силъ и въ пріобрѣтеніи собственности есть требованіе, которое нужно считать, конечно, вообще справедливымъ, такъ какъ оно подтверждаетъ только особую составную часть индивидуальной свободы. Однако, отсюда не слѣдуетъ, что вся территорія должна быть доступна для всякаго рода элементовъ населенія. Останется ли публичное право исключенія и изгнанія надолго общимъ атрибутомъ государства и можетъ ли оно стать совмѣстимымъ съ расширеніемъ правъ человѣка,—это безразлично для спеціальнаго случая, гдѣ приходится отражать выпады преступныхъ элементовъ. Эти элементы при всѣхъ обстоятельствахъ надо держать на почтительномъ разстояніи, все равно, будетъ ли имѣть мѣсто государственное отграниченіе отъ нихъ, т. е. изгнаніе ихъ, или нѣтъ.

Поскольку государство можно разсматривать, какъ особую отграниченную отъ другихъ подобныхъ союзовъ ассоціацію, постольку никакой чужакъ не имѣетъ права быть принятымъ въ члены такого объединенія. Вообще, тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ особенныхъ, положительныхъ связяхъ, допущеніе къ нимъ новыхъ лицъ будетъ всегда зависѣть отъ прямого рѣшенія прежнихъ участниковъ и органовъ. Здѣсь ясно обнаруживается, какъ велика пропасть между простымъ воздержаніемъ отъ обидъ и вступленіемъ въ особыя обязательства. На послѣднія общее человѣческое право не распространяется нимало; скорѣе, здѣсь имѣютъ мѣсто спеціальныя формы, носящія характеръ пріобрѣтенныхъ правъ и считающіяся съ различіями человѣческой природы.

Еще большимъ источникомъ сомнѣній и ошибокъ является пользование выраженіемъ „общія права человѣка“, когда это понятіе расплывается въ туманное и смутное представленіе о притязаніяхъ человѣка на все и вся. То простое обстоятельство, что кто-либо гдѣ-либо сталъ существовать, вовсе не включаетъ гарантіи, что для него имѣются налицо и дальнѣйшія условія существованія, или что такія условія должны быть созданы для него другими. Если минимумъ жизненной солидарности въ случаяхъ недостатка создаетъ полную участія помощь, то это—вовсе не вслѣдствіе какого-то права на помощь; это вовсе не моральный актъ справедливости, но свободный актъ; этотъ актъ, въ послѣднемъ счетѣ, имѣетъ причиной то, что принимается къ сердцу общій человѣческій жребій. Сдѣлать изъ подобной вещи помощь, требуемую по праву, значитъ забыть о границахъ различныхъ областей. Кромѣ того, въ такихъ случаяхъ поднимается еще вопросъ, дѣйствительно ли заслуживаютъ помощи, по качествамъ своимъ, данные

элементы общества. Въ области права существуетъ такъ много обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ благополучіе какъ общества, такъ и отдѣльной личности, что было бы глупо думать, что можно овладѣть этой широкой внѣ-правовой областью при помощи одной только юстиціи. Но, разумѣется, въ глубокомъ моральномъ и юридическомъ смыслѣ проведеніе правовыхъ границъ является предпосылкой того, что и все прочее будетъ чего-нибудь стоить.

10. На основаніи того, что сейчасъ нами отмѣчено, мы придаемъ особенный вѣсъ самымъ первымъ исходнымъ пунктамъ для обоснованія всякаго права, даже если дѣло идетъ только объ отрицательномъ обстоятельствѣ, т. е. о воздержаніи отъ несправедливости; но на первомъ планѣ мы имѣемъ въ виду, конечно, область собственно уголовного права. Наша старая теорія реагированія, т. е. теорія мести, основанной на разумномъ убѣжденіи, нуждается въ особомъ разъясненіи въ связи съ изложеніемъ настоящаго отдѣла. Эта теорія имѣетъ два приложенія и какъ бы двѣ функціи. Прежде всего, она имѣетъ отношеніе къ историческимъ фактамъ, смѣшанную и грубо-насильственную природу которыхъ она достаточно хорошо разъясняетъ. Далѣе, она служитъ средствомъ конструировать дѣйствительное право для современности и для будущаго. Въ этой второй ея роли простое и непосредственное естественное побужденіе къ отмщенію должно все больше и больше отступать передъ руководящимъ воззрѣніемъ; такимъ образомъ въ качествѣ правового критерія будетъ признана только интеллектуальная, такъ сказать, форма мести, т. е. раціональная потребность возмездія.

Выраженіе „естественный принципъ“ — всегда двусмысленно и въ особенности можетъ ввести въ обманъ въ уголовно-правовой теоріи мести. Кровавая месть — старый историческій институтъ; но и она имѣла своимъ предметомъ съ самаго начала всегда опредѣленные случаи несправедливости и обиды, такъ что реагирующее въ ней возбужденіе чувства также должно быть разсматриваемо, какъ результатъ размышленія. Здѣсь лежало въ основѣ что-то общее, чего нельзя квалифицировать, какъ простое ощущеніе. Если на убійство или на смертельный ударъ отвѣчали также убійствомъ, то такое убійство не принадлежало уже къ области тупой и безъидейной мести, которая реагируетъ на всякій нанесенный вредъ, не заботясь о томъ, не было ли такое нанесеніе вреда само уже по себѣ правильно мотивированнымъ реагированіемъ.

Итакъ, исключеніе голой, лишенной всякой мотивировки мести вполне понятно. Даже въ аналогичныхъ движеніяхъ животныхъ ихъ ограниченность въ отношеніи слѣпой мести не абсолютна. И животныя различаютъ, хоть и очень умѣренно. А сверхъ-животное — человекъ становится иногда не только подлиннымъ животнымъ, но даже ниже животнаго. Когда его злобная воля приведена въ движеніе, онъ довольно часто обращаетъ ее, не разбирая,

противъ всякаго предмета, принятаго имъ за причину обиды, не говоря уже о томъ, что такіе безобразные выпады слѣпо направляются иногда во всѣ стороны, если отсутствуетъ опредѣленный предметъ для мести. Тогда это—физиологическіе, чтобы не сказать прямо, физическіе процессы съ единственною характерной прибавкой элемента злобы. На подобной вещи не можетъ быть основано какое-либо право, но несомнѣнно изъ нея выходитъ много безправія, особенно—историческаго.

Задатокъ къ реагированію не ограничивается только первыми обидами, но въ своихъ слѣдствіяхъ и въ борьбѣ простирается на всѣ причиненныя неприятности. При этомъ жажда мести можетъ дѣлаться все болѣе и болѣе безразсудной, такъ что лишается, подъ конецъ, всякаго смысла и разсудка. И потому, если мы въ нашей теории уголовного права кладемъ въ основу принципъ мести, то мы понимаемъ реагированіе всегда въ смыслѣ чего-то, сообразованнаго съ разумомъ. Такъ какъ простыя воззрѣнія соотвѣтствуютъ только простымъ фактамъ и комбинаціямъ, то общій принципъ можетъ научить чему-либо опредѣленному только въ его приложеніяхъ. Если будутъ правильно пользоваться этой методологической необходимостью, которая, впрочемъ, имѣетъ силу при всякомъ примѣненіи принциповъ, то и аксіома о томъ, что всякое преслѣдованіе несправедливости имѣетъ въ основѣ своей мстительную тенденцію, не будетъ использована для вывода ложныхъ слѣдствій. Не все, что называютъ местью, можетъ индивидуально стать уголовнымъ правомъ; но несомнѣнно, что анализъ всякаго такого права въ его мотивахъ даетъ, какъ составную часть, мстительное чувство въ видѣ рѣшающаго побужденія; и это чувство столь существенно, что безъ него уголовное право теряетъ всю свою опредѣленность.

На самомъ дѣлѣ, кажется страннымъ, что одинъ и тотъ же принципъ, съ одной стороны, ведетъ къ самому разнузданному безправію, а съ другой, является условіемъ осуществленія дѣйствительнаго права. Этотъ рѣдкостно противорѣчивый дуализмъ, даже кажущееся прямое противорѣчіе, тѣмъ не менѣе, разъясняется, когда мы при ближайшемъ разсмотрѣніи найдемъ, что вообще возможность двойственнаго результата является вездѣ правиломъ. Даже самый отвлеченный разумъ, какъ онъ дѣйствуетъ въ наиболѣе общемъ мышленіи, т. е. въ чисто логическихъ и математическихъ его приложеніяхъ, является не только способностью къ истинѣ, но и задаткомъ къ неправдѣ, какъ бы странно это ни звучало, ибо разумъ не избавленъ отъ заблужденія. Способность схватывать включаетъ въ себя и способность промахнуться. Поэтому неправильныя понятія объясняются по аналогии съ ошибками. Значитъ, нечего удивляться, что мстительное реагированіе обладаетъ тою же двусторонностью, и притомъ въ высокой степени!

Вообще, не существуетъ никакого общаго принципа, который могъ бы служить критеріемъ для исключенія всякихъ теоретическихъ заблужденій и

практическихъ ошибокъ. Скорѣе, всегда приходится прибѣгать здѣсь къ спеціальному изслѣдованію. И теорія уголовного права также составляется изъ отдѣльныхъ истинъ. И, конечно, для нея это — только выгода и преимущество, что свои правовыя понятія она радикальнымъ анализомъ послѣднихъ основаній можетъ свести къ простѣйшимъ требованіямъ и побужденіямъ. Извѣстная мѣра интеллектуальности должна быть здѣсь предположена; ибо безъ нея вообще получаютъ только слѣпые физическіе процессы, но отнюдь не правовыя понятія. Безъ идеи, безъ мыслительнаго аппарата отнюдь не можетъ быть концепціи права. Поэтому вполне свободное представленіе объ отношеніи лица къ лицу, которое мы положили въ основу схемы, всюду служить основнымъ предположеніемъ, и реакціонаніе также получаетъ въ этой схемѣ опредѣленный смыслъ. Реакція всегда слѣдуетъ за инициативой обиды и потому является внѣшнимъ признакомъ того, что предшествуетъ ей въ глубинѣ, внутри, въ видѣ интеллектуальнаго стремленія къ отмщенію.

Х.

ЗАКОНОМѢРНАЯ СОЦІАЛЬНОСТЬ.

1. Существуютъ излюбленныя разнообразныя приставки къ слову соціалъ, которыми обозначаютъ разные партійные оттѣнки. Особенно охотно ихъ заимствовали изъ области религіонизма или націонализма. Но намѣренія при этомъ не были честными: дѣло всегда было въ томъ, чтобы замаскировать иныя политическія, и притомъ всегда реакціонныя, цѣли партіи или сословія какимъ-нибудь соціальнымъ предлогомъ. Мы, съ своей стороны, оставимъ въ сторонѣ христіанство и націонализмъ или, лучше сказать, шовинизмъ, какъ ложныя направленія. Дѣлать удареніе на національностяхъ, гдѣ онѣ не являются шовинистическими, можно, конечно, и въ хорошемъ смыслѣ; и мы, вѣдь, принципиально приняли за норму лучшую національность, но только въ ея хорошихъ качествахъ. Однако, къ общечеловѣческой соціалитарности національность прямо вести не можетъ; такая всеобъемлющая общественность имѣетъ болѣе широкое значеніе и требуетъ для своего практическаго и теоретическаго обоснованія иныхъ побужденій, иныхъ принциповъ.

Христіанство, хотъ оно и охватило нѣкоторое число національностей, уже по своему еврейскому происхожденію обнаруживаетъ очень ограниченный характеръ и запутанное содержаніе. Его первоначальный коммунизмъ носилъ прямо эгоистическія черты и не согласуется съ хозяйственнымъ пониманіемъ и разумомъ. И если нынѣ онъ не принимается въ серьезъ даже тѣми, кто въ различныхъ странахъ называютъ себя или прикидываются

„христианскими социалистами“, то отъ него остается, все-таки, слишкомъ достаточно всякаго тумана и мрака. Отъ этихъ религиозныхъ традицій не осталось ничего яснаго, кромѣ первоначальнаго смысла ихъ благочестивыхъ учреждений. Гдѣ эти учрежденія имѣли въ виду больныхъ и безпомощныхъ, тамъ, конечно, могло дѣйствовать чувство состраданія, шедшее навстрѣчу нѣкоторой социальной потребности. На самомъ же дѣлѣ, довольно часто здѣсь дѣйствовало потустороннее себялюбіе, желавшее пожертвованіями и вкладами въ церкви купить себѣ мѣсто на небѣ.

Если сдѣлать даже самое благоприятное предположеніе, а именно, предположить участливое побужденіе и безкорыстное призрѣніе, то и такая сравнительно лучшая часть религіонизма касается, вѣдь, только побочной социальной области, которая, по сравненію со всѣмъ прочимъ, мало имѣетъ значенія. Всегда хорошо, если, на примѣръ, въ больницахъ находить себѣ дѣйствительное выраженіе участливости къ человѣку. Но если взглянуть поближе, то большею частью окажется, что упомянутый религіонизмъ,—гдѣ онъ не просто — гешефтъ, дѣлаетъ все только ради своего Бога. Гораздо лучше было бы, если бы можно было достигнуть не косвеннаго, а прямого участія человѣка къ человѣку, которое коренилось бы глубже, чѣмъ всходы какихъ бы то ни было религиозныхъ догмъ. Только тогда можно было бы рассчитывать на подлинную социальность. Всякая религиозная социальность, поэтому, остается, буквально какъ небо, далекой отъ дѣйствительной социальности, ибо эта манера благодѣтельствовать привязана только къ догматическому небу.

Social есть слово, которое должно бы всегда напоминать о socius, т. е. о товарищѣ. Если же мы подобрали здѣсь къ слову „социальность“ и даже поставили въ заголовкѣ еще слово „закономѣрная“, какъ подходящий эпитетъ, то это значило, что приданъ только вѣсъ такой чертѣ, которая отличаетъ собственно всякое товарищество. При различныхъ обстоятельствахъ мы уже объясняли, что закономѣрностью не исчерпывается все, что въ цѣломъ обществѣ можетъ и должно дѣйствовать благотворно. Но, конечно, воздержаніе отъ несправедливости и затѣмъ надлежащее соблюденіе и положительныхъ, специально, слѣдовательно, созданныхъ и введенныхъ правовыхъ отношеній является важнѣйшей предпосылкой всякаго здороваго функционирования общественнаго аппарата. На этомъ основаніи совершенно въ порядкѣ вещей, если мы въ качествѣ квалификации истинной и хорошей социальности прежде всего требуемъ настроенія, направленнаго на дѣйствительное право, и потому считаемъ наиболѣе подходящимъ выраженіе **з а к о н о м ѣ р н а я** социальность. Не просто интересы, безъ дальнѣйшей ихъ квалификации, но только справедливые интересы могутъ быть согласованы—это давно уже было сказано въ прямой связи съ принципами гармоніи Кэри, для поясненія ихъ, но было выполнено лишь въ незначительной сте-

пени и только въ отдѣльныхъ направленихъ. Слово справедливый, если его понимать серьезно, объимаетъ цѣлый миръ понятій, и именно эгого мира не доставало до сихъ поръ хозяйственной и социальной области чело-вѣческихъ отношеніи.

2. Когда дѣло идетъ о законмѣрности, состоящей не только въ воздержаніи отъ обидъ, то оперировать дуалистической схемой, которой мы часто пользовались, будетъ уже не такъ просто, какъ въ случаѣ простой охраны свободы и неприкосновенности. Два лица стоятъ другъ противъ друга, и какъ бы они ни были неравны въ прочихъ отношеніяхъ, въ смыслѣ воздержанія отъ обидъ они должны уважать другъ друга. Это — схематическое нервноначальное предположеніе, изъ котораго вытекаетъ отрица-тельное право, являющееся, вмѣстѣ, и общимъ чело-вѣческимъ правомъ. Но если между обѣими личностями имѣетъ мѣсто еще какое-нибудь опре-дѣленное соглашеніе, то изъ такой положительной доброй ихъ воли возни-каетъ уже извѣстная мѣра специальныхъ взаимныхъ обязательствъ; нару-шеніе такихъ особо установленныхъ отношеній является несправедливостью, уже гораздо болѣе опредѣленно выраженной, нежели посягательство на сво-боду, существующую предварительно, безъ всякихъ дальнѣйшихъ условій. Прежде чѣмъ здѣсь изслѣдовать характеръ обиды, нужно еще сначала уста-новить, въ порядкѣ ли и допустимы ли тѣ соглашенія, которыя связываютъ волю

До введенія особыхъ соглашеній, въ сущности, нѣтъ еще никакой со-циалитарности. Каждая личность стоитъ отдѣльно, сама по себѣ, съ оружіемъ или безъ оружія, и по отношеніи къ другой личности должна смотрѣть только, чтобы эта личность, при использованіи своей свободы, ни сама не провинилась въ нарушеніяхъ чужихъ правъ, ни съ своей стороны не тер-пѣла подобныхъ же нарушеній. Помѣхи и исключенія — единственное, что важно въ этой стадіи отношеній. Настоящая и потому позитивная социаль-ность начинается тотчасъ вмѣстѣ со всякимъ опредѣленно выраженнымъ или молчаливымъ соглашеніемъ насчетъ ближайшихъ взаимныхъ отношеній.

Посмотримъ прежде всего, какую форму можетъ принять такое согла-шеніе по отношенію къ оружію. Если обѣ стороны или только одна изъ нихъ хищны и властолюбивы, то это повлечетъ съ обѣихъ сторонъ возможно боль-шее вооруженіе средствами нападенія и обороны. Какъ только одинъ захочетъ покорить другого и станетъ увеличивать средства нападенія, угрожаемый, для охраны своей свободы, долженъ увеличить свои оборонител. ные средства; и въ битвѣ оборонительныя и наступательныя орудія довольно часто нельзя быва-етъ отдѣлить другъ отъ друга. Дуалистически-схематическая картина, которую мы здѣсь имѣемъ въ виду по отношенію къ двумъ изолированно мыслимымъ ли-цамъ, есть, въ то же время, точный образъ основныхъ чертъ въ поведеніи современныхъ народовъ.

Если же, въ полную противоположность сказанному, представимъ себѣ, что оба упомянутые индивидуума настроены правомѣрно и мирно, то между ними, конечно, могутъ возникать иногда разногласія и конфликты, а при случаѣ будутъ даже соблазны къ насиліямъ, но здѣсь, по предположенію, будетъ преобладать добрая вѣра и извѣстная, щадящая другъ друга умѣренность, такъ какъ руководятъ лицами не злобныя намѣренія, а только представления о правѣ. О систематическомъ, непрерывно возрастающемъ вооруженіи при такомъ предположеніи не будетъ и рѣчи. Вооружаются только противъ преднамѣреннаго врага и, наоборотъ, радуются, находя въ другомъ лицѣ вмѣсто врага—товарища. Подлинная и обезпеченная противъ опасностей общественность зависитъ отъ этого принципиально не-враждебнаго поведения и всегда расширяется лишь настолько, насколько уважается и охраняется дѣйствительное право.

Дальнѣйшее слѣдствіе для положеній, связанныхъ съ вооруженіемъ, получается тогда, когда мы допустимъ, что оба лица имѣютъ—внутри или гдѣ-нибудь внѣ ихъ сферы дѣятельности—общаго врага. Тогда оба они нуждаются въ вооруженіи, но не въ такой мѣрѣ, какъ если бы каждый былъ открытъ нападенію отдѣльно, самъ по себѣ. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ цѣлью служить общая самооборона, а не общій разбой, то получается уменьшение вооруженія. Если на мѣстѣ двухъ будетъ многочисленная толпа, внутри которой тоже приходится считаться съ неправомѣрно поступающими индивидуумами, то исполнительные вооруженные органы могутъ принять форму всюду поставленной полицейской охраны, и придется позаботиться только о томъ, чтобы, какъ это обыкновенно бываетъ, такое раздѣленіе функций не сдѣлалось при случаѣ опаснымъ для безоружныхъ людей. Резервъ достаточной физической силы сопротивленія, который превзошелъ бы въ случаѣ нужды силу всѣхъ технически вооруженныхъ, — такой резервъ остается неустранимымъ требованіемъ, если не хотятъ, чтобы специализированное право носить оружіе, т. е. чтобы раздѣленіе функций въ области вооруженія повлекло за собою опасность порабощенія въ какой-либо ея формѣ.

Согласно со всѣмъ сказаннымъ, регулированіе вооруженности общества въ физическомъ отношеніи наиболѣе важно. Преобладающимъ элементомъ во всей предшествующей исторіи является вообще не социалитарность, но насиліе и порабощеніе одного другимъ. Идеаломъ же будущаго долженъ быть дѣйствительно общественный, т. е. правомѣрно-социальный порядокъ въ области вооруженія. Но какъ найти выходъ изъ нынѣшняго права на вооруженное холопство къ лучшей формѣ и перебросить мостъ черезъ пропасть, зияющую теперь между двумя возможными формами—безправіемъ и правомъ? Нынѣшняя масса вооруженныхъ холоповъ только на время получаетъ въ руки оружіе, именно, при условіи дѣйствовать только въ видѣ организованной толпы солдатъ, и притомъ, главнымъ образомъ, подъ командой

вождеи, которые образуютъ большею частью наслѣдственное, обособленное сословіе. Но если бы при фактически существующихъ качествахъ массъ, пожелали ввести управленіе вооруженнымъ аппаратомъ снизу, а не сверху, то ближайшимъ результатомъ этого явилось бы только хаотическое состояніе разбоя.

3. Вотъ почему проблема вооруженія есть наиболѣе трудная изъ всѣхъ проблемъ, ибо примѣненіе насилія и законмѣрность отнюдь не могутъ покрывать другъ друга. Лишь поскольку дѣйствіе грубой силы является обороной, возмездіемъ или иной правильно примѣненной экзекуціей, можетъ оно, хотя и то не вполнѣ, согласоваться съ подлиннымъ правомъ. Всегда худо, если приходится апеллировать къ силѣ и не остается никакой иной ratio, кромѣ этой ultima ratio. Если же къ ходу вещей примѣшивается еще насиліе разбойничьей инициативы, то этимъ пускается въ дѣло наиболѣе рѣзкая противоположность всякой общественности, какую только можно себѣ вообразить; значитъ, нечего удивляться, что система хищныхъ звѣрей остается основной формой, такъ сказать, государственной зоологіи, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ. Все объясняется весьма натурально, если для человѣка въ основу положить просто зоологическую систему. Тогда въ видѣ противостанцій будутъ служить только исключенія хорошаго рода. Но мы именно и опираемся на такія исключенія, отъ ихъ умноженія мы и ожидаемъ лучшихъ шансовъ для будущаго; и значило бы усумниться во всемъ, если бы мы сочли невозможнымъ поборотъ преобладавшій до сихъ поръ ходъ исторіи и соотвѣтствующія ему черты современности.

Въ книгѣ „Вооруженіе, капиталъ, трудъ“ уже сдѣлано указаніе на рационально-оформленный антимиитаризмъ, который не знаетъ безусловнаго, слѣпого повиновенія. Въ настоящемъ же нашемъ изложеніи можно напомнить, что проблема вооруженія не должна быть отдѣляема отъ прочихъ обществечныхъ задачъ. Съ массой, какъ она есть теперь, даже вообще съ людьми и сословіями, какими они представляются въ настоящее время, проблема остается неразрѣшимой. Рѣшенію ея мѣшаютъ не только грубость и холопство, но и хищничество и властолюбіе, причемъ эти качества распространены въ самыхъ различныхъ слояхъ вплоть до самыхъ глубинъ массъ.

Но представимъ себѣ, что распролетаризація общества и избавленіе его отъ раздувашагося богатства сдѣлали уже нѣкоторые успѣхи; тогда соотвѣтствующія состоянія будутъ уже болѣе способны ввести у себя нѣкоторое улучшеніе въ области права носить оружіе. Если, кромѣ того, еще будетъ устраненъ грабежъ чужихъ странъ и если откажутся отъ колониальнаго хищничества, т. е. если въ сношенія съ другими народами будутъ введены нѣкоторые хотя-бы лучшіе принципы и манеры, тогда и внутри государствъ появятся, ко всему прочему, болѣе сносные приемы поведенія; тогда не будетъ уже казаться чудовищнымъ, если на мѣсто традиціоннаго

военнаго принужденія и солдатской повинности будутъ установлены болѣе свободныя отношенія, т. е. если въ постановку военнаго дѣла будетъ введена соціальность. Разумѣется, предварительно должны быть уничтожены различныя сословныя предрасудки, особенно тѣ, которые исходятъ отъ хищныхъ элементовъ и ихъ хищническихъ дѣйствій. Гдѣ настроеніе не хочетъ или не можетъ измѣниться, тамъ изъ соотвѣтственныхъ областей должны бы быть удалены неподходящія личности.

Въ связи съ превращеніемъ въ правовыя всѣхъ прочихъ отношеній ничего нѣтъ немыслимаго въ томъ, что будетъ переброшенъ мостъ чрезъ пропасть, зіяющую между режимомъ порабощенія и свободной общественностью,—мостъ въ смыслѣ права носить оружіе. Конечно, господствующая еще невыносимая форма несвободы и наиболѣе дурныя изъ всѣхъ цѣпей, а именно, цѣпи, наложенныя порабощающимъ милитаризмомъ, должны быть, въ концѣ концовъ, устранены; но для такой цѣли нужно рассчитывать на всѣ соціальныя связи. Если на мѣсто обнищавшихъ пролетаріевъ станутъ люди, обладающіе умѣреннымъ денежнымъ резервомъ, и если, какъ сказано, вмѣсто чваныхъ богачей и чиновныхъ особъ будутъ налицо люди, владѣющіе умѣренной величины имѣніями и содержаніями, тогда не будутъ съ обѣихъ сторонъ и опасаться, что ношеніе оружія въ низахъ общества будетъ тянуть къ хаосу, а на верхахъ,—къ деспотіи. Нынѣшнее стремленіе къ увеличенію орудій насилія уступитъ мѣсто противоположному стремленію — къ ихъ уменьшенію. Тогда на прежній историческій періодъ будутъ смотрѣть, какъ на міровую эпоху разбоя и станутъ отличать ее отъ лучшаго режима еще рѣзче, чѣмъ мы теперь отличаемъ средневѣковье отъ нашихъ состояній, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, во всякомъ случаѣ, модернизированы.

4. Перейдемъ теперь, послѣ обсужденія проблемы о вооруженіи, получившейся въ связи съ дуалистической схемой, къ дальнѣйшимъ, положительнаго характера приложеніямъ того же нормальнаго отношенія двухъ лицъ.—Здѣсь взаимная добровольность можетъ обусловить и ясно поставить на видъ многое, что въ многоголовомъ обществѣ будетъ пониматься уже труднѣе и легче подпадетъ возможности смутнаго непониманія. Особенно относится это до неравенства, въ виду котораго дедукція того, что справедливо и не справедливо, можетъ сдѣлаться затруднительною. Напримѣръ, если мы подумаемъ о раздѣленіи труда между обоими лицами, то одно изъ нихъ, одаренное отъ природы или отъ иныхъ причинъ болѣе грубыми задатками, будетъ съ готовностью брать на себя дѣятельность, отвѣчающую такимъ качествамъ, и даже не въ состояніи будетъ и при добромъ желаніи заняться чѣмъ-нибудь инымъ, между тѣмъ какъ другое лицо, по своимъ болѣе тонкимъ качествамъ, будетъ выполнять высшія функціи, а при случаѣ даже возьметъ на себя руководство всей коопераціей. Въ такой любовной

сдѣлкѣ въ социальномъ смыслѣ нельзя найти ничего худого. Разумѣется только, что условленное отношеніе всегда можетъ быть расторгнуто такъ, чтобы при этомъ достаточно принималось во вниманіе однажды данное согласіе.

Мы опять находимся здѣсь въ области постановленій и отношеній, желаемыхъ обѣими сторонами, и какъ далеко тутъ должны распространяться обязательства, это зависитъ отъ дѣйствительно свободной, а не только повидимому свободной воли. Даже личные услуги могутъ быть взяты на себя, но только не такія, которыхъ нельзя было бы отличить отъ холопства. Стать добровольно настоящимъ рабомъ при нашемъ нынѣшнемъ правѣ невозможно, ибо рабство вообще исключено, возникаетъ ли оно изъ насилія или иначе,—все равно. Старѣйшіе теоретики такъ называемаго естественнаго права говорили о неотчуждаемыхъ правахъ, и на самомъ дѣлѣ къ такимъ неотчуждаемымъ правамъ относится личная свобода или, опредѣленнѣе говоря, къ числу недопустимыхъ отчужденій принадлежитъ отчужденіе полной личной свободы. Добровольно, т. е. невынужденно и безъ необходимости предаться въ рабство было бы при всякихъ обстоятельствахъ глупостью, пользоваться которой никто не имѣетъ права, не исключая и того, въ пользу котораго совершается такой отказъ отъ свободы. Кто пользуется подобными вещами, тотъ оскорбляетъ неприкосновенность другого, точно такъ же почти, какъ если бы онъ сдѣлалъ вторженіе въ свободную сферу другого. Вообще, свободной воли, которая иногда и на продолжительное время можетъ быть ошибочной или даже извращенной, не всегда бываетъ достаточно, чтобы исключить несправедливость. Принципіальное уваженіе къ общей свободѣ, которое должно быть урегулировано и оформлено въ своихъ проявленіяхъ, но не нарушено въ своей сущности введеніемъ особыхъ обязательствъ, должно остаться въ силѣ при всѣхъ обстоятельствахъ и во всѣхъ положеніяхъ.

Кромѣ того, всякое желаніе заключить договоръ путемъ связыванія будущихъ проявленій воли должно быть изслѣдовано относительно разумности его содержанія. Проявленіе воли при заключеніи такого договора имѣетъ только тотъ смыслъ, что при этомъ принимаются въ расчетъ будущія проявленія воли. И добровольность въ моментъ заключенія такого договора можетъ выражать соединенную и предвосхищенную волю всѣхъ только тогда, когда при этомъ не игнорируется истинная свобода каждой личности. Самоограниченіемъ свободной воли, слѣдовательно, должны предотвращаться ненадлежащія и, насколько можно впередъ судить, неправильныя ея проявленія.

Если обязательства личныхъ услугъ договорены на слишкомъ долгое или даже на неопредѣленное время, то подобная вещь больше, чѣмъ только близка къ рабству. Вообще, обязательства насчетъ личныхъ, и особенно домашнихъ услугъ могутъ быть сносными только при цѣлесообразно назна-

ченныхъ срокахъ для расторженія условій найма. Если обѣ договаривающіяся стороны обладаютъ правильными взглядами и доброю волей, тогда, конечно, онѣ легко найдутъ цѣлесообразный выходъ въ данномъ положеніи. Здѣсь обнаруживается, слѣдовательно, что особыя постановленія диктуются особыми же отношеніями. Анализъ права и дедукція права могутъ только придать надлежащую силу общему правовому разумѣнію особенныхъ потребностей, присущихъ данной формѣ общенія, и помочь правильному истолкованію отношенія между свободою вообще и несвободою въ частномъ случаѣ.

5. Уже при другихъ удобныхъ случаяхъ мы обращали вниманіе на то, что неправильно выводить важнѣйшія, фундаментальныя отношенія человѣка къ человѣку изъ чистаго и произвольнаго конвенціонализма. Надъ всякой конвенціей стоятъ опредѣляющія отношенія вещей, которыми стремленія свободной воли въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, а не другимъ отношеніемъ вещей опредѣляются реально, т. е. не персонально, не черезъ посредство другой воли, но черезъ посредство обстоятельствъ, данныхъ отъ природы или данныхъ черезъ посредство особенной формы вещей не-личнаго характера. Наша антиконвенціоналистическая теорія происхожденія денегъ служитъ здѣсь лишь соціально-хозяйственнымъ примѣромъ, хоть и весьма большаго значенія. Но къ образованію и развитію правовыхъ отношеній антиконвенціонализмъ также не менѣе примѣнимъ и служитъ тамъ весьма важнымъ критеріумомъ. Поэтому въ связи съ нашей дуалистической схемой мы меньше спрашиваемъ о томъ, чего случайно кто-нибудь хочетъ, но больше о томъ, чего онъ долженъ желать по природѣ дѣла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ интересахъ сохраненія свободы. Здѣсь дѣло во внутреннихъ, общихъ necessitatibus, и произвольныя исключенія изъ правила должны считаться лишь второстепенными обстоятельствами.

Почему рѣшенія наши насчетъ чисто-отрицательнаго права были сравнительно просты? Потому что мы имѣли здѣсь критеріемъ реальный принципъ, независящій отъ волевой дѣятельности и произвола. Каждая сторона должна была въ проявленіяхъ своей воли уважать равенство притязаній на свободу и неприкосновенность; этимъ она удовлетворяла вполнѣ и стремленіямъ собственной воли, поскольку послѣдняя не имѣла въ виду обидѣть другого. Но вопросы тотчасъ становятся сложнѣе, какъ только на сцену выступаетъ положительная соціальная воля въ связи съ особенными соглашениями. Въ этой области аксіоматическія положенія не такъ легко даются, и не такъ уже легко подняться надъ уровнемъ особыхъ отношеній, какъ тамъ, гдѣ выходъ изъ сферы личнаго произвола ясенъ безъ дальнѣйшихъ объясненій. Однако же, и здѣсь, въ концѣ концовъ, обнаруживается, что повсюду можно опереться на нѣчто, не лежащее въ сферѣ случайнаго произвола.

Такъ, раздѣленію труда всегда соотвѣтствуетъ извѣстная мѣра нера-

венства функцій. Если бы все было одинаково, то квалитативное раздѣленіе труда, т. е. понятіе о раздѣленіи труда въ обычномъ его значеніи, не было бы способно ни къ какому приложенію, даже прямо напередъ уже не имѣло бы смысла. Исключительно квантитативное раздѣленіе однородной работы не имѣло бы съ указаннымъ понятіемъ ничего общаго. Но именно различныя качества людей и притомъ такія, которыя существуютъ отъ природы, являются основаніемъ, по которому профессіи и мозговая дѣятельность не могутъ быть одинаковыми у всѣхъ. Если каждый дѣлаетъ что можетъ, то функціи и результаты должны быть различными. И въ этомъ обособленіи занятій, если оно не выходитъ изъ естественно предписываемыхъ рамокъ, нѣтъ ничего произвольнаго, ничего исключительно-условнаго, ничего такого, что не могло бы существовать безъ всякаго соглашенія.

Конечно, въ послѣдствіи черезъ несправедливое принужденіе можетъ установиться такое раздѣленіе труда, которое происходитъ не изъ какой-либо первоначальной сущности дѣла,—такое раздѣленіе труда, черезъ которое, скорѣе, появляются неравенства, вовсе не существовавшія вначалѣ. Поэтому въ нынѣшнемъ раздѣленіи труда, представляющемъ собою смѣсь правильныхъ и ложныхъ вещей, нужно различать обѣ составныя части, т. е. просто различать справедливое и несправедливое. Справедливымъ будетъ такое раздѣленіе труда, которое коренится въ первоначальныхъ свойствахъ и въ естественныхъ отношеніяхъ вещей. Фактически же существующее раздѣленіе труда, въ преобладающей своей части, есть результатъ культуры насилія, а не культуры свободы. Низведеніе человѣка, выражаясь рѣзко, на ступень рабочаго скота произвело здѣсь, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, худшее состояніе, чѣмъ какое существовало когда-нибудь вслѣдствіе просто естественныхъ качествъ и животной неизменности, или какое существуетъ гдѣ-нибудь у дикихъ племенъ. Утонченность культуры принужденія изобрѣла здѣсь такія вещи, которыхъ нельзя объяснить никакою сущностью дѣла, а тѣмъ болѣе, нельзя ничѣмъ оправдать.

Равенство и неравенство — полюсы, вокругъ которыхъ вращаются всѣ формы общенія, будутъ ли онѣ справедливыми или несправедливыми. Играть словечкомъ равенство противъ неравенства безъ необходимыхъ различеній—поверхностное, даже тупоумное извращеніе. Но еще большая извращенность—какъ бы радоваться фактическому неравенству и въ его интересахъ по-возможности еще увеличивать противоположности, т. е. стараться сдѣлать все еще болѣе неравнымъ, чѣмъ это есть уже исторически. Критически поступаетъ только тотъ, кто, согласно съ указаннымъ критеріемъ, предполагаетъ въ состояніяхъ оба рода неравенства и старается, по-возможности отдѣлать одинъ родъ отъ другого, т. е. отдѣлать несправедливый родъ отъ справедливаго и устранить первый при реформѣ соціальнаго строя. Напримѣръ, то раздѣленіе труда, которое въ деревнѣ раздѣляетъ земледѣльческаго работника

и крестьянъ отъ владѣльцевъ крупныхъ имѣній, первоначально было результатомъ насильственности. Оно и теперь еще, и притомъ не только въ Россіи, отдаетъ крѣпостничествомъ. Наоборотъ, ложныя стороны въ собственно индустриальной области нельзя выдѣлать такъ же просто, такъ какъ тамъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствовали еще реальныя техническія необходимости образованія различныхъ функцій.

6. Есть ли отношеніе найма справедливая и потому неустраняемая основная форма общественныхъ отношеній,—вотъ главный социальный вопросъ. Утверждали, не совсѣмъ несправедливо, что собственно наемный трудъ не согласуется ни съ полной свободой, ни съ матерьяльной выгодой. Съ нашей же точки зрѣнія самая постановка вопроса кажется не вполне правильной. Дѣло не въ наймѣ для выполненія работы и не просто въ формѣ наемныхъ услугъ; существенная въ социальномъ отношеніи противоположность касается большей или меньшей личной подчиненности. Если врачъ или адвокатъ выполняютъ услуги, то они являются большею частью болѣе или менѣе господами своихъ пациентовъ или кліентовъ, и подчиненія ихъ самихъ кому-нибудь, за исключеніемъ, быть можетъ, иногда косвенныхъ уступокъ, нѣтъ и слѣда. Тѣмъ не менѣе, то, что они получаютъ за свою работу, есть также лишь наемная плата, хотя и за весьма значительно квалифицированную работу.

Отношеній найма нельзя было бы избѣгнуть даже при самомъ справедливомъ развитіи хозяйственныхъ дѣлъ. Это — юридически-необходимая форма. Именно, если допустить, какъ оно и слѣдуетъ, что личныя услуги въ извѣстной мѣрѣ необходимы и относятся къ разумѣющемуся само собою раздѣленію труда, то само собою разумѣется и возмѣщеніе за нихъ: ибо какъ иначе можно было бы уравнивать обязательства! Но что не разумѣется само собою, такъ это — широкое распространеніе найма рабочихъ, связаннаго съ подчиненностью. Во всякомъ случаѣ, мыслимъ болѣе социалитарный способъ производства, хотя бы нынѣ, поскольку можно объ этомъ судить, переходъ къ такому способу и былъ совершенной невозможностью. Типу рабочаго, какъ онъ выраженъ въ предшествующей системѣ производства, не хватаетъ способности къ инициативѣ въ смыслѣ самостоятельнаго хозяйства, даже если нѣтъ недостатка въ реальныхъ средствахъ къ этому. Средства для производственныхъ ассоціаций почти всегда тратились напрасно; во всякомъ случаѣ, гдѣ они давались случайно частными богачами изъ великодушія и вслѣдствіе социальныхъ иллюзій, они были только какъ бы откладываніемъ à fonds perdu.

Но, конечно, съ сокращеніемъ собственно фабричной системы можно было бы рассчитывать на болѣе мелкія отдѣльныя предпріятія, и самостоятельное мелкое производство могло бы когда-нибудь принять болѣе солидную и даже болѣе прибыльную форму, чѣмъ крупное производство индустриальныхъ казармъ. Если даже это не во всѣхъ отношеніяхъ вѣрно, то все же

получилась бы уже та выгода, что создалось бы большее число самостоятельных производствъ, которыя, кромѣ того, допускали бы достаточный надзоръ за ихъ дѣятельностью и могли бы быть въ достаточной мѣрѣ отвѣтственными за добротность отдѣльныхъ произведеній. Нынѣшнее худое ремесло не служить тутъ противостанціей; ибо оно—заброшенный остатокъ эгоистической, несправедливой цеховой традиціи. Свобода профессій наступила; но старый эгоизмъ и, къ тому же, значительная доля безсилія прежней системы остались. Однако, изъ этого еще нельзя вывести какихъ-либо доводовъ противъ производства умѣренныхъ размѣровъ. Распролетаризація общества и освобожденіе его отъ разжирѣвшихъ богачей могли бы только выиграть, если бы въ какихъ-либо направленіяхъ удалось вмѣсто высасывающихъ централизацийъ работы заставить функционировать болѣе значительное число подлинныхъ центровъ личной жизни.

7. Больше всего подчиненіе ощущается въ чисто-личныхъ услугахъ. Здѣсь нѣкоторая несвобода безспорна, и никто, если только не изъ-за куска хлѣба, не станетъ выполнять функцій, гдѣ подчиненіе часто совершенно произвольнымъ требованіямъ является правиломъ. Обычное отношеніе слуги къ господину здѣсь самая низшая ступень. При болѣе патріархальныхъ состояніяхъ отношеніе это было, пожалуй, болѣе сноснымъ, такъ какъ соціальныя разслоенія, по крайней мѣрѣ во внѣшнихъ формахъ совмѣстной жизни, не всегда такъ рѣзко выступали, какъ при новѣйшемъ роскошномъ образѣ жизни, когда копируютъ обычай боьшихъ городовъ и щеголяютъ дутою знатностью. Когда мастеръ съ своими подмастерьями или крестьянинъ со своими работниками ѣли еще за однимъ столомъ, тогда пропасть между тѣми и другими была вообще не велика. Какъ ни рѣзко выдѣлялись высшія сословія, все-таки, разница въ образованіи была не слишкомъ велика. Общее невѣжество и тупое единеніе въ религіозномъ суевѣріи связывало самыя различныя соціальныя ступени все же нѣсколько больше, чѣмъ это имѣетъ мѣсто теперь при такъ называемомъ культурномъ развитіи.

Однако, обнаруживаются уже слѣдствія нынѣшнихъ отношеній, и благодаря имъ тамъ, гдѣ зло наиболѣе велико, открываются виды на лучшія формы жизни. Что касается, въ частности, личныхъ домашнихъ услугъ, то, конечно, самымъ простымъ путемъ къ ихъ хотя бы частичному устраненію былъ бы образъ жизни, основанный на большемъ количествѣ собственной работы. Именно, женскіе члены семьи даже въ болѣе образованныхъ классахъ должны были бы болѣе прилагать къ дѣлу свои руки и научиться соединять надлежащую дѣятельность своихъ физическихъ силъ съ своими, по большей части игрушечными занятіями ради отдыха.

Въ самомъ дѣлѣ, кое-что въ этомъ родѣ начинаетъ уже пролагать себѣ путь; но мотивы рѣдко бывають здѣсь лучшаго и положительнаго характера. Большею частью, только недостатокъ служебнаго персонала побуждаетъ къ

такимъ личнымъ ограниченіямъ. Въ области самыхъ грубыхъ домашнихъ работъ предложеніе стало значительно меньше. Требования въ смыслъ вознагражденія, сравнительно, сильно повысились, между тѣмъ какъ выполненіе работъ стало во много разъ хуже. Къ этому присоединяется еще упрямая неуступчивость, искусственно раздутая подъ именемъ классовой противоположности. И потому, если при созданіи нѣкоторыхъ семей, несмотря на выдающееся образованіе, отъ домашнихъ вспомогательныхъ услугъ почти совершенно отказываются по правилу, т. е. за исключеніемъ экстраординарныхъ случайностей, то такая вещь является, большею частью, лишь невольнымъ результатомъ, такъ сказать, соціальной конъюнктуры. Процессъ протекалъ бы гораздо лучше, если бы въ основѣ его лежало здоровое стремленіе къ болѣе простому образу жизни и къ благодѣтельной всесторонней трудовой дѣятельности.

Даже и мужчины не при всякихъ обстоятельствахъ могутъ обойтись совершенно безъ помощи всякихъ услугъ. Болѣзнь, временная или продолжительная, такъ же какъ и значительная старческая слабость,—несомнѣнно достаточныя основанія для нѣкоторой нужды въ услугахъ другихъ лицъ. До извѣстной степени уже и раздѣленіе труда заставляетъ прибѣгать къ помощи домашнихъ услугъ. Напримѣръ, профессионально исполняющая свою должность учительница рѣдко имѣетъ довольно свободнаго времени, чтобы достаточно хорошо позаботиться о собственномъ домашнемъ хозяйствѣ, особенно если у ней семья. Кромѣ того, вкоренившіяся соціальныя привычки такъ сильны, что переходныя, любовныя формы, которыя при новыхъ общественныхъ условіяхъ замѣняютъ, или повидимому, замѣняютъ прямыя услуги, предпочитаютъ полному отказу отъ услугъ.

Такимъ образомъ въ сферѣ услугъ намѣчаются отношенія, въ которыхъ будетъ преобладать общеніе съ семьей, основанное на приблизительномъ равенствѣ. Къ такого рода менѣе подчиненнымъ функціямъ смогутъ приспособиться даже и болѣе образованные элементы, которые на соціальной лѣстницѣ занимаютъ отнюдь не самыя низкія ступени. Эти элементы будутъ стоять, скорѣе, на равной ногѣ съ семьями, въ которыя они вступаютъ членами, оказывая имъ услуги, но лишь въ смыслѣ сотрудничества.

Подобная промежуточная общественная форма была бы дѣйствительно достойнымъ признанія шагомъ впередъ, если бы только въ смыслѣ фактическаго выполненія функцій она оказывалась всегда солидной. Но часто, если не большею частью, случается обратное. Новѣйшая традиція, при которой воспитаніе въ дочеряхъ хозяйственности находится въ пренебреженіи или же вовсе отсутствуетъ, даетъ лишь очень несовершенный въ смыслѣ помощи персоналъ. Въ особенности помощь (*Unterstützung*) хозяйкамъ дома, отъ которой произошло техническое выраженіе „*Stütze*“ (опора), оказывается

большеею частью очень скудной или прямо плохой. Къ этой категоріи помощницъ относятся преимущественно молодыя дѣвушки, которыя въ лучшемъ случаѣ представляютъ собою своего рода ученицъ. Часто же то, что можно было бы назвать Stützensport'омъ, оказывается просто погоней за случаемъ выставить себя въ расчетъ на замужество.

Несмотря на такія дурныя стороны, легко объяснимыя въ отмѣченныхъ промежуточныхъ формаціяхъ прежнею соціальною традиціею, имѣетъ большую самостоятельную цѣнность стремленіе создать въ сферѣ услугъ отношенія, менѣе подчиненныя и болѣе отвѣчающія единенію, основанному на равенствѣ. И въ иныхъ направленіяхъ, кромѣ направленія, специально отмѣченнаго выше, результатъ долженъ получиться подобнаго же рода. Общественное уравненіе возможно только на почвѣ болѣе простаго и здороваго образа жизни, и приближеніе къ нему можетъ, разумѣется, имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ различія въ привычкахъ образа жизни и въ образованіи не слишкомъ велики. Поэтому ни при самыхъ незначительныхъ съ виду, ни при очевидно крупныхъ вопросахъ мы не должны забывать нашу характеристику соціальнаго цѣлаго. Наша характеристика всюду основывается на соблюденіи здоровой умѣренности. Она отвергаетъ крайности соціальнаго неравенства, не только какъ вредныя вещи, но и какъ слѣдствія несправедливости, которыя нужно уничтожить и замѣнить правоумѣрными отношеніями.

8. Всюду, гдѣ заключаются соглашенія и договоры, должна имѣться въ виду, наряду съ природнымъ неравенствомъ, благодаря которому вообще возникаетъ нужда другъ въ другѣ, также и всеобщая свобода съ соответствующимъ ей возможнымъ соціальнымъ равенствомъ. Конечно, невозможно поступать здѣсь по шаблону, и, на примѣръ, въ государственно-финансовой области не во всѣхъ договорахъ возможно провести на практикѣ принципъ равенства при объявленіи о прекращеніи договора. Если бы въ ипотечныхъ дѣлахъ должникъ получилъ меньшій срокъ для расторгненія договора, чѣмъ заимодавецъ, то на такое постановленіе взглянули бы какъ на несправедливое неравенство. На то, что государство и корпорации одни только могутъ объявлять о прекращеніи договора о займѣ, тогда какъ публика не имѣетъ никакого права объявлять договоръ расторгнутымъ, на это до сихъ поръ не обращалось достаточнаго вниманія, а еще того менѣе такая вещь кѣмъ-либо оспаривалась.

Публика сама по себѣ не бываетъ въ договорахъ представлена органически и при своей разъединенности слишкомъ неспособна къ дѣйствіямъ, чтобы выступать подобно отдѣльному заимодавцу и умѣть, на примѣръ, использовать конъюнктуру въ свою пользу для повышенія процента. Если бы даже имѣлось формальное право объявлять о прекращеніи договора, т. е. если бы даже каждый имущій могъ дѣлать такія объявленія, сообразуясь

съ установленными сроками, то дѣйствительное осуществленіе этого права натолкнулось бы на затрудненія. Именно, пришлось бы здѣсь создать широкіе союзы, ибо только массовое скопленіе заявленныхъ бумагъ и суммъ могло бы что-нибудь сдѣлать и иногда принудить государство или иныхъ должниковъ къ повышенію процента. Наоборотъ, государству, съ его одностороннимъ правомъ объявленія о прекращеніи договора, на самомъ дѣлѣ легко вести игру, и оно легко можетъ использовать всякую благопріятную для себя конъюнктуру, чтобы понизить процентъ при помощи такъ называемыхъ конверсій. Вся эта система есть очевидное неравенство; это есть противорѣчащая дѣйствительной справедливости возможность искусственно вліять на высоту процента. Можно было бы даже попытаться объяснить указаннымъ обстоятельствомъ сильную тенденцію къ пониженію процента, въ значительной ея части: отъ этого равенство конкуренціи на займовомъ рынкѣ оказывается сильно нарушеннымъ въ смыслѣ односторонняго предложенія, такъ какъ требованія о возвращеніи ссудъ, которыя должны здѣсь имѣть мѣсто, искусственно исключаются октроированнымъ со стороны государства договоромъ о займѣ.

Если уже въ такихъ публичныхъ договорахъ точный смыслъ права слишкомъ урѣзывается и нарушается равенство, которое можно было бы установить инымъ путемъ—напримѣръ, путемъ исключенія всякаго права объявлять о прекращеніи договора и путемъ назначенія совершенно опредѣленныхъ, абсолютно обязательныхъ сроковъ платежей,—то нечего удивляться, если въ частныхъ отношеніяхъ условія нерѣдко оказываются для договаривающихся сторонъ неравными и противорѣчащими праву въ нашемъ смыслѣ этого слова. Не всегда при договорѣ только перевѣсъ силы на сторонѣ одного причиняетъ ущербъ другому; существуютъ разнообразныя реальныя обстоятельства, затрудняющія иногда практически справедливое регулированіе условій.

Однако, вмѣсто того чтобы еще болѣе подробно углубляться въ эту область, овладѣть которою формально вообще трудно, а съ голыми схемами въ рукахъ и вовсе нельзя, обратимъ лучше наше вниманіе на вопросъ о вознагражденіи. Поскольку дѣло идетъ объ измѣреніи одной работы другою, т. е. вообще о цѣнности работъ, въ нашемъ распоряженіи имѣются довольно разработанныя хозяйственныя понятія. И на этомъ внѣшне весьма рѣзко очерченномъ главномъ пунктѣ сосредоточено непосредственное вниманіе обычныхъ интересовъ. Какую цѣну надо поставить за данную работу или за данный товаръ, иными словами, чтó долженъ заплатить тотъ, кому работа или товаръ нужны? Вотъ въ двухъ видахъ важнѣйшій вопросъ, какъ на практикѣ, такъ и въ теоріи.

Области, гдѣ взаимность услугъ и ихъ квалитативныя и квантитативныя отношенія находятся подъ вопросомъ, весьма разнообразны и крайне разнообразны. Онѣ простираются на всѣ правовые интересы и правовые институты,

до нѣкоторой степени даже на тѣ, которые касаются совмѣстной жизни обоихъ половъ. И если даже въ послѣднемъ случаѣ меньше привыкли экономически оцѣнивать хозяйственныя задачи каждой стороны, то все же само фактическое отношеніе удерживаетъ здѣсь свое полное значеніе. Именно, когда мы отвлечемся отъ брака и семьи и примемъ во вниманіе только возможныя общественныя функціи и работу обоихъ половъ въ отдѣльности и сравнимъ ихъ относительный вѣсъ, то тотчасъ же обнаружится соціально-экономическое неравенство, коренящееся въ естественныхъ свойствахъ половъ. Это неравенство еще существенно усилено культурой, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ, напримѣръ, вслѣдствіе общей доступности образованія, оно нѣсколько уменьшено, а тамъ и сямъ даже искусственно сглажено тою же культурой.

Мы напомнили здѣсь о наисложнѣйшей области, именно, о правѣ половъ во всей его широтѣ, для того только, чтобы указать на важность, свойственную болѣе глубокому соціальному пониманію цѣнности. Указанный сейчасъ предметъ мы будемъ подробно разъяснять въ особомъ отдѣлѣ. Сейчасъ же посмотримъ, какъ правовая экономическая систематика позволяетъ въ общемъ ученіи о цѣнности достигнуть новой, высшей точки зрѣнія, которая дѣлаетъ возможными иныя воззрѣнія, болѣе совершенныя, нежели тѣ, что могли считаться удовлетворительными въ наиболѣе разработанныхъ теоріяхъ народнаго хозяйства, включая и нашу теорію. Только принципиальное и полное признаніе понятія о закономерной соціальности можетъ указать направленіе, благодаря которому вся хозяйственная картина заключается въ рамки справедливости и такимъ образомъ открываетъ виды на лучшіе практическіе и теоретическіе результаты и разъясненія.

XI.

СПРАВЕДЛИВАЯ ЦѢННОСТЬ.

1. Уже самое выраженіе справедливая цѣнность говоритъ объ отказѣ отъ традиціоннаго ученія о народномъ хозяйствѣ. Въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка теоретики, особенно британскіе, уже остерегались прилагать эпитетъ „естественный“ къ слову „цѣнность“. Думали, что такимъ образомъ получилось бы неосновательное разграниченіе. По ихъ мнѣнію, спросъ и предложеніе и иныя содѣйствующія имъ причины вполнѣ опредѣляютъ виды цѣнностей и цѣнь, и въ этихъ видахъ нечего порицать. Но какъ далеко понятіе о справедливой цѣнности отъ понятія о естественной цѣнности! Еще дальше, чѣмъ наша идея о дѣйствительномъ правѣ отъ такъ называемаго естественнаго права; ибо естественная цѣнность понималась только какъ противоположность искусственной и случай-

ной. И хотя представлєніе о естественной цѣнности было еще весьма неопредѣленно, оно, все-таки, обнаруживало тенденцію изобрѣсти что-нибудь такое, чего можно было-бы держаться, какъ масштаба. Въ выраженіи „естественное право“, по крайней мѣрѣ, слово, „право“ нашло себѣ мѣсто; но допущеніе естественной цѣнности не включало ни малѣйшаго слѣда какой-либо правовой идеи, которую собственно и имѣли въ виду, квалифицируя понятіе словомъ „естественный“. При этомъ несомнѣнно думали только о тѣхъ общихъ основаніяхъ, которыя признаны достаточными въ ученіи о хозяйствѣ, но ни о чемъ такомъ, что лежало бы внѣ сферы чисто матерьяльныхъ интересовъ и побужденій.

Такъ какъ мы не боимся понятіе справедливости прямо связать съ основнымъ экономическимъ понятіемъ, то мы не только приведемъ въ тѣснѣйшее соприкосновеніе двѣ области, остававшіяся до сихъ поръ чуждыми другъ другу, но даже сольемъ въ единое ученіе ихъ аксіомы и фундаментальныя положенія. Цѣнность считалась до сихъ поръ руководящимъ, даже важнѣйшимъ основнымъ понятіемъ всей экономики, по крайней мѣрѣ, въ ея наиболѣе научно выраженныхъ формахъ. И въ самомъ дѣлѣ, теорія цѣнности всюду была фундаментальной теоріей, хотя она и не могла проявить всего своѣго значенія, пока не было нашей антиконвенціоналистической теоріи, трактующей о происхожденіи хозяйственной функціи денегъ.

Въ своихъ наиболѣе универсальныхъ концепціяхъ теорія цѣнности, конечно, не зависитъ отъ углубленнаго воззрѣнія на причины значенія денегъ. Однако же такія самыя общія схемы не помогаютъ въ спеціальныхъ и практическихъ вопросахъ, какъ ни достойно было благодарности изложеніе ихъ въ развитіи теоріи и для различныхъ эпохъ ея исторіи. Въ дѣйствительномъ общеніи и вообще во всякой хозяйственной жизни всякая черта, всякая нить имѣетъ свое положительное спеціальное назначеніе и должна быть понята до самыхъ послѣднихъ подробностей. Поэтому цѣнности получаютъ свой опредѣленный смыслъ, въ концѣ концовъ, лишь въ качествѣ реальныхъ цѣнъ, т. е. въ качествѣ результатовъ подсчета или оцѣнокъ, выраженныхъ въ деньгахъ. Кромѣ того, въ особыхъ дѣловыхъ сношеніяхъ и въ отдѣльныхъ договорахъ отражается вліяніе права, и притомъ въ томъ болѣе широкомъ, не только юридическомъ, смыслѣ, въ какомъ понимаемъ право мы. Въ какой мѣрѣ это вліяніе доходитъ до сознанія участниковъ договора, это пока для насъ не важно. Для насъ достаточно общепризнанный фактъ, чтобы признать необходимымъ привести съ нимъ въ соотвѣтствіе теоретическіе принципы.

2. Въ исторической картинѣ развитія теоріи, которую я нарисовалъ въ особомъ сочиненіи по исторіи ученія о хозяйствѣ, показано, въ какой мѣрѣ важнѣйшія различія въ общемъ пониманіи этой области зависѣли отъ господствовавшихъ въ разное время представленій о хозяйственной цѣн-

ности и о причинахъ ея происхожденія. Въ этомъ отношеніи для пониманія дальнѣйшаго нужно напомнить здѣсь о нѣкоторыхъ главныхъ историческихъ обстоятельствахъ, имѣющихъ значеніе въ вещественно-логическомъ развитіи всего этого вопроса. При совершенно абстрактномъ пониманіи, т. е. даже во всѣхъ нехозяйственныхъ случаяхъ цѣнность имѣетъ совершенно общій смыслъ, какъ результатъ нѣкоторой оцѣнки. При оцѣнкѣ хозяйственныхъ предметовъ и функцій проще всего было принять въ расчетъ потребности потребленія. Напримѣръ, пищевыя вещества надо было оцѣнить по ихъ питательной силѣ, удобоваримости, вкусовымъ свойствамъ и т. п. Вообще, полезность и степень полезности должны были стать рѣшающими при оцѣнкѣ. Во всякомъ случаѣ, должна была имѣть мѣсто нужда, т. е. дѣйствительная или хотя бы только воображаемая потребность. Безъ такого предполагаемаго позова или желанія имѣть вещь не могло бы получиться никакой цѣнности.

Итакъ, неизбѣжнымъ предварительнымъ условіемъ цѣнности, объективно и субъективно, является нѣкоторый родъ и нѣкоторая мѣра годности или, какъ еще можно сказать, нѣкоторая мѣра полезности. Чѣмъ и для чего служатъ человѣку вещи и его спросъ на нихъ—вотъ что важно при такого рода оцѣнкѣ. Чѣмъ настоятельнѣе и чѣмъ сильнѣе потребность, чѣмъ больше одинъ родъ спроса превосходитъ другой по интенсивности или по необходимости, тѣмъ больше субъективной разницы выйдетъ въ оцѣнкѣ силы, удовлетворяющей данной потребности. Поэтому не только вещь сама по себѣ съ ея объективными свойствами пріобрѣтаетъ вѣсь при опредѣленіи цѣнностей. Абсолютно необходимыя потребности, разумѣется, прежде всего проявляютъ свою силу; если бы при данныхъ обстоятельствахъ прямо не хватало самой необходимой пищи, то алмазъ не имѣлъ бы ни малѣйшей непосредственной цѣнности, разъ его нельзя было-бы обмѣнять на пищу. Поэтому, если выраженія годности и полезность должны получить научно-технической смыслъ и всюду оказаться правильными, то подъ ними надо разумѣть не только свойства объектовъ, но прежде всего, скорѣе, свойства и положеніе нуждающагося и спрашивающаго ихъ субъекта. Старое, въ столь многихъ отношеніяхъ служащее основой народохозяйственное ученіе шотландца Смита для прямо полезныхъ свойствъ вещей ввело въ обиходъ выраженіе потребительная цѣнность; но то же ученіе неполнѣе подходящимъ, даже отчасти ложнымъ образомъ противопоставило потребительной цѣнности мѣнову цѣнность.

Конечно, если принимаютъ другую точку зрѣнія, а именно, точку зрѣнія продавца и покупателя, то ничто такъ не свойственно ей, какъ второй способъ оцѣнки, т. е. оцѣнка по масштабу существующей цѣны или, гдѣ не имѣются еще въ виду собственно деньги, вообще по степени возможности обмѣна. Но такая точка зрѣнія не такъ проста и ясна, какъ та, при кото-

рой принимается въ расчетъ только полезность. Въ послѣднемъ случаѣ нужно считаться только съ потребностями и соотвѣтственными имъ свойствами вещей. Даже отдѣльный, изолированный человѣкъ можетъ служить здѣсь по отношенію къ вещамъ своего рода схемой, которой можно держаться. Гораздо сложнѣе получается дѣло, когда нужно оцѣнить и опредѣлить, чего стоитъ или должна стоять данная вещь или работа. Здѣсь нужно уже считаться не только съ отношеніемъ человѣка къ человѣку, но со множествомъ всевозможныхъ обстоятельствъ.

3. Поэтому счастливой была мысль Кэри совершенно исключить мѣну изъ общаго разсмотрѣнія вопроса. Послѣднее основаніе такъ называемой мѣновой цѣнности можно достаточно хорошо установить и безъ всякаго отношенія къ обмѣну; это можно сдѣлать даже съ точки зрѣнія отдѣльнаго человѣка, который мыслится изолированнымъ по отношенію къ природѣ. Трудность полученія—вотъ отвѣтъ на загадку, и это понятіе въ случаѣ отдѣльной личности, которая должна заботиться объ удовлетвореніи своихъ потребностей, болѣе ясно и фундаментально, чѣмъ когда сюда примѣшиваютъ ненужное множество, т. е. рассматриваютъ, по меньшей мѣрѣ, двухъ мѣняющихся лицъ. При такомъ новомъ способѣ оцѣнки, принимающемъ въ расчетъ шансы полученія цѣнности, уже вовсе не нужно считаться съ силой, съ которою вещи удовлетворяютъ потребности, и со свойствами вещей. Свойства эти имѣютъ вообще только смыслъ привлекательности, которая сама по себѣ есть нѣчто самостоятельное и которая только побуждаетъ къ усиліямъ получить цѣнность или расчитать шансы на такое полученіе. Рѣшающими являются, все-таки, естественные шансы и усилія. Если требуемый предметъ сравнительно рѣдокъ, то по сравненію съ менѣе рѣдкими вещами онъ имѣетъ большую цѣнность. Если же для полученія чего-нибудь нужно приложить еще усилія, то мѣра этихъ усилій дѣлается также факторомъ цѣнности. Поэтому, если бы, какъ у животныхъ, надо было принимать въ расчетъ только поиски пищи и большую или меньшую рѣдкость нахожденія пищевыхъ веществъ, то этимъ уже однимъ была бы разъяснена настоящая причина экономической цѣнности.

Если средства къ удовлетворенію потребностей имѣются въ избыткѣ и въ прямомъ распоряженіи, такъ что не нужно прилагать усилій къ ихъ полученію, то по смыслу сказаннаго выше они имѣютъ цѣнность, равную нулю. Это — нормальный случай для потребности дыханія воздухомъ, если отбросить рѣдкія исключительныя положенія. Для засыпанныхъ же землей или въ иныхъ случаяхъ, гдѣ начинается ощущаться недостатокъ въ воздухѣ, годномъ для дыханія, и воздухъ получаетъ цѣнность, притомъ такую, за которую большею частью расчитываются жизнью или смертью. Здѣсь ясно обнаруживается, что значитъ трудность полученія; эта трудность можетъ дойти до невозможности, когда препятствія къ необходимому и своевременному доступу воздуха станутъ непреодолимыми.

Ясно, что въ обоихъ опредѣленіяхъ цѣнности приходится имѣть дѣло съ двумя отношеніями, которыя должны разсматриваться, какъ прямыя противоположности. Чѣмъ шире удовлетворяется потребность сама по себѣ, безъ дальнѣйшихъ условій (имѣетъ ли это мѣсто отъ природы или отъ другихъ обстоятельствъ), тѣмъ меньше трудности полученія и тѣмъ меньше потребны личная забота и расчетъ шансовъ. Поэтому два противоположныя обстоятельства должны быть здѣсь приняты во вниманіе: во-первыхъ, нужно обсудить, что даютъ человѣку природа и вещи, во-вторыхъ, что, съ своей стороны, долженъ выполнить и внести самъ человѣкъ. Слѣдовательно, новое, просвѣщающее, даже дѣлающее эпоху воззрѣніе на важнѣйшій въ хозяйственномъ смыслѣ способъ опредѣленія цѣнности вещей состоитъ въ томъ, что экономическое значеніе вещи опредѣляется отнюдь не прямо простою ея годностью, но всегда лишь косвенно, неблагопріятными шансами для ея полученія.

Итакъ, если Кэри своимъ новымъ пріемомъ оцѣнки вывелъ изъ употребленія выраженіе „потребительная цѣнность“, какъ вводящее въ обманъ, и признавалъ правильнымъ только противоположеніе полезности и просто цѣнности, то въ главномъ пунктѣ онъ былъ по существу правъ. Особенно большою заслугой было здѣсь то, что мѣна, которую Адамъ Смитъ превратилъ въ признакъ цѣнности, была оставлена въ сторонѣ, какъ вещь второстепенная и несущественная. Въ обмѣнѣ и въ торговлѣ получаетъ значеніе только болѣе общая причина цѣнностей, и эта причина получила бы свое значеніе даже безъ посредства обращенія, т. е. сама по себѣ, въ совершенно абстрактномъ смыслѣ. Бастіа, плагиаторъ Кэри, снова перевелъ все на торговый языкъ и такимъ образомъ лишилъ первоначальное лучшее обоснованіе его главнаго преимущества. Слѣдуетъ идти вплоть до обмѣна и торговыхъ отношеній, но не слѣдуетъ исходить изъ нихъ, если желаютъ въ теоріи цѣнности поступать научно и искать послѣднихъ основаній.

И противоположность пользы и издержекъ, въ популярномъ смыслѣ легче понимаемая, тоже легко ведетъ къ ложнымъ толкованіямъ. Именно, здѣсь издержки нужно понимать не такъ, какъ понимаютъ денежные траты, но совершенно обще, какъ естественную затрату усилій, мыслимую для изолированнаго индивидуума, если не хотятъ подмѣнить смыслъ противоположности пользы и издержекъ и затемнить его сложностями обращенія. То, чѣмъ предметъ полезенъ и то, чего онъ стоитъ, суть два, по новой теоріи далеко стоящія другъ отъ друга, понятія. Только цѣнность издержекъ есть собственно цѣнность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, то, чѣмъ наиболѣе обще и главнымъ образомъ опредѣляется значеніе вещи въ обращеніи, т. е. ея мѣновая цѣнность или просто цѣна. Хотя существуетъ не одинъ факторъ цѣнности, все-таки, преодоленіе препятствій является при оцѣнкѣ связующимъ общимъ понятіемъ; это понятіе, въ то же время, исключаетъ то за-

блужденіе относительно полезныхъ свойствъ вещей, которое распространялось раньше вслѣдствіе некритическаго взгляда.

4. Разъ препятствія, т. е. разъ обратное отношеніе шансовъ полученія опредѣляетъ цѣнность въ смыслѣ ея экономического значенія, то прежде всего и нужно спрашивать о различныхъ родахъ препятствій. Болѣе или менѣе широкіе естественные шансы, вродѣ богатства или скудости природныхъ матерьяловъ и силъ, образуютъ самостоятельную область, къ которой наиболѣе близко стоятъ трудности производства, зависящія отъ человѣческихъ способностей. Но открывается совершенно иная точка зрѣнія, коль скоро мы вводимъ схему двухъ лицъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣчто такое, что желаетъ имѣть и другое лицо. Отъ соглашеній, которыя заключатъ оба при обмѣнѣ, будутъ зависѣть качество и количество вещей, которыя они дадутъ другъ другу, или услугъ, которыми они обмѣняются. Здѣсь весьма возможно несправедливое поведеніе, а именно, злоупотребленіе имѣющей на одной сторонѣ властью распоряжаться вещью. Одинъ можетъ принудить другого къ самымъ крайнимъ уступкамъ, такъ какъ самъ не испытываетъ нужды въ равной мѣрѣ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь не имѣется уже налицо простого естественнаго и производственнаго отношенія, но дѣло заключается еще и въ соціальныхъ отношеніяхъ. На этомъ основаніи я ввелъ категорію соціальныхъ препятствій къ полученію цѣнностей, т. е. дополнилъ теорію Кэри особымъ соціальнымъ факторомъ цѣнности.

Гдѣ свобода и возможность распоряженія вещами у одной личности становится причиной того, что для другой личности шансы полученія дѣлаются менѣе благопріятными, тамъ уже точка зрѣнія простыхъ взаимныхъ трений недостаточна для полной оцѣнки явленій. Въ этихъ повидимому добровольныхъ соглашеніяхъ необходимо тогда отгѣнить соціальную или, лучше сказать, антисоціальную сторону. Кромѣ того, надо обратить вниманіе на то, что естественные и производственные шансы, какъ внѣшнія основанія, конечно, играютъ свою роль въ этихъ личныхъ договорахъ, но что человѣческой произволъ старается по возможности избавиться отъ такихъ вліяній, если только они не служатъ ему въ пользу; онъ часто думаетъ только о беспощадномъ использованіи личныхъ особенно выгодныхъ обстоятельствъ. Отсюда возникаютъ соціальныя поддѣлки цѣнностей, въ основѣ которыхъ не лежитъ никакой правильной оцѣнки, но лишь косвенное принужденіе, если не прямо—обманъ.

Раньше еще я квалифицировалъ всѣ эти мнимые факторы цѣнностей и цѣнъ, какъ факторы специфически-соціальные. Единственное, что, казалось, могло помочь здѣсь, было преобразование самого общества путемъ уничтоженія дурныхъ средствъ и путемъ устраненія положеній, съ одной стороны, слишкомъ сильныхъ, съ другой стороны, слишкомъ слабыхъ. Для болѣе опре-

дѣленнаго отвѣта на вопросъ, какъ преобразовать, не было болѣе спеціальныхъ указаній, по крайней мѣрѣ, ихъ не было для прямой цѣли — держать въ надлежащихъ границахъ установленіе цѣнностей и цѣнъ.

Нынѣ же понятіе о соціальной цѣнности, которое, съ своей стороны, основывается на понятіи о соціальныхъ предпріятіяхъ, можетъ быть дополнено еще болѣе опредѣленными идеями объ антиправомѣрной и правомѣрной соціальныхъ цѣнностяхъ. Этимъ наносится ударъ всему, что въ косвенно экономическихъ отношеніяхъ стремится рассчитывать только на голую силу или даже стремится предоставить просторъ всякимъ обманнымъ уловкамъ. Поскольку и гдѣ, вообще или въ отдѣльныхъ случаяхъ, можетъ быть строго соблюдена и проведена на практикѣ соціальная справедливость, тамъ примутъ надлежащій видъ и эквиваленты взаимныхъ услугъ. При такомъ предположеніи понятіе о справедливой цѣнности должно стать чѣмъ-то вполне самостоятельнымъ; оно не будетъ уже подвергаться унижительному упреку въ томъ, что имѣетъ въ виду какую-то химеру, а именно, вѣчно-неуловимую связь между правильнымъ хозяйствомъ и дѣйствительнымъ правомъ.

Если бы даже подобная связь была дѣйствительно химерой, то рыбьимъ хвостомъ этого чудовища оказалось бы само народное хозяйство; ибо верхней частью, имѣющей видъ человѣка или красивой женщины, осталась бы, во всякомъ случаѣ, справедливость, отъ которой люди не захотятъ отказаться ни при какихъ отношеніяхъ. И потому вину за невозможность соединиться въ одно тѣло со справедливостью народное хозяйство, съ его рыбьей натурой, должно было бы взять на себя. Будетъ ли рыба хищной или ручной, это все равно: въ рыбьемъ царствѣ проглотить или быть проглоченнымъ — основной законъ и древній обычай. Поэтому съ моимъ требованіемъ принципіальнаго расширенія справедливости не я являюсь лицомъ, сколько-нибудь отвѣтственнымъ за дисгармонію, еще господствующую фактически въ обѣихъ областяхъ мысли. Сліянніе можетъ быть лишь дѣломъ будущаго, и нужно будетъ позаботиться о томъ, чтобы не только народное хозяйство сдѣлать справедливымъ, но и справедливость сдѣлать народнохозяйственной.

5. Если вдуматься въ схему только двухъ лицъ, то окажется, что конкуренція на каждой сторонѣ исключена и что каждая изъ сторонъ можетъ вести себя такъ, какъ если бы она была монополистомъ. Въ этомъ смыслѣ обѣ роли одинаковы; каждая сторона представляетъ собою какъ спросъ, такъ и предложеніе. Конечно, это обстоятельство лишь немного ограничиваетъ эгоизмъ и связанную съ нимъ несправедливость. Уже гораздо болѣе вліятельной будетъ увеличившаяся на обѣихъ сторонахъ конкуренція, если предположить большое число предлагающихъ и спрашивающихъ. Въ этомъ случаѣ одинъ другому мѣшаетъ своей конкуренціей заявлять слишкомъ немумѣренныя требованія. Справедливой воли можетъ здѣсь и не оказаться налицо, о все-таки будутъ возможны ограниченія въ смыслѣ хозяйственнаго права.

Но конкуренція должна быть свободной и, кромѣ того, по возможности равной. Такимъ образомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ фундаментальнымъ принципомъ общенія. Всякое затрудненіе свободной и равной конкуренціи является одновременно ущербомъ и для правильныхъ соотношеній между цѣнностями и цѣнами.

Если вспомнить о широкой области, гдѣ свобода, а еще того больше, равенство конкуренціи весьма значительно ограничены исторически уже возникшими или вновь возникающими перегородками, то можно будетъ составить себѣ представленіе о томъ, что значить уже одна подобнаго рода несправедливость. Именно, если смотрѣть только на фактъ конкуренціи, то каждый конкурентъ, рассматриваемый отдѣльно самъ по себѣ, конечно, долженъ считаться положительно только со своими интересами. Если онъ самъ лично поступаетъ закономѣрно и примѣняетъ только хорошія средства къ осуществленію своихъ интересовъ, то это вещь особая, происходящая только отъ его настроенія. Но и безъ этого всякій конкурентъ оказываетъ ограничивающее вліяніе на непосредственныя притязанія сосѣда по рынку уже простымъ своимъ конкуррированіемъ, т. е. онъ невольно обуздываетъ своего сосѣда. Своимъ болѣе дешевымъ предложеніемъ онъ, насколько это отъ него зависитъ, понижаетъ высокія цѣны. Если же дѣло идетъ о конкуренціи въ спросѣ, то претензіи купить слишкомъ дешево будутъ обузданы или предложеніемъ высшихъ цѣнъ или тѣмъ, что въ противоположномъ ряду будутъ въ состояніи потребовать высшей платы и настоять на ней.

Можно сказать, конечно, что все это—голая механика конкуррирующихъ силъ и не имѣетъ прямой связи съ идеей права. Совершенно вѣрно; но, вѣдь, косвенно, при свободномъ своемъ дѣйствіи, этотъ механизмъ конкуренціи и является отрицательною силой, которая дѣйствуетъ постольку анти-эгоистично, поскольку она, до извѣстной степени, ставитъ мѣру и предѣлы индивидуальному эгоизму черезъ посредство подобнаго же ему эгоизма. Такимъ образомъ безъ всякаго даже намѣренія соблюдать законность получается нѣкоторое фактическое упорядоченіе въ области безправія, которая, въ противномъ случаѣ, была бы безграничной. Но кто путемъ законодательства или какъ-нибудь иначе понижаетъ подобную благотворную конкуренцію или дѣлаетъ ее неравной, тотъ поступаетъ прямо несправедливо: онъ нарушаетъ дѣйствительное право, которое заложено, хотя бы и несовершенно, въ фактъ многочисленности взаимно умѣряющихъ другъ друга интересовъ. Итакъ, если свободная и равная конкуренція, сама по себѣ, съ точки зрѣнія индивидуума есть нѣчто нейтральное, не имѣющее отношенія къ сознанному праву, тѣмъ не менѣе, нарушеніе этой конкуренціи является, по большей части, сознательной несправедливостью и должно быть квалифицировано, какъ хозяйственный проступокъ или даже преступленіе. Не только хищническія пошліны, введенныя профессиональными классами и сословіями,

но вообще всякія грабительства и пронырническія завоеванія иностранныхъ или внутреннихъ рынковъ принадлежатъ именно къ этой хозяйственно-криминальной категоріи.

Гдѣ отдѣльная личность вводится въ норму другою личностью, тамъ организованная коллективность, особенно въ государственной ея формѣ, стремится искусственно усилить эгоизмъ и сдѣлать его по возможности сувереннымъ. Какимъ же путемъ могли бы при такомъ выродившемся въ безправіе состояніи образоваться справедливыя цѣнности и цѣны! Все въ основныхъ взаимоотношеніяхъ оказывается неладнымъ и взвинченнымъ; какъ же стало бы возможнымъ на такомъ ложномъ принудительномъ пути какое-либо движеніе въ сторону дѣйствительной законности! Къ тому же еще, примѣры эгоистическихъ дѣлъ въ ихъ совокупности развращаютъ самый образъ мыслей отдѣльной личности! Гдѣ отсутствуетъ справедливость въ общихъ юридическихъ или обычаемъ установленныхъ формахъ общенія, тамъ она и у индивидуума не можетъ пустить достаточно корней, и даже если это, въ видѣ исключенія, случается, то мало помогаетъ общему дурному ходу дѣлъ.

б. Гдѣ не хватаетъ достаточной на обѣихъ сторонахъ конкуренціи, т. е. гдѣ, какъ въ нашей основной схемѣ, лишь одинъ стоитъ противъ одного, тамъ только взаимныя потребности съ ихъ принудительной силой могутъ привести къ ограниченію произвольныхъ притязаній. За исключеніемъ же послѣдняго обстоятельства уже простой фактъ возможности распоряжаться товарами или какими-либо иными полезностями достаточно, для того чтобы создать фактическую власть, способную ставить произвольное требованіе за отказъ отъ такого распоряженія, т. е. за предоставленіе права распоряжаться вещью другому лицу. Разумѣется, такого рода форма отношеній есть самый дикій произволь, строго говоря, подобный покушенію на грабежъ. Косвенность какого-либо притѣсненія, въ сущности, не составляетъ здѣсь никакой разницы. Возможность присвоенія бываетъ использована настолько, насколько позволяютъ обстоятельства, и этотъ родъ барышничества лишь по формѣ отличается отъ настоящаго хищничества. Но не надо забывать, что указанный произволь возможенъ на обѣихъ сторонахъ, и что только исключительныя обстоятельства могутъ создавать въ отдѣльномъ случаѣ для одной части рѣшительный перевѣсъ въ смыслѣ возможности извлекать барыши.

Кто настроенъ справедливо, тотъ будетъ удрученъ фактомъ отмѣченнаго выше произвола. Онъ будетъ желать, чтобы, кромѣ возможности распоряжаться вещами, имѣлось для обѣихъ сторонъ еще и кое-что обязывающее, въ видѣ принципа и мѣры, съ которыми, при доброй волѣ могли бы сообразоваться представители голой силы. Здѣсь мы и натываемся на затрудненіе. Прежде всего имѣются налицо прямо въ природѣ существующія трудности полученія цѣнности. Кто лишь съ трудомъ можетъ добыть что-

либо, напрімѣръ, сравнительно рѣдкое, тотъ, располагая при случаѣ такой вещью, совершенно справедливо уступить ее только за такое вознагражденіе, въ которомъ приняты въ расчетъ эти естественныя, для каждаго существующія препятствія. Значить, эта точка зрѣнія даетъ совершенно реальный факторъ цѣнности, т. е. такой, который не имѣетъ началомъ злоупотребленіе личной произвольной властью.

Далѣе, на второмъ мѣстѣ сюда присоединяются активныя трудности производства. Но какъ же должны оцѣнивать другъ друга различныя формы дѣятельности, производящія цѣнности? Давно уже я обращалъ вниманіе на то, что для различныхъ родовъ работы такъ же мало существуетъ какая-либо общая мѣра, какъ и для различныхъ родовъ потребностей. Абстракція общей работы расплывается въ сливающее всѣ различія понятіе о наполненіи времени любымъ родомъ дѣятельности. Возящій тачку рабочій и архитекторъ, оба въ этомъ смыслѣ одинаково — рабочіе; и если оцѣнить здѣсь трату времени, необходимую для простого существованія, и кромѣ того еще, возвести въ принципъ только квантитативное, но не квалитативное равенство потребленія и наслажденія, то получается самый крайній парадоксъ. Такого вывода, однако, мы нимало не испугались бы и теперь, послѣ сорокалѣтней работы надъ проблемой, если бы только онъ былъ примиримъ съ правильнымъ пониманіемъ справедливости. Принципъ равенства только тамъ можетъ имѣть смыслъ и приложеніе, гдѣ дѣйствительно имѣется налицо человѣческое равенство и гдѣ самыя качества не различны уже по природнымъ и культурнымъ причинамъ, т. е. гдѣ не различны функціи и ихъ раздѣленія.

Каждый человѣкъ, какимъ онъ является въ отдѣльномъ случаѣ, есть воплощенная совокупность спеціальныхъ функцій. Не вещь, не Я, но процессъ жизни, т. е. по отношенію къ хозяйственной продукціи совокупность надлежащихъ функцій образуетъ сущность дѣла и опредѣляетъ значеніе этихъ функцій въ смыслѣ экономической цѣнности. Конечно, особый вопросъ, какія именно функціи потребны. Но разъ онѣ твердо установлены, то именно къ нимъ прямо и должна относиться оцѣнка, если ее хотятъ произвести справедливо. Никто не можетъ выполнять функцій, для которыхъ онъ не обладаетъ физически и духовно, по причинамъ природнымъ и историческимъ, задатками и соотвѣтствующимъ образованіемъ. Въ обладаніи такими вещами кое-что можетъ измѣниться, но не все. Человѣческія качества часто таковы, что превратились уже въ твердый типъ, который не позволяетъ измѣнить ихъ или превратить въ совершенно другой типъ. Да и произвольная превращаемость была бы если не бессмыслицей, то, во всякомъ случаѣ, вещью неполезной. Она перешла бы въ хаотическую неустойчивость профессій и ихъ развѣтвленій. Итакъ, во всѣхъ отношеніяхъ не полезно стараться замѣнить пустыми абстракціями и уничтожить форсированнымъ стремленіемъ

къ равенству различія человѣческихъ существъ, если только эти различія не основываются на доказуемой несправедливости; поэтому не слѣдуетъ стараться стереть такія различія и въ области хозяйства, въ области опредѣленія цѣнностей и цѣнъ.

7. Историческое неравенство не можетъ быть вычеркнуто, какъ что-то никогда не бывшее; но, конечно, въ послѣдствіи возможны сглаживанія. Точно также и съ профессиональнымъ неравенствомъ. Не во всякой спеціализаціи, при которой низшія экономическія функціи отдѣляются отъ высшихъ, содержится непременно несправедливость. Наоборотъ, трижды несправедливо игнорировать необходимость и рациональность такихъ ступеней различія въ дѣятельностяхъ. Кромѣ обычной работы, должна существовать квалифицированная работа, и притомъ весьма различно квалифицированная. Думать, что дѣлу можно помочь смѣшеніемъ и обмѣномъ функцій, именно въ важнѣйшихъ-то случаяхъ и оказывается глупостью. Изъ этого вышла бы, такъ сказать, полная безсвязица въ самой нелѣпой формѣ. Заставить архитектора по временамъ играть роль возящаго тачку рабочаго было бы высоко-комично, особенно если все-таки нельзя при этомъ, для полноты пестрой картины, изъ рабочаго, возящаго тачку, сдѣлать архитектора; а иначе какъ могло бы естественно и рационально осуществиться это смѣшеніе двухъ профессій.

Разъ все въ природѣ и въ области культуры устроено такъ, что для всякой функціи образуются соотвѣтственные органы, то было бы удивительно, если бы хозяйство составляло здѣсь исключеніе и ради мнимаго равенства постаралось стереть всѣ противоположности и слить все въ одну безразличную массу. Вѣдь, въ извѣстныхъ функціяхъ, кромѣ того, что требуется спеціальное образованіе, и руководящая роль является существенной составной частью, безъ которой такая функція немислима! Архитекторъ долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы его проектъ былъ исполненъ правильно, и такимъ образомъ по необходимости получаетъ мѣсто нѣкоторая распорядительная дѣятельность.

Итакъ, не остается ничего другого при такихъ обстоятельствахъ, какъ признать историческій результатъ, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку въ немъ не воплощена несправедливость. Можно, конечно, во имя человѣка вообще спросить, почему человѣкъ оказывается то спеціалистомъ по катанію тачекъ, то спеціалистомъ-архитекторомъ. Человѣкъ, возящій тачку, есть продуктъ менѣе цѣнный, и если бы случались волшебныя метаморфозы, то онъ могъ бы претендовать на превращеніе въ архитектора. Быть можетъ, онъ былъ бы доволенъ соотвѣтствующимъ образомъ жизни и комфортомъ и охотно взялъ бы на себя отвѣтственность за связанную съ профессіей квалифицированную функцію. Но такъ какъ мы живемъ не въ сказочномъ мірѣ, а въ мірѣ, устроенномъ на основаніи логики вещей, то человѣкъ, повидимому обиженный судьбою, долженъ быть таковымъ уже по одному тому, что

онъ именно тотъ, кто онъ есть, а не кто другой. На самомъ дѣлѣ его функція бываетъ подъ стать его качествамъ, и въ этомъ отношеніи не обнаруживается никакой несправедливой обиды судьбы.

Что же касается вопроса объ экономическомъ вознагражденіи, то возможно въ послѣдствіи приблизиться къ его уравненію. Гдѣ различія достигли непропорціонально-большихъ крайностей, тамъ вознагражденіе за обыкновенную работу должно возрасти, а вознагражденіе за квалифицированную работу— понизиться. Средняя мѣрка образа жизни, посредствомъ которой сближались бы другъ съ другомъ члены общества, должна, несомнѣнно, стать принципомъ, сглаживающимъ рѣзкія противоположности, сложившіяся исторически. Тѣмъ не менѣе, рационально основанными различіями цѣнностей и общественныхъ положеній пренебрегать нельзя; въ противномъ случаѣ, исчезла бы всякая точка опоры для измѣренія отношеній между функціями и ихъ, такъ сказать, эквивалентами.

Какъ квалифицированная работа относится къ работѣ обыкновенной, такъ къ обыкновенной потребности относится нѣчто аналогичное квалифицированной работѣ, а именно, совокупность весьма различно расширившихся и ставшихъ потребностями жизненныхъ притязаній. Если бы квалифицированность функціи и потребности надлежащимъ образомъ соотвѣтствовали другъ другу, такъ что только особая работа влекла бы за собою соотвѣтствующія особая потребности, то, по нашему мнѣнію, возможно было бы удовлетвориться такимъ порядкомъ вещей. Въ немъ заключается извѣстная доля справедливости. Но иной видъ имѣетъ положеніе вещей, когда причинами раздѣленія и подчиненія были насилія. Во всѣхъ такихъ случаяхъ и экономическія цѣнности были поддѣланы, и потому необходимо направить здѣсь критику на исторически сложившіеся эквиваленты.

Указанная неправильность теперь имѣетъ уже мѣсто въ нѣкоторыхъ направленіяхъ и даже въ слишкомъ значительной мѣрѣ. Духовная работа наиболѣе высокой квалификаціи принижается иногда до уровня, если не ниже уровня самой обыденной и грубой работы.

Такимъ образомъ высшія, такъ сказать, духовно-архитектоническія преимущества, если они не желаютъ рабски отдавать дань самымъ пошлымъ интересамъ, должны, въ смыслѣ комфорта, довольствоваться самымъ неквалифицированнымъ образомъ жизни, несмотря на самое бережливое хозяйство. И не эти даже преимущества создаютъ такимъ людямъ средства къ пропитанію, а использованіе менѣе выдающихся способностей не столь высокаго порядка.

8. Разъ обыкновенныя или менѣе квалифицированныя работы исторически въ теченіе долгаго времени были низко оцѣниваемы, то долженъ наступить періодъ, когда онѣ добьются для себя въ свою очередь несправедливыхъ преимуществъ, такъ что будетъ имѣть мѣсто относительно низкая

оцѣнка дѣйствительно высшихъ функцій. Въ такую искусственную фазу форсированной цѣнности всевозможныхъ обыкновенныхъ работъ мы теперь и вступаемъ, такъ какъ неурегулированныя и лишенныя всякой мѣры стачки не знаютъ иныхъ ограниченій, кромѣ ограниченій голой силы. Сопротивленіе предпринимателей въ нѣкоторыхъ направленіяхъ слишкомъ незначительно. А иногда обѣ враждующія стороны объединяются къ невыгодѣ и на счетъ потребляющей публики. Нерѣдко публика должна платиться повышенными цѣнами и на товары и на работы за потери, причиненныя обѣимъ категоріямъ производителей стачками предпринимателей наряду со стачками рабочихъ, короче, всякими ихъ раздорами и борьбой.

Иногда повышение заработной платы служитъ предлогомъ и удобнымъ средствомъ, чтобы обложить потребителя гораздо выше, чѣмъ даже требуется для такого повышения. Потребители, интересы которыхъ труднѣе всего организовать и интересы которыхъ поэтому менѣе всего защищены, при своей пассивности, поневолѣ позволяютъ облагать себя заразъ и рабочимъ, и предпринимателямъ. Этотъ несправедливый, произвольный режимъ безмѣрнаго и безпринципнаго повышения цѣнъ характеризуетъ не только современное фактическое положеніе вещей, но и тотъ духъ, который преимущественно проявляется въ немъ и при отсутствіи всякаго принципиальнаго компаса служитъ только интересамъ самаго разнузданнаго партійнаго эгоизма.

Именно въ ученіи о цѣнности и о цѣнахъ нужно остерегаться слишкомъ рѣзко разграничивать категоріи производителей и, угождая ложному, яко бы гуманному предразсудку, защищать и восхвалять то сословіе, которое на самомъ дѣлѣ вовсе не является солиднымъ рабочимъ сословіемъ, но лишь излюбленнымъ демагогами, по преимуществу дурнымъ хищническимъ пролетаріатомъ. Это—совокупность субъектовъ, которые желаютъ по-возможности меньше дѣлать и много имѣть; по барышническимъ вождельніямъ и въ пользованіи низкими средствами этотъ классъ уже превосходитъ всѣ прочіе классы и составныя части населенія. Онъ дѣлаетъ производство и всѣ хозяйственныя отношенія неустойчивыми; его главная работа состоитъ не въ томъ, чтобы по настоящему работать, но въ томъ, чтобы работать въ руку хаосу, пользуясь всевозможными удобными случаями для соціального воровства, для всякаго, законнаго и незаконнаго, разбоя.

Итакъ, если дѣло идетъ объ установленіи справедливыхъ цѣнностей и цѣнъ, то нельзя начинать всего какъ бы сначала; слѣдуетъ оставить въ силѣ тѣ части историческаго фундамента, которыя во всякомъ случаѣ образовались бы, вмѣшалась ли бы сюда несправедливость или нѣтъ. Поэтому теорія цѣнностей и цѣнъ всегда должна принимать во вниманіе историческую сторону дѣла. Отдѣльная личность является контрагентомъ другой личности, опираясь на всеобщій обычай и на отношенія, исторически до извѣстной

степени уже установленныя, справедливо или несправедливо,—все равно. Если бы все шло рационально и справедливо, то и продолженіе прежнихъ отношеній и образованіе новыхъ не представляло бы особенныхъ трудностей для пониманія. Но имѣющая мѣсто дѣйствительность крайне сложна; поэтому рациональная историческая точка зрѣнія требуетъ критеріевъ, т. е. критическихъ принциповъ. Во всякой отдѣльной области цѣнностей надо изслѣдовать, что въ историческихъ образованіяхъ является очевидной несправедливостью и что въ нихъ, какъ право, можетъ служить опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ образованій. Выраженіе цѣнностей въ деньгахъ есть при этомъ историческая необходимость и неизбежное условіе, безъ котораго всякое спеціальное или даже для отдѣльнаго случая годное сужденіе о цѣнности было бы безсодержательнымъ или, по меньшей мѣрѣ, абстрактно-неопредѣленнымъ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что трудности практически пригодной теоріи цѣнности, не вращающейся въ области голыхъ абстракцій, оцѣнены слишкомъ низко. Наша точка зрѣнія справедливости является новымъ средствомъ для рѣшенія проблемы. Она даетъ наиболѣе полную перспективу, такъ какъ включаетъ въ свои рамки все остальное и показываетъ, что еще должно быть прибавлено къ оцѣнкѣ прочихъ обстоятельствъ въ качествѣ фактора, рѣшающаго дѣло. Оцѣнка прежнихъ, исторически унаслѣдованныхъ отношеній и образованіе новыхъ отношеній должны быть во всѣхъ направленіяхъ проникнуты идеей справедливости, если желаютъ получить что-либо гармоническое и прочное въ хозяйственномъ отношеніи. Простая ссылка на количество работы при оцѣнкѣ отношеній является иллюзіей уже потому, что не существуетъ никакой общей количественной мѣры работъ и, слѣдовательно, никакихъ дѣйствительныхъ количествъ, которыя имѣли бы смыслъ безъ обозначенія вида хозяйственной дѣятельности и безъ отношенія къ опредѣленному качеству работы.

9. Попытка видѣть въ квалифицированныхъ работахъ какъ-бы концентрированные обыкновенныя работы, если не совершенно неудачна, то несомнѣнно ведетъ къ заблужденію и не приноситъ никакой пользы. Именно, если высшая дѣятельность требуетъ, чтобы для личности, которая должна выполнять эту квалифицированную работу, низшія функціи выполнялись другими, то такая форма отношеній относится къ учрежденіямъ жизни, созданнымъ поколѣніями. Какъ съ самаго начала привело къ этому раздѣленіе функцій и обмѣнъ услугъ,—это часто оказывается очень сложнымъ вопросомъ, къ которому не всегда можно даже подойти вплотную съ простыми схемами. Гдѣ болѣе обыкновенныя работы всегда должны были содѣйствовать тому, чтобы кто-нибудь могъ получить образованіе для выполненія особо квалифицированныхъ функцій, тамъ соотвѣтствующая личность какимъ-нибудь, справедливымъ или несправедливымъ, путемъ непременно должна

была достигнуть возможности лично располагать чужими вспомогательными услугами. Поэтому были налицо отношенія цѣнностей, на основаніи которыхъ стало возможнымъ то, а не иное квалифцированіе рабочихъ услугъ. Поэтому ненадлежащее концентрированіе работы не есть понятіе, которое что-нибудь достаточно объясняетъ; оно само нуждается въ объясненіи.

Къ тому же, вообще неправильно всякія цѣнности измѣрять работой и, въ свою очередь, всякую работу стремиться измѣрить обыкновенной неквалифцированной работой. Стоитъ только вспомнить по этому поводу, что существуютъ уже объективныя основанія цѣнности, которыя, какъ, на примѣръ, рѣдкость предмета, опредѣляютъ цѣнность безъ отношенія къ какой бы то ни было работѣ. Къ рѣдкости естественныхъ условій присоединяется еще рѣдкость личныхъ качествъ. Поэтому отношеній цѣнностей и функцій нельзя опредѣлить, принимая въ расчетъ только работу. Есть довольно случаевъ, когда дѣло рѣшаетъ простая возможность располагать выгодными шансами. Страсть сводитъ все къ работѣ, а въ послѣднемъ основаніи даже къ обыкновенной работѣ, объясняется партійнымъ положеніемъ сторонниковъ такого взгляда; кромѣ того, ей благопріятствовала непредусмотрительность легко-вѣрныхъ старыхъ теорій, вродѣ Локковой и Смитовой. Подъ конецъ эта страсть у демагогическихъ кропателей-теоретиковъ à la Марксъ привела къ тому, что экономика, претендующая на званіе рабочей, превратилась въ такое полное извращеніе, даже въ такое оклеветаніе фактовъ, что его и приблизительно нельзя сравнить съ односторонностями и ошибками, невѣрно такъ называемой, буржуазной экономіи. Старое сравнительно солидное ученіе о народномъ хозяйствѣ обладало доброю вѣрой; и только нѣкоторыя неправильныя его практическія примѣненія были буржуазно-партійными подтасовками истинной сущности дѣла. Демагогическая же еврейская социалистика льстиво и лицемѣрно приписываетъ рабочему и работѣ такое значеніе, какъ будто бы они были все и вся.

10. Какъ только мы подходимъ съ понятіемъ цѣнности къ различнымъ родамъ доходовъ, т. е. къ земельной рентѣ, прибыли съ капитала, налогу и заработной платѣ, то всюду обнаруживается, что всякая работа, какъ обыкновенная, такъ и квалифцированная, является лишь однимъ изъ факторовъ опредѣленія эквивалентовъ и цѣнъ. Земельная рента есть слѣдствіе власти распоряжаться землею. То, что въ ней представляетъ затрудненіе, это—ея высота, ставшая непомерной для опредѣленныхъ мѣстностей, но не вообще сама рента, какъ категорія дохода. Скопленіе населенія въ центрахъ само по себѣ является чѣмъ то чудовищнымъ; оно является даже, отчасти, слѣдствіемъ насилія и несправедливости и служитъ причиною взвинченности цѣнъ на мѣста для построекъ, ренты на дома, сдаваемые подъ квартиры, даже косвенною причиною возвышенія земельной ренты и вздорожанія важнѣйшихъ питательныхъ продуктовъ.

Если бы не существовало больших и исполинских городов, то конкуренция за обладание почвой, конкуренция на жилища, даже на продукты почвы выразилась бы гораздо болѣе выгодно. Земельная рента въ обоихъ ея видахъ не уничтожилась бы; но при умѣренной высотѣ и въ соединеніи съ другими родами доходовъ она уже не заключала бы въ себѣ ничего страннаго, вызывающаго.

Поэтому недальновидно нападать, какъ на непомѣрный барышъ, на земельную ренту, высота которой есть только слѣдствіе отдаленныхъ историческихъ причинъ, вмѣсто того, чтобы возложить отвѣтственность за урсадность ея на самыя эти причины. Поэтому лучшее распределеніе населенія должно стать однимъ изъ средствъ улучшенія и привести, наконецъ, къ тому, чтобы сгладилась острота конкуренціи, на которую, въ послѣднемъ основаніи, опирается стремленіе крупной земельной собственности къ монопольности. Уже шотландецъ Смитъ понималъ, что искусственно поддерживаемый ростъ городовъ на счетъ деревни долженъ привести къ дисгармоніи хозяйственныхъ отношеній. Цѣнность же земли и почвы, конечно, лишь позднѣе была подвергнута до извѣстной степени точному изслѣдованію со стороны Кэри.

Съ нашей точки зрѣнія земельныя и другія подобныя имъ первоначальныя цѣнности нужно понимать только въ связи съ правильной теоріей денегъ и процентовъ. Безъ формальнаго капитализированія текущихъ доходовъ, т. е., напримѣръ, земельной и имущественной ренты, нельзя перекинуть моста между періодическими доходами и общими продажными цѣнами. Процентъ, т. е. плата за временное пользованіе денежными суммами, самъ по себѣ, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ доходами съ земли и почвы, но онъ, однако, опредѣляетъ совокупную, общую, т. е. капитальную цѣнность источника, изъ котораго вновь и вновь черпаются эти доходы.

Если бы процентъ на деньги не служилъ общей точкой опоры и мѣрой при обмѣнѣ всякаго рода первоначальныхъ доходныхъ статей, то для послѣднихъ не могло бы образоваться никакихъ общихъ рациональныхъ цѣнъ, годныхъ на всѣ времена. То, что существуетъ непосредственно, всегда есть только доходы, имѣющіе мѣсто для извѣстныхъ промежутковъ времени. Денежная же сумма—самое общее выраженіе и наиболѣе ясный примѣръ основной цѣнности, которая приноситъ доходъ и которая остается существовать, пока воспроизводитъ сама себя. Такимъ образомъ процентъ служитъ регуляторомъ всякихъ цѣнъ при капитализированіи продолжительное время существующихъ естественныхъ и культурныхъ угодій. Обыкновенно надо жаловаться не на высоту процента, а скорѣе на его ненадлежащую, несправедливую низкость. Онъ—результатъ самыхъ различныхъ историческихъ и современныхъ отношеній и потому включаетъ въ себя и справедливость, и несправедливость.

Такъ какъ по отношенію къ деньгамъ міровая конкуренція не можетъ

быть ограничена и нарушена въ той же мѣрѣ, какъ по отношенію къ людямъ и вещамъ, то и процентныя нормы вообще получились болѣе соразмѣрными, чѣмъ другія спеціально-дѣловыя установленія цѣнъ, если не считать, конечно, чисто личныхъ злоупотребленій и ростовщичества. Преобладающая, только при особыхъ обстоятельствахъ прерываемая противоположными случайными факторами тенденція процентной нормы къ пониженію не можетъ, конечно, продолжаться вѣчно и должна имѣть границу; но она, все-таки, показываетъ, что даже насильственныя традиціи, существовавшія до сихъ поръ, не могутъ помѣшать извѣстной мѣрѣ хозяйственнаго уравненія. И подъ конецъ цѣны за пользованіе деньгами должны придти къ извѣстнаго рода приблизительному равновѣсію, коль скоро не будетъ болѣе въ состояніи удержаться одностороннее давленіе на заимодавца, присущее нынѣшнему финансовому праву или, лучше сказать, нынѣшнему финансовому безправію.

11. Часто трудно объяснимыя, вслѣдствіе своей высоты, виды прибыли на капиталъ въ болѣе спеціальному смыслѣ слова, иначе сказать, формы болѣею частью съ рискомъ связанной прибыли отъ употребленія въ дѣло самыхъ разнообразныхъ хозяйственныхъ средствъ произошли при взаимодействіи многихъ историческихъ и современныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ рядомъ съ правомъ воплощено много всякаго безправія. Поэтому, вмѣсто того, чтобы ополчаться противъ категоріи прибыли на капиталъ, какъ таковой, мы достигнемъ критической точки зрѣнія, если только обнаружимъ ясно причины неправильно и несправедливо установленныхъ оцѣнокъ различныхъ цѣнностей. Эти причины имѣются во всемъ, чѣмъ хозяйственно и политически наносится вредъ свободѣ личности и конкуренціи, разумѣется, за исключеніемъ случаевъ, гдѣ несправедливое или даже преступное поведеніе дѣйствительно заставляеть ставить имъ преграды.

Вмѣсто того, чтобы бороться съ аномальностями прибыли только въ отдѣльныхъ ея формахъ, слѣдовало бы, вѣдь, разъ навсегда ясно понять, что въ обществѣ, отягощенномъ однажды созданными традиціями прошлаго главнѣйшія и наиболѣе трудно устранимыя ненормальности въ отношеніяхъ цѣнностей коренятся не въ той или иной категоріи доходовъ, но обусловливаются болѣе глубоко лежащими причинами. Магнатское землевладѣніе можно вполне хорошо разглядѣть на основаніи нашего анализа. Гораздо труднѣе раскрыть причины непомерныхъ и вздутыхъ накопленій капитала. По отношенію къ нимъ можно сказать только, что хищничество и игра случая не, могли остаться въ одной лишь сферѣ собственно вооруженной силы. Капиталъ, какъ оружіе, также можетъ быть употребленъ на добро и на зло. При бывшихъ до сихъ поръ условіяхъ онъ былъ въ состояніи, опираясь на прочіе факты насилія, вести свои собственныя хозяйственныя войны внутри странъ и на всѣхъ міровыхъ рынкахъ.

Что же представляютъ собою дурныя средства, пускаемыя въ ходъ

предпринимателями, съ цѣлью увеличенія прибыли на капиталъ, какъ не злоупотребленіе совершенно справедливой хозяйственной категоріей въ дурныхъ, если не въ преступныхъ даже цѣляхъ! Поэтому вредъ заключается не въ общей хозяйственной категоріи, но въ несправедливости, въ нее вложенной. Съ ней происходитъ то же, что съ собственностью и вообще со всякою личною формой распоряженія какими-либо вещами. Виновны не эти законныя формы распоряженія вещами и соотвѣтствующія имъ хозяйственныя категоріи, но лишь злоупотребленіе и уродливости, которыми они извращаются. Дѣло идетъ о томъ истинномъ и справедливомъ, чѣмъ наполнены формы; гдѣ духъ несправедливъ, тамъ мало помогутъ и самыя лучшія формы.

Несомнѣнно, капиталъ играетъ двѣ роли: онъ—средство производства и, кромѣ того, при извѣстныхъ обстоятельствахъ,—еще орудіе для выжиманія барышей,—все равно, будетъ ли это орудіе направлено противъ другихъ болѣе слабыхъ капиталовъ или противъ использованнаго имъ труда. Однако, въ этомъ нѣтъ ничего такого особеннаго, что не было бы присуще и другимъ факторамъ производства, напримѣръ, и самому труду. Въ развѣтвленіяхъ труда, тамъ, гдѣ вообще уже образовался демагогами руководимый хищническій пролетаріатъ, категорія заработной платы съ ея многочисленными степенями, начинающимися съ обыкновенной работы, способна вырождаться въ барышническую форму не меньше, чѣмъ прибыль на капиталъ. Трудъ, подобно капиталу, съ помощью случайнаго перевѣса силы на его сторонѣ, тоже можетъ стать орудіемъ для выжиманія барышей. И это орудіе направляется не только противъ интересовъ капитала, но косвенно и противъ интересовъ потребителей. Средство есть средство, и орудіе остается орудіемъ, какое бы названіе оно ни носило. Все дѣло въ справедливомъ или несправедливомъ его употребленіи.

12. Мы еще разъ особенно настойчиво ставимъ на видъ, что по нашему мнѣнію было бы экономической безсмыслицей пренебрегать, какъ чѣмъ-то недопустимымъ, цѣнностями, получающимися независимо отъ труда. Тогда пришлось бы напередъ уже не считаться съ рѣдкостью вещей, и притомъ не только съ тою, которая получается по культурнымъ причинамъ, но и съ тою даже, которая существуетъ или получается отъ естественныхъ условій. Случайное большее или меньшее обиліе жатвы вліяетъ на всѣ важнѣйшія отношенія цѣнностей, и никто, очутившійся изъ-за этого въ обездоленномъ положеніи, не можетъ здѣсь жаловаться на произволъ или на лѣность какихъ-либо лицъ. Значитъ, онъ не можетъ здѣсь ссылаться на трудъ вообще, какъ на причину цѣнности вещей, въ которыхъ нуждается. Онъ долженъ подчиниться власти природы, противъ которой не существуетъ социальныхъ способовъ возмѣщенія вреда.

По-истинѣ комично, когда стараются сдѣлать трудъ исключительнымъ

первопринципомъ всего, что должно получить и удержать какое-либо экономическое значеніе. По крайней мѣрѣ, работница-природа должна-бы здѣсь тоже сказать свое слово; то, чѣмъ кто-либо по праву распоряжается, можетъ вовсе не быть продуктомъ труда, но быть простой естественной вещью, которой трудъ и не коснулся.

Кромѣ того, отождествленіе обособленнаго наемнаго труда съ трудомъ вообще—крупное заблужденіе. Поэтому мы уже употребили выраженіе „вознагражденіе за трудъ“. Послѣднее годно и для всякой дѣятельности, которая имѣетъ мѣсто въ случаѣ какихъ-либо дѣйствительныхъ доходовъ. Такъ, чтобы позаимствовать примѣръ прямо изъ области наиболѣе опороченной со стороны рабочихъ, предпринимательская дѣятельность, все-таки, не есть ничто. Она, скорѣе, есть именно то, чего нѣтъ въ понятіи о рабочихъ, но что, несомнѣнно, помогаетъ цѣлесообразному функціонированію капитала, какъ такового.

Итакъ, надо ли смотрѣть косо на все, что среди цѣнностей и прибылей или во владѣніи никогда не происходило и не происходитъ отъ работы? Удивительный вышелъ бы міръ, если бы въ немъ всякое качество человѣка или вещи, такъ же какъ и всякое счастливое или несчастливое временное положеніе наказывались уничтоженіемъ за то, что они не ведутъ своего происхожденія отъ труда! Въ концѣ концовъ должны же будутъ снова привыкнуть къ мысли, что надо признать существованіе и другихъ фактовъ, кромѣ тѣхъ, что признаютъ всеобщія социальныя фабричныя теоріи. Естественныя и культурныя качества людей, такъ же какъ и соотвѣтствующія имъ положенія, вліяютъ на справедливость цѣнностей всякаго рода; они опредѣляютъ цѣнности не потому, что основываются на трудѣ, но вообще постольку, поскольку они—честны. Многообразны здѣсь элементы, изъ которыхъ складывается въ особыхъ случаяхъ цѣностный итогъ. Поэтому наше ученіе не является такою голою схемой, которая могла бы совершенно абстрактно объявить достаточнымъ какой либо отдѣльный спеціальныя факторъ цѣнности. Мы считаемся со всѣми факторами и сознательно не отдаемъ дани никакой односторонности, откуда бы, изъ какой бы партіи она ни исходила. Наиболѣе же важенъ нашъ рѣшительный, въ первый разъ съ социально-радикальной точки зрѣнія предпринятый, походъ противъ „трудовой“ софистики и крюкотворства, воображающихъ себя почти уже непререкаемыми.

Этотъ потокъ софистики, кромѣ того, загрязненъ еще евреями. Евреи отнюдь не серьезно относятся къ своему демагогическому прославленію труда. Они только лепечутъ эту ложь, чтобы самимъ не работать, чтобы болѣе удобно командовать другими. Они народъ самый барышническій въ мірѣ и несправедливый *par excellence*; они пытаются все въ большей и большей мѣрѣ заразить своимъ несправедливымъ настроеніемъ и своими пре-

ступными поведками всѣхъ и особенно рабочихъ. Этому поведенію необходимо нанести отвѣтный ударъ, и прежде всего—ударъ идейный. Гдѣ несправедливость — главное зло, тамъ, въ качествѣ послѣдней инстанціи должна стать компасомъ принципіальная справедливость; на этотъ компасъ надо прежде всего смотрѣть, чтобы взять вѣрное направленіе.

Деньги, какъ и всякій товаръ, представляютъ собою одновременно и полезность и стоимость ихъ добыванія. Ихъ непосредственная полезность, въ качествѣ благороднаго металла, расширяется въ новый родъ полезности черезъ связанную съ ней функцію обмѣна. Такимъ образомъ и получается общая мѣра для работъ и соотвѣтствующихъ имъ препятствій. Гдѣ несправедливость или неумѣлость не увеличиваютъ препятствій къ полученію цѣнности, тамъ открытый всѣмъ доступъ къ природѣ и къ средствамъ удовлетворенія потребностей оказывается и справедливымъ и цѣлесообразнымъ. Силы природы и находящіяся въ ней вещества, по отношенію къ которымъ неизбѣжно распоряженіе ими отдѣльной личности, не могутъ быть даны совершенно безвозмездно. Но, конечно, ихъ косвенная универсальная доступность должна быть свободна отъ крайнихъ помѣхъ. Шансы полученія и препятствія, которыми опредѣляются цѣнности вещей, не должны быть нигдѣ искусственно поддѣланы или извращены въ угоду несправедливости или глупости. Здѣсь надо имѣть въ виду не только разнаго рода монополіи, но всѣ обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ исторически и въ данный моментъ отношенія испытываютъ значительныя уклоненія отъ нормы, какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ, какъ въ государственномъ цѣломъ, такъ и въ частныхъ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ во всей совокупности распредѣленія населенія, такъ и въ отдѣльныхъ группировкахъ его по профессіямъ.

Итакъ, мы должны считаться со всѣми сторонами общества, а именно, и съ его вырожденіемъ, если хотимъ покончить съ фальшивыми цѣнностями. Отдѣльная личность очень много можетъ сдѣлать прежде всего прямо для своего собственнаго домашняго существованія, а затѣмъ и косвенно — для цѣлаго. Однако, она находитъ готовыми только общія основныя черты; и если даже она, вмѣсто того, чтобы (какъ часто бываетъ) самой увеличивать зло при всякомъ удобномъ случаѣ, дѣйствительно держится на сторонѣ добра, то, все-таки, она и этимъ не можетъ создать болѣе существенныхъ главныхъ улучшеній. Здѣсь продолжаетъ дѣйствовать проклятiе историческихъ злодѣяній и будетъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока не будетъ совершенно или, хотя бы, отчасти обезврежено универсальною немезидой, т. е. черезъ посредство справедливаго возмездія, которое само собою, произвольно рождается на почвѣ общихъ отношеній.

Такимъ образомъ будетъ подготовленъ переходъ къ болѣе совершеннымъ въ положительномъ смыслѣ состояніямъ, гдѣ справедливость и рациональность станутъ суверенно дѣйствующими факторами какъ вообще, такъ

и для экономіи и экономических цѣнностей. Въ этой перспективѣ оставалось бы только взвѣсить силу стремленія къ хаосу, которое, конечно, можетъ преобладать въ извѣстномъ періодѣ, но которое, однако, не можетъ продолжаться вѣчно, такъ какъ противъ этого говоритъ не только всякая вѣроятность, но и всякая реальная логика. Хаосъ, изъ котораго не было бы никакого положительнаго выхода, былъ бы смертью. Поэтому, если для общества еще имѣются вообще универсальные шансы на жизнь, — а этого нельзя поверхностно отрицать, — то единственнымъ путемъ къ его благу будетъ путь, который ведетъ къ справедливости.

ХІІ.

ПРАВО ПОЛОВЪ.

1. Справедливая сторона цѣнностей есть совершенно общая точка зрѣнія, которая касается исключительно общей экономіи, но которая еще не обнимаетъ качественной стороны отдѣльныхъ личныхъ формъ жизни. Различіе обоихъ половъ и въ смыслѣ хозяйственныхъ оцѣнокъ не теряетъ своего значенія; но на первомъ мѣстѣ, все-таки, пріобрѣтаетъ силу то отношеніе половъ, которое рѣшаетъ не только вопросъ о непосредственномъ, интимномъ счастьѣ жизни, но въ существенной степени также и вопросъ о качествѣ и о судьбѣ будущихъ поколѣній. Коль скоро порча проникаетъ и въ эту область, она дѣйствуетъ гораздо болѣе вредно, чѣмъ въ области чисто-экономической. Подрывъ, даже отчасти разложеніе правосознанія половъ есть современный и все прогрессирующій фактъ.

Въ социально-экономическихъ отношеніяхъ всего общества общій вопросъ о правѣ половъ появляется въ новой формѣ. Здѣсь прежде всего идетъ рѣчь объ участіи женскаго міра въ различныхъ профессіяхъ или въ публичныхъ правахъ и функціяхъ. Здѣсь нынѣшній беспорядокъ еще болѣе великъ, нежели въ брачномъ юридическомъ правѣ, и порча приняла самыя разнообразныя формы. Два пола брошены другъ противъ друга, вмѣсто того, чтобы дружно осуществлять благотворное разграниченіе и раздѣленіе занятій. Женскій трудъ довольно часто имѣетъ шансы только вслѣдствіе большей дешевизны, и отношеніе экономическихъ цѣнностей рѣшаетъ дѣло тамъ, гдѣ сообразное съ свойствами половъ раздѣленіе мужского и женскаго труда должно бы было быть идеально-раціональнымъ.

Но что можетъ значить требованіе систематизаціи въ отношеніяхъ, которыя опредѣляются преимущественно точкой зрѣнія наемной платы, въ которыхъ конкуренція, т. е. лживо такъ называемая борьба за существованіе, принимаетъ самыя отвратительныя формы! Какъ не получиться разстройству,

когда оба пола вынуждены по возможности вытѣснять другъ друга и отнимать другъ у друга средства къ существованію?

Прямо—скандалъ, что эта война между обоими полами уже такъ вошла въ обыкновеніе, какъ если бы подобная вещь разумѣлась сама собою, какъ если бы дѣло шло только о рабочихъ силахъ, которыя лишь случайно носятъ на себѣ различный отпечатокъ пола, въ остальномъ же должны, подобно машинамъ, оцѣниваться по ихъ услугамъ и по ихъ цѣнѣ на рынкѣ.

Отсюда видно, насколько вторая форма вопроса о правѣ половъ тѣсно связана съ первой формой. Значительная часть женскаго міра, которая относительно все болѣе растетъ, теряетъ свойственное ей призваніе — бракъ, оставаясь не только временно, но и постоянно на выполненіи всякихъ дѣловыхъ функций. Это ведетъ къ общественному злу; ибо незамужество у женщины еще болѣе аномально, чѣмъ невступленіе въ бракъ у мужчины. Что должно выйти изъ народа и народовъ, если, послѣ полного устранения средневѣковыхъ монастырей которые были крайне плохимъ выходомъ размѣстить излишекъ населенія и воспрепятствовать его размноженію,—если на мѣсто этого религионистическаго режима современная экономика достигаетъ почти той же цѣли и станетъ въ широкихъ размѣрахъ работать женскими пролетарскими машинами, не имѣющими потомства?

Слѣдовательно, по отношенію къ испорченности права половъ для насъ получаютъ двѣ сродныя другъ другу задачи, которыя, въ основѣ своей, однако, представляютъ собою одну и ту же задачу. Дѣло идетъ о спасеніи женственности тамъ, гдѣ ей экономическая система угрожаетъ не меньше, чѣмъ разложеніе брака. Въ самомъ дѣлѣ, любопытный получился бы видъ, если бы существовавшее до сихъ поръ естественное и культурное неравенство половъ должно было бы уступить мѣсто отождествленію половъ или, хотя бы только, приближенію ихъ къ тождеству!

2. Въ книгѣ „Вооруженіе, капиталъ, трудъ“, я говорилъ о нарушеніяхъ брака, особенно среди фабричныхъ, но лишь постольку, поскольку имѣлись въ виду противоположности классовъ и сословіи и жизнь, подпавшая вліянію уродливыхъ экономическихъ явленій. Обо всемъ этомъ мы здѣсь должны только кстати напомнить, чтобы въ нашемъ настоящемъ изложеніи не получилось пробѣла. Но совершенно ново то глубокое и полное социальное пониманіе, по которому право половъ нынѣ находится въ болѣе опасномъ положеніи въ массахъ, нежели на высшихъ ступеняхъ общества. Прежде можно еще было считать отвѣтственными преимущественно высшія сословія и обвинять ихъ за то, что они подаютъ дурной примѣръ. Теперь масса обладаетъ своей самостоятельной испорченностью, и притомъ не только вслѣдствіе фабричныхъ отношеній, но и благодаря демагогическимъ наставленіямъ въ рафинированно-скотскихъ привычкахъ жизни. Что теперь больше значить, мастерская или кабакъ,—это едва ли можно сказать съ увѣрностью.

Во всякомъ случаѣ, жизнь для воображаемаго наслажденія есть теперь просто жизнь въ трактирныхъ трущобахъ. Тамъ и агитація имѣетъ свои главные посты, и въ смыслѣ порчи она идетъ тамъ гораздо дальше, чѣмъ въ мастерской.

Стоитъ только подумать, что станется съ семейною жизнью, коль скоро даже въ маленькихъ мѣстечкахъ, если не на каждую пару домовъ, то, по меньшей мѣрѣ, на каждую небольшую группу ихъ будетъ приходится по одному кабаку, и если кабакъ, въ качествѣ мѣста для культа пива и водки, будетъ призывать къ сплетничанью и ко всякому безобразничанью послѣ выпивки, какъ внутри, такъ и внѣ его! Въ подлинныхъ бродягахъ недостатка нигдѣ нѣтъ, и они назначаются при такой кабацкой агитаціи на довѣренные посты, учреждаемые съ цѣлью шпіонажа.

Изъ женщинъ лишь меньшая часть сбѣгаетъ въ алкоголическія партійныя трущобы, въ которыхъ такъ называемая классовая борьба или, лучше сказать, классовое убійство одобряется во всякихъ формахъ, а въ менѣе значительныхъ вспомогательныхъ фазисахъ борьбы даже прямо пускается въ ходъ. Надо замѣтить, эта меньшая часть и образуется изъ достойныхъ „половинъ“ настоящихъ дѣльцовъ. Супружеская пара каждый вечеръ укладываетъ дѣтей въ постель, чтобы значительную часть ночи вести въ кабакѣ достойное человѣка существованіе и, кромѣ того, порадовать о довѣренномъ ей партіей дѣлѣ, т. е. о соціальной травлѣ. Участіе другихъ женскихъ элементовъ, конечно, менѣе замѣтно и менѣе рѣзко выражено; но уже то обстоятельство, что мужья предпочитаютъ дому трактиръ и нерѣдко возвращаются домой сверхъ-пьяными, а также и въ иномъ сверхъ-соціальномъ состояніи,—такое обстоятельство, несомнѣнно, ничего не прибавляетъ къ украшенію и облагораженію домашней жизни.

Къ тому же, у многихъ недѣльная заработная плата, полученная въ субботу, уже въ большей своей части проходитъ по ночамъ сквозь пальцы до понедѣльника, и лишь въ самомъ лучшемъ случаѣ даже отъ богатыхъ заработковъ остается лишь столько, чтобы прожить безъ займа нѣсколько дней, самое большее до ближайшей пятницы или субботы. А послѣ этого удивляйтесь такому классически-правильному хозяйничанью! Пусть себѣ оно идетъ въ долгъ! Болѣе молодые, еще неженатые люди или совсѣмъ молоденькіе бурши еще легче и быстрѣе доходятъ до конца. Шайка подобныхъ лицъ бѣгаетъ иногда изъ кабака въ кабакъ, кутитъ до восхода солнца, если не предпочтетъ иной разъ посвятить послѣднюю часть ночной темноты уличному безобразничанью и дикой порчѣ заборовъ частныхъ лицъ и всего, до чего можно добраться снаружи въ частныхъ домахъ. И это — лишь частица и образчикъ приложенія на практикѣ въ кабакѣ изученной классовой борьбы. Такимъ то достойнѣйшимъ образомъ безпутное юношество готовится къ предстоящей брачной жизни. Отъ такихъ самыхъ дикихъ экстравагантностей можно сдѣлать

заключеніе и къ болѣе слабымъ вариантамъ, въ которыхъ предпочтительно держатся и проявляются среднія и инныя по оттѣнкамъ группы рабочаго юношества.

3. Что же въ этихъ кратко охарактеризованныхъ состояніяхъ является причиной и что слѣдствіемъ? Есть ли разрушающіеся бракъ и семья причина, по которой такъ усиленно посѣщаются массами кабаки? Или же, наоборотъ, въ демогогически-покровительствуемомъ и использованномъ культѣ кабака надо искать причину разложенія брака? Мы думаемъ, что здѣсь имѣетъ мѣсто взаимность и что трудно было бы вполне отдѣлать другъ отъ друга оба эти обстоятельства. Если бы семья не была уже испорчена по другой причинѣ, на примѣръ, фабричными привычками, то вербовка кліентовъ въ кабаки на собраніяхъ и въ агитаціяхъ не удавалась бы, какъ удается теперь. Рѣшаютъ дѣло не одни дурныя вліянія, но и воспріимчивость къ нимъ. Было бы, однако, празднымъ занятіемъ производить въ этомъ направленіи дальнѣйшія изслѣдованія; довольно однихъ фактовъ, чтобы вывести изъ нихъ практически правильное заключеніе.

Если бы невозможно было снова сдѣлать серьезнымъ нравственнымъ принципомъ упорядоченную жизнь половъ, то на всякомъ соціальномъ спасеніи надо было бы поставить крестъ. Персонализмъ, какъ мы покажемъ въ ближайшемъ отдѣлѣ, по необходимости антиколлективистиченъ. Онъ пользуется прочными, самостоятельными единицами, чтобы существовать. Поэтому, чѣмъ больше какое-либо состояніе приближается къ коммунизму половъ, тѣмъ оно менѣе пригодно для солиднаго общества. Ради простоты представимъ себѣ только два брака соединенными вмѣстѣ и смѣшивающимися другъ съ другомъ. Тогда каждая жена будетъ обладать каждымъ мужемъ на-половину и, наоборотъ, каждый мужъ каждой женой тоже только на-половину. Это было бы буквально полу-свѣтомъ, въ еще болѣе рѣзкомъ смыслѣ слова, чѣмъ обыкновенное его значеніе. Если вообразить себѣ четыре эти лица по угламъ квадрата, то дѣти получились бы не только прямо, но и на крестъ, т. е. между каждыми двумя парами не только по сторонамъ квадрата, но и по діагоналямъ. Точное исчисленіе всѣхъ комбинацій даетъ еще болѣе значительныя числа, коль скоро къ двумъ парамъ прибавимъ еще одну. Многоугольники и многія діагонали, черезъ посредство которыхъ можно наглядно представить себѣ пестроту отношеній, даютъ милую смѣсь скрѣщиваній; смѣсь по такой схемѣ, однако, имѣетъ еще хоть то преимущество, что при предположеніи не слишкомъ большого числа лицъ остается, все-таки, наглядно видной.

Въ дѣйствительности, особенно если дѣло идетъ о массѣ, число комбинаціонныхъ группъ, разумѣется, было бы ограничено. Между различными возможностями рѣшилъ бы дѣло самый безпутный произволъ. Никакой родъ коммунизма не знаетъ какого бы то ни было дѣйствительнаго права. На мѣсто

права становится чистый произволь случая, и смѣсь, какъ въ суррогатъ собственности, такъ и въ суррогатъ брака — единственно возможная форма отношеній и качества дѣтей получились бы такого же сорта. Расположеніе ублюдковъ было бы результатомъ такого разврата. Даже царство животныхъ не знаетъ такого искусственно-уродливаго взаимнаго переплетенія; при всей своей дикой свободѣ оно до нѣкоторой степени ограничиваетъ себя, и только человѣкъ, это сверхъ-животное, обладаетъ привилегіей по своей фантазіи переходить всякія границы и ставить въ порядокъ дня самыя нелѣпыя безобразія. Но зато онъ имѣетъ и пріятное преимущество при одномъ уже приближеніи къ чудовищности почувствовать, чего стоитъ такая фантазія и куда она ведетъ. Поэтому опасны собственно только разлагающія предварительныя стадіи, которыми обусловливаются эти чудища фантазіи, а не дряхлыя попытки осуществить ихъ, при которыхъ неспособность къ жизни этихъ порожденій произвола должна тотчасъ же обнаружиться.

Если желаютъ начертать право половъ, то нужно считаться и съ естественными стремленіями къ ограниченію, между которыми даже ревность даетъ нѣкоторыя указанія. На сторонѣ мужчинъ распоряженіе собой въ половомъ отношеніи есть необходимость. Въ первоначально грубой исторической формѣ взаимно ограничивающая другъ друга конкуренція мужчинъ всегда приводила къ ограниченіямъ, даже тамъ, гдѣ была полигамія. Если приписать хотя бы только пассивное право ограниченія и женщинѣ, — какъ и должно поступить при окончательномъ обсужденіи всѣхъ человѣческихъ побужденій, — то и здѣсь конкуренція, въ видѣ ревности, вступаетъ въ свои права, и моногамическая форма оказывается подъ конецъ единственно возможной, несмотря на то, что въ множествѣ несомнѣнно содержится накопленіе quasi-богатства, въ смыслѣ обладанія половыми благами. Мужчина имѣетъ извѣстное число женъ; но каждая изъ этихъ человѣческихъ полныхъ единицъ обладаетъ только одной долей мужчины. Половое богатство на одной сторонѣ обусловливаетъ половую бѣдность и лишенія — на другой.

Такимъ образомъ даже безъ всякихъ соображеній о личной совмѣстной жизни уже изъ самыхъ грубыхъ отношеній выступаетъ аномальная природа полигаміи, впрочемъ, слишкомъ понятной у низшихъ или дурныхъ расъ. Она есть аномальное явленіе, аналогичное богатству и роскоши. Для народной массы она уже по экономическимъ соображеніямъ совершенно невозможна и нигдѣ не можетъ быть тамъ признана за нормальный типъ жизни половъ. Ея традиція во всякомъ случаѣ похожа, до извѣстной степени, на традицію рабства. Женщина, по природѣ своей, особенно въ бракѣ, не можетъ быть ничѣмъ не связанной и въ этомъ смыслѣ — вполне свободной; но поскольку это вообще допускаютъ естественное неравенство половъ и совмѣстная брачная жизнь, женщина должна имѣть, на-равнѣ съ мужчиной, полный просторъ и аналогичную свободу передвиженія.

4. Не только во вредъ женщинъ, но и какъ язва на все общество дѣйствуютъ педерастія и проституція. Бракъ съ педерастомъ-мужиной есть чудовищно грязная вещь; единственный случай педерастіи долженъ стать совершенно законнымъ основаніемъ для развода, причемъ мужчина долженъ быть лишенъ всякаго права предъявлять притязанія, на дѣтей, а всѣ убытки и необходимыя обязательства должны быть возложены на него. Еврейское же и демагогическое разложеніе брака идетъ въ противоположномъ направленіи. Оно стремится и у насъ въ Германіи эмансипировать педерастовъ отъ уголовного закона; въ „Персоналистѣ“ я въ теченіе многихъ лѣтъ велъ спеціальную борьбу противъ этой пропаганды безнравственности и восхваленія проступковъ противъ законности. Я указывалъ на то, что даже въ древней Греціи этотъ мужской порокъ не считался принципиально чѣмъ то хорошимъ; его только терпѣли слишкомъ снисходительно, какъ теперь у насъ терпятъ проституцію. Проституированная наука имѣетъ нѣжную склонность къ проституткамъ въ образѣ мужчинъ и выдумываетъ всякія лживыя теорійки для покровительства разврату и для защиты и безъ того высоко-комичнаго акта противъ какихъ-либо ограниченій. На самомъ же дѣлѣ этотъ актъ—ничто иное, какъ вырожденіе потребностей, машинально возникшее, большею частью уже въ древности, въ дикостяхъ войнъ и подъ вліяніемъ половой нужды; и въ новое время оно также не мало обязано милитаризму.

Нѣчто не столь чудовищное—простая педерастическая, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, нѣжность, которая въ дѣйствительности имѣется на лицо между мальчиками. Это—эстетическое заблужденіе природы, которая не сумѣла устроить механизма чувственныхъ впечатлѣній такъ, чтобы всегда было на лицо ясное различеніе юной мужской привлекательности отъ женской. Но если это заблужденіе доходитъ до обезьяньяго подражанія половому акту, то оно сводится къ тому же, что и взаимное половое извращеніе у взрослыхъ, при которомъ, однако, менѣе важно, кто сообразно съ различіемъ чувственныхъ возбужденій играетъ роль женщины. Хотя собственно физическая педерастическая нѣжность есть нѣчто болѣе понятное и можетъ легче проложить себѣ путь и прокрасться черезъ посредство повидимому невинныхъ склонностей, зато и опасность здѣсь настолько же больше, насколько больше совершенно юношеской неопытности. Поэтому не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что ниже извѣстной границы возраста,—будетъ эта норма шестнадцать лѣтъ или иное число,—должна быть установлена охрана судомъ.

Но значило бы не знать природы или, скорѣе, уродства порока мужчинъ, если бы его стали таксировать не выше, чѣмъ упомянутую педерастическую нѣжность, въ болѣе тѣсномъ и подлинномъ смыслѣ слова. Вмѣняемость взрослыхъ—двойная, на обѣихъ сторонахъ, и уродливость про-

ступка—болѣе значительна. Если за такъ называемое кровосмѣшеніе, отъ котораго нужна только охрана легко подвергающихся опасности ближайшихъ сродниковъ, существуютъ значительныя наказанія, то непонятно, почему гораздо болѣе дурной мужской порокъ долженъ оставаться безнаказаннымъ. Въ послѣднемъ случаѣ само общество заинтересовано въ искорененіи преступленія, даже въ уничтоженіи самихъ преступниковъ. Общество, сильно зараженное мужскимъ порокомъ, погибло, какъ это и было съ греческимъ и римскимъ обществомъ. Конечно, безцеремонность этого порока—только симптомъ существованія другихъ многочисленныхъ причинъ упадка. Испорченность половой жизни и на поколѣніяхъ должна обнаруживаться наиболѣе ясно. Что должно выйти, если мѣсто брака, хотя бы въ небольшомъ объемѣ, займетъ извращенное общеніе мужчины съ женщиной. Поэтому пусть не боятся рѣшительно приняться за борьбу съ порокомъ. Укорененіе порока специально въ высшихъ сферахъ, конечно, укрѣпляетъ принципиальныхъ нарушителей нравственности въ ихъ стремленіяхъ; но такое препятствіе не будетъ имѣть мѣста на всѣ будущія времена. Въ концѣ концовъ, послѣ уничтоженія нынѣшнихъ уголовныхъ законовъ, должны будутъ вновь обратиться къ уголовнымъ законамъ, притомъ къ еще болѣе строгимъ.

Что больше всего вредно, такъ это не отдѣльные случаи порока, но открытая общая возможность ихъ. Она дѣлаетъ неустойчивыми не только бракъ, но и всѣ общественныя отношенія. Въ частности, замужняя женщина должна чутъ подѣ-часъ въ каждомъ мужчинѣ конкуррента и—что довольно комично—направлять свою ревность и въ сторону мужчинъ. Гречанки жили взаперти и не могли о чемъ-либо подобномъ спрашивать. Опустившійся, испорченный міръ, оставшійся за нами, не является, однако, мѣркой для насъ, по крайней мѣрѣ, въ положительномъ смыслѣ. Но, конечно, онъ можетъ оказать намъ отрицательную услугу, такъ какъ его судьба предостерегаетъ насъ отъ сколько нибудь легкаго отношенія къ половымъ ненормальностямъ, которыя извращаютъ всякое право.

5. Не столь чудовищна, какъ мужской порокъ, но зато болѣе обширна и исторически болѣе упорна—проституція. Мы взвѣсимъ ее здѣсь только въ наиболѣе грубой ея формѣ, когда женщина отдается каждый разъ за наличныя деньги. Со стороны женщины это является самымъ презрѣннымъ ремесломъ, которое всегда служило для обозначенія всякой иной, въ томъ числѣ и духовной продажи себя за деньги. Функція, которая по природѣ должна быть лишь дѣйствіемъ склонности, а въ культурномъ смыслѣ только слѣдствіемъ брачныхъ отношеній, выносятся, какъ товаръ, на рынокъ и предлагается на улицѣ. Легкая профессія, страсть къ нарядамъ, вообще легкомысленное стремленіе къ привольному житью и лѣнь—вотъ побужденія, ведущія къ этому пороку, который въ короткое сравнительно время изнашиваетъ и разрушаетъ женщину. Лишь крайне рѣдко здѣсь имѣетъ мѣсто

нужда; но, смотря по обстоятельствамъ, и она или мало извиняетъ порокъ, или вовсе его не извиняетъ.

При проституціи на сторонѣ мужчины паденіе, правда, не столь велико, какъ на сторонѣ женщины, но зато, если принять во вниманіе дѣйствительное право, здѣсь придется констатировать болѣе, чѣмъ только аналогію женскому пороку. Конечно, противорѣчитъ обычаямъ всѣхъ временъ и, большею частью, именно духу нашего распущеннаго времени возлагать отвѣтственность за проституцію преимущественно на мужчинъ. Но безъ такого отношенія къ вопросу не видно ни малѣйшей возможности помочь дѣлу. Спросъ со стороны мужчинъ именно и родитъ предложеніе; лишь изрѣдка предложеніе является средствомъ для оболъщенія. Въ городахъ, преимущественно самыхъ большихъ, мужская практика, культивирующая проституцію, можетъ скрываться. Въ селахъ, гдѣ скрыться невозможно, не существуетъ никакой проституціи, основанной, такъ сказать, на раздѣленіи труда.

Несправедливость мужчины, которая должна была бы давно сдѣлаться яснѣе солнца, но до сихъ поръ оставлялась въ темнотѣ, состоитъ въ злоупотребленіи женщиной. Мужчина не уважаетъ того, что уважать и хранить неиспорченнымъ должно было бы составлять его клятвенный долгъ и обязанность. И здѣсь громаднымъ зломъ является не только собственно практика порока, но и общая терпимость къ нему. Законодательство рассматриваетъ проституцію, какъ *poli me tangere*. Немножко полиціи, главнымъ образомъ ради контроля надъ распространеніемъ и противъ распространенія сифилиса у зарегистрированныхъ женщинъ—вотъ большею частью все, что дѣлается. Несправедливый интересъ мужчины здѣсь явно оказывается рѣшающимъ. Не самая женская проституція, но только незаявленная и противная регламенту практика ея выслѣживается тайной полиціей и наказывается. И потому дѣло всегда идетъ здѣсь вовсе не по существу, а только о неисполненіи полицейскихъ предписаній. Мужчины, участвующіе въ подобныхъ дѣлахъ, фигурируютъ иногда въ качествѣ свидѣтелей, но отнюдь не въ качествѣ обвиняемыхъ, такъ какъ дѣло, въ особенности съ денежной стороны, не принадлежитъ вѣдѣнію полиціи и доходитъ до суда лишь вслѣдствіе неисполненія полицейскихъ предписаній женщиной, находящейся подъ контролемъ.

Женщины время отъ времени подвергаются медицинскому освидѣтельству. Но какую пользу оказываетъ этотъ сифилитическій діагнозъ и слѣдующее за нимъ лѣченіе, это можетъ сказать только чортъ. Медики, разумѣется, убѣждены въ томъ, что здѣсь они совершаютъ весьма цѣнную работу. И въ самомъ дѣлѣ, работа эта во всякомъ случаѣ имѣетъ цѣну въ томъ смыслѣ, что за нее платятъ. Женщины же, подвергнувшіяся осмотру, получаютъ отъ него только много хлопотъ, не считая того обстоятельства, что онѣ служатъ невольнымъ объектомъ для донны-науки, которая въ этомъ

жанръ уже чревата всякими предохранительными сыворотками. Но такъ какъ мы отнюдь не являемся сторонниками хваленаго общаго человѣческаго права на сплошную сифилизацію въ будущемъ и не хотимъ ждать уничтоженія большихъ городовъ, то мы должны подумать, какъ бы иными путями освободить мѣръ и, прежде всего, нашу страну отъ колоссальнаго позора и отъ ядовитыхъ болячекъ.

Надо взяться за мужчинъ. Проституціонное дѣяніе должно прежде всего на ихъ сторонѣ не только считаться порокомъ, но и наказываться какъ преступленіе. Наказаніе можетъ быть умѣреннымъ; главное будетъ въ томъ, что преступнику угрожаетъ публичность дѣла и что съ принципиальной точки зрѣнія злоупотребленіе женщиной запрещается уголовными законами. Спросъ на всякія услаждающія и облегчающія развратъ заведенія станеть тогда пропадать, и будущій домъ терпимости *soi-disant* социалистовъ не будетъ уже служить отговоркой для развратниковъ.

Но что же будетъ съ проститутками безъ ремесла и безъ рынка? Для нихъ, конечно, необходимы будутъ переходныя мѣры. Нужно создать убѣжища, гдѣ бы онѣ, при желаніи, находили въ случаѣ нужды пріютъ за выполненіе извѣстныхъ работъ. Если же онѣ не пожелаютъ воспользоваться убѣжищами, то общество свое дѣло сдѣлало, и онѣ могутъ сами подумать, гдѣ имъ оставаться и какъ имъ существовать или погибать. Во всякомъ случаѣ, ихъ шансы будутъ тогда все же лучше, чѣмъ если бы онѣ до конца изжили избранную ими профессію, вплоть до банкротства своихъ прелестей, да въ придачу уплатили еще дань всѣмъ полицейскимъ пріятностямъ.

Въ противоположность нашему на правѣ основанному сужденію существующая нынѣ тенденція уже много разъ стремилась къ тому, чтобы интернировать проститутокъ въ опредѣленныхъ частяхъ города и даже размѣщать ихъ въ казармахъ, т. е., говоря просто и откровенно, мило заняться снова учрежденіемъ настоящихъ публичныхъ домовъ. Но, по нашему мнѣнію, лучше было бы и проституцію, какъ многое другое, формально взять на полное казенное содержаніе. Отъ социализма такой режимъ отличался бы тѣмъ, что онъ, все таки, дѣлалъ бы различіе между проституткой и не проституткой, тогда какъ социалдемагогія въ точности приравниваетъ другъ другу порокъ и добродѣтель, безправіе и право. Государство въ роли прямого и косвеннаго содержателя домовъ терпимости было бы вообще поучительнымъ учрежденіемъ, прелести котораго расписывать излишне.

Однако, имѣя въ виду нашу указанную выше серьезную перспективу, нужно отвѣтить еще на одно возраженіе. Что будутъ дѣлать послѣ уничтоженія проституціи посѣщающіе проститутокъ мужчины? Не внесутъ ли они разложеніе въ солидныя области при недостаткѣ удобныхъ случаевъ къ привычному поведенію? Мы думаемъ, что часть изъ нихъ пріобрѣтетъ дѣйствительно лучшія привычки; другая часть попытается пойти напроломъ,

но при всякомъ дѣйствительно твердомъ отпорѣ потерпѣть позорное пораженіе. Другія возможности не много значатъ. Болѣе тонкая жизнь полусвѣта, сравнительно дорогая, доступна, вѣдь, лишь немногимъ! Противъ послѣдней формы, кстати замѣтить, можно сдѣлать что нибудь только путемъ нравственнаго вліянія, ибо уголовный законъ и полиція, даже вообще всякія формы внѣшняго принужденія здѣсь, по природѣ дѣла, неприложимы. Уголовное законодательство имѣетъ свои границы; оно должно охранять право, и если бы проституція не имѣла на мужской сторонѣ активнаго нарушенія права, т. е. злоупотребленія женщиной, то было бы трудно приступить къ этому позорному явленію законодательнымъ и юридическимъ порядкомъ. Мы вообще стоимъ за расширеніе и усиленіе наказаній, и тотъ, кто въ уничтоженіи проституціи чувствуетъ слишкомъ много опасности для приличныхъ женщинъ, можетъ успокоить себя тѣмъ, что въ крайнемъ случаѣ за сексуальные проступки и преступленія могутъ быть наложены сильно дѣйствующія наказанія.

6. Гдѣ хорошіе нравы имѣли бы силу, тамъ можно было бы отказаться отъ указаннаго выше расширенія сферы уголовного права. Но вещи, отъ которыхъ не легко отказываются, отнюдь не могутъ быть достаточно охранены исключительно моралью. Кромѣ того, ходъ развитія совершается не отъ преобладающаго внѣшняго права къ чисто нравственнымъ гарантіямъ, а наоборотъ, отъ преобладающей нравственности къ ясно выраженному праву. Идеаль поведенія, конечно, лежитъ въ области нравственной мощи, ибо это—прогрессъ, если простая мораль и боязнь нравственнаго осужденія достаточны, чтобы внушить стремленіе къ хорошему поведенію. Но при всякихъ условіяхъ надо ожидать исключеній, и уже на этомъ только основаніи положеніе о наказаніяхъ, гдѣ нужно, должно не только остаться, но и достаточно отвѣчать правовой потребности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

При нынѣшнемъ положеніи дѣль право половъ есть одна изъ наиболее пренебрегаемыхъ, даже частью прямо заброшенныхъ областей. Ввиду разложенія нравовъ здѣсь умѣстно не устраненіе, но усиленіе внѣшнихъ наказаній. Законодательство о разводѣ свелось къ смѣхотворнымъ пустякамъ, а шаблонно-одинаковое отношеніе къ случаямъ женской и мужской невѣрности есть, кромѣ того, признакъ тупости и упадка. Браки стали уже потому менѣе многочисленными, что общая разслабленность сдѣлала бракъ менѣе надежнымъ. Однако, все это относится къ области нравственнаго разложенія, съ которымъ и связано исчезновеніе правовыхъ установленій. Если кто-нибудь пожелаетъ сдѣлать попытку къ спасенію, то, кромѣ духовнаго освѣженія морали, ему останется еще усилить наказанія. Такъ какъ область религіи пришла, какъ и слѣдовало тому быть, въ разрушеніе, то нравственность, которая была сплавлена неестественно съ суевѣріемъ, должна быть установлена на своихъ собственныхъ основаніяхъ. Послѣднія перспек-

тивы, конечно, и здѣсь не будутъ отсутствовать; но онѣ будутъ ставить на видъ только то, что можно знать, что дѣйствительно пріемлемо.

Кромѣ уменьшенія количества браковъ, подъ вопросомъ стоитъ и ихъ запаздываніе. Послѣднее у низшихъ слоевъ населенія до сихъ поръ было менѣе важно. Въ среднемъ и высшемъ слоѣ оно основывается на двоякаго рода роскоши. Во-первыхъ, мужчины слишкомъ задерживаются на различныхъ стадіяхъ своей профессіи, и проходитъ слишкомъ много времени, пока достигается самостоятельность. Во-вторыхъ, на сторонѣ женщинъ оказывается рѣшительный недочетъ въ способности къ самостоятельному веденію хозяйства. Такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ вина лежитъ на неумѣломъ и раскошествующемъ распоряженіи областью раздѣленія труда. Какими только предварительными условіями ни отягощены профессіи, и сколько бесполезной сложности и вреднаго перегруженія введено въ дѣло пріобрѣтенія знаній! Упрощеніе жизни во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ принесло бы съ собою также и устраненіе ненужнаго хлама, взваливаніе котораго на плечи учащихся стало уже правиломъ и служить лишь интересамъ тѣхъ, кто, въ качествѣ учащихъ, роются въ этомъ хламѣ и торгуютъ имъ. Въ интеллектуальныхъ профессіяхъ уже по непомерной спеціализаціи, по бесполезному увеличенію въ объемѣ учебниковъ и по мучительскому расширенію учебныхъ курсовъ можно видѣть, на какомъ ложномъ пути находится дѣло съ профессиональнымъ трудомъ и съ его отягощеніемъ. Уже въ подготовительныхъ школахъ начинается это безобразіе, и вредная роскошь выдается за прогрессъ, тогда какъ фактически она лишь погружена въ хаосъ излишествъ.

И женскій полъ терпитъ такія же мученія. При этомъ женщины лишаются возможности научиться самымъ простымъ и необходимымъ для жизни вещамъ. На женщинъ неправильное раздѣленіе труда и неподходящая форма труда дѣйствуютъ еще болѣе вредно, нежели на мужчинъ. Такъ какъ женщина имѣетъ главное свое призваніе въ бракѣ, то хозяйственность въ домашней жизни есть непремѣнное требованіе, о которомъ во всѣхъ естественно-живущихъ, нероскошествующихъ сословіяхъ слѣдовало бы позаботиться уже при первоначальномъ воспитаніи. Но въ этомъ пунктѣ начинаетъ измѣнять себѣ даже масса вслѣдствіе уклоненія въ сторону фабричной жизни. Самое большое зло здѣсь въ томъ, что въ среднихъ слояхъ, такъ же какъ и въ высшихъ, стремленіе къ эстетству находитъ себѣ почву и вытѣсняетъ солидность жизни. Самый образъ жизни и трудъ должны вновь стать въ большее соотвѣтствіе съ простотой, если не хотятъ, чтобы возникли большія соціальныя неурядицы и разрослись, какъ сорная трава. Пока въ ростѣ роскоши видятъ идеаль, до тѣхъ поръ цѣлью будутъ не дѣйствительные идеалы, но лишь каррикатуры и извращенія челоувѣчности. Но чего здѣсь вовсе не достигнуть, такъ это надлежащимъ образомъ упорядоченной совмѣстной жизни половъ.

Главный дефектъ современнаго брака состоитъ въ недостаткѣ подчиненія. Онъ происходитъ отъ ложнаго культа равенства, который именно здѣсь дѣйствуетъ наиболѣе пагубно. Семья—ничто, коль скоро она лишается естественнаго порядка. Нѣтъ другого болѣе сильнаго и худшаго средства разрушить бракъ, какъ притязаніе на полное равенство. Кто желаетъ дѣйствительно истребить бракъ, косвеннымъ путемъ упразднить его, тому достаточно только провозгласить равенство мужчины и женщины въ бракѣ; гдѣ послѣдуютъ этому лозунгу, тамъ всякій, сколько нибудь цѣнящій себя, мужчина скорѣе откажется основать семью, чѣмъ захочетъ подчиниться безобразію и злу домашней анархіи. Женщины, которыя еще рассчитываютъ на бракъ, должны поэтому остерегаться нелѣпыхъ доктринъ и сообразоваться съ выполненіемъ необходимыхъ условій совмѣстной жизни. Съ публичнымъ принудительнымъ правомъ такія вещи не имѣютъ ничего общаго; но обязанность устроить жизнь дома въ смыслѣ единой воли неотвратима уже по самой природѣ вещей, а не только по условіямъ культуры. Опасность соціальнаго разстройства именно въ этомъ пунктѣ далеко не мала. Отъ этого зависитъ не только непосредственное счастье участниковъ брака, но и правильный ходъ воспитанія и нравственныя качества дальнѣйшихъ поколѣній.

7. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ со стороны Руссо было много сдѣлано для сохраненія функціи женщины—кормилицы своихъ дѣтей; и все-таки, въ большихъ городахъ упадокъ самостоятельнаго кормленія дѣлается все болѣе преобладающимъ не только въ классахъ, которые могутъ держать кормилицъ, но и тамъ, гдѣ принуждены пользоваться въ качествѣ суррогата коровьимъ молокомъ, или даже предпочитать разные мучнистыя препараты. И немного можно сдѣлать противъ этого зла, пока дурной воздухъ и дурной образъ жизни большихъ городовъ не исчезнутъ, т. е. пока будутъ продолжаться ненормальная концентрація населенія и ложная урбанизация индустріальной и прочихъ областей жизни. Наоборотъ, поведетъ только ко вреду и къ возрастающимъ нарушеніямъ здоровья, когда при сверхъ-искусственныхъ отношеніяхъ захотятъ туда *par force* ввести природу. Несомнѣнно, далѣе, что было бы обязанностью культуры позаботиться о томъ, что бы при недостаткѣ способной къ кормленію груди не получилось еще новаго недостатка способности умѣло сварить супъ. Но и этого не хватаетъ довольно таки часто, не говоря уже о другихъ недочетахъ. Вообще, простѣйшее кулинарное искусство, а также самыя необходимыя домашнія работы и рукодѣлія должны бы стать достояніемъ каждой дѣвушки, которая въ средѣ нероскошествующихъ классовъ желаетъ играть роль жены и матери.

Если будутъ начинать съ малолѣтства такую хозяйственную подготовку, то для школы и необходимаго профессиональнаго образованія, особенно, когда оно будетъ упрощено, останется еще много времени. Раздѣленіе труда,

которое имѣетъ свой, хотя и умѣренный, смыслъ и въ женской области, не должно, однако, приводить къ тому, чтобы бросалась общая женская почва. Извѣстная мѣра спеціального профессиональнаго образованія соединима съ самою общею хозяйственной умѣлостью. И всѣ дальнѣйшія претензіи на спеціализацію должны быть такъ ограничены, чтобы не исключалась способность къ дѣторожденію и умѣніе заботиться о дѣтяхъ. Высшія профессии, вродѣ преподаванія и медицинской дѣятельности, такъ же соединимы съ заботами о семьѣ, какъ и менѣе высокая дѣятельность акушерки, если только размѣръ дѣятельности сообразуется съ цѣлями семьи. Этотъ размѣръ, разумѣется, отнюдь не можетъ достигать ширины подобныхъ же функцій мужчинъ. Подобное расширение дѣловыхъ функцій не должно ставиться цѣлью, если не желаютъ передать семью вполнѣ на руки чужихъ ей людей. Женщина имѣетъ вѣдь, еще свое главное призваніе, которое должно стоять впереди всякой профессии.

На этомъ основаніи, на примѣръ, конторскія и подобныя работы, если онѣ занимаютъ большую часть дня, вредны, и притомъ не только съ точки зрѣнія вредности бухгалтерскаго сидячаго образа жизни. Однако, эти работы распространены среди женщинъ, по крайней мѣрѣ среди незамужнихъ, такъ какъ женская работа дешевле, нежели мужская. А большая въ среднемъ дешевизна женскаго труда происходитъ оттого, что отдѣльная женщина легче можетъ содержать и прокормить самое себя. Она сама для себя выполняетъ тѣ услуги, которыя мужчина долженъ искать и оплачивать. И если дѣло идетъ о такихъ занятіяхъ, гдѣ свойства мужчины не имѣютъ значенія, то выполненіе выходитъ то-же, а издержки на содержаніе—меньше. При возрастающей конкуренціи и при равныхъ прочихъ обстоятельствахъ предложеніе женскаго труда должно выходить поэтому болѣе пріемлемымъ. Конечно, подобной вещи нельзя назвать достойнымъ способомъ взаимнаго общенія: но, вѣдь, объ этомъ техника чисто экономическихъ интересовъ и не спрашиваетъ. Однѣ довольны, что вообще находятъ занятіе, другіе,—что могутъ сократить издержки.

Если бы условія существованія были лучше, то женщины не шли бы на такія функціи; онѣ искали бы другихъ профессій. Слѣдовательно, принудительность конкуренціи есть главная причина такой въ высшей степени вредной, пестрой смѣси профессій. Упрощеніе всей жизни общества могло бы помочь и здѣсь, когда конкуренція вмѣстѣ съ ея пріемами приняла бы менѣе жесткую форму. И когда наступало бы время для основанія семьи, нужда въ такихъ вредныхъ функціяхъ отпадала бы.

Вообще, порядокъ жизни половъ переходитъ въ безпорядокъ, когда чисто-экономическіе интересы задерживаютъ или нарушаютъ развитіе основнаго принципа. Этотъ нами установленный принципъ состоитъ въ томъ, что женскій міръ прежде всего долженъ позаботиться о себѣ самъ и поискать

профессиональныхъ занятій въ своей собственной области. Чтобы привести два главные примѣра, упомянемъ, что если дѣвушка учится только у женщины и женщины пользуются врачебными услугами только женщинъ, то не только отпадетъ много противонравственнаго, но растеть и женственность вслѣдствіе прогресса въ раздѣленіи половъ. Раздѣленіе обѣихъ сферъ здѣсь такъ же необходимо, какъ и вообще приличныя общественныя отношенія, поскольку послѣднія обезпечиваются взаимнымъ стараніемъ не переходить границъ пристойности. Міръ женщинъ долженъ стать болѣе свободнымъ; но для этой цѣли въ его собственномъ царствѣ должны быть созданы еще многія благоприятныя условія.

И экономическіе вопросы должны упроститься, если вмѣсто того, чтобы допускать всевозможную конкуренцію половъ, по-возможности разграничатъ обѣ области. Тогда только уничтожится отвратительная борьба, когда предварительно и сообразно съ природою вещей будетъ рѣшенъ вопросъ разграниченія сферъ дѣятельности. Конечно такое рѣшеніе также приведетъ въ движеніе взаимныя противоположности. Мужчины не пожелаютъ поступиться своими занятіями; по старому обычаю, они будутъ стараться, несмотря ни на что, по возможности для себя однихъ удержать несвойственныя имъ, по указанному выше принципу, функции. Но разъ этотъ споръ будетъ рѣшенъ общественнымъ или, — что мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, — законодательнымъ способомъ, то будетъ покончено съ раздорами, и въ отвратительной путаницѣ отношеній, по истинѣ служащей не къ чести человѣчества, должно будетъ наступить успокоеніе. Потребное упорядоченіе дѣла въ главномъ осуществится тѣмъ, что мужчины очутятся въ предписанномъ для нихъ руслѣ. Если я говорю просто мужчины, то я разумѣю, конечно, только профессиональныхъ конкурентовъ женщинъ; ибо, исходя изъ нравственныхъ и правовыхъ воззрѣній, весь остальной мужской міръ, мужья и отцы, — разъ они удостовѣрятся въ истинности указанной идеи и научатся понимать благополучіе своей семьи, — сами должны желать, чтобы врачи — мужчины не прикасались къ тѣлу ихъ женъ и чтобы ихъ дочери были избавлены отъ учителей — мужчинъ.

8. Женская профессиональная конкуренція отклонилась на ординарный и ложный путь потому, что еврейки и дружественная имъ свита самымъ безцеремоннымъ образомъ навязались здѣсь въ качествѣ почти единственныхъ дѣльцовъ-агитаторшъ. Этотъ еврейскій характеръ представляетъ собою наиболѣе отвратительное явленіе изъ всего того, что связано съ феминизмомъ. Женская демагогія прибавляетъ еще къ мужской добрую долю столь несвойственной женщинѣ наглости; эта демагогія уже вполнѣ на пути къ тому, чтобы разрушить всякую подлинную женственность и всякое женственное приличіе. Демагогія женщинъ укореняется во всѣхъ классахъ и этимъ отличается отъ демагогіи широкихъ массъ. Поскольку дѣло идетъ только о

спеціальнихъ профессіяхъ, самые широкіе слои пока еще не идутъ въ счетъ. Что въ феминизмѣ особенно противно, такъ это подчиненіе всего движенія еврейской погонѣ за общественными и прочими мѣстами. Полученіе дипломовъ и аналогичныхъ мужскихъ привилегій дѣлается почти исключительной цѣлью. Все это—просто еврейское стремленіе къ гешефту и ничего больше. Къ докторамъ, на примѣръ, прибавляются докторши, къ адвокатамъ—иногда уже и адвокатши. Но нимало не думаютъ о томъ, чтобы создать собственныя условія для предварительнаго образованія, которое было бы лучше, нежели образованіе мужчинъ, перегруженное старымъ хламомъ и такъ неловко, какъ только возможно, справляющееся съ теоретическими и практическими задачами.

Вступленіе женщинъ въ конкуренцію съ мужчинами, вплоть до научныхъ профессій, могло бы дать возможность проложить новые пути и отбросить многое изъ устарѣлыхъ традицій. Но къ чему-либо подобному современный феминизмъ, разумѣется, неспособенъ. Гдѣ дѣло дѣлаютъ евреи, тамъ не дѣлается собственно ничего, кромѣ обыкновенныхъ дрянныхъ вещей. Поэтому можно сказать, что женскія цѣнности идутъ ходко... на феминистической биржѣ. Справедливая цѣнность, какъ мы ее понимаемъ, разумѣется, не можетъ тамъ приниматься въ расчетъ. Веденіе дѣла тамъ—самое ординарное, какое только можно вообразить, и общаго руководства, которое имѣло бы въ виду лучшія цѣли, не имѣется. Еврейки желаютъ извлекать изъ движенія профитъ и сдѣлать преимущественно себя самихъ важными особами; отсюда дѣлается понятнымъ все. Какъ агентши по продажѣ женскихъ услугъ, онѣ фигурируютъ всюду и облагаютъ данью по-возможности обѣ стороны, т. е. ту, что ищетъ силъ, и ту, что желаетъ помѣстить свои силы.

Какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ профессіяхъ получилось почти одно и то же. Всюду связи и обстоятельства являются предметами торговли, которая поддерживается еврейскими вліяніями и пускается въ ходъ для того, чтобы нахально пробраться какъ можно больше впередъ. И университетскіе цехи съ ихъ устарѣлостью и оеврееніемъ стали достаточно феминистичны вслѣдствіе еврейской солидарности обоого пола, даже тамъ, гдѣ они могли бы помѣшать этому. Что же выходитъ? Ничего, кромѣ второго, женскаго, изданія устарѣвшаго и испорченнаго хлама, т. е. вмѣсто освѣженія и улучшенія—только обезьянье, притомъ еще болѣе слабое, воспроизведеніе. Одна дряблая хилость—вотъ что распространяется, и еврейская или гебраизированная погоня за профессіями со стороны женщинъ вноситъ сюда свою добрую лепту, чтобы докончить испорченность такъ называемой науки, особенно въ медицинскомъ жанрѣ, и оправдать наше выраженіе „проституированная наука“ еще въ другомъ смыслѣ, болѣе близкомъ къ буквальному.

Какъ ни справедлива сама по себѣ извѣстная доля участія женщинъ въ различныхъ спеціальныхъ профессіяхъ, все же, то что теперь происходитъ,

несмотря на кажущуюся внешность, не является подлинным историческим прогрессом, но скорее гниением. Женский мир втягивается в традиционную игру конкуренции, притом в самых отвратительных ее формах, и теряет ту нетронутость и социальную целостность, которая ему были присущи. Вследствие исторической традиции слабо вооруженный, женский мир при данных обстоятельствах и обыкновенными средствами не может провести в жизнь справедливой оценки своих сил. Прежде совершенно исключенная из активной жизни, женщина находит сравнительно мало для себя средств к существованию. В тех средствах, которые она делит с мужчинами, меркой, в качестве максимума, оказывается ценность мужских услуг, отягощенная исторически всякой несправедливостью и потому—поддельная. Чтобы достигнуть частичного успеха, женское предложение должно идти значительно ниже этого максимума. К тому же, отношение предложения женских услуг к предложению свободных мест велико и дальше будет делаться все больше и больше. Когда уменьшаются шансы на замужество, лица женского пола все больше и больше принуждены бывают к захвату профессий, и потому понижающее цены предложение должно увеличиваться, и не только вследствие излишка населения.

Наоборот, если бы общия отношения пришли в более справедливый порядок, т. е. если бы семейное призвание женщины твердо удерживалось, как высшая норма, то профессиональный феминизм мог бы иметь только задачу восполнения второстепенных недочетов. Профессиональные занятия служили бы тогда только помощью во время незамужества и самое незамужество встречалось бы меньше часто. При таких обстоятельствах получилась бы возможность повысить экономическую ценность женской работы там, где она по природе вещей необходима. Только такое установление ценности могло бы назваться справедливым, ибо искусственные причины понижения ее были бы устранены. Наш, прежде установленный, общий принцип ценности и здесь оправдался бы, и убедил бы, что нельзя рассматривать хозяйственные факты как область, которая объясняется только из самой себя и не определяется настолько же, или даже главным образом, иначе мотивирующимися правовыми и моральными учреждениями.

9. Одно из наиболее ложных притязаний в области нынешней политической неурядицы есть женское избирательное право. Оно кажется почти что следствием общего и равного избирательного права мужчин, но, тем не менее, является социальной нелѣпостью. Если здесь уместны исследования, то они должны касаться основ всеобщего избирательного права вообще. Недостаточно часто вспоминают о том, как судил насчет всеобщего избирательного права единственный не-еврей из новейших социалистов — Прудон, этот, к тому же еще, диалектический отец политического анархизма. Он видел во всеобщем избирательном праве контр-революцию

империализма. А къ проектамъ женскаго избирательнаго права отнесся онъ совершенно отрицательно. Прудонъ едва находилъ подходящія слова, чтобы дать своему противоположному убѣжденію рѣзкое, рѣшительное выраженіе. Если бы введено было женское избирательное право, говоритъ онъ, то онъ выгналъ бы изъ дома и свою жену, и своихъ дочерей. Это значило, что при такомъ правѣ голоса нужно считать семью разрушенною.

И въ самомъ дѣлѣ, семья представляла бы курьезное единеніе, если бы она раскололась политически, и жена голосовала противъ мужа! Даже если бы, при случаѣ, сохранена была, сама по себѣ проблематическая, тайна голосованія, то она только скрыла бы оппозицію, но не устранила бы ея. Женщина, которая несогласно съ мужемъ подаетъ свой избирательный бюллетень, будетъ, конечно, и дома не расположена сообразоваться въ чемъ нибудь съ волею мужа. Поэтому бракъ не мирится съ женскимъ избирательнымъ правомъ, и слѣдовало бы принять за самопонятную вещь, что женщины просто не пожелаютъ ничего другого, кромѣ какъ вотировать за одно со своими мужьями. А тогда и все учрежденіе стало бы не только излишнимъ, но и бессмысленнымъ. Въ лучшемъ случаѣ, падающее на семью число голосовъ только удвоилось бы, и ничего больше.

Конечно, демагоги рассчитываютъ еще и на то обстоятельство, что вслѣдствіе грубости избирательныхъ пріемовъ къ урнамъ подойдутъ только женщины массъ, женщины же другихъ классовъ туда идти не рѣшатся. Такимъ путемъ они помышляютъ усилить относительно свой избирательный обозъ и увеличить охлократію. Но самое милое изъ всего, все-таки—избираемость женщинъ. Это уже совершенно несообразно съ разсудкомъ. Вообразите себѣ только парламентъ, настолько смѣшанный, что для обоихъ половъ установлено равное представительство, т. е. что на мужской сторонѣ нѣтъ большинства. Тогда при расхожденіи мнѣній по поводу жизни половъ или все было бы парализовано, или же рѣшеніе зависѣло бы отъ ничтожныхъ случайностей. Въ такихъ случаяхъ лучше было бы предоставить рѣшеніе просто жребію.

Или, быть можетъ, такъ какъ по природѣ число лицъ того и другого пола выходитъ почти одинаковымъ, пожелаютъ посчитаться съ этой естественной необходимостью и раздѣлять парламентъ на двѣ палаты, мужскую и женскую? Если бы тогда палата женщинъ должна была рѣшать всѣ вопросы и могла такимъ образомъ парализовать всѣ рѣшенія мужчинъ, то ясно обнаружилось бы, какую ввели бессмыслицу. Что является абсурдной ошибкой противъ единства семьи, то и въ государственной жизни не можетъ имѣть смысла. Основное отношеніе въ правѣ половъ всюду остается то же самое.

Но если какъ въ соціальной области, такъ и въ другихъ публичныхъ дѣлахъ можно будетъ отграничить сферу, касающуюся исключительно жен-

щинъ, тогда, конечно, для этой цѣли,—но только для этой, а не для какой-либо другой, — можно допустить выборы и для женщинъ. Женское преподаваніе и, такъ сказать, медицина для женщинъ были бы примѣрами такихъ областей, отграниченныхъ въ своемъ управленіи и до извѣстной степени даже въ законодательствѣ. Распоряжаться же мужскими дѣлами женскій міръ не долженъ по самой природѣ вещей. Значило бы извратить общую человѣческую природу, все разрушить, все погрузить въ хаотическую путаницу, если бы политическая манія голосованія возросла до устраненія различій половъ. То, что испробовано въ этомъ направленіи внѣ Европы, т. е. въ Америкѣ и въ Австраліи,—притомъ лишь частично,—по-истинѣ, не вышло образцовымъ. Сколько нибудь руководящіе или значительные штаты до сихъ поръ остерегались отъ экспериментированія въ подобномъ родѣ.

Разъ существуетъ еще необходимость вооруженной силы, то даже для самаго своевольнаго пониманія должно быть ясно, что женскій режимъ вышелъ бы чистѣйшей безсмыслицей. Участіемъ женщинъ въ политикѣ число войнъ не уменьшилось бы. Женщины, конечно, могутъ вцѣпиться другъ другу въ волосы; и если онѣ, вмѣсто того чтобы рисковать своей прической или даже своими головами, станутъ только разжигать мужчинъ, то это сдѣлаетъ военную травлю еще менѣе приличной, чѣмъ она есть и безъ того. Добрыя же вліянія, которыя могутъ имѣть мѣсто въ смыслѣ умиротворенія, не слѣдуетъ переоцѣнивать, такъ какъ перевѣсъ и въ женской сферѣ находится еще на сторонѣ грабительства.

10. Только пристрастіе къ выборамъ и голосованію вообще, а также уравненіе того, что по существу и вѣчно неравно, могли привести къ тому, что общее, равное, прямое и тайное избирательное право всѣхъ взрослыхъ обоого пола стало предметомъ обсужденія. Отвѣтный ударъ на эту крайность не можетъ не появиться. Даже въ обобщенномъ избирательномъ правѣ мужчинъ чувствуются уже всякія противорѣчивыя обстоятельства. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду по поводу права половъ говорить здѣсь вообще объ избирательной системѣ и о выборахъ, то мы должны установить правильное пониманіе дѣйствующаго у насъ, перешедшаго къ намъ изъ Франціи, общаго права голосованія. Когда оно въ 1866 году было введено у насъ Бисмаркомъ, то причиной этого было отчасти подражаніе парижскому режиму Луи, отчасти ожиданіе, что феодалы съ помощью поповъ лучше используютъ это право, чѣмъ, напримѣръ, они использовали въ Пруссіи избирательное право со ступенями по податнымъ классамъ. Во всякомъ случаѣ Бисмаркъ думалъ, что феодалы легче распорядятся сельскимъ населеніемъ, и, кромѣ того, еще используютъ поголовное избирательное право и противъ буржуазіи.

Двинуть массы противъ буржуазіи и такимъ образомъ раздѣлить индустріальные классы — вотъ что было главной задачей Бисмарка. Вотъ куда мѣтило *Acheronta movebo* этого, еще живущаго на устахъ у всѣхъ, всегда

озабоченнаго ближайшимъ грабежемъ, *insidious animal*, по-нѣмецки,—государственнаго человѣка. Поэтому общее право голосованія должно было совершенно ясно оказаться „въ консервативныхъ интересахъ“. Это мнимо-консервативное вліяніе и значеніе, однако, вскорѣ оказалось весьма шаткимъ, и почти черезъ сорокъ лѣтъ не только выяснился противоположный результатъ, но и вообще, если не весь институтъ, то, по крайней мѣрѣ, тайна голосованія, оказалась подъ вопросомъ. Уже виновникъ ея введенія раскаявался въ своей мѣрѣ, но не зналъ, какъ освободиться отъ духовъ, которыхъ самъ вызвалъ. И вотъ, когда поголовные выборы быстро наполнили четверть рейхстага такъ называемыми социаль-демократами, т. е. избранными отъ юдодемагогіи, тогда только начали серьезнѣе относиться къ дальнѣйшему расширенію права и къ разнымъ возможностямъ. По отношенію къ массамъ другіе классы охотно сдѣлали бы шагъ назадъ; но ихъ моральная сила или, по крайней мѣрѣ, моральная сила ихъ парламентскаго представительства, какъ и сила правительства, въ этомъ отношеніи не слишкомъ велика, и я прямо не вижу, откуда у нихъ возьмется мужество для уничтоженія всеобщаго избирательнаго права. За вычетомъ исключительныхъ элементовъ, соотвѣтствующіе классы въ ихъ политическихъ стремленіяхъ слишкомъ деморализованы, чтобы поступать по дѣйствительно законнымъ принципамъ.

Поэтому мы не станемъ глубже вникать спеціально въ получившееся положеніе, но обратимся къ нашей собственной социальнорадикальной темѣ. Въ общемъ правѣ голосованія политическая система не гармонируетъ съ экономической и съ ея фактами. Превжній рабъ или крѣпостной послѣ частноправовой эмансипаціи, все-таки, еще остается подъ проклятіемъ униженія и сервильныхъ качествъ. Его косвенная экономическая зависимость дѣлаетъ для него труднымъ, если не прямо невозможнымъ, голосовать по своему истинному разумѣнію иначе, какъ только тайно. Но самое мнѣніе его неустойчиво и является мячомъ двухъ силъ, а именно, демагогіи и новаго цезаризма или, какъ обозначаютъ эту вещь сразу въ обоихъ ея уродливыхъ видахъ однимъ словомъ,—мячомъ имперіализма. Шансы здѣсь отнюдь не хороши. Къ этому прибавляется еще жажда обирания или даже грабежа, которая легко возбуждается въ массѣ, если только для обирания представляется удобный предлогъ и оправдывающее грабежъ основаніе.

Приличіе и добрые нравы привели бы къ тому, что тайна голосованія устранилась бы. Но тогда вслѣдствіе экономически-зависимыхъ отношеній выборы, большею частью, перестали бы быть вполне свободными. Даже отказъ отъ права избранія былъ бы въ отдѣльныхъ случаяхъ не всегда возможенъ; получилось бы многообразное косвенное принужденіе къ выборамъ, и оно было бы еще хуже, нежели прямое принужденіе, которое уже проектировалось. Какихъ только чудовищностей нѣтъ въ выборныхъ дѣлахъ, вродѣ

напримѣръ, испробованнаго во Франціи вписыванія многихъ въ списки избирателей только для полученія бѣльшихъ избирательныхъ округовъ! Это дезориентирующее безобразіе, которое является насмѣшкой надъ всякою простотой и уничтожаетъ естественные выборные округа, есть только одно изъ многихъ указаній, по которымъ можно заключить объ испорченности выборныхъ маневровъ. Тайна же есть только средствомъ изъ ничего сдѣлать хоть что нибудь. Лучше было бы уничтожить право голосованія тамъ, гдѣ оно черезъ тайное пронырство предназначается и налаживается только для утаиванія существующихъ отношеній. Уроdlivosti должны получиться, правда, при всякой системѣ, какъ бы дѣло ни ставилось. Но на вещи, достаточно справедливыя сами по себѣ, несмотря на упорныя постороннія обстоятельства, практически можно всегда скорѣе положиться, нежели на произвольное спутываніе цѣлей. Поэтому наименьшимъ требованіемъ была бы необходимость держаться публичности и при подачѣ голосовъ; пришлось бы только устранить всѣ указанія, которыя, напримѣръ, для чиновниковъ имѣютъ значеніе обязательнаго выбора, а также по возможности приравнять подкупъ и другія вліянія, т. е. сдѣлать изъ принужденія къ выбору преслѣдуемое закономъ преступленіе.

Практически подобныя вещи немного будутъ значить; но моральное вліяніе такого способа пониманія и проведенія въ жизнь принципа не слѣдуетъ оцѣнивать слишкомъ низко. Такъ какъ, кромѣ того, отнюдь не нужно думать, что когда-нибудь уничтожатся косвенныя общественныя зависимости, связанныя съ простымъ фактомъ общенія и раздѣленія труда, то умѣстно потребовать, чтобы злоупотребленія подобными отношеніями были изгнаны и зло не длилось вѣчно. Что-же, иначе, выйдетъ изъ того, что все и вся подчинено будетъ экономической алчности и властолюбію? Поэтому нужно эмансипировать политическую волю отъ соціальныхъ вліяній; въ противномъ случаѣ она становится непременно подкупной.

Сама эта воля, однако, является рѣшающей инстанціей не какъ сила большинства, но лишь поскольку она представляетъ собою право. Не большинство, но право—вотъ что должно быть при лучшихъ состояніяхъ. Выборы и подача голосовъ должны поэтому считаться чѣмъ-то второстепеннымъ. Въ нынѣшней дѣйствительности они являются преимущественно орудіями несправедливости и притомъ у всѣхъ партій. Масса служитъ въ особенности опорой для всего извращеннаго, т. е. не только для принудительнаго режима суевѣрія, но и для матерьяльной угрозы по адресу самостоятельности индивидуума. Довольство своимъ положеніемъ отдѣльнаго лица, поскольку оно возможно, всегда встрѣчаетъ въ толпѣ и во всякой шайкѣ противника. Чѣмъ больше имѣетъ значенія число, тѣмъ меньше можетъ значить качество. И потому является регрессомъ всякой культуры, когда всю тяжесть переносятъ на выборные режимы и въ нихъ ищутъ политической помощи.

Право половъ своими абсурдными приложеніями напомнило намъ фактическую истину, которая не можетъ быть постигнута на пути простого выборнаго формализма. И наша критика всякаго коллективизма покажетъ, что нужно эмансипировать себя отъ еще болѣе могущественныхъ предразсудковъ, которые въ настоящее время распространены достаточно широко.

ХІІІ.

АНТИКОЛЛЕКТИВИЗМЪ.

1. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова коллективизмъ обозначаетъ нынѣ не больше и не меньше, какъ социализмъ. Общій смыслъ слова, однако, говоритъ только о собраніяхъ и объединеніяхъ, и въ связи съ нимъ должно держаться и наше политически болѣе широкое понятіе о всякой коллективности. Социализмъ—только одна изъ формъ и проектовъ этого рода между прочими, весьма разнообразными, уже осуществленными и только еще мыслимыми, формами общенія. Исторія работала коллективистически въ разнообразныхъ формахъ. Общины и государство только отдѣльные продукты такого рода работы. Но современность, кромѣ того, раскошествоуетъ фереями и новыми корпораціями, которыя или уже фактически превзошли, или еще только собираются превзойти въ смыслѣ несправедливости всѣ средне-вѣковыя цехи съ ихъ пригнетеніемъ людей, не принадлежащихъ къ цехамъ, съ ихъ принудительными и исключительными правами.

У животнаго коллективизмъ начинается произвольнымъ собираніемъ въ стадо, что само по себѣ невинно, хотя и представляетъ собою очень низменную ступень совмѣстной жизни. У человѣка къ этой категоріи относится все, что есть больше, чѣмъ простая форма совмѣстной жизни обоихъ половъ. Поэтому мы имѣемъ полное основаніе къ нашимъ требованіямъ строго упорядоченнаго права половъ присоединить непосредственно доводы противъ ложнаго коллективизма. Ложна та коллективность, т. е. тотъ общій союзъ индивидуумовъ, который стремится угнетать другихъ индивидуумовъ или какъ-нибудь помѣшать достиженію чего-либо дозволительнаго въ сферѣ человѣческихъ правъ. Другая внутренняя и потому болѣе интимная фальшь заключается въ томъ, что коллективность обязываетъ своихъ собственныхъ членовъ къ тому, къ чему въ смыслѣ человѣческихъ правъ нельзя обязывать никого. Безсознательно—или сознательно—эгоистически извращающія правду обязательства являются здѣсь несправедливостью, которая даже самыя подвижныя группы можетъ заклеить печатью общественной негодности и вреднаго ограниченія индивидуальной свободы.

Что касается самой значительной исторически изъ всѣхъ коллектив-

ностей—государства, то его мы, какъ въ малыхъ, такъ и въ большихъ размѣрахъ, можемъ понимать только какъ необходимое зло, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вообще можно признать его роль рациональной. Однако, и эта необходимость—лишь относительная и потому не можетъ быть переносима абсолютно на все будущее и на всѣ мыслимыя отношенія. Поскольку государство есть учрежденіе, коллективно охраняющее отъ преступленія и наказующее его, оно является необходимымъ слѣдствіемъ неспособности индивидуума достигнуть той-же цѣли безъ слишкомъ большихъ затратъ на самозащиту или даже вообще какъ-нибудь ея достигнуть. Убитый не можетъ отомстить за себя; поэтому другіе должны за него вступиться. Но если и не считать этого крайняго случая, исключительно самостоятельная охрана своего права, какъ учить тому карриатура дуэли,—вещь трудная. Помощь другихъ здѣсь, по большей части, желательна и упрощаетъ дѣло.

Но надо остерегаться искать въ этой помощи чего-либо большаго, чѣмъ, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, участія другихъ къ дѣлу, повидимому, обиженнаго человѣка. Вступятся-ли здѣсь за правое или за неправое дѣло, этого изъ коллективности заступничества нисколько не вытекаетъ. Толпа или то, что органически заступаетъ ея мѣсто, въ лучшемъ случаѣ можетъ только представлять собой общіе интересы, и эти общіе интересы могутъ иногда, но отнюдь не въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, включать въ себя защиту права. Такимъ образомъ въ коллективности только обобщается индивидуальная самопомощь, но безъ всякой гарантіи за то, что такая организованная или неорганизованная помощь сколько-нибудь хороша, т. е. осуществляетъ дѣйствительное право.

Наоборотъ, грубыя качества сверхъ-звѣря, родящагося въ видѣ человѣка, исторически были причиной того, что именно наиболѣе выдающіеся человѣческіе индивидуумы страдали отъ этого проклятія звѣрства. Никакой значительный прогрессъ не совершался никогда черезъ коллективность. Какъ въ знаніи, такъ и въ практической жизни, если они дѣйствительно идутъ впередъ, рѣшаютъ дѣло отдѣльныя могучія личности. Волокита коллективныхъ учрежденій въ самомъ благопріятномъ случаѣ можетъ сохранить существующее состояніе; но творчество должно исходить отъ высоко одаренныхъ индивидуумовъ. Революціи, гдѣ онѣ не оказываются простыми кризисами испорченности, руководятся направленіями, которыя вовсе не исходятъ отъ самой толпы, а скорѣе просто навязываются ей и всякимъ вообще коллективностямъ. Это было такъ и въ случаѣ съ французскимъ переворотомъ. Произведенный главнымъ образомъ въ Парижѣ, онъ тотчасъ-же превратился въ контръ-революцію и реакцію, какъ только пожелали провозглашенныя имъ свободы обобщить такъ, чтобы онѣ преобразовались въ формальную свободу, создавшую для существовавшаго народнаго невѣжества и общественной испорченности представительство путемъ выборовъ.

И англійская революція семнадцатаго вѣка также поучительна для пониманія указанной выше сущности дѣла. Кромвелль, обезглавившій короля, довелъ ее до конца. Онъ создалъ парламентское войско и выигралъ сраженія, которыя было необходимо дать, чтобы разрушить дворянскій режимъ. Отъ его личности зависѣло такъ много, что съ его смертью главное его завоеваніе, республика съ протекторомъ во главѣ, снова было утрачено; и до сихъ поръ послѣ того ничего не послѣдовало и не осталось, кромѣ призрака династіи и жалкаго конституціонализма. Кромвелль не обладалъ никакою военною должностью или властью, но создалъ себѣ нѣчто подобное только въ интересахъ революціи, т. е. для противодѣйствія королевскимъ притязаніямъ.

Если англійское царство эпигоновъ придаетъ такъ много цѣны второй, такъ называемой, славной революціи 1688 года, то этимъ оно доказываетъ только, что не умѣетъ или не желаетъ цѣнить дѣлъ, случившихся поколѣніемъ раньше и получившихъ свои характерныя черты отъ личности Кромвелля. Англійскій строй остался на полъ-дорогѣ, такъ какъ дѣло Кромвелля продолжалось недостаточно долго и очевидно не могло найти себѣ продолжателя. Въ этомъ-то и заключается недостатокъ всѣхъ коллективныхъ режимовъ, что въ нихъ только при особыхъ обстоятельствахъ отдѣльные индивидуумы могутъ достигать благотворно реформирующаго вліянія. Одной способности недостаточно; должны открыться и обстоятельства, которыя обнаружили-бы способность и черезъ отовсюду видныя заслуги положили основаніе ея власти. Послѣдняя-же необходимость опять-таки служить доказательствомъ вредности коллективныхъ режимовъ; ибо именно благодаря имъ въ политическихъ дѣлахъ вожди могутъ быть, такъ сказать, узаконяемы лишь путемъ насильственныхъ дѣйствій. Насиліе со стороны героя не приходится отдѣлять здѣсь отъ обыденнаго насилія. Отсюда же объясняется и трудность, даже, большею частью, невозможность для натуръ, способныхъ къ благотворной дѣятельности, достигнуть верховъ. Коллективность, какъ-бы она ни называлась, всегда готова идти, какъ стадо, за передовымъ бараномъ, но лишь въ исключительныхъ случаяхъ она увлекается чѣмъ-либо дѣйствительно высшимъ.

2. Могучія личности, овладѣвающія коллективностью, обыкновенно не дѣйствуютъ согласно съ правомъ. Скорѣе, обратное было историческимъ правиломъ, а исключенія не всегда и не вездѣ пріобрѣтали значеніе. Это происходитъ прежде всего отъ преобладающаго хищническаго характера всякой политики, который мы не только разъяснили въ особомъ отдѣлѣ, но съ которымъ мы боролись и во всѣхъ нашихъ прочихъ изслѣдованіяхъ. Именно необузданное себялюбіе способныхъ и сильныхъ индивидуумовъ служитъ причиной того, что эти лица прежде всего добиваются личной власти, а право отодвигаютъ на второй планъ. Новѣйшій случай, гдѣ право

не принималось въ расчетъ, былъ случай перваго Бонапарта, въ дурныхъ цѣляхъ использовавшаго революцію. Онъ отчасти вернулся къ ancien régime'у и приспособился къ нему путемъ конкордата съ поповскою коллективною властью. Хоть онъ и разрушилъ внѣ Франціи многое пошатнувшееся и падалъ, подобно грому и молніи, среди старыхъ династовъ, тѣмъ не менѣе, эти наполеоновскія грозы были скоропреходящи и вели къ росту реакціи, которая своею тяжестью давила все девятнадцатое столѣтіе и держится до сихъ поръ.

Презирающіе право индивидуумы стремятся только къ тому дурному, что въ нихъ самихъ содержится, и для этой цѣли охотно приспособляются къ традиціонной и господствующей испорченности существующихъ коллективностей. Такимъ путемъ они еще усиливаютъ общее зло и въ самомъ благопріятномъ случаѣ развѣ лишь невольнo и косвенно приносятъ немного добра тѣмъ, что въ ходѣ своихъ операцій и своими дурными средствами принуждены бываютъ уничтожать и кое-что дѣйствительно дурное. Дѣйствительное добро и власть крайне рѣдко идутъ рука объ руку, да и тогда—не вполнѣ. Именно коллективность и была причиною того, что качества отдѣльныхъ личностей были весьма смѣшаннаго характера. Поэтому, если мы ожидаемъ, въ концѣ концовъ, отъ личной инициативы чего-то рѣшающаго въ смыслѣ добра, то наше предположеніе имѣетъ въ виду ту возможность, что въ смѣняющихся образованіяхъ когда-нибудь, все-таки, сочетается стремленіе къ добру съ обладаніемъ орудіями власти. И если твердо установлена идея, что отъ формы коллективнаго устройства,—будетъ оно социалистическимъ, или нѣтъ, все равно,—не надо ожидать никакой защиты добра, но скорѣе лишь усиленія традиціоннаго поработченія и испорченности, то стремленіе отдѣльной личности должно напередъ уже намѣчать новые пути; въ вопросѣ о потребныхъ для нея новыхъ направленіяхъ личность должна заботиться болѣе о томъ, что будетъ, нежели о второстепенномъ вопросѣ, какъ будетъ. Тогда только научатся судить о дѣлахъ по всему тому, что они устраняютъ изъ міра дурного и что хорошаго они въ него вносятъ или въ немъ обосновываютъ.

Такъ называемые герои исторіи въ политикѣ отнюдь не были героями добра. Поэтому мы далеки отъ того, чтобы съ нашими персоналистическими принципами въ чемъ-нибудь оказать поддержку мнимому культу героевъ. Герои, которыхъ исторически или теперь наиболѣе прославляетъ коллективность,—такого именно сорта. Противъ этихъ кумировъ толпы мы всегда выступали; мы могли указать на случаи благотворной личной инициативы въ духовной области, но не въ области политической и социальной. Тѣмъ не менѣе, частичныя, второстепенныя явленія, обнаружившіяся въ пестрой смѣси личностей, указываютъ на то, что когда-нибудь и болѣе полное соединеніе полновластія съ правомъ осуществится всесторонне и продолжительно въ одной и той-же личности.

Почему-же коллективность, какъ таковая, не можетъ сама изъ себя и черезъ себя создать чего-либо реформирующаго въ смыслѣ добра? Потому, что она, какъ полипо-образное существо, не имѣетъ индивидуальности и потому, что родъ, какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ, всегда стоитъ ниже индивидуума, который въ обоихъ отношеніяхъ обладаетъ болѣе высокими, чѣмъ у коллективности, чеканомъ и рѣзкостью чертъ! Всякая организація достигаетъ вершины и осуществляется черезъ индивидуальные типы. Это справедливо по отношенію къ организаціи какъ добра, такъ и зла. Коллективность-же, лишенная вершины и головы, всегда бываетъ лишь на половину организована. Она старается только увѣковѣчить свои дурныя привычки и свою старину, возводя въ принципъ свое тупое полипо-образное сожительство. И социалистическое государство демагоговъ не сводится ни къ чему другому. Оно—лишь реакція народнаго невѣжества и массовой испорченности противъ всего индивидуально-высшаго, что когда-либо дѣйствительно могло-бы помочь. Государственное чудовище будущаго есть только преувеличенное распространеніе на все вредной и порабощающей государственной формы которое имѣло уже мѣсто въ исторіи. Такое сверхъ-государство кастрировало-бы всякую индивидуальную жизнь и оставило-бы только импотентное множество, которое было-бы хуже, чѣмъ животная стадность. Итакъ, чтобы покончить съ социалистическимъ фарсомъ, нужно ближе познакомиться съ невольнымъ виновникомъ всей этой стряпни—государствомъ и научиться правильно оцѣнивать его историческіе поварскіе приемы.

3. Государство есть и остается насильственнымъ учрежденіемъ. Единственно лишь по отношенію къ преступленію можетъ быть оправдано его обороняющее или отмщающее противодѣйствіе насилію, да и то, если оно исходитъ прямо отъ обиженной личности или по ея ясно выраженному или предполагаемому порученію. Въ остальныхъ отношеніяхъ государство можетъ быть невиннымъ союзомъ, но тогда оно должно перестать быть насильственнымъ учрежденіемъ. Послѣднее не можетъ быть принимаемо за дѣйствительное право и не должно быть имъ. Какъ ни мало основаній ожидать, что во времена, которыя можно предвидѣть, мы освободимся хотя-бы только отъ самаго грубаго насилія государства, все-же, мы не должны присоединять къ этому, по крайней мѣрѣ, идейнаго признанія такого насилія.

Религіозное насиліе не существуетъ уже тамъ, гдѣ отдѣльное лицо можетъ выступить изъ такъ называемой церкви и гдѣ новорожденные не передаются ей насильственно. Однако, нынѣшній міръ весьма хорошо мыслится безъ церкви, но не столь хорошо—безъ государства. Историческія отношенія стали причиной такихъ уклоненій отъ первоначальной свободы и причиной настолько вкоренившихся рабскихъ обычаевъ, что изъ этого запутаннаго клубка не выйдешь безъ переходныхъ средствъ. Тѣмъ не менѣе, можно говорить, до нѣкоторой степени, и о выходѣ изъ государства, а

именно, по скольку возможна эмиграція. Подобный выходъ изъ государства могъ-бы стать полнымъ, если-бы онъ не имѣлъ послѣдствіемъ вступленіе въ другое государство. Къ несчастію, нашъ земной шаръ всюду покрытъ государствами, хотя часто лишь вслѣдствіе произвольнѣйшихъ фикцій такъ называемаго международнаго права. Не превращенной въ государство земли, которая была-бы доступна и гдѣ отдѣльный человѣкъ могъ-бы жить самостоятельно—такой земли больше не имѣется. Поэтому, если человѣкъ сбрасываетъ съ себя одно государственное иго, онъ долженъ, *volens volens*, взять на свои плечи другое. И потому выходъ изъ даннаго государства отнюдь не является освобожденіемъ отъ государства вообще. Даже какъ чужестранецъ и, такъ сказать, по праву чужестранца, не можетъ никто достигнуть чего-либо подобнаго; ибо какая-нибудь юрисдикція всегда виситъ надъ его головой.

Итакъ, въ нынѣшнемъ мірѣ нѣтъ убѣжища безъ господъ. Поэтому практическимъ вопросомъ можетъ быть только вопросъ о возможно большемъ ограниченіи насилія; ибо стряхнуть съ себя государство въ его цѣломъ, со всей его сѣтью насилія, въ тѣхъ его формахъ, какія можно предвидѣть, еще нельзя. Но, конечно, можно поставить границы насильственной власти государства, и, кромѣ того, ей можно дать отрицательное направленіе, посредствомъ котораго она сама будетъ уничтожать другое, подчиненное ей, коллективное насиліе.

Первое главное ограниченіе есть ограниченіе относительно частной области. Въ извѣстной мѣрѣ должна существовать подлинно суверенная собственность, къ которой не можетъ прикасаться никакое государственное принужденіе. Какъ далеко это должно простирается, конечно, трудно опредѣлить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Но остается безспорнымъ тотъ общій принципъ, что отдѣльная личность должна обладать частями природы, которыми она и пользуется для самостоятельнаго хозяйственнаго употребленія и для свободнаго существованія. Фикции о государственной земельной собственности и о торговлѣ государства земельными угодьями представляютъ собою нѣчто весьма вредное. Этими фикціями увеличивается та ложная видимость, что, будто-бы, личная собственность должна выводиться изъ государства и что, будто-бы, существуетъ двойственное право распоряженія землей и почвой. На самомъ-же дѣлѣ только суверенная личная собственность можетъ мыслиться, какъ нѣчто первоначальное и непосредственное. Владѣніе, которое не выходитъ за предѣлы потребленія личности, должно уважаться во всемъ мірѣ, и оно становится законною собственностью не только вслѣдствіе такого уваженія.

Точно также бракъ и семья съ самаго начала являются, въ сущности, суверенными вещами, и вмѣшательство въ нихъ государства еще болѣе противоестественно и недопустимо, чѣмъ вмѣшательство его въ сферу собственности. Государство, въ формѣ разбойничьей банды рыцарей, искус-

ственно и противно всякому праву создало ту, такъ называемую, собственность, которую мы называемъ насильственной собственностью. Но по отношенію къ браку и семьѣ государству еще нигдѣ въ мірѣ не удалось сдѣлать чего-либо аналогичнаго, ибо продукты религіонизма или, точнѣе говоря, утверженіе и нормированіе полигаміи не относятся къ специфической области государства. Конечно, государство смогло пожаловать наследственные роды въ самыхъ различныхъ странахъ правами управленія и, такимъ образомъ, простыя фамиліи превратить въ династіи. Но подобныя вещи относятся только къ небольшому числу случаевъ, и общее семейное право этимъ не было извращено.

Въ новое время растетъ тенденція удостоить самага интимнаго государственнаго вмѣшательства самая нѣдра семьи, а именно, воспитаніе и образованіе дѣтей. Недостаточно того, что школьное принужденіе все больше и больше возвеличивается въ качествѣ культурнаго фактора; къ нему должно присоединиться еще дополнительное принужденіе семьи въ смыслѣ ея воздѣйствія на дѣтей. Это воздѣйствіе должно быть совершенно подчинено школѣ, а въ случаѣ конфликта будетъ имѣть мѣсто отнятіе дѣтей отъ родителей и исправительное воспитаніе ихъ государствомъ. Отсюда можно видѣть, куда, въ концѣ концовъ, ведетъ школьное принужденіе и въ какой степени оно еще болѣе невыносимо, нежели милитаристское военное принужденіе. Именно Пруссія ускорила здѣсь расцвѣтъ „культуры“. Чтобы выйти изъ такого дурнаго положенія, недостаточно уже просто устранить школьное принужденіе. Преподаваніе и обученіе должны быть рѣшительно освобождены отъ всякой официальной компетенціи, какъ со стороны государства, такъ и со стороны общинъ, и, поскольку ими интересуются частныя лица, предоставлены частнымъ лицамъ. Разумѣется, здѣсь надо позаботиться о томъ, чтобы послѣ уничтоженія государственнаго господства надъ школой она не подпала власти какихъ-либо другихъ коллективностей, особенно коллективностей религіознаго характера, или, если она гдѣ-нибудь уже находится во власти такихъ коллективностей, то чтобы онѣ не удерживали за собою эту власть дальше. Въ противномъ случаѣ, мы попали-бы изъ огня—въ полымя, и всякій антиколлективизмъ былъ-бы злою шуткой, если-бы онъ билъ только по государственной коллективности, стремясь, въ то-же время, сохранить другія порабощающія коллективныя вліянія.

Въ пользу принудительной школьной дрессировки приводятъ тотъ доводъ, что безъ нея низшіе слои, отягощенные экономической барщиной, станутъ пренебрегать обученіемъ дѣтей и останутся отчасти даже безграмотными. Однако, при нашемъ предположеніи распролетаризаціи это возраженіе не попадаетъ въ цѣль. И безъ того зло не умѣть прочитатъ всякую культурную дрянъ не такъ ужъ велико. Точно также, вѣдь, еще вопросъ, дѣйствительно-ли приватизація школы особенно сократитъ размѣры обученія

массъ. Письмо и счетъ въ настоящее время для большинства профессій столь необходимыя вещи, что и безъ физическаго государственнаго принужденія не такъ-то часто безъ нихъ обходятся. Нужно только энергичнѣе воспротивиться дѣтскому труду на фабрикахъ и, такимъ образомъ, устранить косвенное фабричное принужденіе; тогда и для частныхъ школъ окажется у массъ время и возможность позаботиться объ элементарномъ образованіи, притомъ о такомъ, въ которомъ не будутъ преобладать гнетущія государственныя цѣли. Послѣднія въ обязательной официальной дрессировкѣ являются главнымъ дѣломъ, такъ что государственная школа дѣйствуетъ преимущественно, какъ отрасль общаго государства и какъ своего рода полицейская форма, посредствомъ которой духовно и физически вливается, а иногда даже и просто вколачивается въ учащихся добрая доля холопства.

4. Насчетъ всякой коллективности, будетъ-ли она простымъ сообществомъ, или будетъ снабжена особыми правами и орудіями власти, должно быть прежде всего принято во вниманіе, къ чему и какъ она обязываетъ своихъ сочленовъ и что она предпринимаетъ противъ людей, стоящихъ внѣ ея. Уставъ или вообще смыслъ союза дадутъ объ этомъ свѣдѣнія или, если подлинныя цѣли скрыты и замаскированы, можно будетъ инымъ путемъ узнать, какія вредныя цѣли преслѣдуетъ коллективность или, по крайней мѣрѣ, узнать, преслѣдуетъ-ли она такія цѣли. Пока союзъ не обнаруживаетъ никакихъ намѣреній, или ничего не предпринимаетъ противъ дѣйствительнаго права, какъ мы его понимаемъ, онъ можетъ считаться общественно невиннымъ. Противоположностью этому служить организація болѣе или менѣе опасныхъ бандъ, хотя слово банда до сихъ поръ было въ употребленіи лишь для самыхъ крайнихъ формъ, вродѣ разбойничьихъ шаекъ. Мы должны расширить смыслъ этого названія, такъ какъ степень опасности есть дѣло второстепенное, и всякое, не оправдываемое ничѣмъ, хищеніе чужой свободы, относится-ли оно къ участникамъ союза или къ публикѣ, при точной квалификаціи кладетъ на союзъ клеймо вредной банды.

Уже простое исключеніе или затрудненіе конкуренціи можетъ носить указанный выше характеръ, такъ сказать, союзаго бандизма. Напримѣръ, каковы были главныя несправедливыя стороны средневѣковыхъ цеховъ? Во-первыхъ, цехи подавляли общее человѣческое право на занятіе ремесломъ, т. е. конфисковали его въ пользу своихъ сочленовъ, такъ какъ внѣ своихъ корпорацій не терпѣли ни мастеровъ, ни подмастерьевъ, а если послѣдніе пытались, несмотря на это, существовать, на нихъ устраивали форменную охоту (т. наз. *Bönpasen*). Во-вторыхъ, цехи и тѣмъ и другимъ способомъ мѣшали публикѣ искать и выбирать себѣ по своему желанію ремесленниковъ, которыхъ она могла и желала имѣть. Во многихъ отношеніяхъ съ публикой обращались даже, какъ съ источникомъ наживы, который дѣлили и разгораживали, сообразуясь съ своими принудительными и исключитель-

ными правами. Въ данномъ округѣ надо было молотъ именно на той, а не на другой мельницѣ; вообще потребители были въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ прямо прикрѣплены къ предписаннымъ имъ мѣстамъ производства всяческихъ продуктовъ. Это дѣяніе противъ потребляющей публики должно быть заботливо отличаемо отъ дѣяній противъ производителей и рабочихъ; старая цеховая несправедливость нынѣ возобновляется въ колоссально увеличенномъ масштабѣ въ такъ называемыхъ рингахъ и вообще во всѣхъ формахъ бандъ, возникающихъ ради поднятія цѣнъ.

Если всмотрѣться ближе, то въ современныхъ пріемахъ можно снова отыскать эгоистическіе основные принципы всѣхъ цѣховыхъ устройствъ. Только до сихъ поръ обращали вниманіе, преимущественно, на очевидныя вещи, а именно, на прямой вредъ ринговъ для потребителей; между тѣмъ, къ организаціямъ рабочихъ, въ которыхъ воплощается угнетеніе рабочаго рабочимъ, не приступили даже теоретически, если не считать нашего направленія. Конструируя формы несправедливости въ ихъ основныхъ чертахъ, мы срываемъ маску съ ихъ безобразія и объединяемъ въ однихъ и тѣхъ-же схемахъ формированіе средневѣковыхъ цеховъ и нынѣшнихъ бандъ. Если союзъ рабочихъ нѣкоторой отрасли производства стремится монополизировать въ свою пользу условія работы, т. е. исключить всякаго, кто не принадлежитъ къ союзу и желаетъ дѣйствовать самостоятельно, то это уже—тяжкій случай лишенія дѣйствительнаго человѣческаго права на трудъ.

Теперь то, что не принадлежитъ къ цеху, подвергается преслѣдованію, какъ нѣчто, не входящее въ организацію. Для лишенія возможности работать существуетъ нѣсколько средствъ; но полностью система исключенія осуществляется только тогда, когда привходитъ еще союзъ предпринимателей, преслѣдующій для себя подобную же цѣль. Именно, если послѣдній стремится предоставить господство и существованіе лишь такимъ предпринимателямъ, которые принадлежатъ къ союзу, то онъ будетъ по возможности мѣшать другимъ предпринимателямъ найти рабочихъ.

Обѣ милыя цеховыя тенденціи, т. е. тенденціи рабочихъ и предпринимательскихъ организацій на самомъ дѣлѣ, однако, не упускаютъ случая въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда входитъ въ такъ называемые тарифные договоры другъ съ другомъ, къ невыгодѣ свободнаго труда и производства, и на счетъ потребляющей публики. Тогда, на примѣръ, рабочіе союза рабочихъ обязываются работать только у предпринимателей союза предпринимателей и наоборотъ, объединенные предприниматели соглашаются не нанимать на работу никакихъ иныхъ рабочихъ, кромѣ членовъ рабочаго союза. Такимъ образомъ готовъ двойной рингъ, и то, что не вошло въ него, можетъ себѣ искать, какъ и гдѣ продолжать свою жизнь при такихъ обстоятельствахъ. Въ извѣстныхъ отрасляхъ занятій, вродѣ печатанія и набора, существовать при такихъ условіяхъ уже едва-ли возможно. Такимъ путемъ исключаются

и на новый манеръ выбрасываются изъ цеха именно менѣе значительныя и болѣе слабыя предприятия и существованія. Тарифъ заработной платы является только исходнымъ пунктомъ, главное же дѣло — осуществляемая въ нихъ двойная монополия производителей. Это—просто старая, вѣчно возобновляемая тенденція всякаго коллективнаго эгоизма, дѣйствующаго въ подобныхъ союзахъ. И коллективный эгоизмъ представляетъ собою всегда усиление личнаго эгоизма, такъ какъ онъ стремится устранить единственную сдерживающую узду послѣдняго—свободную конкуренцію.

5. Въ положительномъ смыслѣ союзъ можетъ дѣлать, что ему угодно, если только онъ не нарушаетъ права другихъ и нигдѣ не обращается противъ той доли личной свободы, которая должна оставаться неотчуждаемой. Это правило должно распространяться и на государство, и на религиозные союзы, т. е. на наиболѣе широкія изъ бывшихъ до сихъ поръ коллективностей. Эгоизмъ, а въ частности и государственный эгоизмъ, начинается тамъ, гдѣ прекращается уваженіе къ праву личности. Уже всякое присвоеніе власти, включая и духовное господство, является нарушениемъ права, если только само оно не есть слѣдствие права реагирования, т. е. права отражать или отмщать преступленіе. Уже изъ анализа отношеній двухъ лицъ видно, что вовсе не будетъ подлиннымъ и недопустимымъ присвоеніемъ власти, если на преступное дѣяніе одного другой отвѣтитъ его подчиненіемъ и лишеніемъ возможности вредить.

Но тѣ, кто, стремясь къ хаотическому анархизму, упираютъ на необходимость уничтожить господство тѣмъ способомъ, какимъ они вводятъ и желаютъ поддерживать это безвластіе безъ всякаго вниманія къ праву, доказываютъ, что именно они сами вынуждены будутъ установить одно изъ самыхъ худшихъ господствъ и насилій, чтобы охранить свое царство. Царство или, какъ ни странно это звучитъ, власть анархія, есть наиболѣе всеобъемлющее и наиболѣе безпутное изъ господствъ. Это—конфискація свободы всѣхъ всѣми. Она ведетъ на всѣхъ перекресткахъ къ большимъ и малымъ деспотіямъ, и для устранения послѣднихъ потребуются, разъ онѣ только будутъ достигнуты, все новыя и новыя насилія. Анархія, будучи возведена въ принципъ, должна была-бы потонуть въ повсемѣстныхъ преступленіяхъ и явить собою, такъ сказать, всеобщее преступленіе.

Здѣсь мы лишь мимоходомъ напомнили о цѣли которую имѣютъ въ виду приверженцы хаоса, чтобы наша критика всякаго коллективизма, а въ томъ числѣ и государственнаго коллективизма, не была ложно истолкована. Мы желаемъ уничтожить хищничество, включая сюда всякое хищеніе свободы, тогда какъ приверженцы хаоса,—которымъ, какъ друзьямъ евреевъ, „тогувабогу“ въ области духа и вещей, конечно, сродни и удобно для плутней,—стремятся обобщить хищничество и использовать его. Болѣе старыя и старѣйшія концепціи благороднаго характера, имѣвшія въ

виду идеальныхъ людей и идеальныя состоянія, такъ испорчены и опозорены на новѣйшій манеръ по еврейски оподленными яко-бы—теоріями, что получающееся въ результатѣ отсутствіе господства выгядитъ хуже, чѣмъ та свобода, которую создаетъ себѣ обыкновенный преступникъ. Поэтому здѣсь можно было-бы говорить не о чемъ иномъ, какъ о политическомъ мошенничествѣ.

Итакъ, желая свести къ минимуму отрицательныя функціи государства, мы приписываемъ ему, въ то-же время, роль тормазы, мѣшающаго всѣмъ другимъ коллективностямъ, включеннымъ въ его рамки, налагать на отдѣльную личность ложныя обязательства. Государство должно охранять личность не только противъ подлиннаго преступленія, но и отъ менѣ видныхъ стѣсненій ея свободы. Поэтому оно должно держаться того правила, чтобы формированіе союзовъ и корпорацій не посмѣло въ своей области практиковать открытую или тайную деспотію. Государство должно выступать не только противъ разбойничьихъ бандъ, но и противъ замаскированнаго бандитизма и противъ тѣхъ соціально-экономическихъ заговоровъ, которые подъ какимъ-нибудь, хозяйственно-невиннымъ повидимому, предлогомъ совершаютъ безспорныя и доказуемыя правонарушенія.

Разумѣется, такая охраняющая свободу функція не должна ограничиваться матерьяльною областью, но еще съ большей силой должна дѣйствовать въ духовной области. Здѣсь, напримѣръ, надлежитъ наложить узду на религіонистическій и вообще интеллектуальный коллективизмъ. Здѣсь недостаточно только формальной охраны свободы (напримѣръ, свободы выхода); необходимо держаться того правила, чтобы никакой коллективный обманъ не распространялся и не оставался безнаказаннымъ. Фактически существующее историческое государство поступаетъ предпочтительно въ противоположномъ смыслѣ, но та доля государственной власти, на которую мы указали, какъ на оправдываемую при нашихъ предпосылкахъ, имѣетъ еще и другую задачу. Она должна не только очистить старое государство отъ всякой дряни, но и помѣшать коллективностямъ спеціального характера пропагандировать заинтересованную ложь.

Чисто формальная свобода, которая допускаетъ существованіе всякой обманной безсмыслицы, имѣла кажущійся смыслъ, въ качествѣ переходнаго состоянія, но для истинной и окончательной системы не приноситъ пользы. Разумѣется, въ этомъ отношеніи можно вмѣшиваться въ ходъ дѣлъ только тамъ, гдѣ имѣется на лицо увѣренность, совершенно подобная математической, и гдѣ на лицо не какія нибудь извинительныя заблужденія, но доказуемые, подлинныя обманы, т. е. обманы матерьяльно заинтересованные и инсценируемые на духовной или интеллектуальной почвѣ. Однако, эта спеціальная область не служитъ темой нашего изложенія, и мы должны имѣть въ виду, какъ ни важна указанная область, прежде всего лишь тѣ отно-

шения, которыя касаются социально-хозяйственной войны и въ виду которыхъ государство, какъ мы его понимаемъ, не можетъ оставаться пассивнымъ зрителемъ.

6. При господствующихъ взглядахъ стачки образуютъ труднѣйшій пунктъ для здороваго пониманія. Въ сочиненіи „Вооруженіе, капиталъ, трудъ“ мы показали, что хозяйственно-обоснованныя забастовки, при предусмотрительномъ пользованіи ими и при извѣстныхъ ограниченіяхъ, являются по видимому справедливыми. Отдѣльный предприниматель, занимающій многихъ рабочихъ, по отношенію къ нимъ является волевой единицей. Поэтому, чтобы и со стороны рабочихъ противопоставить ему такую-же единицу, необходимы коллективныя дѣйствія. Этимъ устраняется часть неравенства. Конкуренція на сторонѣ рабочихъ такимъ образомъ, конечно, отпадаетъ; отдѣльный же предприниматель, какъ таковой, самъ себѣ также не дѣлаетъ конкуренци, на оборотъ, по отношенію къ совокупности своихъ рабочихъ является, такъ сказать, монополистомъ.

Но дѣло не остановилось на этомъ простомъ отношеніи и на соответствующихъ ему отдѣльныхъ процессахъ. Объединились всѣ отрасли труда и рабочія массы въ стотысячные союзы, а противъ нихъ выступили союзы предпринимателей съ ихъ локаутами. Такимъ образомъ была начата болѣе широкая социальная война. Она могла-бы быть принята, какъ переходная фаза, чтобы исправить вкоренившееся зло; но, какъ продолжительное состояніе, она столь-же, даже еще болѣе неприемлема, чѣмъ настоящая война оружіемъ. Вѣдь сюда привходитъ еще полное невниманіе къ интересамъ потребляющей публики, этого третьяго, всегда внѣ стоящаго, фактора, который, однако, съ точки зрѣнія раздѣленія труда тоже имѣетъ права. Производителемъ кто-нибудь обыкновенно бываетъ только въ одномъ отношеніи. Потребителями-же бываютъ во многихъ отношеніяхъ. Кромѣ того, противъ одного производителя въ извѣстной отрасли стоятъ сотни и тысячи потребителей.

Въ видѣ примѣра пусть взвѣсятъ только значеніе средствъ сообщенія и перевозки. Должны-ли здѣсь интересы одного или нѣсколькихъ акционерныхъ обществъ, вступившихъ въ конфликтъ съ ихъ служащими и рабочими, приводить къ тому, чтобы весь транспортный аппаратъ, хотя бы лишь на время, былъ поврежденъ, т. е. къ тому, чтобы дороги и рельсовые пути приостановили свою службу? Еще хуже, даже прямо социально-глупо вышло-бы отнятіе воды и свѣта. По отношенію къ государству и общинамъ рабочіе могутъ разсматриваться такъ-же, какъ чиновники, которымъ не приличествуетъ приостановка ихъ функций уже какъ таковымъ. Строго говоря, ихъ отношеніе ко всей совокупности общества не особенно отличается отъ указаннаго отношенія чиновниковъ къ государству. Кто живетъ и дѣйствуетъ въ извѣстной системѣ раздѣленія труда, тотъ долженъ уважать соответствующую

связь функций между собою. Если онъ этого не дѣлаетъ, но существенно нарушаетъ механизмъ дѣла стачками или локаутами, то онъ обижаетъ неприкосновенныхъ къ распрѣ лицъ и поступаетъ очевидно несправедливо.

Итакъ надо имѣть мужество смотрѣть на такія коллективныя дикости, какъ на то, чтò онѣ есть. Нынѣшнее государство съ его слабостью, имѣющей свою причину не только въ гнилости, но отчасти и въ наличности ненужныхъ функций, по всей видимости, не имѣетъ моральной силы вмѣшаться въ это дѣло. Оно способствуетъ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, признавая просто право стачекъ, правда, за исключеніемъ области сельскаго труда. Право стачекъ имѣетъ мѣсто даже у государствъ, вродѣ Пруссіи, сльвущихъ за самыя строгія.

Но принципъ возмездія, дѣйствующій противъ несправедливости, долженъ выполнять публичную функцію тормазы, сдерживающаго какъ обычныя насильственныя дѣйствія, такъ и хозяйственную войну, ведомую путемъ забастовокъ. Поэтому запрещеніе насилія, интердиктъ, когда-то формулированный въ римскомъ владѣтельномъ правѣ въ словахъ „*vim fieri veto*“, долженъ быть перенесенъ и на область забастовокъ и локаутовъ. Здѣсь насиліе, которое должно быть прекращено, — не личное и не вооруженное; оно — несомнѣнно социальное, и нарушаетъ необходимо существующее въ данный моментъ послѣдовательное раздѣленіе труда и соотвѣтственный трудовой порядокъ.

Поэтому, какъ для обычнаго права образовалась юстиція, которая не только препятствуетъ, но въ гражданскихъ спорахъ и рѣшаетъ, точно такъ же и для социальнаго права потребно нѣчто аналогичное. Вмѣсто того, крайне слабыя въ социальномъ отношеніи правительства находятся даже на пути къ тому, чтобы незаслуживающія признанія коллективности превратить въ закономъ признаваемые корпораціи, т. е. въ юридическія лица и такимъ образомъ привилегировать простыя сообщества. Подобная вещь даетъ начало подлиннымъ рабочимъ цехамъ, а рядомъ съ ними—предпринимательскимъ цехамъ, даже двойнымъ рингамъ, въ которыхъ рабочій поработается рабочимъ и которыми обирается публика. И такъ какъ совокупность потребителей, которая платится за насильственныя дѣйствія отдѣльной отрасли труда, сама, большею частью, состоитъ изъ рабочихъ и предпринимателей другихъ отраслей, то все это кривлянье, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія всей области труда, является просто глупостью. Куда, въ концѣ концовъ, приведетъ взвинчиваніе заработной платы, причемъ ссылаются только на то (или главнымъ образомъ на то), что издержки на содержаніе возросли? Вѣдь, эти издержки, при общей маніи стачекъ, взвинчиваются одинаково и повсемѣстнымъ вздорожаніемъ труда, т. е. растутъ и для самихъ рабочихъ, какъ потребителей, такъ что одно взвинчиваніе подобнаго рода можетъ только мотивировать другое!

7. Если рабочий долженъ перестать быть пролетаріемъ, ему нужно сберегать кое-что за вычетомъ издержекъ содержания. До сихъ поръ, правда, коллективные союзы, состоящие изъ сотенъ тысячъ членовъ, накопили въ своихъ кассахъ цѣлые милліоны, но на каждого члена это составляетъ не слишкомъ много. Было-бы болѣе рационально, если бы отдѣльный рабочий скопилъ болѣе значительную сумму, вмѣсто того, чтобы самообложениемъ увеличить могущество демагогической опеки. Онъ самъ долженъ оставаться господиномъ стачки и не ставить себя въ такое положение, когда у него отнимается возможность самостоятельныхъ рѣшеній. Естественно, мы предполагаемъ здѣсь ту фазу развитія, когда при существенныхъ качествахъ государства и правительства еще нельзя представить себѣ никакой высшей инстанции, которая дѣлала-бы совершенно излишними всякія стачки.

До сихъ поръ можно, по большей мѣрѣ, рассчитывать на то, что третій факторъ, совокупность потребителей, которые не могутъ быть представлены иначе, какъ въ государствѣ, достигнетъ достаточнаго вліянія, чтобы исключить наиболѣе вредныя и несправедливыя нарушенія. Въ остальномъ же рабочіе и предприниматели могутъ сами рѣшать, вести-ли имъ стачечную войну или жить въ мирѣ. Только упомянутыхъ выше двойныхъ ринговъ противъ публики не должно получаться на этомъ пути; этимъ рингамъ, подобно всякимъ другимъ, должно противодѣйствовать, не только объявляя отдѣльные договоры не имѣющими силы, но и налагая за нихъ наказанія.

Всѣ хозяйственныя стачки, имѣющія цѣлью улучшить условія труда, являются еще мелочью, если сравнить ихъ съ той формой отказа отъ работы, которая претендуетъ на всеобщность и имѣетъ значеніе отказа отъ работы въ нынѣшнемъ смыслѣ, т. е. отъ работы у предпринимателей. Не только такъ наз. анархисты восхваляютъ этотъ родъ отказа отъ работы. И *soi-disant* социаль-демократы, послѣ банкротства всѣхъ ихъ теорій, уже до нѣкоторой степени обращаются къ этому приему борьбы, какъ къ новой приманкѣ для рабочихъ. Правда, въ этомъ пунктѣ они не вполне объединены и еще того менѣе—увѣрены въ себѣ, но за недостаткомъ средствъ для замѣны истершихся прелестей агитации, приходится хватиться и за спортъ универсальныхъ стачекъ, какъ за стимулъ для выхода изъ труднаго положенія.

Различіе между обоими оттѣнками состоитъ уже только въ томъ, что болѣе блѣдный, т. е. социаль-демократическій колеръ взываетъ преимущественно къ будущему, тогда какъ анархистскій оттѣнокъ прямо хватается за современность. А изъ послѣдняго обстоятельства слѣдуетъ, что дѣло не остановится на простомъ отказѣ отъ работы. То, что анархисты зовутъ „прямымъ воздѣйствіемъ“, есть немедленная мятежная оккупация фабрикъ и полей, отнятие машинъ и почвы. Социаль-демократы же желаютъ устроить то-же самое лишь косвенно, т. е. законодательнымъ путемъ. Поэтому оба

милые способа дѣйствій относятся другъ къ другу, какъ прямой разбой и мошенничество—къ косвенному. О правѣ тутъ нѣтъ и рѣчи; скорѣе, считается за аксіому, что рабочій долженъ все взять себѣ, все отобрать.

Но какъ грабители устроятся между собою, будутъ ли они прямо вламываться въ двери или косвенно разбойничать на основаніи закона, т. е. какъ подѣлятъ они добычу и коллективистически распредѣлятъ между собою область, назначенную для обирания,—объ этомъ, разумѣется, ни звука не говорятъ великолѣпные проекты. Какъ въ дѣйствительности будутъ жить тогда люди, на этотъ счетъ нѣкоторыя указанія доставили уже русскіе приемы первыхъ шаговъ еврейской quasi-революціи. Если въ преступленіяхъ, обыденныхъ или иныхъ, съ точки зрѣнія отмѣченной нами гнилости вообще существуетъ еще какое-нибудь различіе, то высшую степень такого различія можно найти въ особенностяхъ и въ степени коллективности. Планомѣрныя массовыя преступленія—вотъ отвѣтъ на загадку, которая нынѣ зовется социализмомъ, коммунизмомъ или анархизмомъ.

Если въ области этихъ теченій и были лучшіе идейные побѣги, то за послѣднее поколѣніе эти побѣги частью уничтожены еврейскимъ натравливаніемъ, частью такъ извращены, что вмѣсто нихъ впереди виднѣется только хаосъ социальныхъ преступленій. Подходящее названіе для этого хаоса и есть коллективизмъ, ибо такое названіе включаетъ въ себя все то, до чего могъ дорасти въ настоящее время эгоизмъ личности въ сферѣ самаго широкаго формированія бандъ. И хаосъ этотъ угрожаетъ не только одному какому-либо классу, но всему обществу, даже всему человѣчеству. Онъ—порожденіе сравнительно немногихъ, которые сѣли на шею массѣ и совершенно извращаютъ самыя различныя партіи.

Итакъ, время дать дорогу антиколлективизму, такъ-же какъ антигебраизму. На такой анти-функции будетъ основано социальное спасеніе, и вообще на нее будутъ опираться рѣшенія тѣхъ задачъ, которыя можно предвидѣть уже напередъ. Должна быть уничтожена какъ естественная, такъ и культурная несправедливость, притомъ не только та, которая уже создана исторически, но и та, еще худшая, несправедливость, которую имѣютъ въ виду дикія, невѣрно направляемая коллективныя стремленія; только уничтоженіе той и другой несправедливости всестороннимъ и серьезнымъ движеніемъ въ сторону дѣйствительнаго права можетъ создать способное къ жизни общество и оберечь міръ отъ погруженія въ варварство. И потому, если прежде всѣхъ другихъ учрежденій, охраняющихъ и обезпечивающихъ человѣка противъ человѣка, необходимъ протекторатъ, то это долженъ быть протекторатъ серьезно понимаемаго дѣйствительнаго права. Какую можетъ принять форму въ отдѣльныхъ случаяхъ такая охрана права, съ этомъ мы, несмотря на новизну и трудность предмета, не преминемъ сдѣлать нѣсколько указаній; по крайней мѣрѣ, мы укажемъ на нѣкоторыя основныя черты.

XIV.

ПРАВОВОЙ ПРОТЕКТОРАТЪ И ПРАВОМЪРНАЯ ВОЛЯ.

1. Существуют два учреждения, фактически являющіяся помѣхой для нормальнаго права и несовмѣстимыя съ лучшею формой социальной жизни. Первое препятствіе—представительная система и притомъ не только та которая даетъ равное избирательное право массамъ. Другое зло состоитъ въ непризнающемъ различій союзничествѣ, черезъ которое усиливаются всякія негодныя и дрянныя стороны жизни. Въ области того и другого зла мы уже указывали на страницахъ этого сочиненія всевозможные факты и необходимыя ихъ послѣдствія. Однако, въ заключение мы должны посмотрѣть что выходитъ, когда подобныя вещи будутъ устранены.

Всякое представительство посредствомъ выборовъ, введенное произвольно, является несовершеннымъ, такъ какъ оно, болѣе или менѣе, связано съ опекаемъ. Наболѣе разумнымъ было бы личное самопредставительство; но оно можетъ имѣть мѣсто только при крайне незначительномъ объемѣ общинной жизни. Далѣе затѣмъ естественнѣйшимъ типомъ представительства будетъ передача мандатовъ съ обязательными инструкціями, такъ какъ она до нѣкоторой степени близка къ самопредставительству. Но какъ только устраняется и этотъ типъ,—опека на лицо. Не только въ рамкахъ большого государства, но и въ такихъ даже государствахъ, которыя почти тождественны съ городскими общинами, нельзя уже и думать о самопредставительствѣ. Да и инструкцій нельзя дать надлежащимъ образомъ тамъ, гдѣ должна идти рѣчь о законодательствѣ по всевозможнымъ поводамъ. Для отдѣльныхъ исключительныхъ случаевъ обще плебисциты не лишены смысла; но при такихъ всенародныхъ рѣшеніяхъ, однако, опека можетъ скрываться уже въ выборѣ и постановкѣ вопросовъ. Итакъ, каковъ-бы ни былъ строй, въ большихъ государствахъ отъ политическихъ и социальныхъ формъ представительства неотдѣлима опека массъ, а вмѣстѣ съ нею, и опека всего міра, и особенно—демагогическая опека. Если-бы массы обладали пониманіемъ права, тогда и не было-бы собственно демагогии въ неизмѣнно дурномъ смыслѣ этого слова. Но тогда не появилось бы и притязаній на всеобщность выборовъ безъ должныхъ различій въ этой сферѣ.

Хотя нынѣшнее состояніе еще весьма смѣшаннаго характера, т. е, хотя избирательное право массъ функционируетъ съ большими уклоненіями отъ демагогическаго идеала, однако, довольно чудовищно уже то, что большіе города не представлены никѣмъ, кромѣ депутатовъ демагоговъ. Пусть подумаютъ, кто только ни живетъ въ такихъ городахъ и кто ни является тамъ избирателемъ; между тѣмъ этотъ избиратель настолько аннулируется и исчезаетъ въ общей безразличной массѣ, какъ если-бы не имѣлъ совсѣмъ

голоса, наравнѣ съ обыкновеннымъ рабочимъ самаго низшаго слоя. Подобное состояніе—верхъ чудовищности. Все выдающееся дѣлается ничтожнымъ, потому что нивеллируется въ общей массѣ. Демагоги-же могутъ заполучить и закрѣпить за собою парламентскія мѣста, но только путемъ приманокъ и всяческихъ обмановъ. Если-бы подобная система была введена уже въ широкихъ размѣрахъ или если-бы только она могла дать въ парламентѣ большинство, то ея нелѣпость и шаткость стали-бы очевидными. Но ея практическая неприложимость остается еще скрытой; ибо даже во Франціи эта система фактически умѣряется весьма значительно противоположными вліяніями. Въ особенности въ деревнѣ проявляютъ свою силу вліянія различныхъ сословій въ противоположномъ направленіи, и демагоги ведутъ болѣе легкую игру только въ фабричныхъ округахъ и областяхъ техническаго труда, вродѣ горнаго и каменноугольнаго дѣла.

Если предвосхитить самыя отдаленныя слѣдствія, то при представительствѣ массъ должно получиться распаденіе общества лишь на два сословія—водимаго за носъ и водящаго за носъ, на избирателей и избранныхъ, на матерьялъ для демагогии и демагоговъ. Каждый изъ демагоговъ имѣетъ универсальное назначеніе—кропать законы обо всемъ, чего онъ вовсе не понимаетъ. По меньшей мѣрѣ, вѣдь, онъ съ своей стороны отвѣтственъ за нихъ и подаетъ за нихъ голосъ. Уже нынѣшняя практика, которая, однако, долго еще не достигнетъ формы чисто-демагогическаго парламентарнаго режима, должна прибѣгать къ специально или наполовину понимающимъ дѣло комиссиямъ по избранію. Эти коммисіи дѣйствуютъ непублично и рѣшаютъ главныя дѣла въ своемъ закрытомъ кругу, подъ интимнѣйшимъ и ближайшимъ вліяніемъ правительства и его разнообразныхъ комиссаровъ. Въ цѣломъ-же и въ группахъ парламентъ просто повинуется какимъ—нибудь режиссерамъ, дергающимъ пружины этого театра подачи голосовъ. Поэтому отвѣтственное, яко-бы, участіе въ законодательствѣ и публичный контроль оказываются, пустыми или крайне ограниченными вещами. Но чего-бы только не вышло изъ нихъ, если-бы на самомъ дѣлѣ стали функционировать полные демагогическіе парламенты!

2. Первоначальное дѣленіе избирательнаго права по ступенямъ сообразно съ богатствомъ, обновленное въ нынѣшнихъ категоріяхъ обложенія, конечно, негодно. Вообще, партіи владѣльцевъ, водимыя на помочахъ, правда, не подлинными демагогами, но политиками по ремеслу, являются наслѣдіемъ, которое въ настоящее время оказывается болѣе жалкимъ, чѣмъ когда-либо. Еврейство среди нихъ представляетъ главный элементъ парламентскихъ дѣльцовъ. Гдѣ евреи по религиіи еще не допускаются, какъ напр., большею частью въ консервативныхъ партіяхъ, тамъ крещеное еврейство открыто или тайно пользуется главнымъ вліяніемъ, такъ-же какъ и въ правительственныхъ камарильяхъ. Въ цѣломъ-же всѣ партіи, какъ-бы онѣ

ни были различны въ другихъ отношеніяхъ, сходны въ томъ, что каждая по-своему питаетъ барышническія, если не прямо грабительскія, стремленія, прикрываемыя въ программахъ самыми красивыми фразами. Итакъ, всюду—общественная испорченность! Общій разбой, прогнозъ котораго для послѣ—революціоннаго времени сдѣлалъ еще Руссо, во Франціи, съ режимомъ евреевъ и преступниковъ, достигъ своей кульминаціонной точки, выше которой могло-бы подняться развѣ только еще хаотическое, массовое ограбленіе всѣхъ всѣми. Другія стороны еще не столь высоко культивированы въ смыслѣ такого рода прогресса, но и онѣ, по-видимому, приближаются къ указанному идеалу лжи и мошенничества.

Теперь предположите случай демагогическаго парламента, существующаго одновременно съ демагогическимъ правительствомъ,—форма, которая даже во Франціи еще долго не осуществится полностью. Въ абсолютномъ смыслѣ и продуманная до конца подобная вещь есть, конечно, нелѣпость; но одно уже представленіе о чемъ-то близкомъ къ ней, учитъ насъ, какого хаоса и какого разложенія слѣдуетъ опасаться. Напримѣръ, вообразимъ себѣ, что массовое избирательное право превратилось-бы въ суверенный демагогическій парламентъ, которому не пришлось бы считаться ни съ какими другими инстанціями и который имѣлъ бы за себя силу толпы. Что-же должно будетъ случиться тогда, на порогѣ государства будущаго? Это, конечно, не легкая политическая, а еще больше того, социальная загадка. Но правительство и верхи, все-таки, оказались бы на лицо и тогда

Должны-ли будутъ еврейскіе элементы разыграть когда-нибудь роль прирожденной аристократіи и предопредѣленныхъ шефовъ наци? Такая прелесть, конечно, соотвѣтствовала бы началу и продолженію ихъ аферы съ государствомъ будущаго. Но въ чемъ-же тогда состояло бы рѣшеніе социальной проблемы о массахъ? Въ порабощеніи массъ и въ обложеніи ихъ данью въ пользу еврейскаго режима, который принялъ бы характеръ еврейскаго империализма? При этомъ всякая игра въ парламентъ должна будетъ придти къ концу, такъ какъ вообще въ государствѣ будущаго не можетъ быть никакой оппозиціи и контроля. Въ Россіи это государство оказалось бы кнутомъ въ рукахъ евреевъ; у насъ оно обозначало бы дрянную еврейскую карикатуру.

Итакъ, концомъ пѣсни будущаго при всякихъ обстоятельствахъ оказалась бы деспотія, основанная на обманѣ массъ. О правѣ, въ особенности о дѣйствительномъ правѣ, нигдѣ не было бы и рѣчи. Въ результатѣ получился бы хаосъ преступленій, въ которомъ можно было бы распознать какое-либо различіе развѣ только въ степени политическаго и социального разбоя. Еще живущіе лучше элементы народа не были бы представлены, но, скорѣе, растоптаны. Противъ нихъ стояла бы обобщенная въ государство вымогательская каморра, отъ которой они не смогли бы оборониться

Зачѣмъ же, въ виду такихъ слѣдствій и перспективъ, даже на мгновение останавливаться на мысли о правовомъ протекторатѣ, хотя бы и личномъ? На историческія династии, вѣдь, нельзя и не должно здѣсь рассчитывать. Династии получили свое имя отъ слова сила; но даже въ Россіи при указанныхъ выше обстоятельствахъ они обозначали бы только бессиліе, поскольку не были бы просто-на-просто уничтожены. Тина, которая засосала бы ихъ троны, была бы, гдѣ только возможно, еще хуже, чѣмъ та современная гниль, которая въ нынѣшней еврейской и биржевой Франціи растлѣваетъ государство и увеличиваетъ общественную гнилость.

Отъ коллективностей, какъ мы показали, спасеніе не придетъ. Поэтому надо думать о мужѣ, который въ наступающемъ хаосѣ приобрѣтетъ для всѣхъ очевидныя заслуги и обезпечить себѣ рѣшающую силу оружія. Если онъ будетъ обладать чувствомъ законности, то онъ сможетъ сдѣлать больше, нежели только грубѣйшимъ образомъ связать хаосъ по правиламъ механики насилия. При наличности рѣшительной законмѣрной воли, которой на помощь, конечно, пришла бы такая же воля избранныхъ, онъ сможетъ создать настоящий порядокъ и стать посредствующимъ звеномъ для перехода къ такому состоянію, гдѣ законмѣрная воля, укоренившись въ народѣ и въ обществѣ, сдѣлаетъ возможными лучшія учрежденія, которыя будутъ въ состояніи функционировать далѣе самостоятельно и обойтись безъ исключительнаго протектората.

3. Только кризисы, притомъ революціоннаго характера, т. е. такіе, при которыхъ имѣетъ мѣсто насильственная борьба, въ состояніи произвести дѣйствительнаго борца за подлинное право. При обыкновенномъ же состояніи вообще не появляется чего-либо подлинно хорошаго, ибо послѣднее не находитъ случая показать и испытать себя предъ всѣмъ народомъ. Исторически создавшаяся и вкоренившаяся испорченность слишкомъ велика, чтобы терпѣть среди себя челоуѣка, не платящаго ей дань и на нее непохожаго. Наступленіе полныхъ дѣятельности кризисовъ, конечно, загадочно, но все-же оно неминуемо. Эти кризисы не могутъ исходить отъ коллективной тупости; скорѣе, они будутъ плодомъ индивидуальныхъ мыслей, умножающихся и реагирующихъ противъ гнилости. Какъ это вообще можетъ осуществиться и какія элементарныя силы при этомъ будутъ играть роль, мы изслѣдовать не станемъ. Достаточно знать, что можетъ образоваться кругъ избранныхъ, которые рѣшатъ не поддаваться искушенію со стороны народнаго невѣжества и общественной испорченности и покончатъ съ исторической гниlostью, хотя бы только въ своей собственной области. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что воля, направленная на защиту дѣйствительнаго права, укрѣпится въ извѣстномъ числѣ индивидуумовъ и будетъ вліять, какъ указатель дальнѣйшаго пути. Такимъ образомъ, можетъ быть подготовлено зерно общества, изъ котораго выростетъ

соотвѣтствующая ему общественная форма. Если что-либо подобное не появится, то въ окончательномъ итогѣ должны получиться варварство и грубѣйшій деспотизмъ.

Если мы предположимъ временную помощь со стороны выдвинутаго кризисами протектора права, то послѣдній сможетъ, при достаточно долгой жизни, позаботиться о томъ, чтобы идея права пустила достаточно корней и дѣйствовала затѣмъ безъ его исключительной помощи, когда формальныя учрежденія наполнятся добрымъ содержаніемъ. Получается громадное различіе въ шансахъ, предположимъ-ли мы, что всѣ падки лишь на злоупотребленія и порчу существующихъ учрежденій, или-же есть люди, которые стремятся культивировать и совершенствовать ихъ въ смыслѣ ихъ истинной и доброй сущности. Напримѣръ, большія государства, какъ показываетъ примѣръ не одной только Азіи (а именно, — Китая), являются причиной испорченности и слабости человѣчества. Но если мы теперь для Европы и Америки предположимъ распадъ ихъ или принципиальное расчлененіе, то отсюда, при преобладаніи и существованіи хищничества, въ качествѣ принципа, не получится еще никакого улучшенія. Напротивъ, старая историческая дряньность только начнется сначала и установится вновь; раздѣленные на части члены будутъ вести войну между собою, а нѣкоторыя части вновь попытаются поглотить другія. Поэтому было-бы дурною шуткой стремиться повернуть исторію вспядь и притомъ не достигнуть ничего, кромѣ повторенія работы, сдѣланной раньше дурно, и сдѣлать ее, быть можетъ, еще хуже.

Всякая перспектива даже и очень незначительнаго общежитія на подобномъ пути должна считаться иллюзорной, и притомъ не потому, что существованіе и долговѣчность общежитія были-бы сами по себѣ невозможны, но потому, что всюду живучая еще хищническая тенденція неминуемо его уничтожитъ. Но если представимъ себѣ, что эта тенденція во всѣхъ направленіяхъ прямо задавлена антиэгоистической закономѣрною волей, то даже самыя малыя общественныя группы могутъ удержаться во всей ихъ цѣлостности. Вообще, при такомъ новомъ, въ корнѣ измѣненномъ условіи не имѣютъ уже силы различныя политическія трудности. Напримѣръ, гдѣ не будетъ имѣть мѣста самопредставительство, тамъ и представительныя учрежденія могутъ не быть непременно зломъ, такъ какъ и на нихъ, на ихъ духъ и практику будетъ вліять дѣйствительное право.

То, что теперь почти все подвергаетъ порчѣ, есть уже, такъ сказать, целлюлярная испорченность элементарныхъ и индивидуальныхъ формъ, изъ коихъ слагается все прочее. Въ среднемъ индивидуумѣ, не говоря уже о преступныхъ вырожденіяхъ, не скрывается ничего или плачевно мало такого, что можетъ обезпечить право и добрые нравы. Итакъ, нужно искать опоры въ настроеніи, и не существуетъ строя и учрежденія, которое могло бы возмѣстить недостатокъ доброй воли, если этотъ недостатокъ является

почти общимъ правиломъ. На этомъ основаніи никакого строя нельзя создать произвольно; онъ долженъ произвольно возникнуть, подобно лучшему, дѣйствительному праву, изъ соотвѣтствующихъ стремленій, исходящихъ отъ настроенія.

Слѣдовательно, ясно, какое нужно взять направленіе. Распадающаяся религія должна прежде всего быть замѣнена истиннымъ культомъ права. Среди нынѣшнихъ отношеній уже отдѣльныя идеи являются для этого важной, въ идейномъ смыслѣ, подготовкой. Если эти идеальныя направленія привьются даже только къ избраннымъ и если испорченная общая масса сможетъ позаимствоваться отъ нихъ, въ лучшемъ случаѣ, хотя бы только пассивно, то, все-таки, и подобное умѣренное вліяніе достаточно, чтобы сдѣлать возможнымъ въ будущемъ лучшее зданіе права. Насколько широкое распространеніе и обобщеніе можетъ получить правомѣрная воля, это для главнаго дѣла посторонній вопросъ. Важно уже вступленіе на этотъ обѣщающій добро путь. И такое вступленіе должно быть одновременно и идеальнымъ и полнымъ силы въ смыслѣ дѣйствія. Право, за которымъ не стоитъ силы, которое, слѣдовательно, не можетъ рассчитывать ни на чью руку, охраняющую его отъ посягательствъ, есть просто призракъ, просто тѣнь. Но тѣнь режима не можетъ служить съ пользой никакому истинному и способному къ дѣйствию убѣжденію. Должно быть на лицо не только знамя, на которомъ написано право; у знамени должны быть еще могучіе защитники, создающіе ему физическое и матерьяльное значеніе.

4. Во всей общественности и государственности долженъ пульсировать духъ иной жизни. О классовой борьбѣ не должно быть рѣчи, а еще того менѣе,—о прямомъ или косвенномъ классовомъ убійствѣ. Обѣ крайности общественной лѣстницы были бы тогда примирены; рука объ руку съ распролетаризаціей общества пошло бы его освобожденіе отъ раздувшагося богатства. Въ болѣе мелкихъ количествахъ скопились бы на одномъ концѣ сбереженныя средства къ существованію, тогда какъ на другомъ концѣ соціальной лѣстницы были бы устранены слишкомъ большія накопленія и колоссальныя богатства, вмѣстѣ съ государственными синекурами.

Гніеніе массъ было бы остановлено укрѣпленіемъ простой семейной жизни, презрѣніемъ къ кабацкому безпутству, а также ограниченіемъ роскошествующей индустриіи. Господство каналы, отмѣченное нами, какъ, по меньшей мѣрѣ, частично существующее явленіе, при такихъ обстоятельствахъ прекратилось бы само собою; ибо оно прививается только на почвѣ сдѣлавшей уже успѣхи развращенности массы. На почти принципиальный преступный режимъ, какой мы, въ наиболѣе развитой формѣ, отмѣтили во Франціи, не было бы даже и самага слабаго намека; ибо не только сознаніе абсолютной силы карающаго уголовного права вновь стало бы твердымъ

и было бы обеспечено, но и идея, и практика пошли бы еще дальше, нормируя отношенія, недоступныя прежде для обращенія къ совѣсти и праву.

Еврейскій же режимъ, стоящій всего ближе къ культу преступленія и еще усиливающей его, уничтожился-бы вмѣстѣ съ отстраненіемъ евреевъ. Вмѣсто того чтобы сіонизировать евреевъ и такимъ образомъ дѣлать ихъ еще болѣе опасными для міра, пришлось бы ихъ прежде всего интернировать, собразно съ условіями данной страны. Какъ мы изложили въ № 174 „Персоналиста“, Россія должна была бы назвать этотъ еврейскій пароль не Сіономъ, а Сѣверной Сибирью. Для Франціи стало бы обязательнымъ водвореніе евреевъ въ Алжиръ, а о дальнѣйшей ихъ судьбѣ позаботились-бы, въ концѣ концовъ, арабы. Наконецъ, и въ другихъ странахъ также пришлось бы найти выходъ, такъ какъ дѣйствительное право не мирится съ вросшею въ его тѣло еврейской несправедливостью. Чѣмъ больше не хватаетъ этого дѣйствительнаго права, тѣмъ больше укрѣпляются въ зараженной средѣ общества и государства эти гнилостные паразиты. Гдѣ преобладаетъ подлинная идея права, тамъ для нихъ нѣтъ возможности оставаться, и разъ будутъ достигнуты и укрѣплены солидныя соціальныя отношенія, эти паразиты не смогутъ держаться уже по внутреннимъ основаніямъ, а внѣшнія мѣры противъ нихъ будутъ только само собою разумѣющимся слѣдствіемъ новыхъ отношеній. Что съ ними въ концѣ-концовъ будетъ, исчезнутъ ли они совсѣмъ или нѣтъ, за это не отвѣтственъ никто, кромѣ ихъ самихъ. Зачѣмъ въ бытіе проникло нѣчто такое, что по своимъ физическимъ и духовнымъ качествамъ должно было остаться въ вѣчномъ, непримиримомъ разладѣ съ человѣческимъ правомъ и человѣческимъ порядкомъ? Всякому роду существъ должны быть вмѣняемы его качества, и если бы другія народности поступали, какъ аналогичная евреямъ человѣконенавистническая раса, чего, однако, въ равной степени не существуетъ, то и онѣ заслуживали-бы той же участи и не имѣли бы права на продолжительное существованіе.

Не только настоящія хищныя животныя являются естественной несправедливостью, но, при болѣе глубокомъ пониманіи, несправедливостью является и хищничество вообще, если даже оно, какъ у человѣка, только примѣшано къ другимъ качествамъ и дѣйствуетъ вмѣстѣ съ ними. Историческая связь хищничества и политики должна быть уничтожена, разъ начнется режимъ дѣйствительнаго права. Колоніальный разбой и грабежъ, должны быть уничтожены; по крайней мѣрѣ, вмѣсто угнетенія должна пріобрѣсти нѣкоторое правовое значеніе федеративная связь. Человѣческія права цвѣтныхъ расъ на неприкосновенность должны быть провозглашены безъ всякихъ урѣзокъ. Колоссальнымъ жертвамъ торговаго хищничества нужно будетъ придти на помощь (я говорю объ Индіи), причемъ придется уничтожить англійскую деспотію. Если исторія вступитъ на этотъ путь

дѣйствительнаго права, то нынѣшнее международное право съ его лицемѣріемъ и преступленіями исчезнетъ съ лица земного шара и дастъ мѣсто истинной международной справедливости.

5. Во внутреннихъ отношеніяхъ равнымъ образомъ должны исчезнуть всякое хищничество и барышничество, всюду—отъ государства до пролетаріевъ и пролетарскихъ блоковъ. Положительнымъ-же принципомъ, который нужно поставить во главѣ всего, будетъ во всѣхъ отношеніяхъ свободная конкуренція. Уже естественно—логически свободная конкуренція является дѣйствительнымъ обузданіемъ эгоизма одного черезъ эгоизмъ другого. Она создаетъ, независимо отъ воли отдѣльной личности, важное право, которое должно повсюду остаться неотчуждаемымъ, т. е. оно не должно быть устраняемо никакими взаимными обязательствами. Союзы здѣсь наиболѣе опасны; и самые большіе союзы, т. е. государства и союзы государствъ должны здѣсь прежде всего проявить инициативу въ искорененіи несправедливыхъ, такъ называемыхъ, покровительственныхъ и запретительныхъ мѣръ. Напримѣръ, единственнымъ оправданіемъ индустріальныхъ пошлинъ, рассчитанныхъ на затрудненіе конкуренціи, является враждебная инициатива другихъ государствъ, т. е. необходимость со своей стороны репрессалій противъ чужеземной враждебности.

Эту сущность дѣла,—чтобы напомнить здѣсь объ одномъ важномъ сочиненіи,—подробно изложилъ, сообразно съ нашимъ понятіемъ о справедливости, Эмиль Дэль, преимущественно въ своей II тетради „Руководства къ изученію торговли“. Такимъ образомъ онъ косвенно исправилъ отношеніе къ этому вопросу Фридриха Листа, которое было, собственно, просто продиктовано вліяніемъ англійской исторіи и, кстати замѣтить, обладало отвратительной основной ошибкой: здѣсь восхвалялись колониальныя завоеванія и насилія надъ цвѣтными или иными аборигенами колоній. Весьма важно, чтобы именно въ торговыхъ кругахъ экономическая справедливость была дедуцирована изъ ея послѣднихъ основаній, неослабно защищалась и распространялась повсюду.

Что касается совершенно общаго пониманія принципа свободной, т. е. не затрудненной искусственно, конкуренціи, то мы именно въ настоящемъ сочиненіи такъ его изложили, что теперь онъ говоритъ гораздо больше, чѣмъ это было во всѣхъ его прежнихъ формулировкахъ. Послѣднія ограничиваются внутренней свободой профессій и внѣшними торговыми сношеніями. Мы же принимаемъ въ расчетъ и всѣ тѣ нарушенія принципа, которыя исходятъ отъ союзовъ и коллективностей. Французская революція отмѣнила ремесленные цехи. Это было важной вещью и должно быть признано такой безъ всякихъ ограниченій. Дѣло это нашло для себя полныя и частичныя подражанія, но само по себѣ было еще недостаточно. Во первыхъ, не всѣ корпоративныя учрежденія подверглись паденію, и академіи, напримѣръ, по

справедливости кассированная революціей, были вновь возстановлены реакціей, поддержанной Бонапартомъ. Во вторыхъ, только ремесленная заскоружность была мѣркой при этомъ уничтоженіи цеховъ, и не было никакой болѣе глубокой правовой идеи, которая вліяла-бы принципиально и дальше и закрѣпила-бы на будущее время антицеховой строй. Въ наше время такъ называемый синдикализмъ большихъ рабочихъ союзовъ есть также ничто иное, какъ новый цеховой наростъ, который для свободы будетъ еще болѣе опасенъ, чѣмъ формы *ancien régime*'а. Англійскіе Trade Unions являются уже полнымъ примѣромъ такого соціальнаго зла и такого окончательнаго окостенѣнія.

У насъ привыкли къ названіямъ промышленныхъ обществъ и вообще коалицій; но, вѣдь, за всѣми этими соціальными объединеніями по спеціальностямъ и профессіямъ, временными или продолжительными, отнюдь не скрывается ничего, кромѣ стремленія исключить свободную конкуренцію. Мы говорили уже о томъ, какъ при этомъ, въ концѣ концовъ, союзы рабочихъ и союзы предпринимателей вступаютъ въ двойные ринги, неограниченной властью которыхъ обирается потребляющая публика. Государства обязаны изыскать мѣры, какъ противъ всякихъ ринговъ и заговоровъ съ цѣлью повышенія цѣнъ, такъ и противъ ихъ спеціальныхъ формъ. Все это проще всего осуществляется черезъ категорическое законодательное запрещеніе сговоровъ, исключающихъ конкуренцію. Подобныя взаимныя обязательства, — на примѣръ, въ извѣстной области не предлагать ничего потребляющей публикѣ или опредѣленнымъ образомъ повысить цѣны, — такія обязательства не только должны быть объявлены передъ судомъ съ точки зрѣнія права лишенными силы со всѣми ихъ послѣдствіями: они должны быть еще подведены подъ категорію преступленій, публично наказуемыхъ. И денежныя взысканія для такого рода проступковъ отнюдь не достаточны. Наконецъ, дѣло должно быть поставлено такъ, чтобы подобныя затѣи и манипуляціи считались дѣломъ, марающимъ честь.

6. Изъ Англій появились эти модные фасоны, въ которые облеклись на материкѣ и повсюду въ мірѣ союзныя и цеховыя организаціи, по возможности ослабляющія конкуренцію въ сферѣ предпріятій и труда. А Сѣверная Америка, т. е. опять-таки арена дѣятельности британской расы, стала для міра главной школой колоссальныхъ ринговъ. Къ рингамъ нельзя будетъ приступить вплотную съ уголовнымъ правомъ, даже съ большими наказаніями, чѣмъ простые денежныя штрафы, если не рѣшатся законодательнымъ путемъ бороться съ самымъ принципомъ, душащимъ конкуренцію, и съ связанной съ нимъ соціальной барышнической войной. Начать нужно уже со всякихъ практическихъ шаговъ, дышащихъ общественной враждебностью противъ отдѣльныхъ лицъ, т. е. прежде всего съ ввезенныхъ изъ Англій бойкотовъ, и нужно карать уголовнымъ порядкомъ за опороженіе и объ-

явленіе подь опалой личностей и предпріятій. И притомъ вовсе не нужно считаться съ тѣмъ, ссылается-ли такое опороченіе на вѣрныя или на лживыя факты. Въ случаѣ оклеветанія, которое не связано съ бойкотомъ, подобный вопросъ, конечно, имѣетъ полное значеніе; тамъ должно требоваться доказательство справедливости утвержденій. Но бойкотъ самъ по себѣ является при всякихъ обстоятельствахъ недопустимою формою дѣйствія и потому во всякомъ случаѣ долженъ подвергаться наказанію.

Въ аналогичномъ духѣ нужно дѣйствовать и противъ всякихъ союзническихъ стремленій, которыя сковываютъ неотчуждаемую свободу личности и конкуренціи. Однако, мы напоминаемъ здѣсь о томъ, при какой только основной политической предпосылкѣ согласны мы признать эти задачи государства въ его отрицательной государственной функціи. Именно, какъ показываетъ вся эта заключительная глава, мы предполагаемъ, что сначала въ различнѣйшихъ направленіяхъ укоренится правомѣрная воля, т. е. что во время дѣйствія правового протектората и послѣ подготовительной стадіи, имъ созданной, будутъ работать на пользу права всесторонне, а не только по отношенію къ отдѣльнымъ случаямъ. Но безъ предварительнаго кризиса правовой протекторатъ, опять-таки, немислимъ. По крайней мѣрѣ, при нынѣшнемъ состояніи правительствъ такой протекторатъ возможенъ только въ косвенной и частичной формѣ. Какъ могли-бы явиться личные покровители права или даже только что-либо, имъ аналогичное, если-бы ихъ пришлось искать между правительственными органами, которые по привычкѣ продолжаютъ обыкновенныя внутреннія и внѣшнія грабительскія процедуры. Нельзя на одномъ концѣ ввести въ силу дѣйствительное право, когда на другомъ концѣ дѣлается вещь, прямо ему противоположная, т. е. защищается несправедливость. Духъ вылить изъ одного матерьяла. Только при всесторонней борьбѣ рѣшительная защита права имѣетъ достаточныя шансы на успѣхъ. Иначе, могутъ получиться, въ лучшемъ случаѣ, лишь отдѣльныя, совершенно частичныя ограниченія союзническаго барышничества; радикально же вырвать зло подобною полумѣрой нельзя.

Поэтому, если мы и стачки причисляемъ къ тому, что въ концѣ концовъ должно быть устранено, то мы предполагаемъ уже высшій режимъ, обладающій достаточной моральною силой, такой режимъ, который иными способами обезпечить справедливыя цѣли стачекъ и предоставить нѣчто лучшее въ замѣну дикой коллективной самопомощи. Уже теперь ясно, что нельзя изгнать ринговъ и тормазовъ со стороны предпринимателей, если не вмѣшаться законодательнымъ путемъ и въ стачки и не ограничить ихъ, по крайней мѣрѣ, спеціально мотивируемыми исключительными случаями, т. е. не ограничить ихъ до самой крайней степени. Если-же на лицо будетъ всесторонняя правомѣрная воля, т. е. фактически появится возможность высшей моральной инстанціи, то отпадетъ всякое основаніе и для послѣднихъ остатковъ стачечнаго режима.

7. Кто вѣритъ, что социальное развитіе могло-бы пойти само по себѣ отдѣльно и стать доступнымъ для дѣйствительнаго права, тому мы напомнимъ, что радикальное рѣшеніе надо искать какъ разъ въ чисто-политической области. Этотъ нашъ принципъ, слѣдовательно, рассчитываетъ на силу оружія; онъ не допускаетъ обмануть себя тѣмъ, что, будто-бы, и безъ измѣненія политическаго строя закономѣрная социальность могла-бы имѣть хотя-бы лишь умѣренные шансы на успѣхъ въ смыслѣ дѣйствительнаго права. Съ компасомъ права нужно справляться при всякихъ обстоятельствахъ и попытаться даже при существованіи старой грабительской политики внести возможные поправки въ отдѣльныя направленія общественнаго правового устройства. Кромѣ того, и право, культивируемое юристами, должно быть оформлено и трактуемо въ нѣсколько болѣе свободномъ и совѣстливомъ духѣ; но только, пока продолжаетъ существовать внѣшняя хищническая политика, состоянія, при частичныхъ улучшеніяхъ внутри ихъ, будутъ дѣлаться еще болѣе противорѣчивыми и будутъ принуждать къ радикальному лѣченію. Пока-же, т. е. до того, какъ приступлено будетъ къ единому общему рѣшенію политической и социальной проблемы, пусть не жалуются на отсутствіе логики и особенно на то, что для извѣстныхъ задачъ при такихъ обстоятельствахъ не можетъ быть точнаго и полнаго рѣшенія. Дѣйствительное право именно въ томъ и обнаруживаетъ свою послѣдовательность, что отнюдь не удовлетворяется отрывочными мѣрами.

Социальная область, какъ мы ее очертили въ предлагаемомъ сочиненіи, простирается прежде всего дальше противоположности труда и капитала. Эта противоположность—отнюдь не самая важная. Уже въ чисто экономической области оба класса производителей могутъ въ какой-либо дѣловой области вступить въ союзъ, чтобы обирать все общество, рассчитывающее на извѣстные продукты. И противоположность въ смыслѣ вооруженія, которую мы подробно охарактеризовали въ ранѣе выпущенномъ сочиненіи „Вооруженіе, капиталъ, трудъ“ и рационально изслѣдовали въ смыслѣ антимилиитаристическомъ, также не была достаточной, чтобы создать полное представленіе о размѣрахъ общественной и государственной проблемы. Социальное спасеніе, какъ мы его понимаемъ, по руководящей нашей идеѣ, простирается на все, что въ частной и публичной области грозитъ перейти въ варварство. Въ матерьялѣ, нами обработанномъ и связанномъ однимъ словомъ социальность, необходимо имѣлъ мѣсто выборъ, съ цѣлью довести до полной очевидности новыя характерныя черты нашихъ аксіомъ о справедливости.

Однако, чтобы привести примѣръ иного рода, обнаруживающій значеніе идеи социального спасенія, мы укажемъ на область, которой мы, правда, касались очень часто при случаѣ, въ формѣ замѣчаній, но еще не охарактеризовали ее въ связи съ прочими социальными отношеніями. Это—сферы здоровья, т. е. область цѣлостности тѣла и нервной системы, противъ ко-

торой все болѣе и болѣе вздымается шарлатанскій потокъ привилегированнаго, принудительнаго медицинскаго насилія. Искусственное зараженіе болѣзью при помощи прививки телячьей оспы, чѣмъ привѣтствуютъ вступленіе въ міръ новорожденныхъ, при всей его чудовищности и столѣтней практикѣ, поддерживаемой только принудительными наказаніями, является еще пустякомъ въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что теперь уже натворили медики въ области загрязненія крови разными сыворотками и что еще готовится ими для будущей принудительной своей работы. Бѣшенство, дифтеритъ, сифилисъ, ракъ,—только что не сумасшествіе, къ которому лучше всего была бы приложима такая работа,—были или должны быть прививаемы, и если одна модная прививка потерпѣла фіаско, вскорѣ появляется другая проституирующая науку вещица подобнаго-же сорта.

Никакія уродливыя выдумки и назойливость поповъ, даже чудотворящаго сорта, не шли такъ далеко и не были такъ опасны для человѣческаго рода, какъ указанное медицинское инфекціонное варварство, которое, со времени пастеровскаго перваго института по прививкѣ собачьяго бѣшенства въ Парижѣ и подобныхъ-же другихъ выступленій названнаго еврея, роскошно развилось на государственныя средства, въ видѣ особыхъ инфекціонныхъ институтовъ. Если, кромѣ такихъ прививочныхъ оргій, распространяющихся въ міръ при содѣйствіи бактерійной фантастики или безъ нея и навязанныхъ людямъ и скоту, принять въ расчетъ еще потакающія преступленію дикости такъ называемой психіатріи, то получается отчасти уже готовое, отчасти еще подготовляемое варварство практическаго и теоретическаго сорта,—варварство, настолько отвратительное, что съ первымъ изъ нихъ можно покончить только уничтожающими уголовными законами.

Вивисекція при этомъ является первымъ преступленіемъ, одновременно теоретическимъ и практическимъ. Поэтому всѣ указанные врачебныя приемы можно метафорически охватить однимъ общимъ выраженіемъ „вивисекція человѣчества“. И на самомъ дѣлѣ, человѣчскій родъ здѣсь вивисецируется, не только въ отдѣльныхъ личностяхъ, но и какъ общее цѣльное тѣло, и подпадаетъ медицинскому произволу и варварству. Слѣдовательно, и въ этой области можетъ помочь только правомѣрная воля въ нашемъ смыслѣ слова; и эта воля не только покончитъ со всякимъ медицинскимъ принужденіемъ, т. е. не только оградитъ публику отъ указанныхъ тѣлесныхъ насилій, но должна будетъ защитить запрещеніями и уголовными наказаніями животное и человѣка противъ всякой подобной практики, вмѣсто того, чтобы, какъ теперь, роскошно отпускать средства на большую часть такихъ манипуляцій изъ денегъ, собранныхъ путемъ налоговъ. Итакъ, и разобранное весьма важное обстоятельство обнаруживаетъ, насколько собственно политика неотдѣлима отъ вещей, повидимому, исключительно соціальнаго порядка.

8. По отношенію къ будущимъ состояніямъ нужно такъ-же хорошо различать другъ отъ друга политическія и соціальныя измѣненія, какъ и оцѣнивать ихъ необходимыя взаимныя соотношенія. Если подумать о разнообразіи соціальныхъ фантазмовъ о будущемъ, не заботящихся о будущемъ политическомъ строѣ, то легкомысліе подобныхъ порожденій фантазіи покажется тѣмъ болѣе страннымъ, что уже простая перемѣна политическаго строя является подлинно трудной задачей. Обезглавливаніе королей и вообще устраненіе династій мало что значитъ, если на мѣсто власти прежнихъ господъ является власть другихъ элементовъ, которые обзаводятся почти тѣми-же атрибутами власти, т. е. сохраняютъ всѣ прежде изобрѣтенныя орудія власти и пользуются ими въ своихъ цѣляхъ. Послѣдняго рода вещь уже свыше столѣтія на самомъ дѣлѣ совершается во Франціи, наиболѣе образцовой странѣ въ смыслѣ перемѣнъ строя. Подъ конецъ, еврейство овладѣло тамъ орудіями власти и въ этой позиціи самымъ основательнымъ образомъ обираетъ народъ и государство. Кромѣ того, нѣтъ никакого яснаго представленія о томъ, что еще должно случиться послѣ всѣхъ этихъ прецедентовъ; ибо такая юдореспубликанская, чтобы не сказать для комизма,—юдоаристократическая форма правленія должна быть названа скорѣе варварскимъ хаосомъ, нежели политическимъ строемъ въ серьезномъ смыслѣ слова.

Да и какая польза починять формы строя, если матерьялъ, т. е. еврейскій матерьялъ, остается тотъ-же самый! Этотъ матерьялъ должно было-бы интернировать въ Алжирѣ и такимъ образомъ отдѣленіемъ евреевъ отъ государства франковъ отвѣтить на еврейскія шутки, поверхностно кропавшія отдѣленіе церкви отъ государства. Изъ такого требованія видно, что болѣе важенъ вопросъ что, нежели вопросъ какъ—разумѣется, при предположеніи только, что средства хороши. Нельзя отстоять истиннаго права и нельзя вкоренить соотвѣтствующей ему правомѣрной воли, пока противъ нея стоятъ тормозящіе дѣло расовые элементы. Послѣднее имѣетъ силу не только для Франціи и для русской будущности, но и для всего міра.

Поэтому правовой протекторатъ, который не сумѣлъ-бы одержать верхъ надъ еврействомъ, не былъ-бы протекторатомъ. Вмѣсто того, чтобы заниматься преждевременно вопросами о строѣ, лучше сдѣлаютъ, если сначала пересмотрятъ матерьялы и содержаніе нынѣшнихъ государствъ и обществъ и рѣшатъ, что можетъ остаться и что должно исчезнуть. Хищническія сословія должны очистить мѣсто и исчезнуть точно такъ-же, какъ и вообще все то, что въ сферѣ расы практикуетъ хищничество и обирание. Равнымъ образомъ должны быть уничтожены классы, живущіе обманомъ, а тамъ, гдѣ ихъ функція была необходима, ихъ нужно замѣнить лучшими органами. Напримѣръ, вредное интеллигентское вліяніе будетъ сильно ограничено, такъ какъ цеховое и государственное существованіе интеллигенціи падетъ вмѣстѣ съ соотвѣтствующими корпораціями.

Могутъ возразить, однако, что государство, все-же, должно удержать кое-что для своихъ собственныхъ ближайшихъ цѣлей. Конечно, оно будетъ пользоваться юристами и врачами, какъ оно пользуется офицерами. Но все это будетъ оставаться въ тѣсно размѣренныхъ границахъ, и если государство устроить для своихъ собственныхъ цѣлей институты технического образованія, чтобы не зависеть отъ частныхъ лицъ, то отсюда не должно еще получиться нынѣшней несправедливости, когда рядомъ съ этимъ давится свободное преподаваніе. Государство не имѣетъ иной задачи, кромѣ уничтоженія преступленій, прежде всего внутри себя, а затѣмъ и во внѣшней сферѣ. Съ точки зрѣнія нынѣшнихъ отношеній это—уже довольно обширная задача, а именно, это есть попеченіе о юстиціи и юристахъ, о воинахъ и о военныхъ врачахъ вмѣстѣ съ необходимыми здѣсь финансовыми операціями. Около этого центра группируется и многое другое, вродѣ полиціи безопасности и остальной полиціи. Итакъ, къ сожалѣнію, нельзя ожидать, что государство останется безъ сферы приложенія, пока еѣ питаетъ преступлене, дѣлающее государство необходимымъ зломъ.

Гдѣ государство дѣйствуетъ съ положительными и безвредными цѣлями, тамъ оно не составляетъ для насъ вопроса, такъ какъ мы имѣемъ въ виду лишь преступленіе и его ростъ до степени варварства. Если государство въ смыслѣ охраны функціонируетъ достаточно хорошо и такимъ путемъ достигаетъ цѣлей свободы, вмѣсто того, чтобы имъ вредить, то оно хорошо устроено, и вопросъ объ особенной формѣ строя ставить не приходится. Представительство и выборы являются тогда способами выраженія хорошихъ качествъ націи и общества,—если только, конечно, вредныя клики не пользуются ненадлежащимъ господствомъ, чтобы не оставить избирателямъ иного выбора, кромѣ какъ навязанныхъ имъ кандидатовъ.

При всемъ томъ, образованіе какого-либо новаго строя является всегда трудною вещью, какъ уже научила тому французская революція. Соперничества въ достиженіи власти, и притомъ—кровавыя соперничества, въ которыхъ революціонеры уничтожаютъ другъ друга, имѣютъ мѣсто даже тогда, когда есть на лицо конвентъ, избранный всею націей, конвентъ, которому повинуется военная сила. Если-же въ хаосѣ дѣло доходитъ до приведенія въ дѣйствіе техники военнаго насилія, тогда строй превращается въ милитаристскій, какъ въ новѣйшія времена показалъ въ особенности бонапартизмъ. Конечно, не исключается возможность того, что мощь солдатскаго вождя и чувство права, въ видѣ исключенія, соединятся въ одномъ лицѣ; но такіе шансы, на которые и мы рассчитываемъ, остаются скудными и умѣренными, пока слишкомъ мало сдѣлано для подготовленія дѣйствительно правомѣрной воли.

9. Если уже перспективы политическаго строя оказываются вовсе не мелкими и трудно опредѣлимыми, какимъ-же образомъ представленія объ измѣненіяхъ соціальнаго строя могутъ принять опредѣленныя формы? Эти

представленія еще болѣе фундаментальны, и въ соціальной сферѣ соперничество въ достиженіи общественно - властныхъ положеній бываетъ гораздо болѣе жестокимъ и кровавымъ. Размалеванныя схемы и картины будущаго, будутъ онѣ нелогично-вздорными или нѣтъ, для дѣйствительно понимающихъ дѣло уже и теперь являются вещами, надъ которыми смѣются. Если-бы тутъ дѣло было только въ глупости, то такіе варианты смѣлаго общественнаго творчества могли - бы давать пищу юмору. Но, вѣдь, не только невольный обманъ, но еще въ большей степени намѣренная и заинтересованная ложь принимаютъ участіе въ этихъ калейдоскопическихъ комбинаціяхъ. Это обстоятельство портитъ шутку, такъ какъ оно напоминаетъ о преступныхъ стремленіяхъ, идейно воплощающихся въ расписываніяхъ будущаго, имѣющихъ въ виду рано или поздно загребать мошенническіе барыши.

Поэтому воздержаніе отъ формулированій будущихъ состояній, поскольку они выходятъ за предѣлы дѣйствительно обозримыхъ формъ и общихъ характеристикъ, вполне здѣсь уместно. Но, конечно, можно указать на руководящія принципы, отъ удержанія или отверженія которыхъ зависятъ счастье и горе народовъ. Мы обязаны были достаточно полно охарактеризовать наши понятія объ универсальномъ правѣ, чтобы изъ нихъ можно было вывести больше политическихъ и соціальныхъ слѣдствій, чѣмъ это могли сдѣлать мы сами въ наиболѣе знакомыхъ намъ направленіяхъ. Мы еще разъ напоминаемъ о томъ, какъ важно не оставаться при одной критикѣ государства, но взять за рога всю область сообщничества. Въ сообщничествѣ заключается больше зла и барышничества, чѣмъ во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ хищническихъ учрежденіяхъ, накопленныхъ тысячелѣтней исторіей. Съ этой нашей новой точки зрѣнія мы осудили всякій коллективизмъ; ибо въ своихъ новыхъ союзническихъ или какихъ-нибудь иначе проектированныхъ формахъ онъ даетъ не лучшее общество, а наоборотъ—усиленную форму варварства.

Разумъ и право—эта двойственная сила человѣка въ ея суверенной формѣ была для насъ всегда не только теоретическимъ компасомъ во всемъ, но и практически служила единственно надежнымъ направленіемъ. Эта сила въ своей двойной роли окажетъ еще помощь человѣчеству, охраняя его отъ полнаго и продолжительнаго погруженія въ соціально-хаотическое варварство, поскольку вообще можно предвидѣть что-либо подобное. Пусть предварительно образуется только кругъ избранныхъ, обладающихъ правосознаніемъ, и, пользуясь своими лучшими качествами, прямо намѣтитъ дальнѣйшія цѣли и идеалы; тогда и явится благотворное новое состояніе; такое зерно станетъ по меньшей мѣрѣ, ручательствомъ за то, что не вся жизнь народовъ и человечества подпадетъ порчѣ.

Въ античныя времена варварскимъ называлось все то, что не принадлежало къ двумъ лучше одареннымъ націямъ. Теперь уже нѣтъ такой про-

тивоположности, и нельзя вновь создать никакого подобного национализма, даже только чего-либо, аналогичного ему. Но зато существует варварство въ другомъ смыслѣ, а именно, въ смыслѣ отсутствія тѣхъ качествъ, которыя способны вступить за подлинное, всюду достаточное, право. На первомъ планѣ заботятся, вѣдь, вовсе не о формахъ политическаго и соціального строя, но подъ этими только названіями—о продолженіи и усиленіи формъ варварства. Все, что ищетъ защиты для себя и для человѣчества отъ этихъ формъ варварства и во имя упомянутой двойственной силы разума и права, все, что возстаетъ противъ такихъ уродливыхъ состояній, — все это будетъ принадлежать къ кругу избранныхъ, тогда какъ все, противодѣйствующее ему, должно третироваться, какъ варварская обструкція лучшему режиму.

Приложеніе.

I. Сочиненія Е. Дюринга.

1. Преимущественно пропагандистскія.

Персоналистъ и эманципаторъ (подъ этимъ названіемъ—съ октября 1899 г.) Nowawes-Neuendorf близъ Берлина. Двухнедѣльный органъ, посвященный активному духовному руководству и направленный противъ испорченной науки (**Personalist und Emancipator**).

При посылкѣ бандеролью по 1 маркъ 70 пфенниговъ за четверть года. Абонементъ почтой. (Также прежніе полные экземпляры за четверть года; номера же предшественника „Персоналиста“, журнала „Духъ современныхъ народовъ“ (**Der moderne Völkergeist**), начиная съ іюля 1898 г., по 1 м. 60 пф.). Посылка по поступленіи подписной суммы или съ наложеннымъ платежемъ. По желанію могутъ быть высылаемы и другія сочиненія автора, находящіяся у издателя „Персоналиста“. Адресъ: Personalist-Verlag Ulrich Dühring, Nowawes-Neuendorf bei Berlin.

Въ „Персоналистѣ“ представлено все, что служило цѣлью стремленій автора приведенныхъ ниже сочиненій, и изложено какъ въ отдѣльныхъ самостоятельныхъ статьяхъ, такъ и въ живой связи съ текущей политикой и литературой, насколько это возможно сдѣлать въ преимущественно популярной формѣ, но безъ вреда для основательности и глубины, для болѣе широкой публики. Такимъ образомъ изложены многія принципиально важныя дополненія къ прежнимъ основнымъ сочиненіямъ. Журналъ не ограничивается общимъ социальнымъ вопросомъ и антигебраизмомъ или политикой и литературой въ обычномъ тѣсномъ смыслѣ слова, но представляетъ собою ему одному свойственное цѣльное духовное руководство. При случаѣ онъ разбираетъ и спеціальные естественно-научные вопросы, вопросы критико-и анти-медицинскіе, такъ же какъ и вообще все замѣчательное для общей фізіономіи науки и для борьбы со всею міровой intellectuaille. Послѣдняя—и это есть новая точка зрѣнія—анализируется и разоблачается какъ ученое жречество и инквизиція. Независимый отъ всѣхъ партій и критическій по отношенію къ нимъ, журналъ даетъ почти лишь то, что не встрѣчается въ другихъ мѣстахъ или не выражается съ равной силой. Тогда какъ отдѣль-

ные номера преимущественно содержатъ нѣчто новое и интересное для даннаго момента, все вмѣстѣ является внутренне систематизированнымъ, объединяющимъ цѣлымъ. Поэтому, будучи приспособлено къ періодическимъ потребностямъ минуты, изданіе, однако, рассчитано не только на данный моментъ, но и на далекое будущее и представляетъ собою не только разработку, но и удобнѣйшее введеніе въ прочія сочиненія автора. Оно концентрируетъ въ разнообразномъ освѣщеніи всѣ идеи новой системы дѣйствія, названной персонализмомъ, и идеи, которыми обладаетъ сознание, вооруженное всѣмъ для духовной и политической свободы,—и притомъ это сдѣлано не только въ статьяхъ, собственноручно подписанныхъ авторомъ этого сочиненія, или въ статьяхъ, написанныхъ членами его семьи.

Замѣна религіи ученіемъ болѣе совершеннымъ (*Der Ersatz der Religion durch Vollkommeneres*) и уничтоженіе всякаго азіатизма. Третье, переработанное изданіе. Leipzig, 1906. Theod. Thomas. Mk. 4.50.

Еврейскій вопросъ (*Die Judenfrage*), какъ вопросъ расоваго характера и его вредности для существованія народовъ, ихъ нравовъ и культуры. Съ идейно-свободнымъ и практически-рѣшающимъ отвѣтомъ. Пятое переработанное изданіе. Nowawes-Neuendorf, 1901. Personalist-Verlag von Ulrich Dühning. (Посылка всюду свободно подъ бандеролью, по присылкѣ назначенной суммы или съ наложеннымъ платежомъ). Mk. 3.—, въ перепл. 3.60.

Относящееся къ еврейскому вопросу и теперь также находящееся въ издательствѣ „Персоналистъ“:

Des Juden Vaterland etc. Антисемитическая пародія на „*Des Deutschen Vaterland*“, Соч. Эмили Дюрингъ. 1898. (Mk. — .20.).

Вооруженіе, капиталъ, трудъ. (*Waffen, Capital, Arbeit*). Второе, совершенно переработанное изданіе. Leipzig. 1906. Theod. Thomas. Mk. 3.50.

Соціальное спасеніе—въ дѣйствительномъ правѣ, а не въ хищнической политикѣ и холопской юстиціи (*Sociale Rettung durch wirkliches Recht statt Raubpolitik und Knechtsjuristerei*). Leipzig, 1907. Theod. Thomas. Mk. 6.—

Высшее женское профессиональное образованіе и методъ преподаванія въ университетахъ (*Der Weg zur höheren Berufsbildung der Frauen und die Lehrweise der Universitäten*). Второе исправленное изданіе, съ прибавленіемъ главы объ основахъ самообразованія. Leipzig, 1885. O. R. Reiland. Mk. 2.—

Робертъ Майеръ—Галилей девятнадцатаго вѣка и преступленія ученыхъ противъ пролагающихъ новые пути научныхъ величинъ (*Robert Mayer der Galilei des neunzehnten Jahrhunderts*). Первая часть: Введеніе въ сочиненія и судьбу Майера. Съ портретомъ, вырѣзаннымъ на стали. Второе исправленное и дополненное изданіе. Leipzig, 1904. S. G. Naumann. Mk. 4.—

То-же. Вторая часть: Новый свѣтъ на судьбу и сочиненія. Leipzig, 1895. S. G. Naumann. Mk. 2.50.

Каждую часть можно приобрѣтать отдѣльно; обѣ части вмѣстѣ Mk. 5.75.

Дѣло, жизнь и враги. Основное сочиненіе и ключъ ко всѣмъ сочиненіямъ автора. Съ его портретомъ (**Sache, Leben und Feinde**). Второе, дополненное изданіе. Leipzig, 1903. C. G. Naumann. Мк. 8.—

2. Философскія.

Критическая исторія философіи съ начала ея до нашихъ дней. (**Kritische geschichte der Philosophie**). Четвертое, исправленное и дополненное изданіе. Leipzig, 1894. O. R. Reisland. Мк. 9.—

Философія дѣйствительности. Свободное отъ фантазмовъ изслѣдованіе природы и на справедливости основанный свободный порядокъ жизни. (**Wirklichkeitsphilosophie**). Leipzig, 1895. O. R. Reisland. Мк. 9.—

Логика и теорія науки. Полная философская система на суверенности разума основаннаго духовнаго руководительства. Второе, переработанное и дополненное изданіе. (**Logik und Wissenschaftstheorie**). Leipzig, 1905. Theod. Thomas. Мк. 10.—

Курсъ философіи, какъ строго научное міровоззрѣніе и оформленіе жизни. (**Cursus der Philosophie**). Leipzig, 1875 (распрод.). Мк. 9.—

Естественная діалектика. Новое логическое обоснованіе науки и философіи. (**Natürliche Dialektik**). Berlin, 1865 (распрод.). Мк. 4.—

Цѣнность жизни. Изслѣдованіе въ смыслѣ героическаго жизнепониманія. (**Der Werth des Lebens**). Шестое, вновь переработанное и дополненное изданіе. Leipzig, 1902. O. R. Reisland. Мк. 6.—

О времени, пространствѣ, причинности и о логикѣ анализа бесконечно-малыхъ (**De tempore, spacio, causalitate atque de analysis infinitesimalis logica**). Berlin, 1861 (распрод.).

3. Математическія и естественно-научныя.

Новыя основанія анализа, алгебры, исчисленія функций, въ связи съ геометрией; принципы реформы математики съ руководствомъ къ ея изученію и преподаванію. (Е. Дюринга и У. Дюринга). (**Neue Grundmittel und Erfindungen zur Analysis, Algebra, Functionsrechnung und Zugehörigen Geometrie**). Leipzig. O. R. Reisland. Мк. 12.—

То-же. Вторая часть: Трансрадикальная алгебра и рѣшеніе общихъ уравненій степени выше четвертой. Leipzig, 1903. O. R. Reisland. Мк. 4.—

Критическая исторія общихъ принциповъ механики (**Kritische Geschichte der allgemeinen Principien der Mechanik**). Философскимъ факультетомъ Геттингенскаго Университета удостоена первой преміи имени Бенеке. Съ руководствомъ къ изученію математическихъ наукъ. Третье, дополненное и отчасти переработанное изданіе. Leipzig. 1887. O. R. Reisland. Мк. 10.—

Сужденіе о книгѣ, данное Геттингенскимъ Университетомъ, не знавшимъ имени автора, таково:

„При самомъ полномъ и свободномъ обладаніи предметомъ и при удивительной широтѣ точнѣйшихъ познаній автора въ литературѣ не только разъяснены всѣ существенные пункты, но дано еще большое число болѣе мелкихъ изслѣдованій, которыхъ факультетъ не требовалъ, но которыя онъ принимаетъ съ благодарностью, такъ какъ они всюду служатъ къ болѣе полному пониманію предмета и свидѣтельствуютъ о великой любви и осмотрительности, съ какими авторъ самъ углубилъ свою задачу. Прекрасно выбранному, обильному матерьялу соотвѣтствуетъ и способность къ его обработкѣ. Тонкое же чутье къ ясному разграниченію матерьяла позволило автору бросить весьма поучительный свѣтъ исторіи на всю духовную физиономію эпохъ, на научный характеръ руководящихъ личностей и на послѣдовательное развитіе отдѣльныхъ принциповъ и теоремъ, чего факультетъ прежде всего и желалъ. Первоначальныя задачи, при изслѣдованіи которыхъ возникали каждый разъ новый принципъ или новая теорема, всюду воспроизведены съ полной наглядностью, а всѣ постепенныя преобразованія, которыя испыталъ каждый принципъ и каждая теорема, заботливо прослѣжены черезъ всѣ промежуточныя стадіи. Соприкосновеніе механическихъ идей съ философскими воззрѣніями нигдѣ не упущено изъ вида; оно не только развито въ особыхъ отдѣлахъ: тонкій философскій инстинктъ, руководившій авторомъ на этой почвѣ, ясно обнаруживается также и во множествѣ общихъ пояснительныхъ замѣчаній, искусно вплетенныхъ въ изложеніе механическихъ изслѣдованій. Пріятное впечатлѣніе отъ цѣлаго дополняетъ весьма простой, но богатый счастливыми оборотами языкъ. Видя себя съ полнымъ удовлетвореніемъ виновникомъ этой прекрасной работы, разрѣшившей вполнѣ задачу и превзошедшей многія второстепенныя ожиданія, факультетъ публично признаетъ автора достойнымъ *первой премии*.“ Мое сужденіе объ этомъ сужденіи находится во введеніи къ сочиненію, въ статьѣ: „Главные моменты внѣшней, первоначальной и послѣдующей исторіи“ этой работы (стр. XIV—XVI). Задача была поставлена и отзывъ составленъ, въ сущности, физикомъ Вильг. Веберомъ.

Новые основные законы рациональной физики и химии. Первая часть. (*Neue Grundgesetze zur rationellen Physik und Chemie*). Leipzig, 1878. O. R. Reiland. Мк. 3.—

То-же. Вторая часть, содержащая пять новыхъ законовъ, съ освѣщеніемъ появившихся послѣ первой части поддѣлокъ и яко-бы новыхъ открытій (Е. Дюринга и У. Дюринга). Leipzig, 1886. O. R. Reiland. Мк. 4.—

4. Народнохозяйственныя и персоналистически—соціалитарныя.

Критическая исторія національной экономіи и социализма съ начала ея до нашихъ дней. (*Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus*). Четвертое, вновь переработанное и сильно увеличенное въ объемъ издание. Leipzig, 1900. C. G. Naumann. Мк. 10.—

Курсъ національной и соціальной экономіи съ руководствомъ къ изученію ученія о народномъ хозяйствѣ и социализма (*Cursus der National—und Social—ökonomie*). Третье, отчасти переработанное издание. Leipzig, O. R. Reisland. Мк. 9.—

Критическое обоснованіе ученія о народномъ хозяйствѣ (*Kritische Grundlegung der Volkswirtschaftslehre*). Berlin, 1866 (распрод.).

Преобразование Кэри ученія о народномъ хозяйствѣ и соціальной науки. (*Careys Umwälzung der Volkswirtschaftslehre und Socialwissenschaft*). Двѣнадцать писемъ. München, 1865 (Распрод.) Мк. 2.50.

Унизители Кэри и кризисъ національной экономіи (*Die Verkleinerer Careys*). Шестнадцать писемъ. Breslau 1867. Trewendt. Мк. 3.—

Судьба моей записки о соціальномъ вопросѣ для прусскаго министерства. Къ исторіи авторскаго права и юридической практики (*Die Schicksale meiner socialen Denkschrift für das Preussische Staatsministerium*). Berlin, 1868 (распрод.) Мк. 1.—

5. Историко-литературныя.

Величины современной литературы. Популярно-критическое изложеніе съ новой точки зрѣнія. *Первая часть.*

Введеніе въ эпоху, предшествовавшую современной. Возобновленіе интереса къ Шекспиру. *Вольтеръ. Гёте. Бюргеръ.* Духовное состояніе въ 18-мъ вѣкѣ (*Die Grössen der modernen Literatur*). Второе, исправленное издание. Leipzig. 1904 C. G. Naumann. Мк. 6.—

То-же. Вторая часть: Принципы оцѣнки величинъ.—*Руссо. Шиллеръ. Байронъ. Шелли.*—Второстепенныя величины. Конецъ 19 вѣка. Leipzig, 1893. C. G. Naumann. Мк. 8.—

Объ части можно покупать отдѣльно; за объ вмѣстѣ. Мк. 13.—

Слишкомъ высокая оцѣнка Лессинга и его литературной дѣятельности. Съ критической теоріей драмы (*Die Ueberschätzung Lessings und seiner Befassung mit der Literatur*). Второе переработанное и дополненное издание. Leipzig, 1906. Theod. Thomas. Мк. 2.50.

II. Замѣчаніе къ списку сочиненій.

О плагиатахъ «Новыхъ основныхъ законовъ физики и химіи».

Приведенное въ списокъ сочиненіе „Новые основные законы“ и т. д. (первая часть) появилось въ маѣ 1878 года и тотчасъ получило черезъ книгопродавцевъ широкое распространеніе въ Германіи, а также, если принять въ расчетъ языкъ, и за границей. Кромѣ того, проспекты сочиненія уже раньше были разосланы многимъ специалистамъ и академіямъ въ Германіи и за границей. Въ этихъ проспектахъ былъ дословно формулированъ открытый моимъ сыномъ Ульрихомъ, а въ книгѣ имъ же снабженный полной теоріей и практическими приложеніями законъ соответствующихъ температуръ кипѣнія ¹⁾. Однако, единственная форма вниманія, которою ученые удостоили

1) Законъ этотъ, замѣчательный по своей простотѣ, касается математической зависимости между температурами кипѣнія различныхъ веществъ при измѣняющихся, но одинаковыхъ для всѣхъ веществъ давленіяхъ. Законъ гласитъ: „Разности температуръ кипѣнія какихъ угодно веществъ при нѣкоторомъ общемъ для всѣхъ веществъ давленіи, взятомъ за исходный пунктъ, и температуръ кипѣнія тѣхъ же веществъ при какомъ либо другомъ общемъ давленіи оказываются въ постоянномъ кратномъ отношеніи другъ ко другу“. (Neue Grundgesetze zur rationellen Physik und Chemie, erste Folge, S. 74). Напримѣръ, возьмемъ за исходный пунктъ температуру кипѣнія воды при нормальномъ давленіи. Это будетъ $+100^{\circ}\text{C}$. Ртуть при нормальномъ давленіи кипитъ при $+357^{\circ}\text{C}$. При давленіи, выражающемся въ 100 миллим. ртутнаго барометра, температуры кипѣнія будутъ $+52^{\circ}$ для воды и $+261^{\circ}$ для ртути. Разности температуръ кипѣнія будутъ для воды $100 - 52 = 48$, для ртути $357 - 261 = 96$. Отношеніе разностей равно 2. Если взять давленіе въ 30 миллим., то температуры кипѣнія будутъ $+29^{\circ}$ и $+215^{\circ}$, разности (считая отъ температуръ начальнаго давленія) 71 и 142. Отношеніе разностей опять равно 2. Итакъ для каждой пары веществъ можно найти множитель, позволяющій отъ разности температуръ кипѣнія одного вещества сразу переходить къ разности температуръ кипѣнія другого. Если t и t' суть температуры кипѣнія двухъ веществъ при одномъ давленіи, T и T' —при другомъ, то символически этотъ специфическій множитель можно изобразить такъ:

$q = \frac{T' - t'}{T - t}$. Дальтонъ, тщетно искавшій этого закона, ошибочно предполагалъ, что насыщенные пары всѣхъ жидкостей получаютъ одинаковыя упрукости при повышеніяхъ температуръ на одинаковое число градусовъ (правильно: на числа градусовъ, находящіяся въ простыхъ кратныхъ отношеніяхъ). Открытый У Дюрингомъ законъ далъ возможность автору его вывести изъ него рядъ интереснѣйшихъ слѣдствій, проливающихъ свѣтъ на молекулярное строеніе веществъ, на границу парообразования и т. д. Между прочимъ, на его основаніи можно построить точный инструментъ для измѣренія низкихъ температуръ (ригометръ), о которомъ Энгельсъ въ своемъ пресловутомъ „Anti-Дюрингъ“, со свойственною этому господину развязностью заявилъ, что новый инструментъ „послужитъ лишь для измѣренія невѣжественной дерзости г-на Дюринга“. Полное и притомъ нагло-развязное невѣжество оказалось, конечно, на сторонѣ г. Энгельса.

Перев.

книгу, состояло въ томъ, что они весьма охотно ее покупали, но въ то же время, какъ будетъ ясно показано ниже, пытались еще, какъ говорится, купить и ея новое содержаніе. Они молчали дни и годы насчетъ сочиненія въ специальныхъ журналахъ, а на словахъ ими былъ данъ другъ другу тотъ пароль, что въ сочиненіи, будто бы, ничего новаго не содержится, что все въ немъ содержимое можно прочесть всюду, и что я совершенно оскандалился съ этимъ сочиненіемъ. Это было одной стороною любезнаго поведенія ученыхъ, общая моральная ихъ фізіономія въ прежнихъ знаменитыхъ случаяхъ стала лучше знакома и видна болѣе широкой публикѣ со времени появленія моей книги о Робертѣ Майерѣ. Другая, еще менѣе достойная сторона, тѣсно связанная съ первой, также вскорѣ обнаружилась сначала въ Германіи, а потомъ и за границей. Примѣры приведены мною ниже, но лишь такіе, которые касались меня самого меньше, чѣмъ специально закона соответствующихъ температуръ кипѣнія, закона, столько же простого, сколько важнаго и потому, очевидно, болѣе понятнаго и крайне удобнаго для явнаго присвоенія. Я же, съ своей стороны, достаточно уже привыкъ къ благороднымъ манерамъ ученыхъ, къ замалчиванію и обворовыванію моихъ сочиненій, и мнѣ было бы слишкомъ долго слѣдить въ подробностяхъ за подобными вещами.

Прежде всего одна часть закона соответствующихъ температуръ кипѣнія была представлена мюнхенской академіи профессоромъ Винкельманомъ въ сообщеніи, сдѣланномъ членомъ академіи, профессоромъ фонъ-Жолли (v. Jolly), подъ видомъ новаго, якобы г. Винкельманомъ открытаго, закона, въ юнѣ 1879 г.; сообщеніе было обнародовано въ запискахъ академіи въ формѣ мемуара г. Винкельмана. Конечно, протестъ, посланный моимъ сыномъ, профессоръ фонъ-Жолли принять отказался. Ставъ смѣлѣе, г. Винкельманъ позже въ одномъ мемуарѣ Видемановыхъ „Анналовъ Физики“ (Т. IX, 1880) присвоилъ себѣ все существенное содержаніе закона соответствующихъ температуръ кипѣнія подъ прикрытіемъ неважнаго измѣненія и увѣнчалъ еще всю эту процедуру тѣмъ, что публикѣ объявилъ самый законъ, въ то же время, какъ очевидно невѣрный. Въ этомъ случаѣ моему сыну удалось, все-таки, напечатать статью въ защиту своего закона въ тѣхъ же Анналахъ (Т. XI, 1880). Особенно комичнымъ доказательствомъ полной несамостоятельности г. Винкельмана было то, что онъ заимствовалъ у насъ совершенно случайный исходный пунктъ вычисленія, а именно, -100° С., какъ границу испаряемости воды.

Полностью законъ, безъ тѣни какого либо измѣненія, былъ представленъ въ февралѣ 1880 г. парижской академіи наукъ членомъ академіи, извѣстнымъ химикомъ Г. Сэнъ-Кларъ-Девиллемъ, какъ новое открытіе нѣкоего г. П. де-Мондэзира; соответствующая статья г. Мондэзира тогда же появилась въ „Comptes rendus“. Затѣмъ законъ моего сына былъ incognito,

въ видѣ французскаго открытія, перенесенъ въ нѣмецкіе специальные журналы, противъ чего сынъ мой протестовалъ прежде всего въ журналѣ „Chemisches Centralblatt“ (декабрь 1880 г.). Тотъ же протестъ, на французскомъ языкѣ, былъ посланъ секретарю французской академіи съ просьбой помѣстить его въ Comptes rendus. Протестъ былъ принятъ, но только съ искаженіемъ словъ и смысла (также въ декабрь 1880 г.), такъ что сынъ мой не отвѣтственъ за подсунутое ему тамъ пониманіе дѣла.

Позднѣе къ названнымъ лицамъ присоединились еще другія и вступили съ ними и между собою въ торгъ насчетъ пріоритета въ дѣлѣ присвоенія. Такъ, на примѣръ, и голландскій профессоръ Ваальсъ, и прусскій профессоръ Клаузіусъ по своему воспроизвели и, собственно говоря, исказили законъ подъ различными, но плохо прикрывавшими эти искаженія, масками. Послѣдній господинъ рискнулъ даже въ одной статьѣ (Annalen der Physik, Bd. XIV, 1881) указать на мнимую связь своего искаженія съ кажущимся творчествомъ въ томъ же направленіи прежнихъ ученыхъ, а именно, онъ сослался на первоначальный очеркъ Дальтона, а также на нѣкоторыя мелочи изъ той же области нѣкоего господина Гросганса; главное же дѣло состояло въ томъ, что обобщающій законъ, открытый уже въ 1878 году, былъ имъ нагло отодвинутъ въ сторону. Болѣе подробныя доказательства этого приведены въ нашей сообщенной написанной второй части „Новыхъ основныхъ законовъ“ (1886 года).

Съ тѣхъ поръ долгое время мы не считали нужнымъ особенно заботиться о томъ, что еще можетъ появиться подъ видомъ новыхъ „открытій“ того же закона. Но затѣмъ насъ почтила своимъ вниманіемъ пара английскихъ профессоровъ новѣйшей генерации: господа В. Рэмсей и С. Юнгъ. Они разбили законъ на бесполезные, большею частью негодные специальные законы, а въ концѣ 1885 года воспроизвели его существенную часть; въ этой искаженной формѣ, гдѣ имъ не принадлежало ничего, кромѣ искаженій, они выдали законъ за свое собственное открытіе и распространили въ мірѣ. Какая затѣмъ поднялась въ Европѣ форменная охота за закономъ среди специально заинтересованныхъ въ немъ ученыхъ, обнаружилъ новѣйшій французскій, совершенно особаго свойства, случай, по поводу котораго въ Видемановыхъ Анналахъ (т. LI, 1894) было помѣщено краткое чисто фактическое заявленіе моего сына. Именно, парижскій академикъ г-нъ Л. Кальетэ представилъ академіи (Comptes rendus, мартъ 1892 г.) законъ моего сына, притомъ точно въ той математической формулировкѣ, которая была дана сыномъ, но только выраженной другими буквами, подъ видомъ открытія нѣкоего господина Эдмона Коло (Colot). Кромѣ того, г-нъ Коло въ своей публикаціи, приведенной въ Comptes rendus, сослался еще на запечатанный конвертъ, въ которомъ онъ будто-бы еще одиннадцать лѣтъ тому назадъ послалъ законъ академіи. Но вѣдь и это вышло бы

годъ спустя послѣ обнародованія закона г-номъ Мондэзиромъ и три мѣсяца спустя послѣ протеста моего сына, опубликованнаго въ тѣхъ же *Comptes rendus*.

Французская академія извлекла тогда изъ архивовъ протестъ моего сына, посланный когда то въ *Comptes rendus*, а назначенная ею комиссія вынудила ее признать приоритетъ моего сына, однако, приоритетъ былъ признанъ только въ формулированіи закона; г-ну же Коло было приписано указаніе на существованіе закона и повѣрка его (*indiquer et vérifier*), чѣмъ совершенно извращалось истинное положеніе дѣла; наконецъ, самое заявленіе моего сына предусмотрительно осталось ненапечатаннымъ и было замумизировано въ актахъ академіи (ср. *Comptes rendus*, январь 1894 г.). Вѣдь именно сынъ мой и указалъ на законъ въ *Comptes rendus*, т. е. въ официальномъ органѣ самой академіи (въ протестѣ противъ г. Мондэзира), а два года предъ тѣмъ провѣрилъ его подробно въ нашемъ сочиненіи; въ сравненіи съ этимъ Коло вмѣсто дѣйствительной провѣрки далъ только небрежное и недостаточное указаніе для читателя, совѣтуя дополнить недостающее собственными усиліями.

Полгода спустя послѣ этого вынужденнаго признанія нашего приоритета со стороны академіи, издателемъ Жаменова „*Cours de physique*“ г-номъ Бути въ редактируемомъ имъ „*Journal de physique*“ (Paris, августъ 1894), несмотря на все, снова было сообщено объ открытіи г-на Коло, безъ упоминанія нашего имени. Протестъ же моего сына, вмѣсто того чтобы помѣстить его нетронутымъ во всей цѣлости, еще болѣе красиво, чѣмъ академіей въ случаѣ съ Мондэзиромъ, превратили въ статью, укрѣплявшую г-на Коло въ вѣрѣ въ свое собственное открытіе, а сына моего назвали тамъ авторомъ плохого сочиненія, извращавшаго смыслъ закона. (*Journal de physique*, декабрь 1894 г.). Болѣе подробно объ этихъ Кальетэ-Колоттальныхъ происшествіяхъ можно прочесть во второй части моей работы о Робертѣ Майерѣ, вышедшей въ 1895 году, глава XV, 3—6.

Теперь достаточно хорошо видно, какъ приемы репродукціи становились все болѣе и болѣе интересными. Однако, они оказались еще не вполне достаточными; по отношенію къ намъ проблема открытія закона заднимъ числомъ осталась еще нерѣшенной. Изобрѣтеніе такого радикальнаго средства по отношенію къ другому нашему закону досталось на долю одному английскому джентльмену, коего несравненное дѣяніе не должно быть забыто, но должно быть награждено и упоминаемо въ будущемъ съ похвалой.

Прежде всего упомянутому выше опубликованію г-на Коло нужно приписать ту заслугу, что оно познакомило насъ тотчасъ-же съ г-номъ Юнгомъ (а съ нимъ вмѣстѣ косвенно и съ г-номъ Рэмсеемъ). Г-нъ Юнгъ, боясь превосходства мнимо-Колотовскаго закона, на который уже обратили вниманіе и въ нѣмецкихъ специальныхъ журналахъ, увидѣлъ себя вынужден-

нымъ вмѣшаться въ дѣло, хотя наши прежнія и новыя заявленія и защита закона соотвѣтствующихъ температуръ и были замолчаны обоими г-ми англичанами. Болѣе специальныя указанія объ этомъ можно найти прежде всего въ заявленіи моего сына въ „Zeitschrift für physikalische Chemie“ (Вд. XIII,—1894),—заявленіи, ограничившемся установленіемъ давняго приоритета и болѣе простого, но въ тоже время правильнаго и яснаго пониманія дѣла, а затѣмъ въ его же самымъ подробнымъ образомъ разработанномъ изложеніи закона, снабженномъ многочисленными таблицами и помѣщенномъ въ Видемановыхъ Анналахъ (Vd. LII, 1894).

Съ тѣхъ поръ оба англичанина въ течение семи лѣтъ ничего уже не публиковали изъ ихъ заднимъ числомъ составленныхъ формулъ, и только въ 1901 году г-нъ Рэмсей, а потомъ и г-нъ Юнгъ въ журналахъ и на конгрессахъ вновь осмѣлились на то же самое,—какъ будто бы ничего не случилось, и милая эра плагиатовъ пережита и забыта. Конечно, это было и есть не такъ. Но съ 1900 года мы уже не считали стоящимъ труда, такъ сказать, хоронить въ журналахъ противнаго лагеря (а намъ, вѣдь, все враждебно) болѣе или менѣе краткія статьи, только доказывавшія, самое большее, приоритетъ нашъ, но отнюдь не достаточныя для доказательства плагиата. Для этой болѣе узкой цѣли уже достаточно было сдѣлано, чтобы для болѣе тонкаго знатока совершенно ясно обнаружались не только похитители, но и укрыватели похищеннаго. И если у насъ подъ носомъ все время воровали, а въ публикѣ журналовъ, т. е. среди ихъ читателей не поднималось противъ этого никакого движенія, то въ концѣ концовъ все это только доказывало общее жалкое состояніе ученыхъ сферъ. Полагаясь на послѣднее прекрасное качество и на нашу сдержанность, г-нъ Рэмсей снова обрѣлъ свою безцеремонность, которой онъ не пускалъ въ ходъ въ течение цѣлыхъ семи лѣтъ, и пожелалъ вновь пуститься на старыя джигитскія штуки, въ видѣ отчасти собственнаго своего воровства, отчасти черезъ посредство разныхъ креатуръ, англійскихъ и иностранныхъ. Открытіе нѣсколькихъ химическихъ элементовъ, на которые его натолкнулъ случай и которые считаются его дѣтищами, очевидно, еще увеличило его безцеремонность. Какіе пустяки представляетъ собою хламъ подобныхъ химическихъ новостей, объ этомъ сынъ мой подробно писалъ въ нашемъ собственномъ журналѣ „Персоналистъ“ (апрѣль—декабрь 1904 г.), въ рядѣ статей подъ заглавіемъ „Десять лѣтъ шума о новыхъ химическихъ элементахъ“. Полнымъ удостовѣреніемъ неосновательности и легкомыслія собственныхъ теорій г. Рэмсея можетъ особенно служить то, что мы назвали бы радійнымъ опьяненіемъ этого джентльмена—открывателя. Его дальнѣйшія, уже въ поэзію и беллетристику впадающія химическія фантазіи самаго дикаго сорта, толкующія даже о смертности атомовъ, съ очевидностью разоблачены въ особыхъ статьяхъ „Персоналиста“ подъ названіемъ „Шумъ въ области сжи-

жения газов“, 1906 года, №№ 154 и 157. Натуры, которыя сами по себѣ способны почти только къ подобнымъ вещамъ, тамъ, гдѣ дѣло идетъ не о случайномъ открытіи, а объ изслѣдующемъ мышлении и съ помощью вычислений комбинирующемъ наблюдении, очевидно, вынуждены искать помощи своему убожеству посредствомъ находокъ и вырѣзокъ въ чужомъ мясѣ. Однако, вернемся отъ этихъ новѣйшихъ, нѣсколько предвосхищенныхъ нами обстоятельствъ къ послѣдовательному развитію хода дѣла и къ общей характеристикѣ сопровождавшихъ его обстоятельствъ.

Факты, изъ которыхъ мой сынъ вывелъ въ 1877 году свой законъ, были въ распоряженіи каждаго въ большомъ количествѣ и уже въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій; но лишь только было обнародовано открытіе, какъ отовсюду въ слѣдующіе года стали выскакивать открытія закона другими лицами, или же они оказывались спрятанными въ какомъ нибудь академическомъ углу до будущаго произростанія при позднѣйшихъ, быть можетъ болѣе благоприятныхъ, обстоятельствахъ. Мой сынъ не могъ открыть закона раньше, чѣмъ это случилось; ибо, когда факты уже были на лицо, онъ только еще родился и открылъ законъ этотъ, имѣющій большое значеніе для физики и химіи, на своемъ пятнадцатомъ году. И если, послѣ того какъ онъ увидѣлъ эту весьма широкую общую истину, которую тщетно искалъ за семьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ Дальтонъ, ее вдругъ научились видѣть и другіе, болѣе пожилые люди, хотя они должны были бы замѣтить ее давно уже, а нѣкоторые даже за два десятилѣтія до того,—такъ вѣдь это достаточно понятно само собою.

Въ подобнаго рода вещахъ получается часто еще больше комизма, когда начинается обратный ввозъ нѣмецкихъ оригинальныхъ товаровъ изъ-за границы, какъ это однажды было уже сдѣлано съ открытіемъ Р. Майера. Именно, мюнхенская академія во всемъ дѣлѣ съ плагиатомъ не только получила пальму первенства, но и попала въ наиболѣе комическое положеніе. При всей моральной серьезности дѣла она, какъ знаютъ читатели математической группы моихъ сочиненій, уже однажды дала поводъ къ насмѣшкамъ. Академія стараго города монаховъ поручила нѣкому д-ру Г. Бертольдъ написать исторію физики, и послѣдній не нашелъ ничего лучше, какъ инкогнито обратиться ко мнѣ, чтобы получить отъ меня планъ и матерьялы, что я, разумѣется, отклонилъ. Такимъ образомъ судьба помѣшала мюнхенской академіи попользоваться отъ отца; за то сынъ, какъ сказано, не ушелъ отъ нея въ полной цѣлости. Однако, и онъ уже раньше показалъ, что умѣетъ при нуждѣ обороняться противъ любителей поживиться изъ чужого огорода, и уже въ юношескомъ возрастѣ судьба слишкомъ мало готоваго къ оборонѣ Роберта Майера была ему яркимъ предостерегающимъ примѣромъ. И здѣсь, вѣдь, факты, на основаніи которыхъ Роб. Майеръ открылъ свою великую новую истину, были въ распоряженіи міра въ теченіе многихъ

уже десятилѣтій; но лишь только онъ обнародовалъ свое открытіе въ 1842 году, какъ въ слѣдующіе года въ Германіи и за границей отовсюду потянулся цѣлый обозъ новыхъ открывателей, докладчиковъ и истцовъ.

Въ случаѣ съ Р. Майеромъ къ хищеніямъ присоединилось еще особаго рода преступленіе ученыхъ, которое было хуже, чѣмъ преступленіе, совершенное надъ Галилеемъ, и которое было доведено до свѣдѣнія широкой публики въ моемъ сочиненіи о Р. Майерѣ (первая часть 1880 г., 2-е изд. 1904 г.; вторая часть 1895 г.). Р. Майеръ испыталъ еще особенную судьбу: десятилѣтія спустя послѣ его смерти новое изданіе его сочиненій попало во враждебныя руки, и такимъ образомъ онъ въ своихъ собственныхъ книгахъ подвергся поддѣлкамъ своихъ трудовъ и униженію своей личности, былъ засыпанъ и скрытъ отъ глазъ публики всякимъ литературнымъ соромъ. Въ виду этого мое сочиненіе о Р. Майерѣ остается до сихъ поръ единственнымъ достойнымъ его генія памятникомъ; но имѣетъ кромѣ того и болѣе общее значеніе, такъ какъ раскрываетъ глубокую нравственную испорченность и интеллектуальный упадокъ ремесленнаго ученаго класса и доказываетъ, что классъ этотъ играетъ нынѣ такую же роль, какую до него игралъ только классъ священниковъ. Слѣдовательно нечего удивляться, если всѣми средствами практикуемое и всѣми средствами затѣмъ защищаемое воровство или даже разбой по отношенію къ научнымъ заслугамъ и другія родственныя, еще болѣе „опрятныя“ штуки именно въ ученомъ классѣ разрастаются шире, нежели въ неученыхъ сферахъ обыкновенное воровство и прочія мошенническія продѣлки.

Кромѣ того, для полнаго пониманія ученыхъ манеръ новѣйшаго фасона нужно прибавить еще нѣсколько словъ по поводу тѣхъ пріемовъ, въ борьбѣ съ которыми защита научныхъ правъ дѣлается трудной или даже совершенно невозможной. Почти одновременно съ англійскими попытками родить законъ соотвѣтствующихъ температуръ кипѣнія (1885) нашъ, такъ называемый, землякъ г-нъ Кальбаумъ, позднѣе профессоръ физики въ Базелѣ, попытался засыпать и похоронить законъ подъ цѣлой кучей подлинно негодныхъ экспериментовъ. Сказанный неудачливый экспериментаторъ вздумалъ сдѣлать, по его мнѣнію, основательное нападеніе на нашъ законъ въ 1894 году, въ „Извѣстіяхъ Берлинскаго химическаго общества“. Возраженіе моего сына было принято только послѣ предварительной крайней его урѣзки (1894 годъ, стр. 3028); однако, для дѣйствительно знающихъ дѣло оно было достаточнымъ, даже уничтожающимъ по отношенію къ интеллектуальному дефициту противника, который въ своемъ собственномъ экспериментированіи,— т. е., если сдѣлать шуточный переводъ, въ своей попыткѣ къ обману, не обнаружилъ не только умѣнія считать, но и знанія азбуки изъ теоріи ошибокъ наблюденій. Только для глазъ и для поверхностнаго пониманія читателей упомянутаго органа, большею частью не—спеціалистовъ, былъ возможенъ еще

профессорскій кажущійся отвѣтъ, гдѣ г. Кальбаумъ пытался прикрыть слабость своихъ доводовъ высококомѣрными оборотами рѣчи, конечно, въ полной увѣренности, что внутри почтенной арены журнала противникъ не найдетъ столь же благопріятнаго вѣтра и солнца, т. е. не найдетъ для своего отвѣта такого же простора и слѣдовательно равнаго оружія. Послѣднее обстоятельство совершенно ясно обнаружилось уже въ указанной выше кастраціи первой защитительной статьи, а затѣмъ подтвердилось еще болѣе блестяще, когда, несмотря на все, уже совсѣмъ не было принято въ журналъ наше возраженіе, представлявшее контрастъ съ нападеніемъ г. Кальбаума по своему спокойному сдержанному тону и небольшому количеству страницъ (ср. *Berichte der Deutschen chemischen Gesellschaft, Jahrgang 1895, § 366*). А какъ указанный господинъ въ своихъ ссылкахъ приписывалъ еще моему сыну то, чего онъ не писалъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ статья сына въ *Zeitschrift für physikalische Chemie* (Bd. XXIX' 1899). Какія съ той же стороны появились еще чудовищныя искаженія и подтасовки, даже прямо наглая ложь съ кафедръ, о томъ мы рассказали публикѣ въ статьѣ „*Monstrecurios*“, въ №№ 92 и 93 „Персоналиста“ (августъ 1903 г.), а болѣе полно—въ статьяхъ *Naturwisserich'sche Giftbaumtschule* (№ 146, октябрь 1905 г. и позже); также укажемъ на первую часть „Роберта Майера“, 2-е изд., гл. XI, № 8, стр. 248.

Какъ великъ вообще страхъ передъ нашими „Новыми основными законами“, между прочимъ, обнаружилъ геттингенскій въ то время профессоръ Неристъ одною мелкою выходкой, которая могла бы быть названа увеселяющей, если бы, къ сожалѣнію, не наводила на серьезныя размышленія. Этотъ господинъ въ одномъ учебникѣ химіи и въ сочиненіи о точкахъ кипѣнія, неосновательно оспаривая законъ и болѣе чѣмъ обязательно восхваляя позднѣе приданныя ему формы, полностью цитируетъ наши „Основные законы“, но только въ заглавіи всюду вмѣсто основныхъ законовъ пишетъ основныя идеи. Такимъ образомъ въ глазахъ читателя указанныхъ книгъ наше сочиненіе подвергается милому униженію, а въ заглавіи прямо теряется сущность его содержанія. Что такія подтасовки въ заглавіяхъ вообще относятся къ разряду ученыхъ приемовъ, это вполнѣ удостовѣряетъ своего рода *corpus delicti*, содержащійся въ третьемъ томѣ (прежде) Поггендорфова Словаря исторіи точныхъ наукъ (Leipzig, 1898), Въ статьѣ *Dühning* (стр. 384) вмѣсто „Новые основные законы (*Grundgesetze*) и т. д.“ сказано: „Новые принципы (*Grundsätze*)“. При этомъ читатель можетъ подумать просто о бесплодныхъ философскихъ измышленіяхъ (напримѣръ, о нынѣшней обычной натурфило-околесицѣ), но нимало не помышлять о томъ, что дѣло идетъ объ открытыхъ вновь законахъ, а главное, объ ихъ построеніи на основаніи по новому использованныхъ фактовъ опыта и объ особеннаго рода комбинаціяхъ вычисленія.

Чтобы, хоть предварительно, завершить своего рода увѣнчаніемъ всѣ эти факты, сдѣлаемъ еще нѣсколько краткихъ замѣчаній насчетъ примѣровъ открытія заднимъ числомъ, уже провозвѣщенныхъ случаями, подобными случаю съ Колó. Эти открытія касались уже не закона соответствующихъ температуръ кипѣнія, но закона парціальныхъ объемовъ въ смѣси газовъ,— закона, обнародованнаго во второй части, „Новыхъ основныхъ законовъ“ въ 1886 году ¹⁾. Одинъ англійскій химикъ прежней генераціи г-нъ Альфредъ Ванклинъ (Wanklyn) выступилъ въ лондонскихъ „Chemical News“ (мартъ 1892 г.), указывая на тридцать одинъ годъ до того появившуюся статью и не называя насъ, съ закономъ, который онъ именовалъ „великою истиной“ (great truth). Его мнимо-вѣрное указаніе состояло, однако, только въ фактически невѣрныхъ, даже просто поддѣльныхъ ссылкахъ: старая статья, какъ разъ наоборотъ, вращается въ противоположныхъ новому закону, несовмѣстимыхъ съ нимъ и оспариваемыхъ нами Дальтоновыхъ способахъ представленія насчетъ природы газовыхъ смѣсей. Болѣе подробно объ этомъ—въ заявленіи моего сына (Chemical News, августъ 1894 г.) и въ „Робертъ Майеръ“ II (1895), гл. XV, № 9.

Лживое себялюбіе англичанина, пишущаго свое „Я“ съ большой буквы, побудило мелочное, но отнюдь не мелкое, тщеславіе французской академіи къ еще болѣе достойному подражанію. Академія дозволила г-ну А. Leduc— если и поздно, то зато полностью—представить законъ парціальныхъ объемовъ въ Comptes rendus, за январь 1898 г., какъ нѣчто новое и какъ новѣйшее французское открытіе. А чтобы у новаго открытія этого молодого Dux'a не было недостатка въ послѣдующихъ открывателяхъ того же самаго открытія, но уже заднимъ числомъ, извѣстный экспериментаторъ Амагà (Comptes rendus, іюль 1898 г.) такъ истолковалъ одну изъ своихъ фразъ въ объясненіи эксперимента 1880 года, что ее должно было разсматривать, какъ предвосхищеніе закона, хотя лишь въ его спеціальному случаѣ; при этомъ г. Амага совершенно излишне, хотя и характерно, позволилъ себѣ въ вѣрной передачѣ упомянутой (впрочемъ, ничего недоказывающей) фразы слово „Semblent“ молчаливо замѣнить усиливающимъ „paraissent“[†]. Болѣе подробно объ этомъ—въ статьѣ моего сына. „Еще одно

¹⁾ Этотъ законъ касается т. наз. „парціальныхъ давленій“ въ смѣси газовъ и обнаруживаетъ полную несостоятельность закона, обыкновенно помѣщаемаго въ учебникахъ физики, о томъ, что упругость газовой смѣси равна суммѣ упругостей газовъ, ее составляющихъ. Одинъ примѣръ поясняетъ дѣло. По опытамъ Наттерера (Poggendorff's Annalen, Bd 94, 1855 г., стр. 436 и слѣд.), воздухъ подъ давленіемъ 1000 атмосферъ занимаетъ только $\frac{1}{527,3}$ его объема при нормальномъ давленіи, такъ что одинъ килограммъ воздуха, занимающій при 0° и давленіи 760 мм. ртутнаго столба 773,28 литра, при давленіи въ 1000 атмосферъ занимаетъ только 1,4666 л. По обычному ложному представленію, послѣднее

предпріятіе по части поздняго открытія“, помѣщенной въ журналѣ „Moder-
ner Völkergeist“ за 1898 г., № 21. Вообще этотъ нашъ органъ, въ даль-
нѣйшіе года называвшійся „Personalist und Emancipator, Halbmonatschrift für
actionsfähige Geisteshaltung und gegen corrupte Wissenschaft“, содержитъ раз-
личныя статьи, дополняющія и продолжающія то, что здѣсь въ темѣ и въ
текстѣ только затронуто, и объединяющія все сказанное въ одну общую
картину испорченнаго ученаго состоянія.

Но довольно объ этомъ новѣйшемъ, но, повидимому, не послѣднемъ
случаѣ плагіата въ странѣ, гдѣ, кажется, хвастаются тѣмъ, что, помня о
тамошнемъ производствѣ лже-исидоровыхъ декреталій, идутъ во главѣ под-
дѣлокъ въ самыхъ различныхъ областяхъ и внутри самыхъ противополож-
ныхъ партій, гдѣ всемірною выставкой этого искусства просвѣщаютъ Европу
и человѣчество на превосходныхъ примѣрахъ. А что эта наша характери-
стика національно-французскихъ открытій и поддѣлокъ заднимъ числомъ
исходитъ не изъ дурного, т. е. несправедливаго къ другимъ народамъ, нѣ-
мецкаго націонализма, объ этомъ свидѣтельствуется не только то, что мы
изложили выше и въ другихъ нашихъ сочиненіяхъ, но и выведенный нами
насчетъ почтеннаго отечества суммарный результатъ; отечество наше при
всякомъ такомъ „открытіи“, а иногда и поддѣлкѣ, довольствуется у себя
дома даже болѣе неискусными и неловкими приемами, но отнюдь не можетъ
пожаловаться на недостатокъ благородной воли и милыхъ, хотя большею
частью къ уродливому выкидышу приводящихъ, потугъ подобнаго рода. И
мы не обойдемъ молчаніемъ новѣйшаго маленькаго происшествія, которое
мой сынъ долженъ былъ воспроизвести въ Анналахъ Видемана (Vd. LXII,
1897), хотя оно и не касалось указанныхъ выше двухъ главныхъ законовъ.
Именно, принципіальное приложеніе закона Авогадро и вообще усовершен-

давленіе должно составляться изъ 231,65 граммовъ давленія кислорода и 768,35 гр.
давленія азота. Соотвѣтствующія количества газовъ занимаютъ при нормальномъ давленіи
161,61 и 611,67 литра. Объемъ въ 1,4666 литра составляетъ $\frac{1}{110,2}$ и $\frac{1}{417}$ долю указан-
ныхъ объемовъ; чтобы произвести такое сжатіе обоихъ газовъ, нужно, по Наттереру, дав-
леніе 110,2 и 606 атмосферъ, такъ что сумма давленій выходитъ только 716,2 атмосферъ
вмѣсто предпоженной 1000, слѣдовательно, она должна быть увеличена почти на поло-
вину. Истинный законъ состоитъ въ слѣдующемъ: „объемъ смѣси равенъ суммѣ
объемовъ составныхъ частей при взятомъ давленіи“. Дѣйствительно
(если взять тотъ же примѣръ), при возвышеніи давленія отъ 1 до 1000 атмосферъ кисло-
родъ сжимается до $\frac{1}{594,8}$, азотъ до $\frac{1}{518,6}$ ихъ первоначальнаго объема. Значитъ, 231,65 гр.
кислорода, содержащіяся въ 1 кгр. воздуха, при давленіи въ 1000 атмосферъ займутъ объ-
емъ въ 0,2717 литра, а 768,35 гр. азота объемъ въ 1,1795 л. Сумма объемовъ выйдетъ
1,4512 л., что почти лишь на одинъ процентъ меньше числа 1,4666. Ошибка весьма не-
значительна и лежитъ въ предѣлахъ ошибокъ наблюденія (Neue grundgesetze, zweite
Folge S. 3).

Перев.

ствованныхъ законовъ газовъ къ не-газамъ, т. е. къ жидкостямъ и въ особенности къ твердымъ тѣламъ, въ первый разъ изученное въ нашихъ „Основныхъ законахъ“ (1886 г.), десять лѣтъ спустя было воспроизведено, какъ что-то совершенно новое и оригинальное, г-номъ Исидоромъ Траубе, но разумѣется, не безъ примѣси неточностей и ошибокъ (даже противъ обычныхъ свѣдѣній и давно изученныхъ фактовъ). На нашъ протестъ сказанный господинъ ограничился просто молчаніемъ; однако, и дальше онъ продолжалъ не называть источника и въ теченіе ряда лѣтъ выступалъ въ журналахъ и книгахъ со своими мнимыми открытіями; какъ мы недавно изложили въ № 149 „Персоналиста“, онъ дѣлалъ это еще въ 1905 году, какъ будто бы ему ничего не было поставлено на видъ. Впрочемъ, этого типа поведеніе упомянуто нами только мимоходомъ, такъ какъ оно крайне характерно для всей совокупности позорящихъ честь униженій, извращеній и урѣзываній въ области духа, исходящихъ также и со стороны благопріятствующихъ имъ, если не прямо прикрывающихъ ихъ журналовъ; и повидимому, такое поведеніе будетъ проявляться и дальше.

Если взглянуть на различные наши опыты, приведенные выше лишь въ видѣ краткаго реестра нѣсколькихъ случаевъ, выбранныхъ изъ всѣхъ, интимно намъ извѣстныхъ, и оцѣнить суммарно предстоящій прогрессъ и возрастаніе этого зла,—разъ дѣло пойдетъ такъ-же и дальше,—то придется, къ сожалѣнію, придти къ тому выводу, что когданибудь надо будетъ говорить не столько о состояніи знанія и о наукахъ, сколько, скорѣе, о научной грязи и подлости. Очевидно, послѣдними тремя десятилѣтіями 19-го вѣка начатъ эпизодъ упадка знанія, ученыхъ преступленій и ученаго варварства. Онъ былъ бы менѣе понятенъ, если бы ему не служилъ опорой политическій и соціальныи pendant по части дикости и многообразныхъ нарушеній права. Однако, созерцаніе солидарности и господства преступления въ самыхъ различныхъ областяхъ не помѣшаетъ выдѣлиться и встать на ноги лучшимъ элементамъ и тѣмъ болѣе не помѣшаетъ эмансипаціи отъ проституированной, даже въ каналью обратившейся, науки, имя которой уже заслуженно возбуждаетъ презрѣніе, и отъ связанной съ такою наукой *intellectuaille*.
